

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 (29)
2019

Главный редактор

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Заместители главного редактора:

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**

доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**

Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Р.С. Хакимов** – вице-президент АН РТ (Казань, Россия), **Х.А. Амирханов** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **И. Бальдауф** – доктор наук, профессор (Берлин, Германия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Казань, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия), **И. Фодор** – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия), **В.Л. Янин** – академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия), **В.С. Синика** – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Бурятия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай).

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

И.Л. Измайлов – доктор исторических наук (Казань, Россия)

С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:

М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

Индекс 80425, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство "РОСПЕЧАТЬ"

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2019

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2019

© Журнал «Поволжская археология», 2019

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanaev – Academician of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **R. S. Khakimov** – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation), **Kh. A. Amirkhanov** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), **I. Baldauf** – Doctor Habilitat, Professor (Berlin, Germany), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – PhD (Budapest, Hungary), **I. Fodor** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Budapest, Hungary), **V. L. Yanin** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Candidate of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China).

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue – Candidate of Historical Sciences **M. Sh. Galimova**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2019

© Mari State University, 2019

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сериков Ю.Б. (Нижний Тагил, Россия)</i> Мезолитические трапеции с боковыми выемками на территории Среднего Зауралья.....	8
<i>Морозов В.В. (Москва, Россия)</i> Лебединская II стоянка в Нижнем Прикамье (по материалам исследований А.Х. Халикова 1963 г.).....	21
<i>Лыганов А.В. (Казань, Россия)</i> Курманаковская IV стоянка финала энеолита и позднего бронзового века в нижнем течении реки Меша (предварительные результаты исследований).....	34
<i>Костомарова Ю.В. (Тюмень, Россия)</i> Реконструкция основных элементов экономики населения черкаскульской культуры позднего бронзового века лесостепного Притоболья.....	51
<i>Солдаткин Н.В. (Екатеринбург, Россия)</i> История изучения жилой среды синташтинско-петровских укрепленных поселений.....	65
<i>Горячев А.А. (Алматы, Казахстан)</i> Об устройстве поселений раннего железного века Жетысу	80
<i>Алтынбеков К., Железнякова В.Л., Алтынбекова Э.К. (Алматы, Казахстан)</i> Новый образец древнего искусства из Казахского Алтая	100
<i>Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. (Алматы, Казахстан)</i> Высокохудожественная вышивка в декоре конского снаряжения из элитного погребения в Казахском Алтае	115
<i>Чижевский А.А. (Казань, Россия), Пономаренко Е.В. (Оттава, Канада), Вязов Л.А., Хисметдинова А.А. (Казань, Россия), Блинников М.С. (Сент-Клауд, США)</i> Оборонительные сооружения и палеоландшафт Троицко-Урайского I городища.....	128
<i>Дашковский П.К. (Барнаул, Россия)</i> Радиоуглеродное датирование кургана пазырыкской культуры с предметами китайского импорта из могильника Чинета-II (Алтай).....	147
<i>Утубаев Ж.Р. (Алматы, Казахстан), Болелов С.Б. (Москва, Россия)</i> Новые данные к изучению культуры древних земледельцев в низовьях Сырдарьи	159
<i>Гавритухин И.О. (Москва, Россия), Астафьев А.Е. (Актау, Казахстан), Богданов Е.С. (Новосибирск, Россия)</i> Фибулы с поселения Каракабак (полуостров Мангышлак).....	170
<i>Казанцева О.А. (Ижевск, Россия)</i> Лицевые покрытия древнего населения I–V вв. бассейна Тулвы.....	190

*Мингалев В.В. (Пермь, Россия), Мингалева М.К. (Казань, Россия),
Перескоков М.Л. (Пермь, Россия)*
Бусы Мокинского могильника III–V/VI вв. н. э. в Пермском Прикамье202

Хроника

Галимова М.Ш. (Казань, Россия)
Юбилей Марии Александровны Очир-Горяевой.....222

Кабилова А.Ш., Чижевский А.А. (Казань, Россия)
К юбилею Гульшат Шарипзяновны Асылгараевой228

Кочкина А.Ф. (Самара, Россия), Вязов Л.А. (Казань, Россия)
К юбилею Дмитрия Алексеевича Сташенкова.....233

*Артюхова О.А. (Алматы, Казахстан),
Мамиров Т.Б. (Нур-Султан, Казахстан)*
Памяти А.Г. Медоева (к 85-летию исследователя
Каспийского региона от палеолита до современности)239

Список сокращений243

Правила для авторов245

CONTENTS

<i>Serikov Yu.B. (Nizhny Tagil, Russian Federation)</i> Geometrical Trapezes with Side Notches on the Territory of the Middle Trans-Urals	8
<i>Morozov V.V. (Moscow, Russian Federation)</i> Lebedino II Site in the Lower Kama Region (based on the materials of 1963 studies by A.Kh. Khalikov)	21
<i>Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation)</i> Kurmanakovo IV Site of the Final Eneolithic and Late Bronze Age in the Lower Reaches of the Mesha River (preliminary study results)	34
<i>Kostomarova Yu.V. (Tyumen, Russian Federation)</i> Reconstruction of Main Elements Economy of the Cherkaskul Population of the Late Bronze Age in the Forest-Steppe Tobol Region	51
<i>Soldatkin N.V. (Yekaterinburg, Russian Federation)</i> The History of the Study of Residential Space of the Sintashta-Petrovka Fortified Settlements	65
<i>Goriachev A.A. (Almaty, Kazakhstan)</i> Organization of Settlements of the Early Iron Age in Jetzsu.....	80
<i>Altynbekov K., Zheleznyakova V.L., Altynbekova E.K. (Almaty, Kazakhstan)</i> New Sample of Ancient Art from Kazakh Altay	100
<i>Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A. (Almaty, Kazakhstan)</i> Highly-Artistic Embroidery in the Decor of Horse Equipment from the Elite Burial in Kazakh Altay	115
<i>Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation), Ponomarenko E.V. (Ottawa, Canada), Vyazov L.A., Khisyametdinova A.A. (Kazan, Russian Federation), Blinnikov M.S. (St Cloud, USA)</i> Fortifications and Paleo-Landscape of the Troitskii Urai I Hillfort.....	128
<i>Dashkovskiy P.K. (Barnaul, Russian Federation)</i> Radiocarbon Dating of the Kurgan of the Pazyryk Culture with Chinese Imports of the Burial Ground Chineta II (Altay).....	147
<i>Utubaev Zh.R. (Almaty, Kazakhstan), Bolelov S.B. (Moscow, Russian Federation)</i> New Materials for Study the Culture of the Ancient Farmers in the Lower Reaches of the Syr Darya	159
<i>Gavritukhin I.O. (Moscow, Russian Federation), Astafiev A.E. (Aqtau, Kazakhstan), Bogdanov E.S. (Novosibirsk, Russian Federation)</i> Fibulae from the Settlement Karakabak (Mangystau Peninsula)	170
<i>Kazantseva O.A. (Izhevsk, Russian Federation)</i> Facial Covers of the Ancient Population 1 st –5 th Centuries from the Burial Grounds in the Tulva River Basin.....	190

Mingalev V.V. (Perm, Russian Federation), Mingaleva M.K. (Kazan, Russian Federation), Pereskokov M.L. (Perm, Russian Federation)
 Beads of the Mokino Cemetery (3th – 6th Centuries Ad) in Perm Region202

Chronicle

Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation)
 Anniversary of Maria Alexandrovna Ochir-Goryaeva.....222

Kabirova A.Sh., Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation)
 For the Anniversary of Gulshat Sharipzyanovna Asylgaraeva228

Kochkina A.F. (Samara, Russian Federation), Vyazov L.A. (Kazan, Russian Federation)
 For the Anniversary of Dmitry Alekseevich Stashenkov.....233

Artyukhova O.A. (Almaty, Kazakhstan), Mamirov T.B. (Nur-Sultan, Kazakhstan)
 In Memory of A.G. Medoev (dedicated to the 85th anniversary of the Caspian region researcher from the paleolithic to the present day)239

List of Abbreviations.243

Submissions.245

УДК 903.21(470.51/.54)

<https://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.8.20>

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАПЕЦИИ С БОКОВЫМИ ВЫЕМКАМИ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

© 2019 г. Ю.Б. Сериков

Геометрические микролиты являются наиболее значимыми категориями каменных изделий во всех периодах каменного века. В статье рассматриваются находки трапеций с боковыми выемками из 9 памятников, которые сосредоточены в горной части Среднего Зауралья. Причем, из 31 трапеции 23 экземпляра были найдены на четырех мезолитических памятниках в верхнем течении р. Туры. Трапеции имеют симметричную или слегка асимметричную форму и две боковые выемки. Изготовлены они часто на широких пластинах и вследствие этого имеют высокую форму. Ретушь, формирующая боковые выемки, практически всегда нанесена со стороны спинки. Изготовлены трапеции из разнообразных местных пород камня – кремня, кремнистого сланца, алевротуфа, халцедона, красно-зеленой и сургучной яшмы. По мнению автора, проникновение трапеций с боковыми выемками на территорию Среднего Зауралья происходило с запада по реке Чусовой и ее правым притокам. По этим рекам мезолитическое население с западного склона Урала прошло в верховья р. Туры, где, смешавшись с местным населением, оставило после себя материальную культуру, характеризующую новый локальный вариант.

Ключевые слова: археология, Среднее Зауралье, мезолит, трапеции с боковыми выемками, пути проникновения.

Геометрические микролиты, как и наконечники стрел, являются наиболее значимыми категориями каменных изделий во всех периодах каменного века. Именно поэтому они всегда интересовали исследователей Урала (Бадер, 1966; Матюшин, 1976; Сериков, 1998; 2008; Галимова, 2001; Карманов, 2002; Викторова, Сериков, 2013; Мельничук, Чурилов, 2016; 2018).

Двадцать лет назад в журнале «Российская археология» была опубликована статья автора «Геометрические микролиты Среднего Зауралья». Она содержала информацию о 154 геометрических микролитах, найденных на 30 памятниках (Сериков, 1998). К настоящему времени известно 216 геометрических микролитов, происходящих уже с 40 памятников (табл. 1). Анализ микролитов позво-

лил выделить 4 типа. Если исключить единственный треугольник с пещерного святилища на камне Дыроватом, то самым редким типом окажутся высокие трапеции с двумя боковыми выемками (II тип).

Находки геометрических микролитов II типа сосредоточены в горной части Среднего Зауралья. Представлен этот тип трапециями, которые имеют симметричную или слегка асимметричную форму и боковые выемки. Изготовлены они часто на широких пластинах и вследствие этого имеют высокую форму. Ширина пластин колеблется от 1 до 2,6 см, но преобладают изделия шириной 1,2–1,5 см. Ретушь, формирующая боковые выемки, практически всегда нанесена со стороны спинки. Изготовлены трапеции II типа из разнообразных местных пород камня – кремня, крем-

нистого сланца, алевротуфа, халцедона, сургучной и полосчатой (красно-зеленой) яшмы.

Поселение Уральские Зори I. Памятник открыт в 1984 г., а в 1985, 1986 и 1988 г. исследовался экспедицией Нижнетагильского государственного педагогического института под руководством Н.В. Варанкина.

Поселение находится на правом берегу р. Туры в 6 км к северо-западу от г. Кушва Свердловской обл. Площадь памятника составляет около 1000 кв. м. Раскопками исследована его центральная часть общей площадью 368 кв. м. Коллекция находок состоит из 3676 каменных изделий. Наиболее интересной и оригинальной серией мезолитического комплекса являются геометрические микролиты в виде трапеций – 15 экз. Из них 14 экз. представляют собой высокие трапеции с двумя боковыми выемками (рис. 1: 1–13).

Девять трапеций практически целые, только у четырех изделий отломаны уголки. Одна трапеция склеилась из двух обломков (рис. 1: 3). Интересно, что ретушь, оформляющая одну из сторон сломанной трапеции, идет ступенькой. Это свидетельствует о том, что после разрушения трапеции ее боковой край дополнительно обработали ретушью. Кроме целых экземпляров одна трапеция расколота вдоль (рис. 1: 12). Также сохранилось два отколотых кончика (рис. 1: 11, 13). Разрушение выступающих кончиков может свидетельствовать о том, что трапеции данного типа использовались в качестве поперечно-лезвийных наконечников стрел. Все трапеции имеют по две более или менее хорошо выраженные боковые выемки, оформленные крутой, почти перпендикулярной ретушью со стороны спинки

(рис. 1: 2–10). Только у одной трапеции одна боковая выемка обработана ретушью со спинки, а вторая – ретушью с брюшка (рис. 1: 1). Она выполнена на пластине серо-зеленоватого алевротуфа шириной 2,7 см. Самая крупная трапеция длиной 3,7 см изготовлена на пластине полосчатой (красно-зеленой) яшмы шириной 2,7 см (рис. 1: 2). Остальные трапеции (8 экз.) изготовлены на пластинах шириной от 1 до 1,8 см (рис. 1: 3–10). Десять трапеций имеют высокую симметричную форму. Одна трапеция асимметрична, но не выпадает из круга трапеций данного типа (рис. 1: 4). Изготовлены трапеции из красно-зеленой яшмы (3 экз.), местного алевротуфа (3 экз.), сургучной яшмы (2 экз.), халцедона (1 экз.) и кремнистых сланцев (5 экз.) (Сериков, 2000, с. 141–152).

Поселение Уральские Зори V. Открыто автором в 1986 г. Исследовалось экспедицией Нижнетагильского пединститута в 1990 г. под его же руководством.

Поселение находится на левом берегу Верхне-Туринского пруда в 7 км к северо-западу от г. Кушва. Площадь памятника составляет не менее 900 кв. м. Раскопом площадью 120 кв. м исследована центральная часть памятника. Коллекция находок состоит из 10384 каменных изделий.

Наиболее интересными изделиями являются геометрические микролиты – 10 экз. Из них шесть представлены высокими трапециями с двумя боковыми выемками. Только одна трапеция целая. Изготовлена она из серо-зеленоватого кремнистого сланца (рис. 1: 17). Из трех фрагментов удалось реставрировать еще одну трапецию из качественного темно-коричневого кремня (рис. 1: 16). У третьей

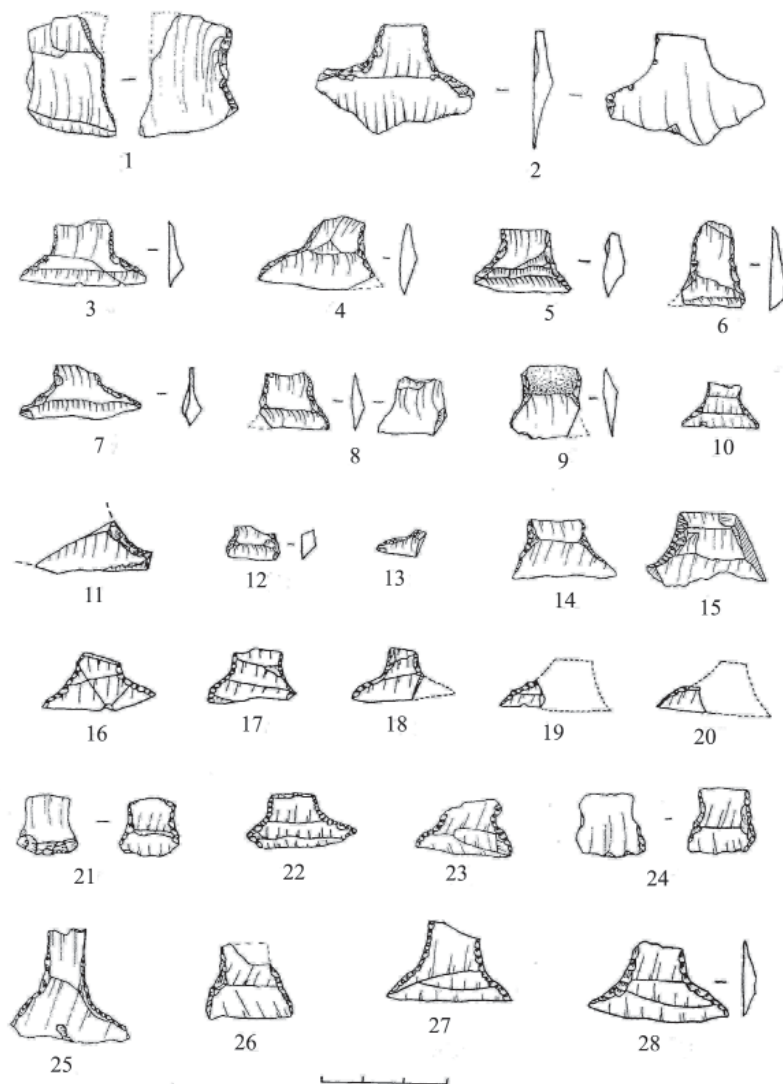


Рис. 1. Трапеции с боковыми выемками. 1–13 – Уральские Зори I; 14–15 – Гаревая II; 16–20 – Уральские Зори V; 21 – Сулем II; 22 – Ашка II; 23 – Новая II; 24, 25, 27 – III-я Береговая; 28 – Аракаево VIII.

Fig. 1. Trapezes with side notches. 1–13 – Uralskije Zory I; 14–15 – Garevaia II; 16–20 – Uralskije Zory V; 21 – Sulem II; 22 – Ashka II; 23 – Novaia II; 24, 25, 27 – Beregovaia III; 28 – Arakaevo VIII.

трапеции, изготовленной из темно-серого кремнистого сланца, отсутствует уголок (рис. 1: 18). Длина трапеций 2,5–1,7–1,9 см, высота соответственно 1,3–1,2–1,1 см. Также к трапециям следует отнести два отломанных уголка (рис. 1: 19, 20). Именно такого уголка не хватает у третьей трапеции.

Еще один обломок трапеции является фрагментом ее верхней части. Все трапеции с боковыми выемками обработаны ретушью со стороны спинки. Длинные края трапеций несут на себе следы использования в виде ретуши утилизации (Сериков, 2000, с. 169–179).

Поселение Гаревая II. Открыто в 1981 г. разведывательной группой экспедиции Уральского государственного университета под руководством автора. Исследовалось раскопками в 1985 и 1988 г. экспедицией Нижнетагильского пединститута под руководством Н.В. Варанкина.

Поселение находится на правом берегу р. Туры в 0,5 км ниже по течению от места впадения в Туру р. Ближняя Гаревка, в 6 км к северо-западу от г. Кушва. Площадь поселения не превышает 400 кв. м. Раскопками исследована центральная часть памятника общей площадью 112 кв. м. Коллекция находок состоит из 1142 каменных изделий.

Среди них имеется два геометрических микролита, представляющие собой высокие трапеции с боковыми выемками. Одна из трапеций сломана или не закончена в обработке: ретушью обработан только один конец (рис. 1: 15). Вторая трапеция имеет слегка асимметричную форму и обработанные крутой ретушью боковые края (рис. 1: 14). Изготовлены трапеции на пластинах шириной 1,6 и 1,3 см. Длина трапеций соответственно 2,7 и 2,3 см. Обе они изготовлены из кремнистого сланца (Сериков, 2000, с. 134–141).

Стоянка Новая II. Находится в верхнем течении р. Туры на ее левом берегу. В шурфе найдена трапеция с двумя выемками, изготовленная из редкой в Среднем Зауралье кремевой яшмы. Длина трапеции 2,4 см, высота – 1,4 см. Обе выемки обработаны ретушью со спинки. Один край выемки имеет слегка нависающий выступ (рис. 1: 23).

Стоянка Сулём II. Памятник открыт автором в 1987 г. при обследовании места находки бронзовых кельта

и копья в черте пос. Сулем Пригородного района Свердловской обл.

Стоянка расположена на левом устьевом мысу р. Сулем при впадении ее в р. Чусовую. Здесь на распаханном огороде собрано 73 каменных изделия, в том числе трапеция с двумя боковыми выемками. Отличие данной трапеции от всех остальных состоит в том, что длинная ее сторона со стороны брюшка обработана уплощающей ретушью (рис. 1: 21).

Стоянка Ашка I. Памятник открыт в 1979 г. Нижнетагильским отрядом Уральской археологической экспедиции под руководством автора.

Находится он на высоком (12 м) устьевом мысу правого берега р. Ашки при впадении ее в р. Межевая Утка, которая в свою очередь является правым притоком реки Чусовой. Стоянка располагается в 3 км к северо-западу от с. Висимо-Уткинск Пригородного района Свердловской обл. В шурфе на стрелке мыса найдена керамика с гребенчатым орнаментом и каменные изделия в виде микропластинок и отщепов (89 экз.). Там же обнаружена и трапеция с боковыми выемками, изготовленная из полосчатой (красно-зеленой) яшмы. Выемки обработаны мелкой ретушью со спинки. Интересно отметить, что такая же ретушь придает уголкам трапеции заметную скошенность (рис. 1: 22).

Аракаево VIII. Аракаевская пещера находится в 4,5 км северо-восточней д. Аракаево, ниже по течению р. Серга (правый приток р. Уфы, Нижнесергинский район Свердловской обл.). Кроме костей животных в пещере найдены сечение микропластинки из халцедона и довольно крупная (3,1×1,6×0,3 см) трапеция с двумя боковыми выемками, изготовленная из красно-зеленой

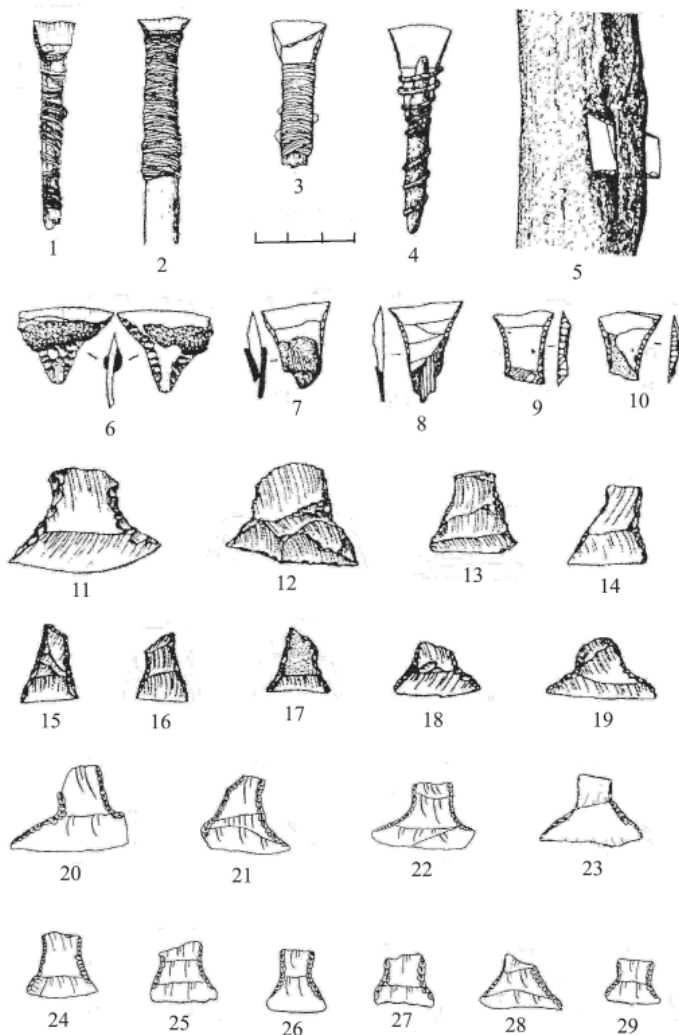


Рис. 2. Высокие трапеции с выемками (1–4 – способы крепления трапеций в древках стрел (по: Нужный, 1984; 2008); 5 – ребро лося, пробитое высокой трапецией (по: Нужный, 2008); 6–10 – трапеции с остатками смолы (по: Нужный, 1984; 2008); 11–19 – трапеции усть-камской культуры (по: Галимова, 2001); 20–29 – трапеции Пермского Приуралья (по: Мельничук, Чурилов, 2018) (1 – Фиони; 2 – Эйсинг; 3 – Дания; 4 – Нордендитмарш; 5 – Аамозе; 6 – Эголзвил; 7, 8 – могильник Осторф; 9, 10 – Фрисаку 4; 11, 15 – Косяковская; 12, 13, 16, 17 – Тетюшская; 14 – Камское Устье; 18 – Семеновская; 19 – Беганчик; 20–22, 28 – Усть-Сылва; 23 – Огурдино; 24 – Пеньки; 25–27, 29 – Шумково).

Fig. 2. High trapezes with notches. 1–4 – ways of attachment trapezes into the arrow shafts (after: Nuzhnyi, 1984; 2008); 5 – the moose rib perforated with a high trapeze (after: Nuzhnyi, 2008); 6–10 – trapezes with the remnants of the resin (after: Nuzhnyi, 1984; 2008); 11–19 – trapezes of Ust-Kamskaiia culture (after: Galimova, 2001); 20–29 – trapezes of the Perm Urals (after: Melnichuk, Churilov, 2018) (1 – Fiony; 2 – Eising; 3 – Denmark; 4 – Nordendit-marsh; 5 – Aamozer; 6 – Egozvil; 7, 8 – burial site Ostorf; 9, 10 – Frisaku 4; 11, 15 – Kosiakovskaia; 12, 13, 16, 17 – Tetushskaia; 14 – Kamskoie Ustie; 18 – Semenovskaia; 19 – Beganchik; 20–22, 28 – Ust-Sylva; 23 – Ogurdino; 24 – Penky; 25–27, 29 – Shumkovo).

яшмы (рис. 1: 28) (Широков, 1994, рис. 1: 2).

Трапеции в пещерах находят нечасто. Кроме Камня Дыроватого (80 трапедий) и Аракаево VIII находка трапеции известна еще в Кумышанской пещере (р. Чусовая). Но данная трапеция относится к редко встречаемому на территории Среднего Зауралья II типу геометрических микролитов.

Святылище Три Сестры. Открыто в 1997 г. разведывательным отрядом экспедиции Нижнетагильского пединститута под руководством О.П. Мищенко. Исследовалось ею же в 1998–2001 гг.

Святылище расположено на вершине горы, на трех гранитных останцах – «Три Сестры» – высотой до 20 м, которые находятся в 3,5 км к востоку от берега Верх-Нейвинского пруда (Невьянский район Свердловской обл.). Памятник исследован практически полностью. Коллекция находок содержит 2311 изделий. Основной комплекс относится к раннему железному веку и средневековью (Мищенко, 2002, с. 154–155).

Среди находок выявлена трапеция с двумя боковыми выемками длиной 2 см и высотой 1,6 см. У трапеции отколот верхний уголок (рис. 1: 26). Изготовлена она из серого мелового кремня.

Поскольку на святылище присутствуют материалы только раннего железного века и средневековья, можно предположить, что находка трапеции связана с сакрализацией местным населением древних изделий. Этнографы отмечают, что у многих северных народов было широко распространено использование в культовой практике археологических артефактов. По тем или иным причинам они относили археологические находки как пред-

меты необычные к миру сверхъестественных сил (Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 109, 140, 162). Видимо, и данная трапеция была принесена на святылище в качестве сакрального предмета.

Стоянка Береговая III. Памятник открыт в 1976 г. Нижнетагильским отрядом Уральской археологической экспедиции под руководством автора. Исследовался отрядом экспедиции Нижнетагильского пединститута под руководством П.К. Халяева в 1979–1994 гг. (с перерывами).

Стоянка находится на северо-восточном берегу Горбуновского торфяника (Пригородный р-н Свердловской обл.). Она занимает каменистый выступ коренного берега высотой до 5 м. Памятник исследован полностью на площади около 500 кв. м. Коллекция находок состоит из 12238 фрагментов керамики и каменных изделий, которые датируются в широком диапазоне от мезолита до раннего железа (Сериков, 1984, с. 103–104).

При обработке коллекции автором обнаружено четыре трапеции с боковыми выемками. Первая трапеция небольшого размера изготовлена из качественного кремнистого сланца (рис. 1: 24). Вторая трапеция выполнена на пластине красно-зеленой яшмы шириной до 2,6 см и длиной всего 2,9 см. Обе выемки образованы крутой ретушью со спинки (рис. 1: 25). Сломанный уголок изделия и выкрошенность широкой стороны трапеции свидетельствует об использовании ее в качестве поперечно-лезвийного наконечника стрелы. Третья трапеция также изготовлена на широкой (1,8 см) пластине черного кремня. Боковые выемки обработаны ретушью со спинки. Верхний уголок трапеции отломан (рис. 1: 27). Четвертая трапеция высотой 1,5 см расколота вдоль.

Изготовлена она на пластине сургучной яшмы.

В настоящее время доказано, что высокие трапеции с боковыми выемками использовались в качестве поперечно-лезвийных наконечников стрел. В Дании на острове Фиони (рис. 2: 1) и в Эйсинге (рис. 2: 2) на полуострове Ютландия были найдены высокие трапеции, вставленные в расщеп деревянного древка. Причем трапеция с острова была закреплена в древке при помощи шнура из коры липы (Нужный, 1984, рис. 1: 1, 4). Такая же трапеция, вставленная в древко стрелы, обнаружена и в Германии (Нордендитмарш) (рис. 2: 4). Также в Дании в болоте Аамозе найдено ребро лося с застрявшей в нем высокой трапецией (рис. 2: 5) (Нужный, 2008, рис. 11: 2). Высокие трапеции с выемками, на которых сохранилось смолистое вещество, обнаружены в Германии (Фрисаку 4) (рис. 2: 9–10) и в Швейцарии (Эгольвил) (рис. 2: 6) (Нужный, 2008, рис. 11: 9–11; 1984, рис. 1: 3). А в могильнике Осторф (Германия) на трапециях сохранились не только смола, но и остатки древков (рис. 2: 7, 8) (Нужный, 2008, рис. 11: 12–13). Исследование макроследов использования на высоких трапециях с выемками показывает их полное соответствие характеру изношенности на экспериментальных поперечно-лезвийных наконечниках стрел (Нужный, 1992, рис. 35: 16–19). Поэтому функциональное назначение высоких трапеций с выемками не должно вызывать сомнений. Причем применялись они для охоты на крупных животных. Д.Ю. Нужный подчеркивает, что «долотовидное острие оставляло не только широкую рану, но и перерубало встречающиеся на пути мышцы, сухожилия и мелкие кости животного»

(Нужный, 1984, с. 27). Эффективность поперечно-лезвийных наконечников стрел убедительно доказана экспериментами А. Фишера. При прямом выстреле с 10 м 12 стрел из 16 выпущенных пробили грудную клетку овцы навывлет. Еще три застряли в грудной клетке. Таким образом, 15 из 16 выстрелов могли быть смертельными для животного (Fischer, 1989, p. 37).

В этом плане представляет интерес самая крупная трапеция с Уральских Зорей I. Она выполнена на широкой пластине с извилистым боковым краем. Этот выступ на длинной стороне трапеции стал частью поперечно-лезвийного наконечника стрелы в качестве ударной (режущей) его части (рис. 1: 1). Любопытен и контекст залегания самой большой серии (14 экз.) высоких трапеций с боковыми выемками на этом памятнике. Все они происходят с памятника, появление которого на берегах Туры связано с весенней поволокой на лося или северного оленя (Сериков, 2000, с. 151). На многих из них присутствуют диагностические для функции наконечников стрел макроследы использования – боковые резцовые сколы и плоские фасетки со ступенчатым окончанием (Лозовская, 1994, с. 159, 160, 164).

Распространение и хронология высоких трапеций с боковыми выемками на территории Восточной Европы детально рассмотрена М.Ш. Галимовой (Галимова, 2001). Они известны в целом ряде культур раннего мезолита. Наиболее близкой к Уралу является усть-камская культура, которая объединила три хронологические группы памятников от верхнего палеолита до мезолита (Галимова, 2001a). По размерам и техни-

ке изготовления трапеции с выемками усть-камской культуры (рис. 2: 11–19) ничем не отличаются от аналогичных трапеций Среднего Приуралья (рис. 2: 20–29) и Зауралья (рис. 1: 1–28). Единственное отличие, возможно, состоит в том, что большая часть усть-камских трапеций изготовлены на двухгранных пластинах – 61%. В то время как приуральские трапеции дают соотношение 48% и 52%. А среди трапеций Среднего Зауралья на двухгранных пластинах выполнено всего 35% трапеций.

Откуда же продвинулись мезолитическое население с выемчатыми трапециями на территорию Среднего Зауралья? На Южном Урале мезолит изучен достаточно полно и широко. Однако в монографии Г.Н. Матюшина описаны лишь две трапеции высокой формы с боковыми выемками (на поселении Мурат и мысе Безымянном; кстати, обе трапеции выполнены на трехгранных пластинах) (Матюшин, 1976, табл. 19: 5; 44: 8). От верхнетуринских трапеций они отличаются тем, что выемки на их боковых сторонах лишь слегка обозначены, тогда как на туринских выражены рельефно.

Следует подчеркнуть, что 23 трапеции с выемками найдены на четырех мезолитических памятниках в верховьях р. Туры. Причем группировались они вокруг небольшого торфяника (бывшего проточного озера) на протяжении 10 км. От остальных мезолитических памятников Среднего Зауралья туринские памятники отличаются наличием высоких трапеций с боковыми выемками и архаичных боковых (поперечно-ретушных) резцов. Необходимо отметить и полное отсутствие низких асимметричных трапеций с одной боковой выемкой,

которые известны в количестве 74 экз. на 20 памятниках (табл. 1). По всем остальным параметрам верхнетуринские комплексы несколько не выпадают из круга памятников среднезауральской мезолитической культуры (Сериков, 2000, с. 186–191).

Необходимо отметить, что верховья Туры близко подходят к верховьям рек Серебрянка, Межевая Утка и Койва, которые являются правыми притоками р. Чусовая. А Чусовая – единственная река, которая пересекает Уральский хребет с востока на запад. Именно на западном склоне Среднего Урала мы находим аналогии верхнетуринским материалам. Одним из ранних памятников, относящихся к рубежу плейстоцена и голоцена, является стоянка Горная Талица в нижнем течении р. Чусовая. С туринскими памятниками ее объединяет график ширины пластин, наличие боковых резцов, изготовленных на широких пластинах, присутствие изделий, напоминающих геометрические микролиты, большое количество (16%) изделий из сургучной и красно-зеленой яшмы (Мельничук, Павлов, 1987, с. 9–13). Отличаются туринские комплексы от Горной Талицы полным отсутствием «чешуйчатых», шипообразных и выемчатых изделий. Это и не дает возможности соотнести данные комплексы по времени. Пока можно говорить об общей или близкой линии развития.

Также на Чусовой расположены поселение Усть-Сылва и стоянка Пеньки, с материалами которых туринские комплексы имеют большое сходство. Оно состоит в большей средней ширине пластин, в присутствии архаичных боковых резцов на пластинах и в наличии высоких трапеций с боковыми выемками (соот-

Таблица 1

Геометрические микролиты Среднего Зауралья

	Памятники	Типы				Всего
		I	II	III	IV	
1.	Амбарка	1	-	-	-	1
2.	Аракаево VIII	-	1	-	-	1
3.	Атымья IV	-	-	1	-	1
4.	Ашка I	-	1	-	-	1
5.	Баранча II	1	-	-	-	1
6.	Береговая III	-	4	-	-	4
7.	Береговая VI	-	-	1	-	1
8.	Второй поселок I	1	-	-	-	1
9.	Выйка I	-	-	1	-	1
10.	Выйка II	4	-	-	-	4
11.	Гаревая II	-	2	-	-	2
12.	Дыроватый камень	63	-	17	1	81
13.	Калмацкий Брод	-	-	4	-	4
14.	Кокшарово I	-	-	1	-	1
15.	Кокшарово VII	2	-	-	-	2
16.	Кокшаровский холм	1	-	-	-	1
17.	Кокшаровско-Юрьинская I	4	-	-	-	4
18.	Кокшаровско-Юрьинская II	-	-	1	-	1
19.	Крутяки I	6	-	2	-	8
20.	Кумьшанская пещера	-	-	1	-	1
21.	Лиственный мыс	-	-	1	-	1
22.	Малая Горка II	1	-	-	-	1
23.	Новая II	-	1	-	-	1
24.	Островок с горшками	-	-	1	-	1
25.	Островок с горшками II	-	-	1	-	1
26.	Палатки I	-	-	26	-	26
27.	Полуденка I	2	-	-	-	2
28.	Полуденка II	-	-	1	-	1
29.	Полуденка VI	1	-	-	-	1
30.	Серый Камень	1	-	1	-	2
31.	Сулем II	-	1	-	-	1
32.	Сухрино III	-	-	1	-	1
33.	Три Сестры	-	1	-	-	1
34.	Уральские Зори I	1	14	-	-	15
35.	Уральские Зори V	4	6	-	-	10
36.	Уральские Зори XI	15	-	-	-	15
37.	Шайтанское Озеро I	2	-	9	-	11
38.	Шайтанское Озеро II	-	-	2	-	2
39.	Шайтанское Озеро III	-	-	1	-	1
40.	Шигирский Исток III	-	-	1	-	1
41.	Всего:	110	31	74	1	216

Тип I – геометрические микролиты в виде симметричных или асимметричных трапеций, прямоугольников и параллелограммов, изготовленных на мелких и узких пластинках.

Тип II – геометрические микролиты в виде высоких симметричных или асимметричных трапеций с двумя боковыми выемками.

Тип III – геометрические микролиты в виде низких вытянутых асимметричных трапеций с одной боковой выемкой.

Тип IV – геометрический микролит в виде низкого асимметричного треугольника.

ветственно 6 и 1 экз.). (Мельничук, Чурилов, 2018, рис. 6: 1–20; 7: 1–18). Приведенные факты в сочетании с особенностями географического расположения памятников, описанными выше, могут свидетельствовать если не о прямых перемещениях населения с территории Среднего Приуралья, то о достаточно тесных контактах с ним.

Исследования последних лет заметно изменили соотношение трапещей с выемками на территории Приуралья и Зауралья. Если раньше выемчатые трапещи в Среднем Приуралье преобладали, то в настоящее время их количество в двух регионах сравнялось. На территории Пермского Приуралья известно 26 высоких трапещей с двумя выемками, происходящие с десяти памятников (Мельничук, Чурилов, 2018, с. 102–104; рис. 1: 1–26). В Среднем Зауралье 31 выемчатая трапещия найдена на девяти памятниках.

Проникновение высоких трапещей с боковыми выемками на территорию Среднего Зауралья происходило с запада, скорее всего, по р. Чусовой. На стоянке Сулем II, расположенной на правом берегу р. Чусовой, известна такая трапещия (рис. 1: 21). Однако в крупнейшем святилище Среднего Урала на камне Дыроватом, которое «обслуживало» громадную территорию от истоков до устья Чусовой, среди 80 трапещей всевозможных типов нет ни одной высокой трапещи с боковыми выемками (табл. 1). Поэтому, возможно, их проникновение в Зауралье происходило не столько по Чусовой, сколько по ее притокам. И действительно, в среднем течении Межевой Утки (правом притоке Чусовой) на стоянке Ашка I найдена трапещия с боковыми выемками, из-

готовленная из полосчатой (красно-зеленой) яшмы (рис. 1: 22).

Таким образом, можно предполагать проникновение мезолитического населения с западного склона Среднего Урала на восточный. Эти проникновения происходили по трансуральской магистрали древности – реке Чусовой. По Чусовой и ее правым притокам приуральское население проникло в верховья р. Тура, где, смешавшись с местным населением, оставило после себя материальную культуру, характеризующую верхнетуринский локальный вариант.

Пока неясно появление выемчатых трапещей в Аракаевской пещере, скалах Три Сестры и III Береговой стоянке Горбуновского торфяника. Если единичные находки трапещей на скалах и в пещере можно объяснить случайными контактами, то четыре трапещи с Горбуновского торфяника невозможно отнести к случайным контактам. На берегах Горбуновского торфяника известно девять мезолитических памятников. На четырех из них (II, III, VI Береговых стоянках и поселении Серый Камень) раскопками получены значительные мезолитические комплексы – соответственно 5400 экз. – 5500 экз. – 3700 экз. – 8900 экз. Но высокие трапещи с боковыми выемками присутствуют только на III Береговой стоянке. Кстати, на ней же выявлен боковой (косо-ретушный) резец на массивной пластине черного кремня, полностью аналогичный резцам на верхнетуринских памятниках. Горбуновский торфяник находится в бассейне р. Тагил, которая является правым притоком р. Туры. Но устье Тагила находится на расстоянии около 300 км к северо-востоку от торфяника. Видимо, были

и другие пути проникновения древне- Баранче, которая является левым при- го населения с западного склона Ура- током Тагила, и исток которой распо- ла на восточный. Например, по реке лагается недалеко от истока Туры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадер О.Н.* Мезолит лесного Приуралья и некоторые вопросы изучения мезолита // У истоков древних культур (эпоха мезолита) / МИА. № 126 / Ред. Н.Н. Гурина. М.: Изд-во АН СССР, 1966. С. 194–205.
2. *Викторова В.Д., Сериков Ю.Б.* Мезолитические наконечники стрел и геометрические микролиты с памятников Шайтанского и Романовского озер (Среднее Зауралье) // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества. XIV Бадеровские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. С. 129–135.
3. *Галимова М.Ш.* Мезолитические культуры с трапециями в бассейнах Волги и Днепра: Проблемы происхождения и исторических судеб. Научный доклад. Казань: Школа, 2001. 17 с.
4. *Галимова М.Ш.* Памятники позднего палеолита и мезолита в устье Камы. Москва–Казань: Янус-К, 2001а. 267 с.
5. *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси (культовые места XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
6. *Карманов В.Н.* Памятники с трапециями на европейском Северо-Востоке // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 91–98.
7. *Лозовская О.В.* К вопросу о трасологических признаках составного метательного оружия // Экспериментально-трасологические исследования в археологии / Отв. ред. Г.Ф. Коробкова. СПб.: Наука, 1994. С. 157–167.
8. *Матюшин Г.Н.* Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 368 с.
9. *Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю.* Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: НИИ при Совете министров Удмуртской АССР, 1987. С. 5–18.
10. *Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В.* Памятники с геометрическими микролитами в финальном палеолите и раннем мезолите Пермского Предуралья // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Удмуртский университет, 2016. С. 74–77.
11. *Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В.* Памятники финального палеолита и раннего мезолита Пермского Предуралья с геометрическими микролитами // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Материалы 18-го–20-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2018. С. 101–121.
12. *Миценко О.П.* Среднезауральское святилище Три Сестры // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов / Ред. А.В. Головнев. Ханты-Мансийск–Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 154–155.
13. *Нужный Д.Ю.* Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців. Київ: КНТ, 2008. 308 с.
14. *Нужный Д.Ю.* Об использовании острей и геометрических микролитов // Материалы каменного века на территории Украины / Отв. ред. Д.Я. Телегин. Киев: Наукова думка, 1984. С. 23–36.
15. *Сериков Ю.Б.* Геометрические микролиты Среднего Зауралья // РА. 1998. № 1. С. 117–125.

16. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил: НТГСПА, 2000. 430 с.

17. Сериков Ю.Б. Новые находки геометрических микролитов в Среднем Зауралье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Университет и историко-культурное наследие региона / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2008. Вып. V. С. 97–100.

18. Широков В.Н. Мезолитические находки в пещерах долины реки Серги (Средний Урал) // Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья. Материалы докладов Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В.В. Шилов. Березники, 1994. С. 19–20.

19. Fischer A. Hunting with Flint-Tipped Arrows: Result and Experiences from Practical Experiments // The Mesolithic in Europe: Third International Symposium. Edinburgh, 1985. John Publishers Ltd. Edinburgh, 1989.

Информация об авторе:

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета) (г. Нижний Тагил, Россия); u.b.serikov@mail.ru

GEOMETRICAL TRAPEZES WITH SIDE NOTCHES ON THE TERRITORY OF THE MIDDLE TRANS-URALS

Yu.B. Serikov

Geometrical microliths are the most significant categories of stone implements during all periods of the Stone Age. Finds of trapezes with side notches are considered in the paper. 31 trapezes were found on 9 sites concentrated in the mounting part of Middle trans-Urals. Among them 23 trapezes were found on four Mesolithic sites in the upper reaches of Tura River. Trapezes have symmetrical or slightly asymmetrical form and two side notches. Often these implements were produced on the wide blades and therefore have been characterized with “high form”. The retouch which forms side notches practically always was applied from the back side. The trapezes were made of different local types of stone – flint, chert flint, alevrotuff, chalcedony, red-green and sealing jasper. According to the author, trapezes with side notches penetrated to the territory of Middle trans-Urals from the West along the Chusovaya River and its right tributaries. On these rivers the Mesolithic population from the Western slope of the Urals passed to the upper reaches of the river Tura. There alien population mixed with the native people and left after itself the material culture which was characterized as a new variant of this culture.

Keywords: archaeology, Middle trans-Urals, Mesolithic, trapezes with side notches, ways of penetration.

REFERENCES

1. Bader O. N. 1966. In Gurina, N. N. (ed.). *Mezolit lesnogo Priural'ia i nekotorye obshchie voprosy izucheniia mezolita (Mesolithic of the forest area of Urals and some general issues about the Mesolithic studies)*. Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology). 126. Moscow–Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

2. Viktorova, V. D., Serikov, Yu. B. 2013. In: Chernykh, E. M. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie – resurs formirovaniia sotsial'no-istoricheskoi pamiati grazhdanskogo obshchestva (XIV-e Baderovskie chteniia): Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (History and cultural heritage as a resource of creation of social-historic memory of civic society (14th Bader's readings): The proceedings of all-Russia scientific and practical conference)*. Izhevsk: Udmurtia University Publ., 129–135. (in Russian).

3. Galimova, M. Sh. 2001. *Mezoliticheskie kul'tury s trapetsiiami v basseinakh Volgi i Dnepra: Problemy proiskhozhdeniia i istoricheskikh sudeb (Mesolithic cultures with trapezes in the riverbasin Volga and Dnepr: Issues of origination and historical destinies)*. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

4. Galimova, M. Sh. 2001. *Pamiatniki pozdnego paleolita i mezolita v ust'e reki Kamy (Late Paleolithic and Mesolithic Sites in the Mouth of the Kama River)*. Moscow; Kazan: "Ianus-K" Publ. (in Russian).
5. Gemuev, I. N., Sagalaev, A. M. 1986. *Religiia naroda mansi (kul'tovye mesta XIX – nachalo XX v.) (Religion of the Mansi people (cultic places of 19th – beginning of 20th c.))*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Karmanov, V. N. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: Tver State United Museum, 91–98 (in Russian).
7. Lozovskaya, O. V. 1994. In Korobkova, G. F. (ed.). *Eksperimental'no-trasologicheskie issledovaniia v arkheologii (Experimental and Use-Wear Studies in Archaeology)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 157–167 (in Russian).
8. Matiushin, G. N. 1976. *Mezolit Iuzhnogo Urala (Mesolithic of the Southern Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Mel'nichuk, A. F., Pavlov, P. Yu. 1987. In: Nagovitsin, L. A. (ed.). *Problemy izucheniia drevnei istorii Udmurtii (Issues of Studying the Ancient History of Udmurtia)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 5–18 (in Russian).
10. Mel'nichuk, A. F., Churilov, E. V. 2016. In: Chernykh, E. M. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniuu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchaniie): Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii (Archeological heritage of the Urals: from the first discoveries to fundamental scientific knowledge (XX Ural archeological meeting): The materials of all-Russia (with international participation) scientific conference)*. Izhevsk: Udmurtia University, 74–77 (in Russian).
11. Mel'nichuk, A. F., Churilov, E. V. 2018. In: Tchernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 11. Tver: "Triada" Publ., 101–121 (in Russian).
12. Mishchenko, O. P. 2002. In: Golovnev, A. V. (ed.). *Severnyi arkheologicheskii kongress (North Archaeological Congress)*. Khanty-Mansiisk – Ekaterinburg: "Akademkniga" Publ., 154–155 (in Russian).
13. Nuzhnii, D. Yu. 2008. *Rozvitok mikrolitichnoi tekhniki v kam'ianomu vitsi: udoskonalennia zbroii pervisnikh mislivtsev (Development of microlithic technique in Stone Age: improvement of weapon of primeval hunters)*. Kiev: "KNT" Publ. (in Ukrainian).
14. Nuzhnyi, D. Yu. 1984. In: Telegin, D. Ya. (ed.). *Materialy kamennogo veka na territorii Ukrainy. (Materials of Stone Age on the territory of Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 23–36 (in Russian).
15. Serikov, Yu. B. 1998. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 117–125 (in Russian).
16. Serikov, Yu. B. 2000. *Paleolit i mezolit Srednego Zaural'ia (Paleolithic and Mesolithic of the Middle Transurals)* Nizhnyi Tagil: Nizhnyi Tagil State Social Pedagogical Academy (in Russian).
17. Serikov, Yu. B. 2008. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 5. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 97–100 (in Russian).
18. Shirokov, V. N. 1994. In: Shilov, V. V. (ed.). *Problemy voprosy istorii, kul'tury, obrazovaniia, ekonomiki Severnogo Prikam'ia. Materialy dokladov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Problem questions of the history, culture, education, economy of Northern Kama. Report materials of all-Russia scientific and practical conference)*. Berezniki, 19–20 (in Russian).
19. Fischer, A. 1989. In *The Mesolithic in Europe: Third International Symposium. Edinburgh, 1985*. Edinburgh: John Publishers Ltd., 29–39.

About the Author:

Serikov Yuri B. Doctor of Historical Sciences, Nizhny Tagil State Social-Pedagogical Institute (Branch of Russian State Professional-Pedagogical University). Krasnogvardeyskaya str., 57, Nizhny Tagil, 622031, Sverdlovsk region, Russian Federation; u.b.serikov@mail.ru

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

ЛЕБЕДИНСКАЯ II СТОЯНКА В НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ А.Х. ХАЛИКОВА 1963 Г.)

© 2019 г. В.В. Морозов

Лебединская II стоянка, раскопанная А.Х. Халиковым в 1963 г., является единственным однослойным археологическим памятником эпохи неолита в Нижнем Прикамье, исследованным стационарными раскопками. Материальную культуру стоянки характеризуют керамика и кремневый инвентарь камской культуры на развитом этапе. К сожалению, самим исследователем материалы раскопок не были опубликованы в полном объеме, в то время как они представляют значительный интерес для понимания процессов развития материальной культуры неолита Нижнего Прикамья. Введение в научный оборот неопубликованных ранее материалов исследования Лебединской II стоянки позволяет устранить этот досадный пробел. На сегодняшний день по керамике Лебединской II стоянки получена лишь одна радиоуглеродная дата, которую исследователи признают несколько омоложенной. Судя по обширным аналогиям в Прикамье и радиоуглеродным датам, полученным по различным органогенным материалам, носители камской культуры, оставившие Лебединскую II стоянку, обитали на этой территории на протяжении 400 лет между 5000–4600 cal BC.

Ключевые слова: археология, Нижнее Прикамье, неолит, керамика, каменный инвентарь, камская культура, жилище, А.Х. Халиков, архив, полевой дневник.

Огромная полевая загруженность А.Х. Халикова в начале 60-х гг. XX в., когда полевой сезон иногда продолжался до восьми месяцев. Причину этому сам исследователь отметил в одном из своих дневников: «... в 1956–57 гг. заполнилось огромное ложе Куйбышевского водохранилища, (...), археологи полагали, что они уже исследовали основные археологические памятники, расположенные по берегам Волги и Камы в пределах будущего моря... Но все надежды археологов не оправдались, как определили позднее – только в пределах Татарии оказались под водой сотни не только не исследованных, но даже вообще не известных в науке памятников...» (Предварительный отчет об..., 1964, л. 2).

Полевой сезон 1963 г. у А.Х. Халикова продолжался с конца марта и по конец ноября. В июле были проведены

работы на Лебединской I–II стоянках, а зимой начал составляться предварительный отчет: произведена работа с коллекцией, выполнены зарисовки найденных предметов, проведена реконструкция неолитических сосудов (причем некоторые из них удалось собрать полностью), составлены статистические таблицы. В результате, по каким-то причинам, отчет о полевых работах на Лебединской I–II стоянках для сдачи в ОПИ доделан не был. Впоследствии материалы памятников были использованы А.Х. Халиковым в докторской диссертации (1966) и частично в монографии «Древняя история Среднего Поволжья» (Халиков, 1969, с. 60–66).

Материальная культура Лебединской II стоянки, содержащая гомогенный комплекс, не раз привлекала внимание исследователей (Бадер, 1973; Выборнов, 1984, с. 25; 1992; 2008;

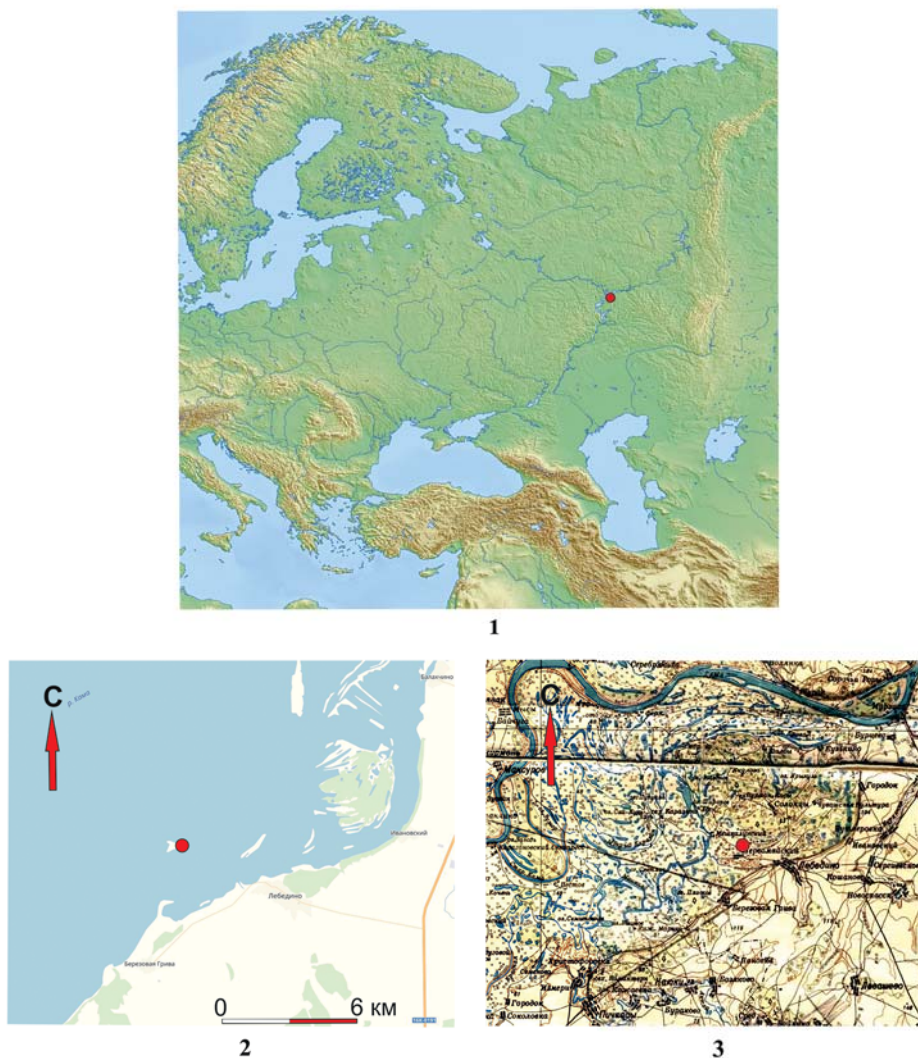


Рис. 1. 1 – расположение Лебединской II стоянки на карте Европы (фрагмент);
 2 – Лебединская II стоянка на современной карте-схеме (фрагмент);
 3 – Лебединская II стоянка на топографической карте 1946 г.
 до образования Куйбышевского водохранилища (фрагмент).

Fig. 1. 1 – Location of Lebedino II site on the map of Europe (fragment); 2 – Lebedino II site on a contemporary schematic map (fragment); 3 – Lebedino II site on a topographic map of 1946 until the formation of Kuibyshev reservoir (fragment).

Ставицкий, 2004; Васильева, Выборнов, 2013; Luchagina, Vybognov, 2017 и др.). Данная работа вводит в научный оборот неопубликованные ранее материалы исследования Лебединской II стоянки: керамику и

каменный инвентарь, хранящиеся в фондах Национального музея Республики Татарстан. Планиграфия жилища с нанесенными на план находками, стратиграфические разрезы, рисунки керамики и легенда к ним, статисти-

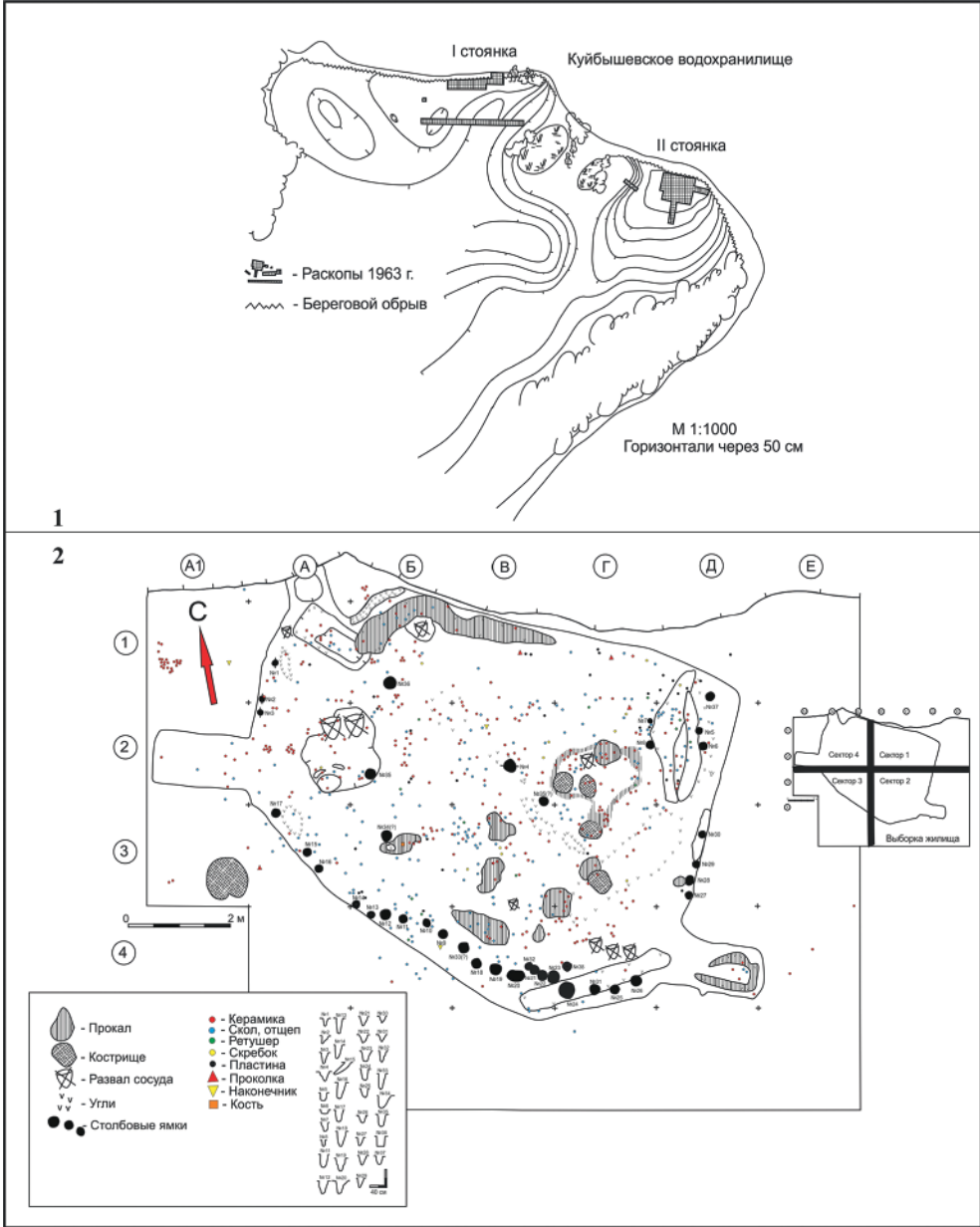


Рис. 2. 1 – топографический план Лебединской I и II стоянок (на основе чертежей А.Х. Халикова). 2 – план жилища Лебединской II стоянки (по чертежам А.Х. Халикова).

Fig. 2. 1 – Topographic plan of Lebedino I and II sites (based on drawings by A.Kh. Khalikov). 2 – Plan of a dwelling from Lebedino II site (based on sketches by A.Kh. Khalikov).

ческие таблицы с информацией о находках выполнены А.Х. Халиковым и публикуются на основе его полевых дневников и черновиков, хранящихся

в Научном фонде Музея археологии Республики Татарстан Института археологии Академии наук Республики Татарстан (НФ МАРТ ИА АН РТ).

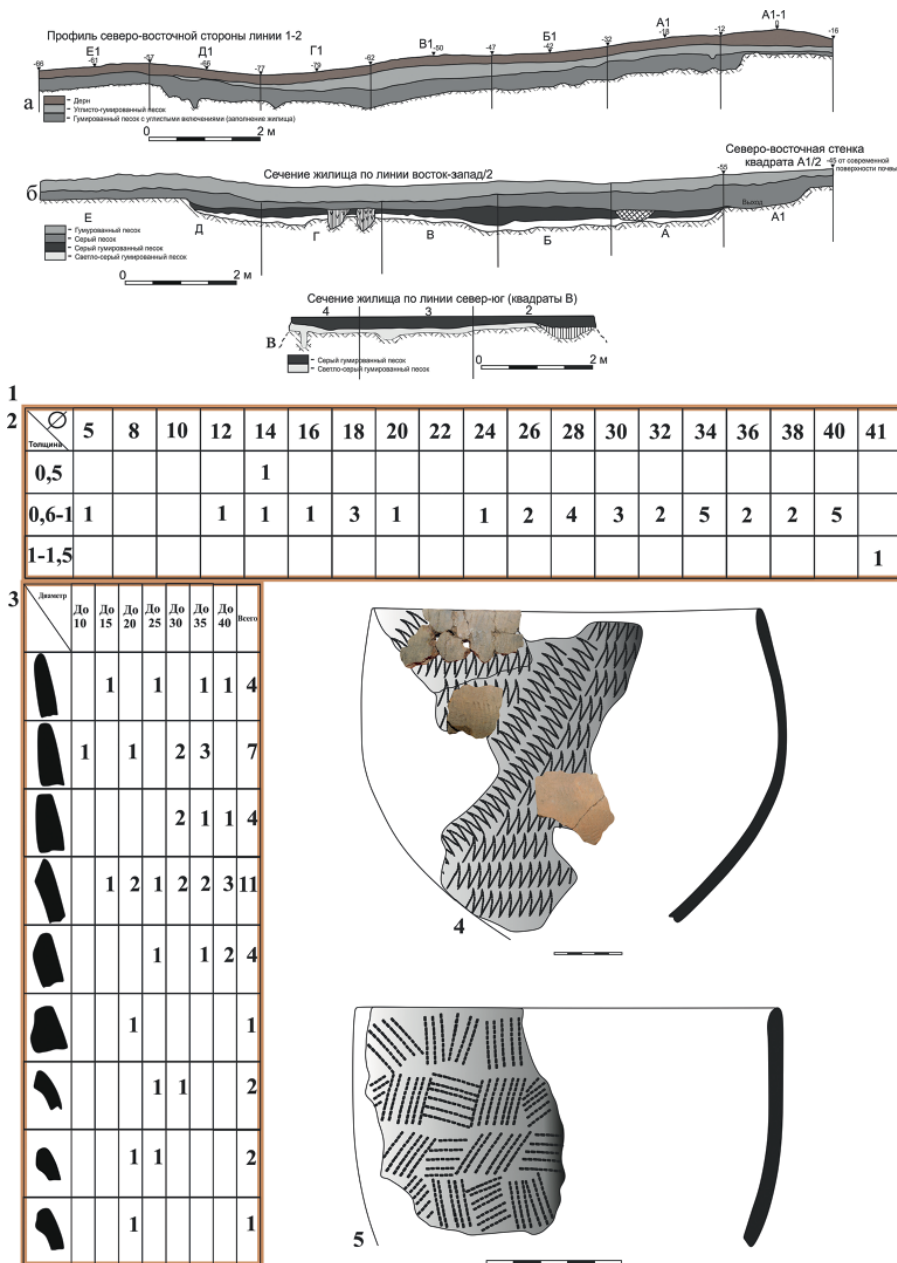


Рис. 3. 1а – профиль северо-восточной стороны линии 1–2; 1б – сечение жилища по линии восток-запад; 1в – сечение жилища по линии север-юг (квадраты В) (по чертежам в полевом дневнике А.Х. Халикова); 2 – соотношение сосудов Лебединской II стоянки по диаметру и толщине; 3 – типология венчиков; 4–5 – реконструкция сосудов Лебединской II стоянки (по черновикам А.Х. Халикова).

Fig. 3. 1a – profile of the north-eastern side of line 1–2; 1б – section of a dwelling along the east-west line; 1в – section of a dwelling along the north-south line (squares B) (based on drawings in A.Kh. Khalikov’s field book); 2 – comparison of vessels from Lebedino II site in terms of diameter and thickness; 3 – typology of the collars; 4–5 – Reconstruction of vessels from Lebedino II site (based on the drafts by A.Kh. Khalikov).

Лебединская II стоянка располагалась в приустьевой части р. Кама (рис. 1: 1) в 4 км к СЗ от с. Лебедино Чистопольского района Республики Татарстан (рис. 1: 2), на северном краю острова. До 1956 г. это был край надлуговой террасы левого берега р. Кама (рис. 1: 3), возвышавшийся в 1963 г. над уровнем воды на 3 м. В настоящее время памятник затоплен водами Куйбышевского водохранилища.

В 1963 г. выяснилось, что большая часть Лебединской II стоянки ранее уже была разрушена береговой абразией, о чем свидетельствовали большие скопления керамики и кремня в обрыве дюны и в воде. На месте небольшой впадины был заложен раскоп 208 м², в том числе с траншеями к югу и востоку (по 20 м²), и к западу (24 м²) (рис. 2: 1). Траншеи позволили выявить, что раскопом исчерпана вся сохранившаяся часть памятника. Снятие слоев велось пластами по 20 см. На уровне фиксации контура жилища раскоп был разбит на четыре сектора (рис. 2: 2) и выборка котлована производилась зачистками. За пределами жилища культурный слой был небольшим и, практически, не содержал находок (Дневник обследования..., 1963, л. 6).

Контур жилища были выявлены на глубине 40–50 см от дневной поверхности в виде пятна подпрямоугольной формы, размерами 10×7 м, вытянутого с северо-запада на юго-восток с тремя выходами: два – с северо-западной стороны и один – с юго-восточной стороны (Дневник обследования..., 1963, л. 7). Котлован жилища был углублен в материковую поверхность на 25–30 см. В его пределах расчищены столбовые ямы диаметром 10–25 см и углистые полосы от бревен, вероятно зажатых между зем-

ляным краем и рядом столбов. Столбовые ямы отмечены и в центральной части жилища, но они имели более крупные размеры (25–30 см). По мнению А.Х. Халикова, их величина и диаметр говорят о том, что здесь располагались центральные столбы, поддерживающие крышу (Халиков, 1969, с. 60–62). В пределах жилища отмечены очаги, которые, по всей видимости, неоднократно переносились с место на место, о чем свидетельствовали пятна прокала без углистых включений. Вокруг кострищ было расчищено значительное скопление фрагментов керамики, некоторые А.Х. Халикову удалось восстановить полностью (Халиков, 1969, с. 60–62). В северо-западном углу жилища отмечена интересная деталь – выступ, шириной около 80 см, с ямами посередине и перед ним.

В качестве аналогий жилищному котловану, выявленному на Лебединской II стоянке, следует упомянуть жилище, изученное на стоянке Обсерватория III (в Казанском Поволжье), которое по конструкции несколько отличается от него, но, судя по датирующим материалам из слоя поселения, синхронно лебединской постройке (Халиков, 1958, с. 12). Значительно большее сходство проявляется с финальномезолитическим жилищем стоянки Кабы-Копры на р. Свяга (Халиков, 1962, с. 8).

Керамический комплекс Лебединской II стоянки представлен 762 фрагментами керамики (Габяшев, 2003, с. 95) от не менее чем 36 сосудов (Дневник обследования..., 1963) (рис. 3: 2). Абсолютное большинство сосудов имеют толщину стенок 0,5–1 см у венчиков и до 1,5 см в придонной части. Срезы венчиков округлые, скошенные вовнутрь, и в нескольких случаях от-

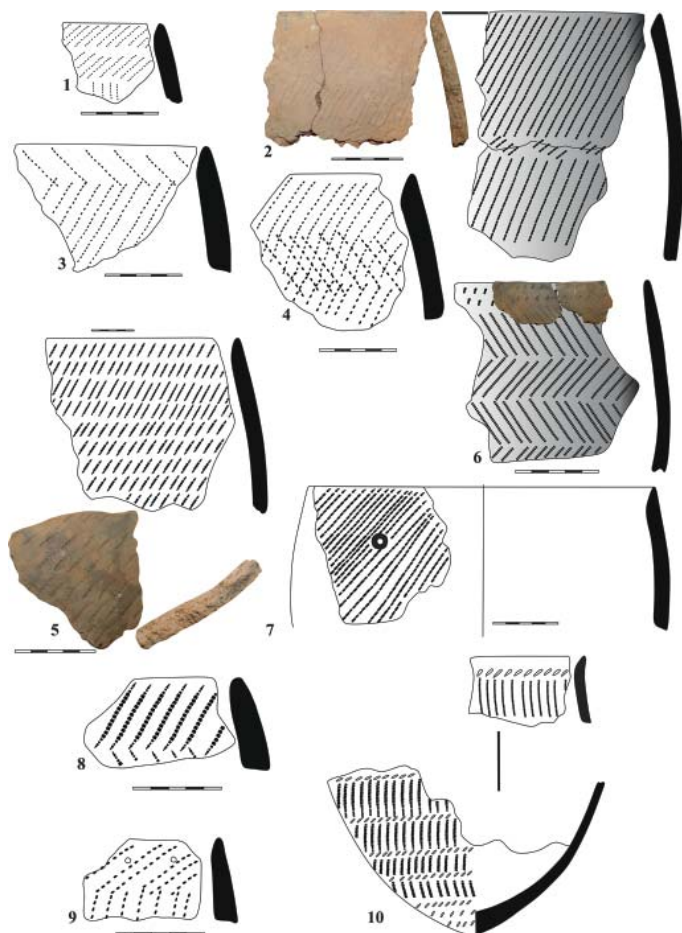


Рис. 4. Керамика Лебединской II стоянки (рисунки по черновикам А.Х. Халикова).

Fig. 4. Ceramics from Lebedino II site (Drawings based on Sketches by A.Kh. Khalikov).

мечены небольшие наплывы с внутренней стороны (рис. 3: 3). Следует обратить внимание на тот факт, что венчики от одного и того же сосуда могли иметь разную форму и толщину (рис. 8: 1; 9: 1; 10: 2), это демонстрируют реконструированные в свое время А.Х. Халиковым сосуды, которые сейчас хранятся в разобранном виде. В тесте примесь шамота и, в некоторых случаях, охры. Шамот на изломах черепков присутствует в большой концентрации. Иногда в тесте фиксируются глиняные шарики размерами до 4 мм (рис. 6: 2). Орнамент нанесен

длинным, средним и коротким гребенчатым штампом на всю внешнюю поверхность сосуда. В одном случае отмечен сосуд без орнамента (рис. 6: 4), и, также в единственном числе, зафиксирован орнамент коротким оттиском штампа, выполненный в несколько разреженной манере (рис. 5: 1). Из элементов орнамента преобладают наклонные линии (рис. 4: 1, 5, 7; 6: 3), косая решетка (рис. 4: 4; 6: 2), плетенка (рис. 3: 5; 5: 3–4), длинный штамп, чередующийся с коротким оттиском (рис. 2: 2; 5: 5), вертикальный зигзаг (рис. 4: 3, 6, 8–9), в одном слу-



Рис. 5. Керамика Лебединской II стоянки.

Fig. 5. Ceramics from Lebedino II site.

чае сосуд полностью украшен «шагающей» гребенкой (рис. 3: 4).

Из всей серии сосудов выделяется один (рис. 5: 2), найденный у обрыва в подъемном материале, с пояском из ямок и «жемчужин» и косым зубчатым штампом.

Керамический комплекс Лебединской II стоянки Р.С. Габяшев считал смешанным, так как кроме гребенчатой, тут, по его мнению, присутствует серия накольчатой посуды (Габяшев, 2003, с. 90), что несколько не согласуется с нашими данными. Кроме посуды с зубчатым штампом на сто-

янке отмечены фрагменты от 6–7 сосудов не накольчатого типа, а керамики с так называемыми «насечками» (рис. 11) (Калинина, 1993, с. 6–8), которая, по всей видимости, составляет один культурно-хронологический горизонт с камской керамикой.

Следует отметить, что вопрос соотношения гребенчатой посуды и керамики с «насечками» на стоянке не должен рассматриваться в рамках расчленения керамического комплекса на отдельные типы, так как керамика с «насечками» составляет один хронологический комплекс камской куль-

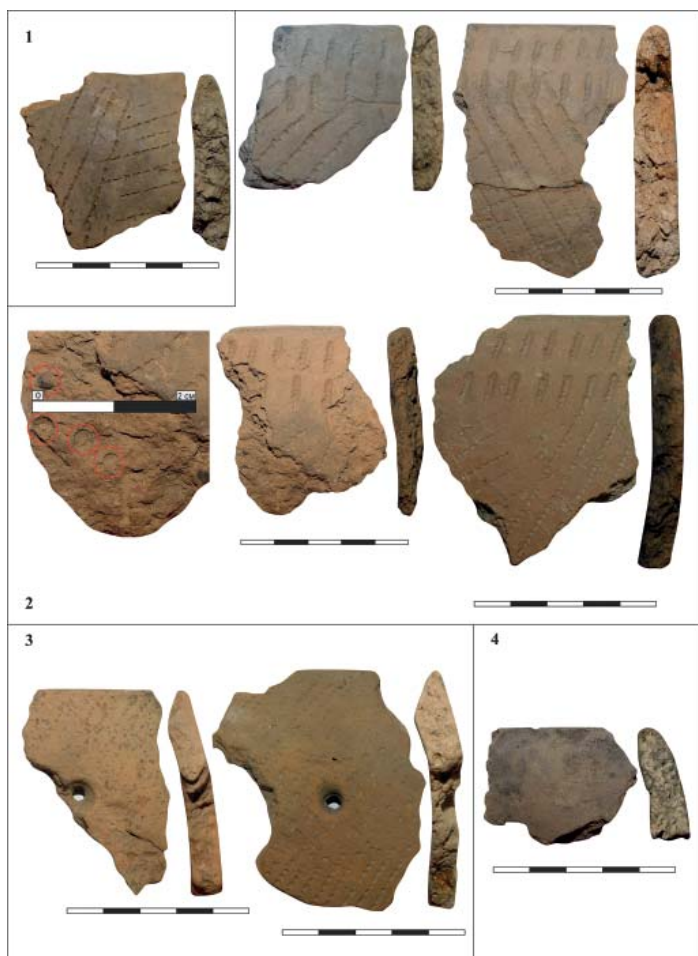


Рис. 6. Керамика Лебединской II стоянки.

Fig. 6. Ceramics from Lebedino II site.

туры на развитом этапе ее функционирования. Необходимо упомянуть, что подобная керамика фиксируется совместно с гребенчатой (камской) раннего неолита (Зиарат) (Выборнов, Кряжевская, 1988), с гребенчатой и накольчатой на Щербетской II стоянке (фонды Музея археологии ИА АН РТ). Однако наибольшее распространение она получает в позднем (финальном неолите) на памятниках устья р. Белой (Сауз I) (Выборнов, 2008, с. 183), «составляя органичное целое с керамикой камской культуры» (Выборнов, 2008, с. 188).

Каменный инвентарь. Всего с памятника учтено 446 каменных предметов (Характеристика кремня..., 1963). По другим данным, здесь было выявлено 448 фрагментов и целых изделий (Габяшев, 2003, с. 90) от 202 орудий. Как отмечал сам А.Х. Халиков, большинство орудий сохранилось в сломанном виде (Характеристика кремня..., 1963).

В качестве сырья преобладает окремненный известняк очень плохого качества – более 70%, светлый кремнь хорошего качества – 19%, черный плотный кремнь с желвачной



Рис. 7. Керамика Лебединской II стоянки.

Fig. 7. Ceramics from Lebedino II site.

коркой – 4%, кварцит и плитчатый кремль по 0,67% и гальки.

Наиболее ярко выраженные по морфологическим признакам орудия представлены наконечниками стрел на пластинах и двусторонне обработанными треугольно-черешковыми (рис. 8: 1–4), скребками на отщепках (рис. 8: 5–8), проколками и сверлами (рис. 8: 9–13), ножами-ложкарями (рис. 8: 13) и деревообрабатывающими изделиями типа долот и тесел (рис. 8: 14).

Кремневый инвентарь стоянки, как отмечалось исследователями, являет-

ся дальнейшим продолжением развития позднемезолитических традиций обработки кремня (Халиков, 1969, с. 64; Габяшев, 2003, с. 91).

Таким образом, анализ керамики и кремневого инвентаря Лебединской II стоянки, позволяет согласиться с исследователями, которые синхронизировали этот памятник с развитым неолитом Верхнего и Среднего Прикамья и в частности с Хуторской стоянкой (Габяшев, 2003; Выборнов, 2008).

В настоящее время для Лебединской II стоянки имеется лишь одна дата по ^{14}C – 5670±100 ВР или сере-

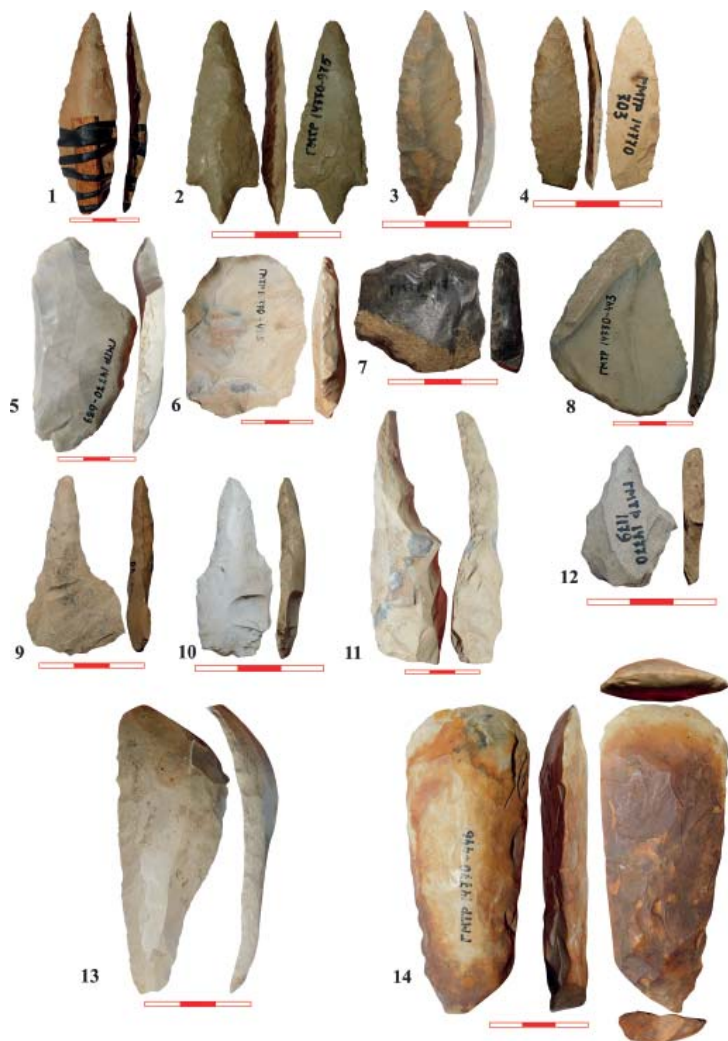


Рис. 8. Наиболее ярко выраженные по морфологическим признакам каменные орудия Лебединской II стоянки.

Fig. 8 Stone implements from Lebedino II site most prominent in terms of morphological characteristics.

дина V тыс. до н. э. (1σ – 4620–4440; 2σ – 4720–4330 calBC) Ki-14905, она получена по стенкам сосуда, украшенного длинногребенчатым штампом (Выборнов, 2008, с. 243; Выборнов, Морозов, 2016, с. 138). Дата, судя по всему, несколько омоложена из-за недостаточности исходного материала (Выборнов, 2008, с. 168).

Публикация материалов раскопок А.Х. Халикова на Лебединском архе-

ологическом комплексе в 1963 г. не будет полной, если не упомянуть исследования Лебединской I стоянки. Раскопки, проведенные на данном памятнике в том же году, позволили зафиксировать полное разрушение памятника. Собранный подъемный материал по своим характеристикам (ямочно-жемчужные пояски под венчиком, сосуды с наплывами и т. д.) был датирован более поздним време-

нем – заключительным этапом камской культуры (Халиков, 1969).

Необходимо отметить, что реконструированный сосуд (рис. 5: 2), найденный в размыве у Лебединской II стоянки, по всей видимости, также должен относиться к несколько более позднему времени по сравнению с остальной посудой Лебединской II стоянки. Этот факт может являться свидетельством того, что до образования Куйбышевского водохранилища границы Лебединской I и II стоянок могли пересекаться.

Благодарности:

Автор выражает огромную благодарность Национальному музею Республики Татарстан и лично Губайдуллиной Антонине за своевременную возможность ознакомиться с материалами Лебединской II стоянки.

Автор выражает искреннюю благодарность к.и.н. Дроздовой Галине Ивановне за помощь в поиске нужного материала и возможность ознакомиться с ним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер О.Н. Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита // МИА. № 172. М.: Наука, 1973. С. 99–106.
2. Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология. 2013. № 1(3). С. 60–86.
3. Выборнов А.А. Культурная принадлежность неолита Нижней Белой // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья / Отв. ред Л.А. Наговицын. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1984. С. 21–30.
4. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. 490 с.
5. Выборнов А.А. Неолит Прикамья. Самара: СПГУ, 1992. 150 с.
6. Выборнов А.А., Крижевская Л.Я. Ранненеолитическая стоянка Зиарат в устье р. Белая // КСИА. Вып. 193. М.: Наука, 1988. С. 71–75.
7. Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2003. 226 с.
8. Дневник обследования памятников в зоне Куйбышевского моря в 1963 г. // Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан Института археологии Академии наук Республики Татарстан (НФ МАРТ ИА АН РТ). Ф. 5. Оп. 21. Ед. хран. 87.
9. Калинина И.В. Неолитическая керамика лесной зоны Уральского региона (Подходы и методика изучения). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 1993. 23 с.
10. Предварительный отчет об археологических работах, проведенных в 1963 г. на разрушаемых памятниках в пределах Татарской АССР на средства Министерства культуры Татарской АССР, выполненный Халиковым А.Х., Старостиним П.Н. // НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хран. 33.
11. Ставицкий В.В. Хронология Сурско-Мокшанского неолита // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии / Отв. ред. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. СПб: ИИМК РАН, 2004. С. 227–240.

12. Халиков А.Х. Неолитические памятники в Казанском Поволжье // МИА. № 61. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 11–44.

13. Халиков А.Х. Отчет о раскопках археологических памятников в Апастовском и Куйбышевском районах Татарской АССР / Отчет о полевых археологических исследованиях в Татарской АССР. Казань, 1962 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 2383.

14. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

15. Характеристика кремня II Лебединской стоянки, выполненная А.Х. Халиковым в черновиках // НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хран. 33.

16. Lychagina E.L., Vybornov A.A. Chronology of Kama Neolithic culture // Documenta Praehistorica XLIV, 2017, pp. 152–161.

Информация об авторе:

Морозов Виктор Владимирович, ведущий специалист-археолог, ООО «Техстройпроект» (г. Москва, Россия); vikromolot@mail.ru

LEBEDINO II SITE IN THE LOWER KAMA REGION (BASED ON THE MATERIALS OF 1963 STUDIES BY A.KH. KHALIKOV)

V.V. Morozov

Lebedino II site excavated by A.Kh. Khalikov in 1963 is the only single-layer archaeological site of the Neolithic in the Lower Kama region studied by means of stationary excavations. The material culture of the site is characterized by ceramics and flint inventory of the Kama culture at its developed stage. Unfortunately, the researcher has not published the complete excavation materials, as they are of considerable interest for the understanding of the development of material culture in the Neolithic of the Lower Volga Region. The introduction into the scientific circulation of previously unpublished materials of the study of Lebedino II site has allowed to eliminate this unfortunate gap. Presently, only one radiocarbon date has been determined for the ceramics from Lebedino II site, which the researchers find more recent than the probable actual date. Considering the numerous counterparts in the Kama region and radiocarbon dates obtained for various organogenic materials, representatives of the Kama culture having populated Lebedino II site lived in this territory for 400 years between 5000 and 4600 cal B.C.

Keywords: archaeology, Lower Kama, Neolithic, ceramics, stone inventory, Kama culture, dwelling, A.Kh. Khalikov, archive, field book.

REFERENCES

1. Bader, O. N. 1973. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 172. Moscow: "Nauka" Publ., 99–106 (in Russian).
2. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1 (3), 60–86 (in Russian).
3. Vybornov, A. A. 1984. In Nagovitsin, L. A. (ed.). *Problemy izuchenii kamennogo veka Volgo-Kam'ia (Issues of Studying the Stone Age of the Volga-Kama Region)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 21–30 (in Russian).
4. Vybornov, A. A. 1992. *Neolit Prikam'ia (Neolithic of the Kama River Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
5. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
6. Vybornov, A. A., Krizhevskaya, L.Ya. 1988. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 193. Moscow: "Nauka" Publ., 71–75 (in Russian).
7. Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia B.C.)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; "Fän" Publ. (in Russian).

8. *Dnevnik obsledovaniia pamiatnikov v zone Kuibyshevskogo moria v 1963 g. (Diary Studies on the Surveying of Sites in the Kuybyshev Sea Area in 1963.)*. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 5. Inv. 21. Unit 87 (in Russian).

9. Kalinina, I. V. 1993. *Neoliticheskaia keramika lesnoi zony Ural'skogo regiona (Podkhody i metodika izuchenii) (Neolithic Ceramics of the Forest Ural Area (Approaches and Research Methodology))*. PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).

10. *Predvaritel'nyi otchet ob arkhologicheskikh rabotakh, provedennykh v 1963 g. na razrushaemykh pamiatnikakh v predelakh Tatarskoi ASSR na sredstva Ministerstva kul'tury Tatarskoi ASSR vypolnenni Khalikovym A.Kh., Starostinyim P.N. (Preliminary Report on Archaeological Works conducted in 1963 at Deteriorating Sites in the Tatar ASSR Funded by the Ministry of Culture of the Tatar ASSR by A.Kh. Khalikov and P.N. Starostin)*. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 1. Inv. 1. Unit 33 (in Russian).

11. Stavitsky V.V. 2004. In Timofeev, V. I., Zaitseva, G. I. (eds.). *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii v neolite Evrazii (Issues of Chronology and Ethnic/cultural Interactions during the Neolithic of Eurasia)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences Publ., 227–240 (in Russian).

12. Khalikov, A. Kh. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 61, 11–44 (in Russian).

13. Khalikov, A. Kh. 1962. *Otchet o raskopkakh arkhologicheskikh pamiatnikov v Apastovskom i Kuibyshevskom raionakh Tatarskoi ASSR (Report on the Excavations of Archaeological Sites in the Apastovsky and Kuybyshevsky Districts of the Tatar ASSR.). Otchet o polevykh arkhologicheskikh issledovaniiax v Tatarskoi ASSR (Report on Field Archaeological Studies in the Tatar ASSR)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R. 1, no. 2383 (in Russian).

14. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

15. *Kharakteristika kremnia II Lebedinskoj stoinki vypolnennaia A.Kh. Khalikovym v chernovikakh (Characterization of the flints fings from Lebedino II site in drafts by A.Kh. Khalikov)*. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 1. Inv. 1. Unit 33 (in Russian).

16. Lychagina, E. L., Vybornov, A. A. 2017. In *Documenta Praehistorica*. XLIV. 152–161.

About the Author:

Morozov Viktor V. Tekhstroyproekt, Andronovskoye Highway, 26, Moscow, 111024, Russian Federation; vikromolot@mail.ru 33

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

УДК 903'1 903/33 902.01

<https://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.34.50>

КУРМАНАКОВСКАЯ IV СТОЯНКА ФИНАЛА ЭНЕОЛИТА И ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ МЕША (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ)

© 2019 г. А.В. Лыганов

В статье публикуются результаты раскопок, проведенных в 2014 и 2017 гг. на Курманаковской IV стоянке, расположенной в нижнем течении р. Меша, правого притока р. Кама. На стоянке автором выделены четыре культурно-хронологических горизонта. Первоначальное заселение дюны, на которой расположена стоянка, произошло в финале энеолита (конец III тыс. до н.э.). В дальнейшем на территории стоянки проживали носители поздняковских традиций при сильном влиянии срубной культурно-исторической общности (XVIII–XV вв. до н. э.). Затем, судя по стратиграфическим наблюдениям, здесь был вырыт котлован землянки глубиной до 1 м. Судя по находкам характерной керамики в придонной части жилища и в хозяйственных ямах, вырытых в землянке, в это время здесь обитали носители двух культурных традиций Среднего Поволжья – культуры текстильной керамики и атабаевского этапа маклашеевской культуры (XIV–XIII вв. до н. э.). Находки маклашеевской керамики указывают на то, что территория стоянки была заселена и в финале позднего бронзового века (XII–X вв. до н. э.).

Ключевые слова: археология, валиковая финально-энеолитическая керамика, керамика в «срубных» традициях, поздняковская культура, атабаевский этап маклашеевской культуры, культура текстильной керамики, маклашеевская культура.

Введение

В 2014 и 2017 гг. отрядом перво-бытной археологической экспедиции Института археологии им А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан были проведены раскопки на Курманаковской IV стоянке, расположенной севернее с. Курманаково Лаишевского района Республики Татарстан, в нижнем течении р. Меша правого притока р. Кама (рис. 1).

Памятник находится на останце дюны, расположенной в разрезе пойменной террасы, на левом берегу р. Меша. На севере и востоке от дюнного возвышения располагается пойма р. Меша, густо изрезанная протоками и старичными озерами и частично подтопленная водохранилищем. Южнее к дюне примыкает надпойменная терраса (6–7 м) левого берега р. Меша.

Западный склон дюнного останца размывается водохранилищем. Высота обрыва, сложенного толщей песка и супеси, с современной почвой в верхней части, достигает 3–5 м от уреза водохранилища. Длина останца дюны вдоль реки с юга на север – около 80 м, ширина 60 м. (рис. 1).

Северная и юго-западная часть дюны значительно разрушена в результате производства здесь земляных работ (очевидно, производилась срезка под грунтовую дорогу и выемка песка). С южной стороны на площади около 1500 кв. м дюнный останец полностью разрушен спуском грунтовой дороги к р. Меша. Предположительно, по находкам подъемного материала в песчаных выдувах, первоначальная площадь стоянки составляла не менее 6000 кв. м. На сегодняшний день, по-

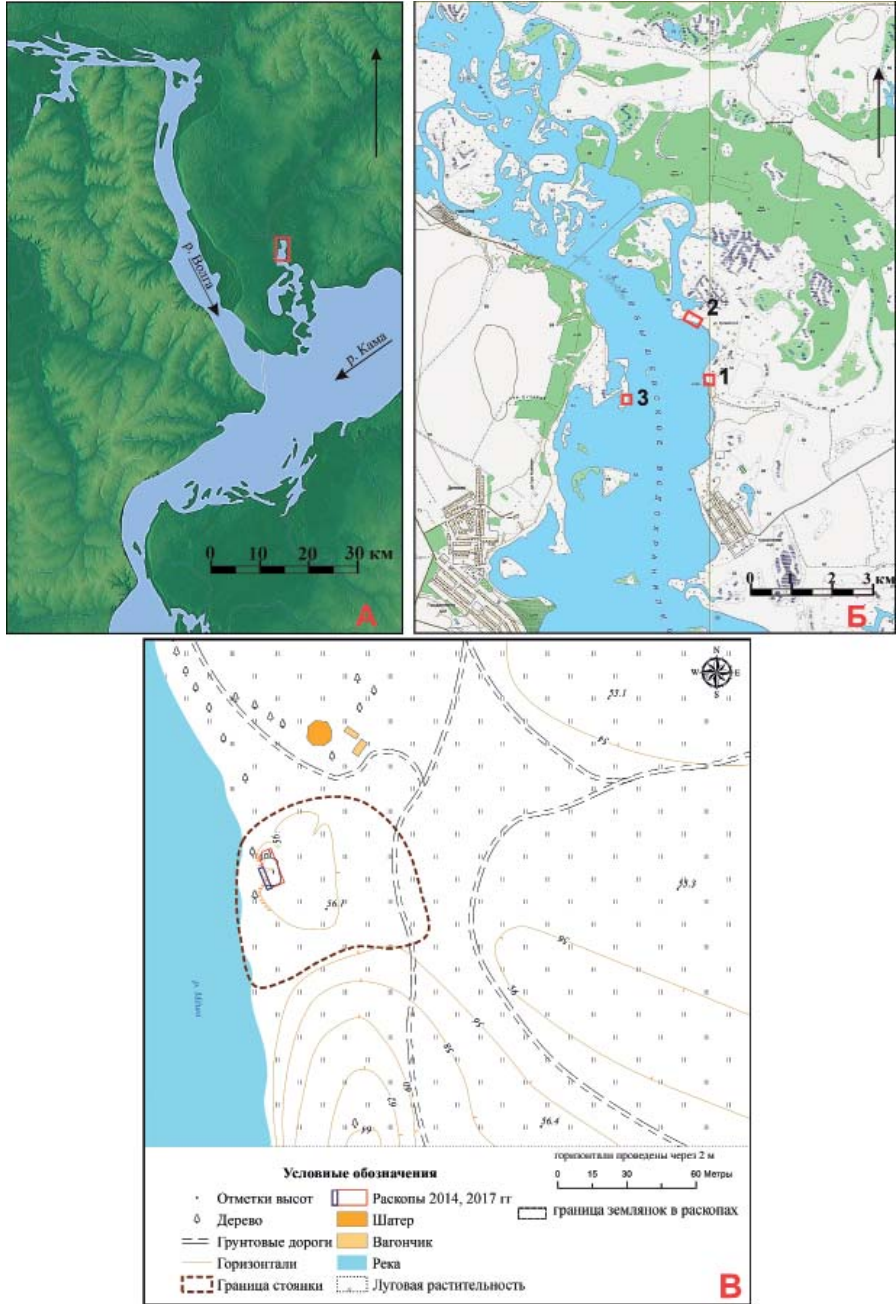


Рис. 1. А – карта приустьевой части рек Кама и Мёша с выделенной округой Курманаковской IV стоянки, Б – общий план округи Курманаковской IV стоянки (1), Курманаковской VI стоянки (2), и Дятловской стоянки (3), В – план Курманаковской IV стоянки с нанесенными раскопами 2014 и 2017 гг.

Fig. 1. А – Map of the estuaries of the Kama and Mesha rivers with highlighted outlines of Kurmanakovo IV site, Б – General plan of Kurmanakovo IV site (1), Kurmanakovo VI site (2) and Dyatlovo site (3), В – Kurmanakovo IV site with plotted excavations of 2014 and 2017.

верхность неразрушенного культурного слоя составляет около 3500 кв. м.

Целью работ на Курманаковской IV стоянке было исследование землянки-жилища позднего бронзового века. Интенсивно разрушаемая водами Куйбышевского водохранилища, западина от землянки глубиной более 1 м была выявлена в 2014 г. Тогда же здесь, вдоль берегового обрыва, был разбит раскоп I площадью в 20 кв. м. В 2017 г. над оставшейся частью жилищной западины был разбит раскоп II площадью в 92 кв. м.

Стратиграфия раскопов 2014 и 2017 гг следующая (рис. 2). В верхней части находится слой дерна мощностью до 5–7 см. Далее залегает слой светло-желто-серого слоистого песка (аллювиальных отложений) мощностью – от 12–15 см вне территории жилищной западины и до 30 см в самой низкой точке западины. По происхождению это слой, вероятно, образовался в процессе высоких половодий р. Меша и перекрыл культурные напластования первобытной стоянки. Судя по находкам гончарной сероглиняной «русской» керамики XVIII–XIX вв. в верхней части нижележащего культурного слоя стоянки, эти половодья происходили в Новое время. Аналогичные наблюдения были сделаны на Пестречинской IV стоянке, расположенной в среднем течении р. Меша. Там в подошве слоя аллювиальных отложений залегала монета 1811 г (Лыганов и др., 2012, с. 135). Учащение высоких половодий в Новое время исследователи связывают с хозяйственной деятельностью человека, когда была осуществлена масштабная вырубка лесов и распашка земель (Мозжерин, Курбанова, 2004). Именно этот процесс и фикси-

руется на р. Меша. Находок в слое аллювиальных отложений не выявлено.

Далее идет слой серой гумусированной супеси, который является культурным слоем стоянки. Здесь выявлены находки от эпохи энеолита до финала позднего бронзового века и керамика Нового времени (табл. 1). Мощность этого слоя также значительно разнится на разных участках раскопа. Вне территории жилищной западины мощность слоя достигает 45 см, в самой западине над землянкой мощность этого слоя 20–25 см. Здесь найдено большое количество мелких, значительно окатанных фрагментов керамики и отходов кремневого производства, с трудом поддающихся культурной интерпретации.

Заполнение жилища-землянки состояло из нескольких прослоек. В верхней части заполнения землянки зафиксирована прослойка из светло-серой супеси с включением пятен желтого песка. Граница ее с выше и нижележащими слоями очень нечеткая и чаще всего отмечалась только в профилях и бровках раскопов. Мощность прослойки также неодинакова на разных участках раскопов. Ближе к центру землянки ее мощность составила 5–8 см, возле краев землянки, но не у самой стенки, мощность прослойки достигла 25 см. Прослойка насыщена большим количеством фрагментов колотого кварцита разных размеров. Светло-серая супесь с включением пятен желтого песка образовалась, вероятно, после того как стореда первоначальная конструкция землянки, а котлован, возможно, после отсыпки песком, использовался уже вторично носителями маклашевской культуры. На это указывают как находки маклашевской керами-



Рис. 2. План и профиль раскопов на Курманаковской IV стоянке.

Fig. 2. Plan and profile of excavations at Kurmanakovo IV site.

ки, преимущественно в этом слое и на этой глубине, так и большого количества кварцитовых обломков. Использование кварцита, наряду с кремнем, характерно именно для маклашеевской культуры (Галимова, 2014).

Основным заполнением котлована землянки является слой темно-серой супеси с включением большого количества углей. Наибольшая мощность этого слоя 70–80 см прослежена у выявленных краев землянки. Наименьшая мощность слоя в 30 см наблюдалась в центральной части котлована. Этот слой выявлен и в заполнении материковых ям дна землянки. Примечательно, что в нижней части заполнения землянки и в ямах

не зафиксирована самая ранняя керамика эпохи энеолита и маклашеевская керамика финала бронзового века (табл. 1).

Размеры сохранившейся части жилища на уровне выявления составляют около 11×8 м (рис. 2). Единственной полностью сохранившейся восточной стенкой длиной 11 м землянка ориентирована по направлению С-Ю с незначительными отклонениями на северо-восток – юго-запад. Западная часть землянки, и участки прилегающих к ней северной и южной стенок полностью разрушены водохранилищем, так что нельзя сказать о ее действительной площади. Глубина жилища от уровня материка

Таблица 1

Распределение керамики по раскопам на Курманаковской IV стоянке

Пласт	Энеолит	В «срубных традициях»	КТК	Агабаевский этап	Маклашевский этап	Поздняковская	Нового времени	Неопределенно	Всего	Кремень и кварцит отходы
2 пласт культурный слой		34	4	11		2		130	181	57
3 пласт культурный слой	21	60	53	28	8	3	7	228	404	70
4 пласт заполнение землянки		19	63	92	7	3		239	423	114
5 пласт заполнение землянки	5	31	58	30	55	8		289	483	71
6 пласт заполнение землянки	1	8	20	28	12	3		242	315	52
7 пласт заполнение землянки		2	5	16		5		130	158	29
В хозяйственных и столбовых ямах в полу землянки		1	11	46				44	90	21
Всего керамики	27	155	214	251	82	24	7	1302	2054	414
% от определенной керамики	3,8	20	28	33	11	3,3	0,9			

у юго-восточного угла достигает 1 м. Стенки котлована – почти полностью вертикальные, переходят в плоское дно.

В раскопе II с северной стороны от землянки была выявлена почти полностью разрушенная землянка № 2 размерами 2×5 м, соединенная с землянкой № 1 тамбуром-переходом длиной около 2 м. Вдоль краев землянок при выборке на всех пластах в большом количестве фиксировались углистые полосы от сгоревших бревен. В тамбуре-переходе из землянки № 1 в землянку № 2 была зафиксирована

конструкция из сгоревших бревен. Столбовые ямы были отмечены только вдоль южного края землянки № 1. Таким образом, достаточно условно, можно говорить о каркасно-столбовой конструкции жилища. Также вдоль южного края котлована жилища № 1 были выявлены не менее 10 хозяйственных ям различного размера. В центральной части землянки № 1 был зафиксирован маломощный провал от наземного очага.

Вероятно, условно выделенные землянки № 1 и № 2 были остатками разделенных помещений в одном жи-

лице. Такой вывод получен на основании того, что эти два разделенных помещения находятся в одном видимом на поверхности котловане и то, что перегородка между жилищами № 1 и № 2 невысока – значительно ниже южной и восточной стенок жилища № 1 и составляет 40–50 см от уровня материка. Наиболее близкими курманакским землянкам оказались котлованы построек атабаевского этапа маклашеевской культуры, изученные на Ошутьяльском III поселении (Соловьев, 2000, рис. 64).

Керамический материал

Несмотря на четко выраженные напластования, наблюдавшиеся в стенках и бровках раскопов, керамика в культурном слое стоянки и в заполнении землянки залегает в перемешанном виде (табл. 1). Всего найдено свыше 2 тысяч фрагментов керамики, относящихся к различным культурно-хронологическим горизонтам.

Первый культурно-хронологический горизонт (конец III тыс. до н. э.) соответствует финалу энеолита и представлен на стоянке 27 фрагментами керамики (4% от всей определенной керамики) (рис. 3: 1–5). По находке фрагмента керамики с валиком (рис. 3: 1) весь этот комплекс можно отнести к финалу энеолита Волго-Камья (Соловьев, 2000, с. 36–39). Данная керамика залегала в непо потревоженном виде на участке А/5 в основании культурного слоя вне территории жилищной западины.

Второй горизонт (XVIII–XV вв. до н. э.) соответствует времени проникновения в Предкамье культурного влияния срубной КИО, что отразилось в появлении на территории стоянки носителей керамики, изготовленной в срубных традициях (155 фрагмен-

тов или 20% от всей определенной керамики). Со срубной керамикой ее сближает баночная форма, небрежно заглаженная поверхность, иногда с расчесами, неровные вдавления овальной и подтреугольной формы (рис. 3: 6–9). Вместе с тем существуют и отличия. Это значительная примесь в тесте сосуда песка, органики и известковой крошки, плохой костровой обжиг и отсутствие в орнаменте гребенчатых оттисков. Судя по некоторым наблюдениям на территории стоянки, эти керамические комплексы по времени несколько предшествуют появлению здесь атабаевских и текстильных комплексов и сооружению жилища-землянки. Так, развалы керамики в срубных традициях зафиксированы на участках А/5 и Г/5 в основании культурного слоя вне территории жилищного котлована. Помимо керамики, изготовленной в срубной традиции, в раскопе зафиксирована немногочисленная поздняковская керамика с характерными рядами шнуровых отпечатков по тулову или вдавлениями (24 фрагмента или 3,3% от всей определенной керамики) (рис. 4: 2, 10; 5: 6). Аналогичная керамика известна, в том числе, в балымско-карташихинских древностях Казанского Поволжья и поздняковских поселениях на Верхней Волге (Халиков, 1980, табл. 26: 25; Бадер, Попова, 1987, рис. 70; Азаров, 2013, рис. 7).

Керамика, изготовленная в срубных традициях, как и поздняковская, встречается на всех пластах раскопов на Курманакской IV стоянке (табл. 1). Поселения, на которых совместно залегают так называемая «срубоидная» и поздняковская керамика, выявлены западнее – в Марийском Поволжье и в бассейне р. Ока. Речь идет, прежде всего, о широко



Рис. 3. Керамика финально-энеолитического облика (1–5) и керамика, изготовленная в «срубных» традициях (6–9) с территории стоянки. 1–4, 6 – уч. А/5, гл. 3 пл., 5 – уч. В/3, гл. 5 пл., 7 – уч. А/5, гл. 4 пл., 8 – уч. А/5, гл. 2 пл., 9 – уч. А/4, гл. 5 пл.

Fig. 3. Ceramics with the final Eneolithic appearance (1–5) and ceramics made in the “Srubnaya” traditions (6–9) from the territory of the site. 1–4, 6 – plot A/5, depth – 3rd stratum, 5 – plot B/3, depth – 5th stratum, 7 – plot A/5, depth – 4th stratum, 8 – plot A/5, depth – 2nd stratum, 9 – plot A/4, depth – 5th stratum.

раскопанных Шокшинском и Аковинском поселениях (Археология Мордовского края..., 2008, с. 188–189, рис. 256–258, 268–269, 272; Халиков, 1960, с. 167–173, табл. LXVII, LXVIII).

Временные рамки существования подобных типов керамики достаточно спорны ввиду слабой разработанности хронологии и периодизации поздняяковской культуры и «срубоидной»



Рис. 4. Керамика из придонной части заполнения землянки и из ям в полу землянки.

1 – уч. Г/1, гл. 6 пл., 2 – уч. Г/2, гл. 5 пл., 3 – уч. Г/3, гл. 5 пл., 4 – уч. В/3, гл. 7 пл.,
3 – уч. Б/4, гл. 6 пл., 6, 9, 10 – яма 3, уч. А/2, гл. 6–7 пл., 7, 8 – уч. В/4, гл. 7 пл.

Fig. 4. Ceramics from the bottom portion of the dugout filling and pits in the dugout floor.

1 – plot Г/1, depth – 6th stratum, 2 – plot Г/2, depth – 5th stratum, 3 – plot Г/3, depth – 5th stratum,
4 – plot В/3, depth – 7th stratum, 3 – plot Б/4, depth – 6th stratum, 6, 9, 10 – pit 3, plot А/2,
depth – 6th–7th stratum, 7, 8 – plot В/4, depth – 7th stratum.

керамики. За нижнюю дату весьма условно можно принять XVIII в. до н. э. – как время проникновения в Предкавказье влияния срубной культуры на ее развитом этапе. Верхней датой

можно принять XV/XIV в. до н. э., когда в Предкавказье появились носители атабаевских и текстильных традиций, а на Курманаковской IV стоянке была сооружена землянка.

К третьему горизонту (XIV–XIII вв. до н. э.) на территории стоянки относится постройка жилища-землянки носителями культурных традиций атабаевского этапа маклашеевской культуры и носителями культуры текстильной керамики (далее КТК) (рис. 4: 1, 3–9; 5: 3, 4). Сосуществование этих культурных традиций было прослежено на материалах ряда поселений Марийского Поволжья (Патрушев, 2017). Керамика этих двух культур самая многочисленная на раскопах – свыше 60% от всей определенной керамики. Керамика атабаевского этапа насчитывает 251 фрагмент или 33% от всей определенной керамики, а керамика КТК – 214 фрагментов или 28% от всей определенной керамики. Эти керамические комплексы встречается на всех пластах и во всех материковых хозяйственных и столбовых ямах (табл. 1). На дне землянки зафиксированы развалы сосудов КТК (рис. 5: 1, 2, 5, 7, 8). Судя по форме и орнаментации, эти развалы относятся ко времени становления КТК – среди орнаментации присутствуют элементы, характерные для поздняяковской культуры, но при этом уже появляются текстильные отпечатки (рис. 5: 2). Атабаевская посуда на стоянке тоже наиболее ранняя. На это указывает своеобразная орнаментация на некоторой атабаевской керамике (рис. 4: 9), которая находит аналогии в могильнике Дикариха, который относится к КТК, но при этом одновременен поздняяковской культуре (Никитин, 1973, рис. 8: 34, 37, 43). В придонной части жилища выявлен развал сосуда, на котором при атабаевском орнаменте, в виде вдавлений по верхней части венчика, присутствует нарезной валик с «усами», расположенный по плечу (рис. 4: 5, 7). Такие валики с «усами»

характерны для керамики ивановской (хвалынской) культуры степного Поволжья (Колев, 2008, табл. 3; Малов, 2013, рис. 4). Нестандартен ряд атабаевской керамики с выпуклинами-жемчужинами под уплощенным орнаментированным валиком (рис. 4: 3, 4). Эта орнаментация характерна для древностей аким-сергеевского типа. Близость керамических комплексов аким-сергеевского и атабаевского этапа маклашеевской культуры неоднократно отмечалась исследователями (Археология Мордовского края..., 2008, с. 201; Чижевский и др. 2019, с. 100). Подобная гибридная керамика с различными орнаментальными традициями отражает процесс взаимодействия культур леса и степи в рамках третьего периода развития Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции (Кузьминых, Дегтярева, 2006, с. 251–254).

Таким образом, на территории стоянки мы имеем дело с наиболее ранним взаимодействием носителей КТК и раннемаклашеевской (атабаевской) культур. При этом не зафиксировано гибридной керамики с сочетанием обеих культурных традиций. Время постройки землянки можно определить в пределах XIV в. до н. э. (Колев, 2008, с. 225; Лавенто, Патрушев, 2015; Чижевский и др. 2019, с. 108).

Самыми поздними по времени (XII–X вв. до н. э.) могут считаться не столь многочисленные находки (82 фрагмента или 11% от всей определенной керамики) фрагментов керамики маклашеевской культуры финала позднего бронзового века. Эта керамика представлена как классической маклашеевской (рис. 6: 1, 4, 6), так и гибридной керамикой (рис. 6: 2, 3, 5, 7, 8), которая отражает про-

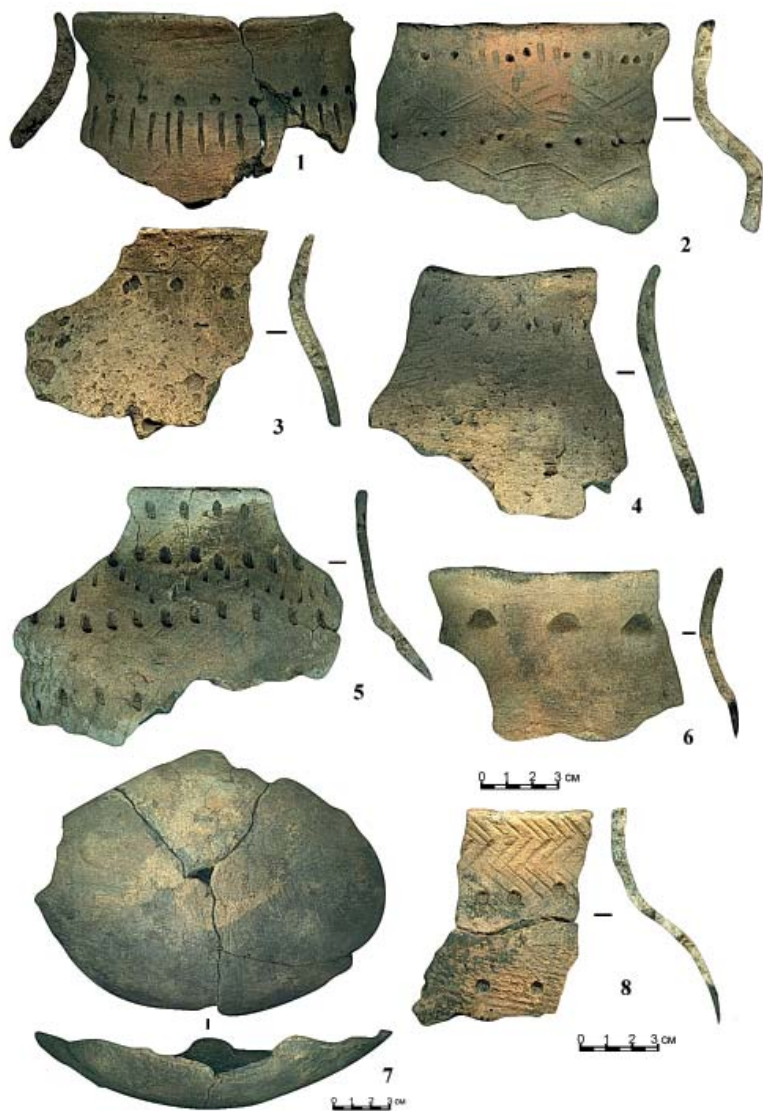


Рис. 5. Керамика из заполнения землянки. 1–уч. Б/5, гл. 4 пл.; 2, 8 – уч. А/4, гл. 4 пл.; 3, 4, 6 – уч. А/2, гл. 4 пл.; 5, 7 – уч. А/2–3, гл. 4 пл.

Fig. 5. Ceramics from the dugout filling. 1–plot Б/5, depth – 4th stratum;
2, 8 – plot А/4, depth – 4th stratum; 3, 4, 6 – plot А/2, depth – 4th stratum;
5, 7 – plot А/2–3, depth – 4th stratum.

цесс дальнейшего взаимодействия носителей культур текстильной керамики и маклашеевской. В целом маклашеевская керамика, в том числе в виде развалов, залегает в верхней части заполнения котлована землянки (табл. 1). Ее не зафиксировано в нижней части землянки и в материковых

сооружениях. Судя по стратиграфическим наблюдениям, носители маклашеевской культуры продолжали использовать котлован жилища более раннего периода, однако постройки этого времени не зафиксированы. К этому же времени относятся находки большого количества прокаленного

колотого кварцита, расположенные в верхней части заполнения землянки.

Помимо керамических сосудов на стоянке были выявлены обломки от двух напрясел (рис. 7: 12). Аналогии таким напряслам прослеживаются в памятниках поздняяковской культуры и атабаевского этапа маклашеевской культуры (Бадер, Попова, 1987, рис. 70; Халиков, 1980, табл. 31).

Кремневый материал

Интересен кремневый материал стоянки, который находит аналогии в культурах энеолита – позднего бронзового века. К энеолиту можно отнести разнообразные отходы из слоистого серого, реже двухцветного черно-белого кремня хорошего качества, который является маркером культур финала энеолита (Лыганов и др., 2018, с. 250–251).

Одной из наиболее ярких и ранних по времени находок может считаться кремневый наконечник стрелы с вытянуто-треугольным пером и широким черешком подпрямоугольной формы. Подобные наконечники стрел характерны для ряда культур первой фазы позднего бронзового века – прежде всего некрополей сейминско-турбинского транскультурного феномена с явным влиянием абашевско-покровского населения. Это, прежде всего, могильники Решное и Юринский (Усть-Ветлужский) (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 104: 8–11; Шалахов, 2014, рис. 1: 10–11). Возможно, данный наконечник можно соотнести с финальноэнеолитической керамикой с валиком. Ряд исследователей появление валиковой керамики в финале энеолита в Волго-Камье напрямую соотносят с продвижением носителей сейминско-турбинского транскультурного феномена на запад (Соловьев, 2000, с. 37–40).

Среди другой категории кремневого инвентаря интересны находки ножей-бифасов (рис. 7: 1, 2). Такие типы орудий присутствуют на поздняяковских памятниках (Бадер, Попова, 1987, рис. 67: 23, 24). На стоянке выявлено большое количество своеобразных мелких скребков с ретушью по всему периметру или по нескольким граням (рис. 7: 4, 5, 9–11, 13). Подобные орудия зафиксированы на поселениях поздняяковской культуры и КТК (Азаров, 2013, рис. 5: 4–10) атабаевского этапа маклашеевской культуры (Халиков, 1980, табл. 36: 9–16).

Металлические изделия

На Курманаковской IV стоянке найдены два металлических изделия – сломанный сработанный нож и рыболовный крючок с блесной (рис. 7: 6, 7), находящие прямые аналогии в древностях маклашеевской культуры обоих этапов (XIV–X вв. до н. э.). (Халиков, 1980, табл. 48, 53; Чижевский и др., 2019, рис. 12). Помимо готовых металлических изделий на стоянке обнаружены куски медистого песка и молот, возможно, для дробления руды (рис. 7: 14–16).

Выводы

Результаты работ на Курманковской IV стоянке позволяют сделать ряд предварительных выводов:

1. Впервые в приустьевой части Нижнего Прикамья выявлена валиковая позднеэнеолитическая керамика. Появление такой керамики в Волго-Камье происходило при непосредственном импульсе со стороны сейминско-турбинского населения.

2. На Курманаковской IV стоянке зафиксирован особый тип керамики, изготовленной в срубных традициях, и керамика поздняяковской культуры. Керамика, изготовленная в срубных традициях, встреченная совместно с

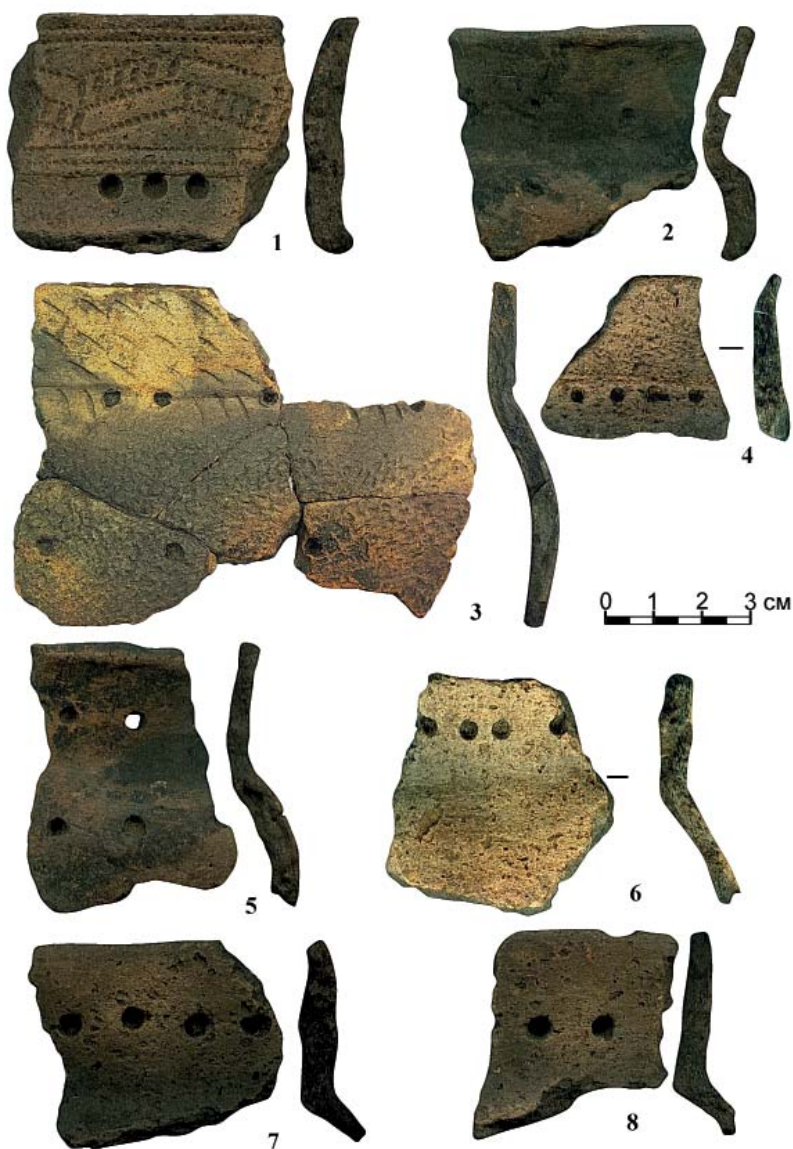


Рис. 6. Керамика из заполнения землянки. 1 – уч. В/3, гл. 5 пл.; 2 – уч. В/4, гл. 6 пл.; 3 – уч. В/4, гл. 5 пл.; 4, 6 – уч. А/3, гл. 3 пл.; 5 – уч. В/3, гл. 6 пл.; 7, 8 – уч. В/3, гл. 5 пл.

Fig. 6. Ceramics from the dugout filling. 1 – plot В/3, depth – 5th stratum; 2 – plot В/4, depth – 6th stratum; 3 – plot В/4, depth – 5th stratum; 4, 6 – plot А/3, depth – 3rd stratum; 5 – plot В/3, depth – 6th stratum; 7, 8 – plot В/3, depth – 5th stratum.

поздняковской, была изучена на Акинском и Шокшинском поселениях в Марийском Поволжье и бассейне р. Ока, и высказано предположение об их одновременности. Выявление данных типов керамики на Курма-

наковской IV стоянке позволяет поставить вопрос о распространении территории поздняковской культуры на Приказанское Поволжье. Поздняковские погребения уже были отмечены ранее в Приустьевом Закамье и

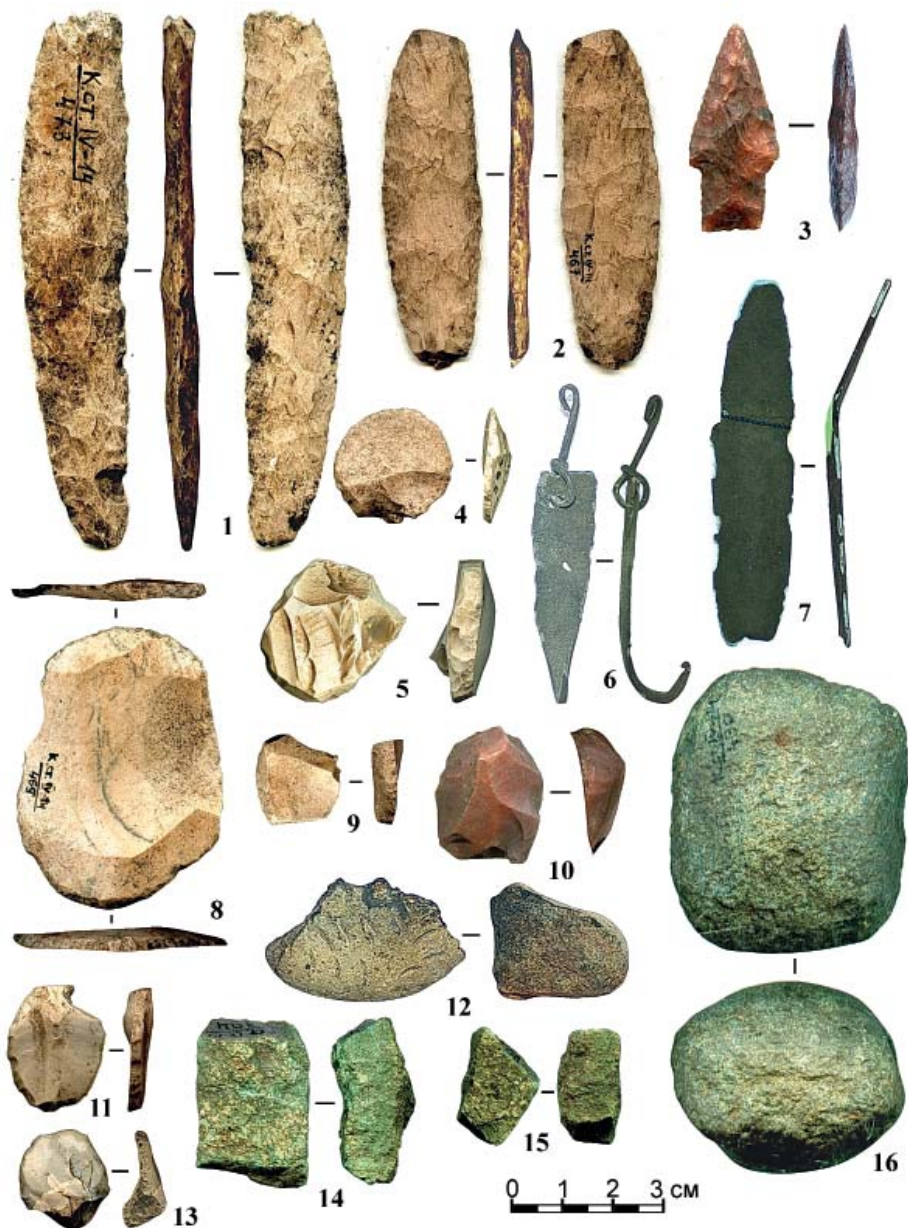


Рис. 7. Некоторые индивидуальные находки из заполнения землянки. 1 – уч. А/1, гл. 3 пл.; 2 – уч. А/1, гл. 3 пл.; 3 – уч. Б/5, гл. 5 пл.; 4–5 – подъемный материал; 6 – уч. В/4, гл. 6 пл.; 7 – уч. В/4, гл. 3 пл.; 8 – уч. А/2, гл. 3 пл.; 9 – уч. А/1, гл. 5 пл.; 10 – уч. Б/4, гл. 4 пл.; 11 – уч. А/4, гл. 5 пл.; 12 – уч. Г/2, гл. 7 пл.; 14, 15 – уч. А/5, гл. 2–3 пл.; 16 – уч. А/2, гл. 4 пл.; 17 – уч. Г/1, гл. 5 пл.

Fig. 7. Individual findings from the dugout filling. 1 – plot A/1, depth – 3rd stratum; 2 – plot A/1, depth – 3rd stratum; 3 – plot Б/5, depth – 5th stratum; 4–5 – excavated material; 6 – plot В/4, depth – 6th stratum; 7 – plot В/4, depth – 3rd stratum; 8 – plot А/2, depth – 3rd stratum; 9 – plot А/1, depth – 5th stratum; 10 – plot Б/4, depth – 4th stratum; 11 – plot А/4, depth – 5th stratum; 12 – plot Г/2, depth – 7th stratum; 14, 15 – plot А/5, depth – 2nd–3rd stratum; 16 – plot А/2, depth – 4th stratum; 17 – plot Г/1, depth – 5th stratum.

на юге Татарстана, на левом берегу реки Волга в составе маклашеевского и луговских некрополей (Полянки II, Коминтерновские курганы, Соколовский могильник) (Халикова, 1967; табл. 1: 1, 5, 8; Казаков, 1992; Чижевский и др., 2012; Лыганов, 2017). Курманаковская IV стоянка стала первым выявленным поселенческим памятником с керамикой поздняяковской культуры на левом берегу р. Волга в Приказанском Поволжье.

3. На Курманаковской IV стоянке исследована землянка, относя-

щаяся ко времени появления самых ранних в Приказанском Поволжье смешанных текстильных и атабаевских комплексов. Время ее сооружения относится ко времени не позднее XIV в. до н. э.

4. В финале бронзового века (XII–X вв. до н. э.) носители культурных традиций маклашеевского этапа маклашеевской культуры продолжали использовать территорию Курманаковской IV стоянки и котлованы выявленных жилищ, но построек этого времени на стоянке не зафиксировано.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азаров Е.С.* Поселение и грунтовый могильник эпохи бронзы Кораблино // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 182–195.
2. Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы. моногр. / Отв. ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. 552 с.
3. *Бадер О.Н., Попова Т.Б.* Поздняяковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 131–135.
4. *Галимова М.Ш.* Кремневый и кварцитовый инвентарь населения Волго-Камья в предананьинское время и ананьинское время // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 187–191.
5. *Казаков Е.П.* Соколовские могильники эпохи бронзы и их относительная датировка // Материалы по археологии Южного Урала / Отв. ред. Н.А. Мажитов. Уфа: изд-во БГУ, 1992. С. 35–44.
6. *Колес Ю.И.* Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д.А. Стащенко. Самара: СОИКМ им. Алабина, СамГУ, 2008. С. 208–240.
7. *Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д.* Поздний бронзовый век // Археология: Учебник / Под ред. В.Л. Янина. М.: МГУ, 2006. С. 219–270.
8. *Лавенто М., Патрушев В.С.* Развитие и хронология текстильной керамики в Среднем и Верхнем Поволжье: критический взгляд на условно принятые С-14 даты, АМС-датирование и типологическую хронологию // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 160–188.
9. *Лыганов А.В.* Коминтерновский курган № 1 луговской культуры в Приустьевом Закамье // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 97–116.
10. *Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Бугров Д.Г., Аськеев И.В., Мельников Л.В., Хисметдинова А.А.* Предварительные результаты комплексного изучения нового памятника эпохи раннего металла Казанского Поволжья // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 134–142.
11. *Лыганов А.В., Хамзин Р.Н., Галимова М.Ш.* Материалы эпохи раннего металла Исаковского городища на реке Свияга // Поволжская археология. 2018. № 3. С. 242–257.
12. *Малов Н.М.* Хронология и периодизация позднего бронзового века Нижнего Поволжья: хвальнская культура валиковой керамики // Проблемы периодизации и хро-

нологии в археологии раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб: Скифия-принт, 2013. С. 102–117.

13. *Мозжерин В.И., Курбанова С.Г.* Деятельность человека и эрозионно-русловые системы Среднего Поволжья. Казань: Арт Дизайн. 2004. 128 с.

14. *Никитин А.Л.* Могильник Дикариха на Плещеевом озере (раскопки 1961 и 1964 гг.) // СА. 1973. № 2. С. 158–177.

15. *Патрушев В.С.* «Текстильная» керамика Марийского Поволжья (по материалам раскопок поселений эпохи бронзы) // Поволжская археология. 2017. № 1. С. 92–113.

16. *Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.

17. *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 187 с.

18. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. 1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

19. *Халикова Е.А.* Второй Полянский могильник // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 116–132.

20. *Чижевский А.А., Губин А.С., Лыганов А.В.* Коминтерновский курган № 2 // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции V Халиковские чтения / Археология Евразийских степей. Вып. 11 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2011. С. 261–271.

21. *Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В.* Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 99–123.

22. *Шалахов Е.Г.* Кремневый комплекс Усть-Ветлужского могильника сейминско-турбинского типа // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX / Отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 194–198.

Информация об авторе:

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); liganov.anton@yandex.ru

KURMANAKOVO IV SITE OF THE FINAL ENEOLITHIC AND LATE BRONZE AGE IN THE LOWER REACHES OF THE MESHA RIVER (PRELIMINARY STUDY RESULTS)

A.V. Lyganov

The author publishes the results of excavations conducted in 2014 and 2017 at Kurmanakovo IV site located in the lower reaches of the Mesha river, the right tributary of the Kama river. Four cultural and chronological horizons were identified by the author at the site. The dune accommodating the site was initially populated in the final Eneolithic (late 3rd Millennium B.C.). The territory was subsequently inhabited by representatives of the late Pozdniakovo cultural traditions strongly influenced by the Srubnaya cultural and historical community (18th – 15th centuries B.C.). Then, according to stratigraphic observations, a dugout pit up to 1 m deep was constructed at the site. Considering the characteristic ceramics discovered in the bottom portion of the dwelling dugout and in household pits, the site was populated at that time by representatives of two cultural traditions of the Middle Volga region – the culture of textile ceramics and the Atabaevo stage of Maklasheevka culture (14th–13th centuries B.C.). As indicated by the discovered Maklasheevka ceramics, the territory of the site was also populated in the final Late Bronze Age (12th – 10th centuries B.C.).

Keywords: archaeology, roller ceramics of final Eneolithic, “Srubnaya” tradition ceramics, Pozdniakovo culture, Maklasheevka culture, Atabaevo stage, culture of textile ceramics.

REFERENCES

1. Azarov, E. S. 2013. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 230. 182–195 (in Russian).
2. Stavitskii, V. V., Shitov, V. N. (eds.). 2008. *Arkheologiia Mordovskogo kraia: Kamennyi vek, epokha bronzy (Archaeology of the Mordva Land: Stone Age and Bronze Period)*. Saransk: Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (in Russian).
3. Bader, O. N., Popova, T. B. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR 8. Moscow: "Nauka" Publ., 131–135 (in Russian).
4. Galimova, M. Sh. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 187–191 (in Russian).
5. Kazakov, E. P. 1992. In Mazhitov, N. A. (ed.). *Materialy po arkheologii Iuzhnogo Urala (Materials on the Archaeology of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir State University, 35–44 (in Russian).
6. Kolev, Yu. I. 2008. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Aktual'nye problemy arkheologii Urala i Povolzh'ia (Topical Issues in the Urals and Volga Regions Archaeology)*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, Samara State University, 208–240 (in Russian).
7. Kuz'minykh, S. V., Degtiareva, A. D. 2006. In Yanin, V. L. (ed.). *Arkheologiia: uchebnik (Archaeology: a tutorial)*. Moscow: Moscow State University Publ., 219–270 (in Russian).
8. Lavento M., Patrushev V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 160–188 (in Russian).
9. Lyganov, A. V. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 97–116 (in Russian).
10. Lyganov, A. V., Galimova, M. Sh., Bugrov, D. G., As'keev, I. V., Mel'nikov, L. V., Khisiametdinova, A. A. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VIII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 134–142 (in Russian).
11. Lyganov, A. V., Khamzin, R. N., Galimova, M. Sh. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 242–257 (in Russian).
12. Malov, N. M. 2013. In Cherlenok, E. A. (ed.). *Problemy periodizatsii i khronologii v arkheologii epokhi rannego metalla Vostochnoy Evropy: Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii (Issues of Periodization and Chronology in the Archaeology of the Early Metal Period of Eastern Europe: Proceedings of the Thematic Scientific Conference)*. Saint Petersburg: "Skifiya-print" Publ., 102–117 (in Russian).
13. Mozzherin, V. I., Kurbanova, S. G. 2004. *Deiatel'nost' cheloveka i erozionno-ruslovye sistemy Srednego Povolzh'ia (Human Activity and Erosion – Riverbed Systems on the Middle Volga)*. Kazan: "Art Dizain" Publ. (in Russian).
14. Nikitin, A. L. 1973. In *Sovetskaiia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 158–177 (in Russian).
15. Patrushev V. S. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 92–113 (in Russian).
16. Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga Area)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
17. Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) I. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

18. Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) 1-24. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

19. Khalikova, E. A. 1967. In Oborin, V. A. (ed.). *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta. (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 148. Perm: Perm State University, 116–132 (in Russian).

20. Chizhevsky, A. A., Gubin, A. S., Lyganov, A. V. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Uralo-Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e. V Khalikovskie chteniia (Ural and Volga Area in Antiquity and Middle Ages: 5th Khalikov Readings)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 11. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 224–230 (in Russian).

21. Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Kuz'minykh, S. V. 2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2. 99–123 (in Russian).

22. Shalakhov, E. G. 2014. In Tishkin, A. A., Semibratov, V. P. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 20. Barnaul: Altai State University Publ., 194–198 (in Russian).

About the Author:

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; liganov.anton@yandex.ru

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЭКОНОМИКИ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРКАСКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ¹

© 2019 г. Ю.В. Костомарова

Статья посвящена обобщению имеющихся и введению в научный оборот новых материалов по хозяйственной и производственной деятельности населения черкаскульской культуры лесостепного Притобольшья. На основании археозоологических определений выявлены особенности его производящей скотоводческой экономики, проявившиеся в значительном преобладании крупного рогатого скота в стаде. Проведенный впервые трасологический анализ орудий из камня, кости и глины с черкаскульских поселений позволил функционально атрибутировать большую их часть. Выделены инструменты скорняжного, металлообрабатывающего, керамического и др. производств. Показано, что подобная структура отраслей и ассортимент орудий типичны для эпохи поздней бронзы Зауралья. Специфика черкаскульского инвентарного набора проявилась в присутствии значительного числа изделий из небольших кварцитовых галек, использовавшихся для обработки шкур, кож, глиняной посуды. Установлено, что каменные инструменты нередко были полифункциональными, применялись в нескольких операциях и в разных отраслях. Сделан вывод о приемах обработки камня и кости. В результате проведенных исследований подтвержден вывод о скотоводческом характере многоотраслевой экономики черкаскульских обществ с разным удельным весом присваивающих отраслей и ряда производств.

Ключевые слова: археология, лесостепное Притобольшье, поздний бронзовый век, черкаскульская культура, хозяйственная деятельность, археозоология, трасология.

В контексте изучения черкаскульской культуры исследователи неоднократно обращались к характеристике хозяйственной деятельности ее носителей (Сальников, 1967, с. 367, 368; Хлобыстин, 1976, с. 47; Косарев, 1981, с. 136, 140; Петрин, Нохрина, Шорин, 1993, с. 191; Обыденнов, Шорин, Варов, Косинцев, 1994). При этом высказывались противоположные точки зрения по этой проблеме (Сальников, 1967, с. 367; Хлобыстин, 1976, с. 47). К началу 1990-х гг. утвердилось мнение о многоотраслевой экономике черкаскульского населения, сочетавшей производящие и присваивающие отрасли с приоритетом первых (Ко-

сарев, 1981, с. 140; Петрин, Нохрина, Шорин, 1993, с. 191; Обыденнов, Шорин, Варов, Косинцев, 1994, с. 29). Отмечалось, что реконструкция его хозяйственной специфики осложняется отсутствием хорошо стратифицированных поселений (Хлобыстин, 1976, с.47; Петрин и др., 1993, с. 191; Обыденнов и др., 1994, с. 14; Матвеев, 2007, с. 13). Существенно дополнить сведения по данной теме позволило изучение селища Ольховка в лесостепном Притобольшье (рис. 1). На основании материалов этого памятника подтвержден вывод о производящей скотоводческой экономике с преобладанием крупного рогатого скота в

¹ Работа выполнена по госзаданию: проект № АААА-А17-117050400147-2.

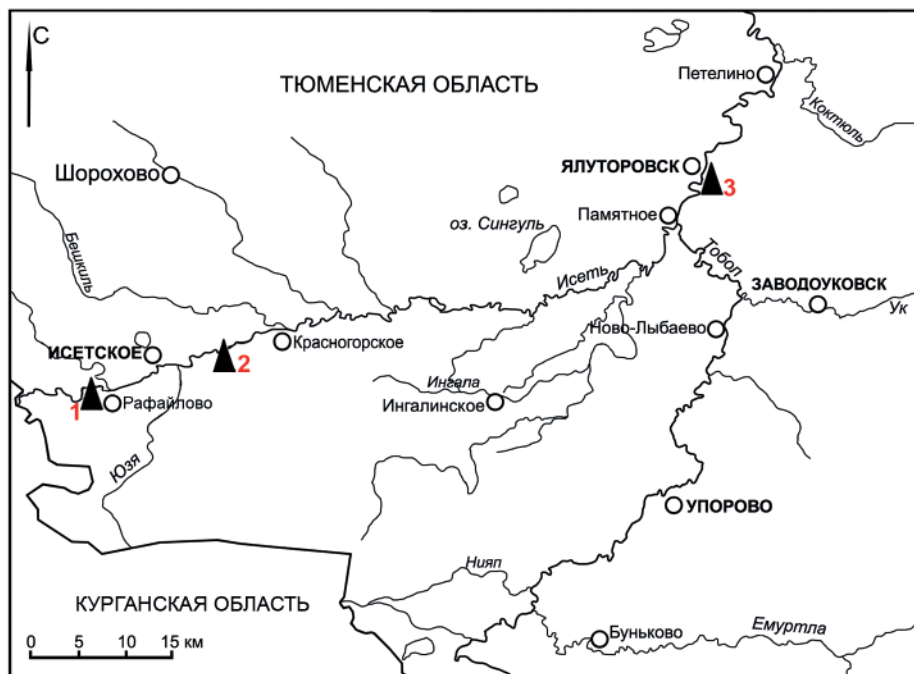


Рис. 1. Местоположение исследованных черкаскульских поселений на территории лесостепного Притоболья. 1 – Ольховка; 2 – Хрипуновское 1; 3 – Имбиряй 3.

Fig. 1. The location of the studied Cherkaskul settlements in the Tobol forest-steppe. 1 – Olkhovka settlement; 2 – Khripunovskoye 1 settlement; 3 – Imbiyai 3 settlement.

стаде у лесостепных черкаскульских групп, получены данные карпологии, свидетельствующие об их знакомстве с земледелием (Косинцев, Бобковская, 1997; Матвеев, 1999; 2007, с. 13, 14). Главным итогом проведенных исследований стала гипотеза о сходстве хозяйственного уклада черкаскульских и федоровских племен, что в совокупности с другими параллелями позволило, во-первых, аргументировать точку зрения об их генетической преемственности, во-вторых, отнести черкаскульские древности к числу андроновских, а не андронидных (Матвеев, 2000, с. 36, 37).

За последнее десятилетие появились материалы еще двух черкаскульских поселений с территории лесостепного Притоболья – Имбиряй 3, Хрипуновское 1 (рис. 1). Главным до-

стоинством этих памятников является хорошо стратифицированный культурно-хронологический комплекс позднего бронзового века (Матвеев, Измер, 2002; Костомарова, Костомаров, Зевайкина, 2011). Таким образом, появилась возможность проанализировать источники по хозяйственной деятельности черкаскульского населения, дополнить и уточнить представления по данной проблеме. Для этого использованы археозоологические определения П.А. Косинцева как опубликованные, так и не введенные в научный оборот (Косинцев, 1989; Косинцев, Бобковская, 1997), а также результаты трасологического анализа орудийного комплекса, проведенного автором данной работы.

Видовой анализ фаунистических останков с черкаскульских памятни-

Таблица 1

Видовой состав фаунистических остатков с черкаскульских поселений лесостепного Притобольша (определения П.А. Косинцева)

Виды животных	Ольховка (Косинцев, Бобковская, 1997)		Хрипуновское 1 (2008–2010 гг.)		Имбиряй 3	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Крупный рогатый скот (крс)	1267	71,4	2016	70,7	148	77
Мелкий рогатый скот (мрс)	211	11,9	477	16,7	9	4,7
Лошадь	203	11,4	330	11,6	28	14,7
Собака	9	0,5	7	0,25	-	-
Итого	1690	95,3	2831	99,3	185	96,4
Лисица	2	0,1	2	0,07	5	2,6
Медведь	2	0,1	-	-	-	-
Бобр	4	0,2	-	-	-	-
Свинья/кабан	4	0,2	1	0,04	-	-
Лось	32	1,8	8	0,3	2	1
Косуля	9	1,5	-	-	-	-
Заяц	2	0,1	-	-	-	-
Северный олень	-	-	1	0,04	-	-
Барсук	-	-	2	0,07	-	-
Птицы	29	1,6	5	0,2	-	-
Итого	84	4,7	20	0,7	7	3,6
Всего	1774	100	2850	100	192	100

ков лесостепного Притобольша показал, что в основе системы жизнеобеспечения оставившего их населения лежало производящее хозяйство, главное место в котором занимало скотоводство с преобладанием крупного рогатого скота (КРС) в стаде (табл. 1).

Соотношение костей лошади и КРС на пос. Ольховка и Хрипуновское 1 почти одинаково, а на пос. Имбиряй 3 первых в три раза больше. Такая разница может объясняться плохой сохранностью костного материала в культурном слое этого памятника. Из других домашних животных следует отметить наличие в незначительном количестве костей собаки. Доля костей диких животных минимальна, в связи с чем, несмотря на разнообразие их видового состава, можно заключить, что охота играла второстепенную роль. Исследователи, затрагивавшие вопросы хозяйства

черкаскульского населения, неоднократно отмечали вариабельность как в составе стада, так и в соотношении костей домашних и диких животных между лесными и лесостепными памятниками этой культуры (Петрин и др., 1993, с. 187; Обыденнов, Шорин, Варов, Косинцев, 1994, с. 60, 112; Обыденнов, Шорин, 2005, с. 76, 77; Матвеев, 2007, с. 14). Материалы черкаскульских поселений лесостепного Притобольша еще раз подтверждают эту закономерность, а также вывод о, скорее всего, мясной направленности и придомном характере скотоводства. Оно обеспечивало население продуктами питания и сырьем для ряда домашних производств (Обыденнов, Шорин, Варов, Косинцев, 1994, с. 22).

Сравнительный анализ полученных результатов с аналогичными показателями федоровской и пахомовской культур лесостепного Притобольша, как наиболее территориально и

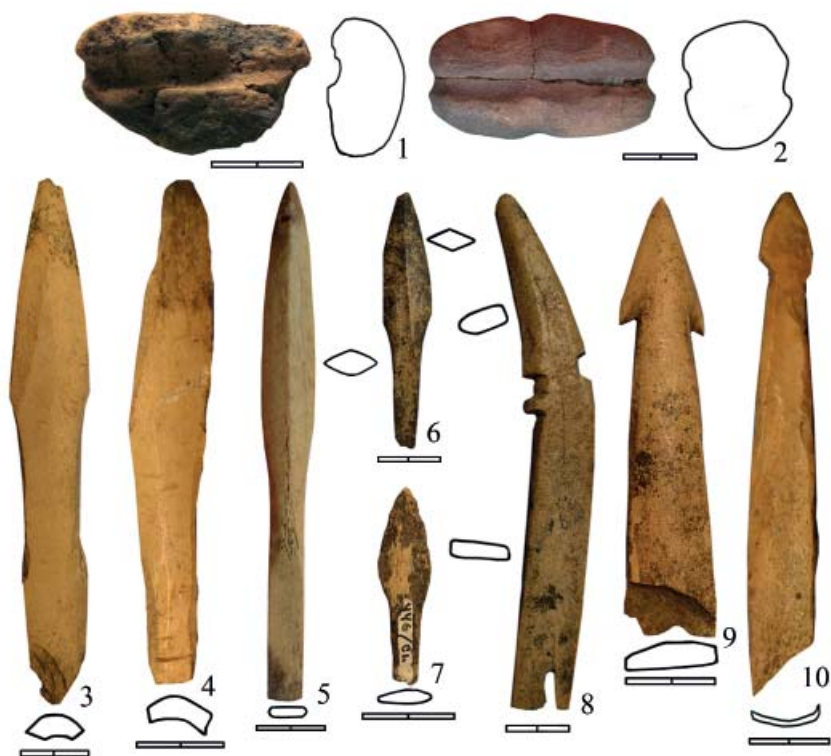


Рис. 2. Орудия рыболовства и охоты с черкаскульских поселений лесостепного При-
тоболья. 1, 2 – грузила; 3, 4 – заготовки наконечников стрел; 5–7 – наконечники стрел;
8 – накладка на лук; 9, 10 – наконечники метательных орудий. 1, 2 – глина;
3–7, 9, 10 – кость; 8 – рог.

1 – пос. Имбиряй 3; 2, 5 – пос. Хрипуновское 1; 3, 4, 6–10 – пос. Ольховка.

Fig. 2. Fishing and hunting tools of the Cherkaskul settlements in the Tobol forest-steppe.

1, 2 – sinkers; 3, 4 – blanks of arrowheads; 5–7 – arrowheads; 8 – plate on the bow; 9, 10 – throwing
weapon tips. 1, 2 – clay; 3–7, 9, 10 – bone; 8 – horn.

1 – Imbiryai 3 settlement; 2, 5 – Khripunovskoye 1 settlement; 3, 4, 6–10 – Olkhovka settlement.

культурно близких, позволил зафиксировать сходство между черкаскульскими и федоровскими материалами. Соотношение диких и домашних животных, состав стада практически идентичны (Косинцев, 1989, табл. 1; Матвеев, 2014, с. 61, табл. 1). Этот факт можно объяснить не только сходными экологическими условиями проживания носителей этих культур, но и их более прочными связями, о характере которых, однако, по материалам хозяйственной деятельности рассуждать сложно. По этому вопросу существуют две точки зрения. Со-

гласно первой, черкаскульская культура сложилась на базе федоровской и является преемницей ее традиций (Матвеев, 2000; 2007). Вторая гипотеза объясняет происхождение черкаскульской культуры взаимодействием местного населения с федоровским (Корочкова, 2010, с. 75, 76–78). Так или иначе, приоритет федоровской традиции в экономике черкаскульского населения очевиден. Существенную разницу между результатами археозоологических определений с пахомовских и черкаскульских памятников на сегодняшний день трудно

объяснить однозначно. Следует учитывать, что материалы первых немногочисленны и имеют особенности: на пос. Ново-Шадрино VII большая часть археозоологической коллекции связана с зольниками, являвшимися специфическими объектами на поселении, а количество костей с гор. Заводоуковское 11 крайне мало для обоснованных утверждений (Корочкова, 2009; 2010, с. 62–64; Аношко, Агапетова, 2010, с. 128). Скорее всего, имел место комплекс факторов как социокультурных, обусловленных многокомпонентностью происхождения пахомовского населения, так и природно-климатических.

Следующий этап работы связан с характеристикой производственной деятельности черкасульских групп, проживавших в лесостепном При-тоболье в позднем бронзовом веке. С этой целью проведен трасологический анализ изделий из камня, кости и глины с пос. Ольховка, Имбиряй 3 и Хрипуновское 1. Всего учтено 340 предметов. Часть из них представлена обломками без следов использования и обработки (68 экз.), на некоторых присутствуют шлифованные участки (75 экз.), однако в силу фрагментарности их назначение установить не удалось.

Присваивающие отрасли документируются керамическими грузилами (10 экз.). Восемь из них – это традиционные для эпохи бронзы Зауралья изделия, в плане близкой к прямоугольной форме с двумя или одним продольным желобком (рис. 2: 2). По сравнению с подобными предметами федоровской, пахомовской и бархатовской культур, черкасульские имеют меньшие размеры, желобок обычно широкий и выражен слабо. Два предмета овальной формы со сквозным

продольным отверстием (рис. 2: 1). Охота подтверждается присутствием на каждом поселении наконечников стрел. Они изготовлены из кости (3 экз.), камня (1 экз.) и бронзы (1 экз.). Все костяные изделия черешковые, имеют треугольное перо разных пропорций (рис. 2: 5–7). На поселении Ольховка обнаружено скопление их заготовок (рис. 2: 3, 4). Аналогии многочисленны (Сальникова, 2002). Один наконечник с пос. Хрипуновское 1 из серого кремнистого сланца имеет треугольную форму и размеры $2,8 \times 1,7 \times 0,4$ см. Техника его изготовления напоминает двухстороннее ретуширование, однако сколы крупные, расположены неравномерно. Подобные предметы характерны для более ранних памятников (Потемкина, 1985, рис. 34, 1, 2; Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 399–400; Матвеев, 1998, с. 254 и др.). Бронзовый наконечник двухлопастный с длинным черешком, с пером подтреугольной формы найден на пос. Ольховка (Дегтярева, Костомарова, 2011, с. 33). Охотничий промысел иллюстрирует концевая накладка на лук, изготовленная из рога (рис. 2: 8).

С присваивающими отраслями, скорее всего, связаны два наконечника метательных орудий с пос. Ольховка (рис. 2: 9, 10). Аналогичные предметы интерпретируются как обломки гарпунов (Потемкина, 1985, рис. 49, 1; с. 133). Однако однозначно решить вопрос об их назначении затруднительно, они могли применяться в охоте и рыбной ловле (Жилин, 2016, с. 17–33). Одно изделие с пос. Ольховка представляет собой обломок расколотой вдоль трубчатой кости (рис. 3: 3). Вся поверхность его залощена, отчего имеет характерный блеск и разнонаправленные линейные следы, по внешнему виду

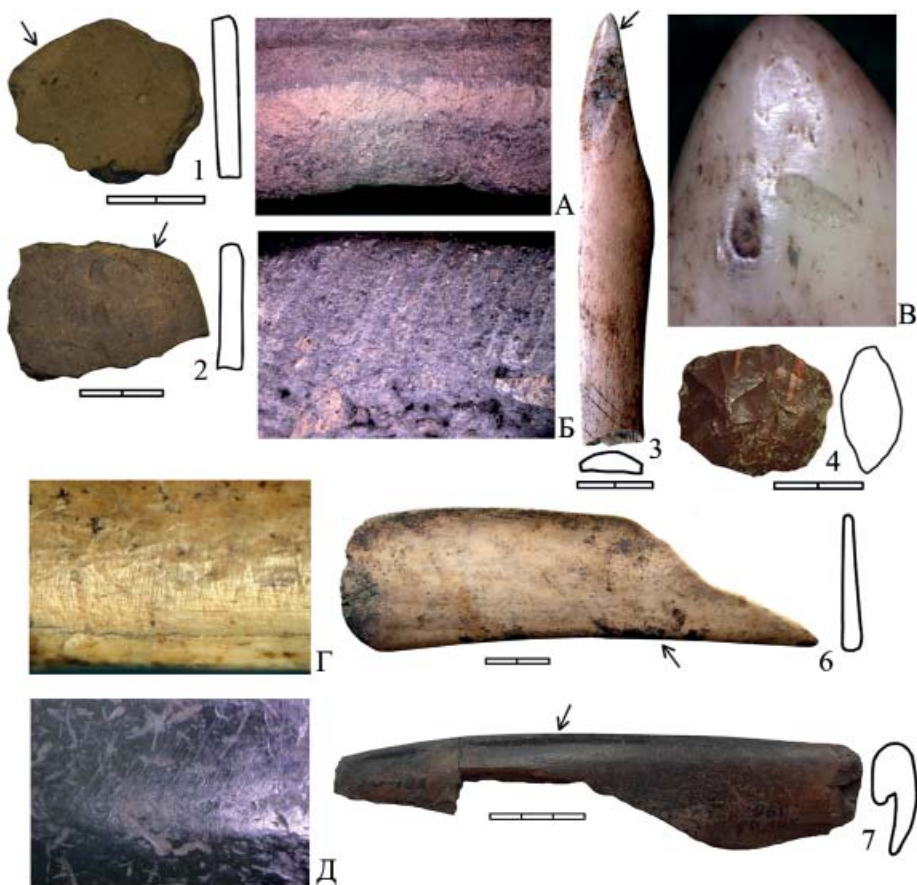


Рис. 3. Орудийный комплекс черкасульских поселений лесостепного Притобалья (здесь и далее стрелочками на рисунках обозначены места микрофотографий). 1, 2, 4, 5, 6 – скребки; 3 – инструмент для плетения; А, Б, Г, Д – следы сработанности на скребках (А, Б, Г – $\times 20$, Д – $\times 40$); В – следы использования на инструменте для плетения ($\times 40$). 1, 2 – глина; 3, 5, 6 – кость; 4 – камень. 1, 2, 4, 6 – пос. Хрипуновское 1; 3, 5 – пос. Ольховка.

Fig. 3. Complex of tools of the Cherkaskul settlements in the Tobol forest-steppe (here and further: the arrows in the figures indicate the place of microphotography). 1, 2, 4, 5, 6 – scrapers; 3 – an instrument for weaving; А, Б, Г, Д – use-wear traces on the scrapers (А, Б, Г – $\times 20$, Д – $\times 40$); В – traces of use on the instrument for weaving ($\times 40$). 1, 2 – clay; 3, 5, 6 – bone; 4 – stone. 1, 2, 4, 6 – Khripunovskoye 1 settlement; 3, 5 – Olkhovka settlement.

напоминающие царапины. Одно из окончаний заострено. Рабочий конец скруглен, на боковых гранях, прилегающих к острию, фиксируется заплывка и линейные следы, перпендикулярные продольной оси изделия (рис. 3: В). На этом основании можно предполагать, что предмет может являться кочедыком, предназначенным

для плетения (Алексашенко, 2003, с. 269). В целом количество орудий, связанных с присваивающими отраслями на памятниках черкасульской культуры лесостепного Притобалья, неравномерно. Их показатель на пос. Имбиряй 3 составляет 19,2%, на пос. Ольховка – 17,5%, на пос. Хрипуновское 1 – 7,5%. Следует отметить,

что большая часть из них – это орудия охоты.

Судя по числу инструментов и их ассортименту, важное место в структуре экономики каждого черкаскоульского поселения занимала обработка шкур и кож. На пос. Имбиряй 3 с этой отраслью связано 15,4% орудий, на пос. Ольховка – 25,6%, на пос. Хрипуновское 1 – 32,2%. Рассматриваемое производство иллюстрируют скребки из фрагментов посуды (12 экз.) (рис. 4: 1, 2) и камня, использовавшиеся для снятия мездры (2 экз.) (рис. 2: 4); обломки изделий из нижних челюстей и ребер крупного скота (6 экз.) (рис. 4: 6, 7) и небольшие кварцитовые гальки, применявшиеся для лощения (31 экз. с учетом полифункциональных орудий) (рис. 4: 3) (Скочина, Костомарова, 2016). Так же на всех селищах найдены бронзовые шилья и костяные проколки (2 и 4 экз. соответственно), применявшиеся при производстве одежды и других изделий. С прядением связаны пряслица как лепные округлой и биконической форм, так и из фрагментов посуды (12 экз.) (рис. 4: 1, 2). В процентном соотношении эти орудия составляют от 7,5 до 11,4%.

Керамическое производство представлено двумя фрагментами каменных пестов, предназначавшихся для дробления шамота; ложилами из небольших кварцитовых галек (24 экз. с учетом полифункциональных орудий) (Скочина, Костомарова, 2016). Применение последних подтверждается результатами технико-технологического анализа керамики с пос. Хрипуновское 1 (Илюшина, 2017, с. 10). Одно изделие изготовлено из расколотой вдоль трубчатой кости (рис. 4: 4). Поверхность обработана на абразиве до блеска. Окончание заострено. Ми-

кроследы сформированы на рабочем конце орудия в виде слабо заполированной поверхности с линейными царапинками, параллельными продольной оси (рис. 4: А). Они расположены на самом кончике предмета, линейные следы более грубые. Совокупность признаков дает основания рассматривать находку как орнаментир. С выравниванием и обработкой поверхности глиняной посуды связано несколько обломков костяных орудий (рис. 4: 6, Б). Количество орудий керамического производства на пос. Имбиряй 3 составляет 15,4%, на пос. Ольховка – 21,6%, на пос. Хрипуновское 1 – 18,2%.

Значительно количество инструментария, связанного с металлообработкой (пос. Имбиряй 3 – 27%; пос. Ольховка – 18%; пос. Хрипуновское 1 – 23,7%). Это обломки тиглей (2 экз.), сопел (2 экз.), литейных форм (10 экз.). Последние чаще глиняные, но на пос. Имбиряй 3 и Ольховка найдены предметы из талькового камня (2 экз.) (рис. 5: 2, 3). После отливки изделие подвергалось ковке, устранению литейных дефектов, выравниванию поверхности. Для этих операций использовались гладилки-выпрямители (3 экз.), молотки (3 экз.) (рис. 5: 4, В), комбинированные орудия – молотки-гладилки (3 экз.) (рис. 5: 1, А, Б), наковальни (4 экз.), абразивы (12 экз.) (рис. 3: 4), оселки (2 экз.) (рис. 4: 7, В, Г; 5: 5, Г). Все орудия для обработки металла изготовлены из камня, в качестве заготовок отбирались плитки и крупные окатанные гальки, у которых в ряде случаев пикетажем и абразивной обработкой подготавливались рабочие торцевые и боковые стороны. Ассортимент трасологически выделенных орудий соотносится с технологиями

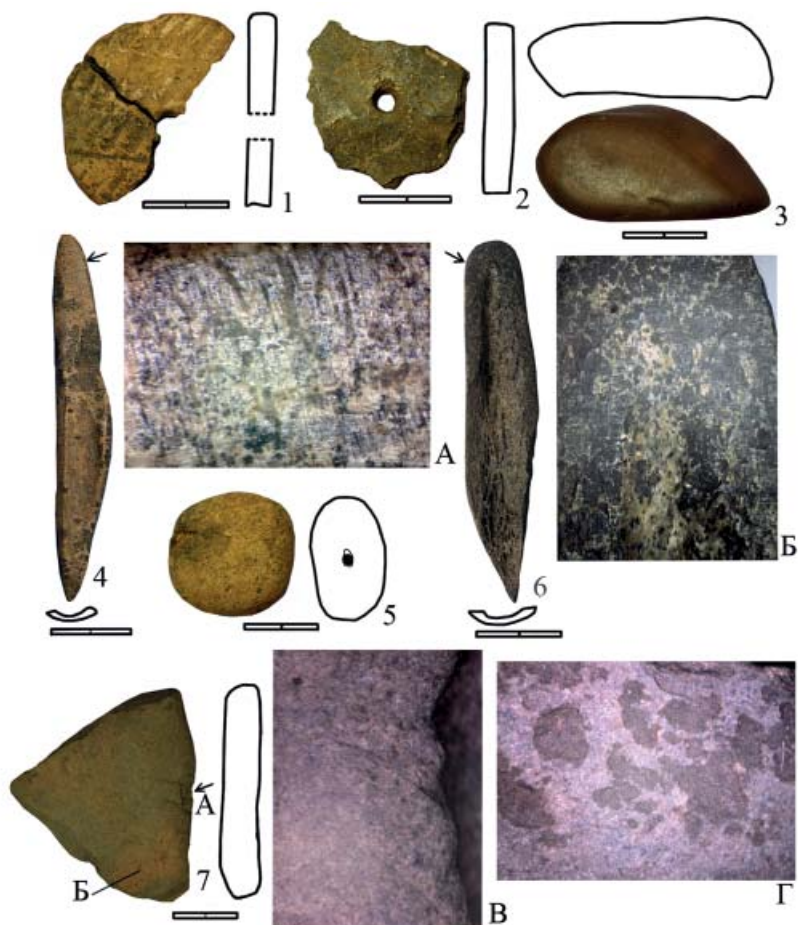


Рис. 4. Орудийный комплекс черкаскульских поселений лесостепного Притоболья. 1, 2 – пряслица; 3 – ложило по шкуре/коже; 4, 6 – орудия керамического производства; 5 – рукоять бронзового орудия (шила?); 7 – абразив – подставка-наковальня. А, Б – следы сработанности на орудиях керамического производства (x40, x15); В – следы сработанности на абразиве (x10); Г – следы сработанности отковки металла (x20). 1, 2, 5 – глина; 3, 7 – камень; 4, 6 – кость.
1, 2, 3, 5–7 – пос. Хрипуновское 1; 4 – пос. Ольховка.

Fig. 4. Complex of tools of the Cherkaskul settlements in the Tobol forest-steppe. 1, 2 – spindle whorls; 3 – polisher for skin or animal-hide; 4, 6 – pottery making tools; 5 – bronze tool handle; 7 – abrasive – stand-anvil. А, Б – use-wear traces on the pottery making tools (x40, x15); В – use-wear traces on the abrasive (x10); Г – use-wear traces from metal forging (x20). 1, 2, 5 – clay; 3, 7 – stone; 4, 6 – bone. 1, 2, 3, 5–7 – Khripunovskoye 1 settlement; 4 – Olkhovka settlement.

металлообработки, реконструированной по результатам металлографического анализа бронзовых изделий (Дегтярева, Костомарова, 2011, с. 43).

Обработка камня, кости, дерева представлена единичными орудиями: абразивами (3 экз.), долотом (1 экз.),

теслом (1 экз.) (Матвеев, 2007, рис. 10: 2; 13: 9). Для изготовления костяных изделий чаще всего использовали трубчатую кость (около 20 предметов). Намного реже использовались остальные кости: ребра – 4 экз., челюсть – 3 экз., лопатка – 3 экз., таранные –

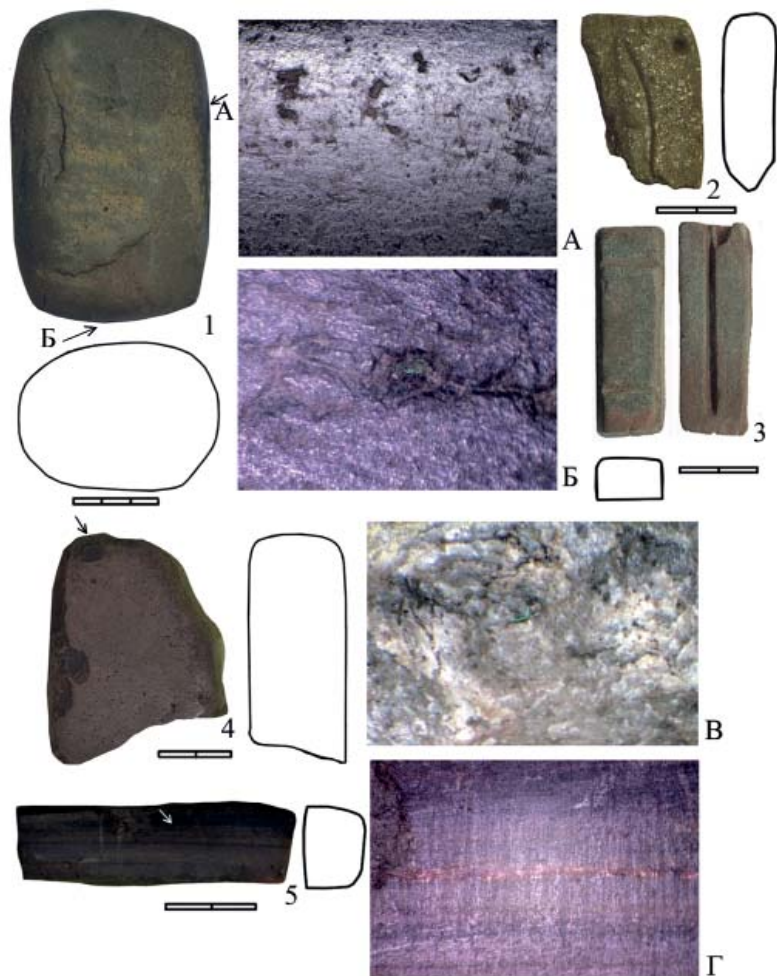


Рис. 5. Металлообрабатывающие орудия с черкаскульских поселений лесостепного Притоболья. 1 – молоток-гладилка; 2, 3 – литейные формы; 4 – молоток для холоднойковки; 5 – оселок; А – следы сработанности от выглаживания металлической поверхности (x20); Б, В – следы сработанности на молотках дляковки (x20); Г – следы сработанности на оселке (x15). 1–5 – камень.

1, 4, 5 – пос. Хрипуновское 1; 2 – пос. Ольховка; 3 – пос. Имбиряй 3.

Fig. 5. Metalworking tools of the Cherkaskul settlements in the Tobol forest-steppe. 1 – hammer-smoothing; 2, 3 – molds; 4 – hammer for cold forging; 5 – hone; А – use-wear traces of smoothing the metal surface (x20); Б, В – use-wear traces on the hammer for forging (x20); Г – use-wear traces on the hone (x15). 1–5 – stone.

1, 4, 5 – Khripunovskoye 1 settlement; 2 – Olkhovka settlement; 3 – Imbiryai 3 settlement.

2 экз. Использование рога единично. Анализ поверхности костяных изделий с черкаскульских памятников лесостепного Притоболья и уникальная находка скопления их заготовок с пос. Ольховка дают основания ут-

верждать, что для резки и строгания применялись металлические инструменты. Отмечены факты поперечной рубки кости (4 экз.). Далее поверхность подвергалась абразивной обработке. Из этого сырья изготовли-

вались орудия охоты, скорняжного, керамического производства. Каменное сырье, представленное, чаще всего, алевритами, песчаниками подвергалось оббивке, пикетажу, абразивной обработке. На одном из каменных изделий с пос. Хрипуновское 1 зафиксированы следы от использования стержневидного узкого бронзового долота (Костомарова, 2017, рис. 1: 3). Обнаруженные на всех исследованных черкакульских памятниках лесостепного Притоболья бронзовые ножи (2 экз.), наконечник копья (1 экз.) уместно относить к категории универсальных орудий, задействованных в разных отраслях (Дегтярева, Костомарова, 2011, рис. 1: 6, 9, 10). Сюда же можно включить порядка десяти обломков пестов и 15 пассивных плиток, следы и степень сработанности которых не позволяют точно их атрибутировать. Они использовались в операциях по измельчению и растиранию различных материалов.

В целом трасологическое изучение орудийного комплекса позволило функционально атрибутировать большую часть изделий. Специфика набора инструментов присваивающего хозяйства, доля которых варьирует на изученных памятниках от 7 до 19%, проявилась в преобладании орудий охоты. Удалось не только выявить инвентарь кожевенного, керамического, металлообрабатывающего и др. производств, но и связать его с конкретной технологической операцией. Кроме того, выделена группа полифункциональных или универсальных орудий, применявшихся в разных отраслях. Установлено, что все производства носили домашний характер и, судя по количеству задействованных инструментов, имели примерно одинаковое соотношение в структуре экономики

каждого черкакульского поселения. Нам не удалось выявить инвентарь, однозначно связанный с земледелием (прежде всего, орудий для обработки почвы), поэтому вопрос о его роли с учетом имеющихся данных карпологии остается открытым.

Сравнительный анализ черкакульского орудийного набора с другими, относящимися к эпохе поздней бронзы, продемонстрировал наибольшее сходство с лесостепными федоровскими поселениями Черемуховый Куст, Щетково 2, которое проявилось, прежде всего, в незначительном количестве орудий рыболовства. На расположенных севернее федоровских поселках Курья 1, Дуванское XVII и пахомовских памятниках эта отрасль, судя по количеству грузил, имела большее значение (Костомарова, 2013; Матвеев, Костомаров, 2011, с. 50). Остальные производства носителей рассматриваемых культур характеризуются практически идентичными наборами инструментов, что свидетельствует об устойчивости технологических процессов и производств. В этом отношении следует отметить более широкое применение черкакульцами в процессе обработки кож, шкур и керамики небольших кварцитовых галек. В алакульских, федоровских, пахомовских и бархатовских материалах фиксируются единичные экземпляры подобных орудий. Эти изделия определяют специфику черкакульского орудийного набора.

Таким образом, экономика черкакульского населения лесостепного Притоболья являлась комплексной и многоотраслевой, основанной на скотоводстве и представляла устойчивую систему с незначительными вариациями ее основных элемен-

тов: рыболовства, охоты, обработки металла, кости, камня, прядения, керамического, кожевенного производств. Это соотносится с материалами эпохи поздней бронзы в целом, а наиболее близкие аналогии находит в федоровских комплексах. Специфика модели хозяйственно-производственной деятельности лесостепных черкаскульских групп проявилась в составе стада, а именно: в доминировании

крупного рогатого скота, соотношении производящих и присваивающих отраслей, ассортименте орудий некоторых производств. Факты необходимо соотнести с результатами изучения других характеристик рассмотренных памятников (хронологии, палинологии, керамического комплекса, домостроительства), что, на наш взгляд, позволит объяснить выявленные закономерности.

Примечание:

² Здесь и далее указан % от общего количества функционально атрибутированных орудий с учетом полифункциональных изделий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексащенко Н.А.* Трасологическое изучение костяных изделий поселения Имерка-8 // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2003. С. 264–277.
2. *Аношко О.М., Агапетова Т.А.* Новые данные по пахомовской культуре в Тоболо-Исетье // Андроновский мир / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. С. 118–137.
3. *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 407 с.
4. *Дегтярева А.Д., Костомарова Ю.В.* Металл позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1. С. 30–45.
5. *Жилин М.Г.* Зубчатые острия в мезолите Верхнего Поволжья // КСИА. 2016. № 242. С. 17–33.
6. *Илюшина В.В.* Технология изготовления керамики у населения черкаскульской культуры в Нижнем Притоболье (по материалам пос. Хрипуновское 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3. С. 5–15.
7. *Корочкова О.Н.* О западносибирских зольниках эпохи поздней бронзы // РА. 2009. № 1. С. 25–35.
8. *Корочкова О.Н.* Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.
9. *Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 277 с.
10. *Косинцев П.А.* Охота и скотоводство у населения лесостепного Зауралья в эпоху бронзы // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале / Отв. ред. В.Д. Викторова, Н.Г. Смирнов. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 84–104.
11. *Костомарова Ю.В.* Хозяйственно-производственная деятельность федоровского населения нижнего Притоболья (по результатам комплексного анализа орудий труда) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4. С. 32–41.
12. *Костомарова Ю.В.* Каменные орудия в хозяйственной деятельности населения эпохи поздней бронзы лесостепного Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4. С. 28–36.
13. *Костомарова Ю.В., Костомаров В.М., Зевайкина И.С.* Результаты исследования селища Хрипуновское 1 – нового памятника эпохи поздней бронзы и раннего железного века на территории лесостепного Притоболья // AB ORIGINE: археолого-

этнографический сборник ТюмГУ. Вып. 3 / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. С. 4–33.

14. *Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.

15. *Матвеев А.В.* Новые данные о системе жизнеобеспечения черкаскульского населения Приисетья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 121–123.

16. *Матвеев А.В.* Лесостепное Зауралье во II – начале I тыс. до н.э. Автореф. дис... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. 50 с.

17. *Матвеев А.В.* Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2007. С. 4–42.

18. *Матвеев А.В.* Федоровская культура в лесостепном Зауралье // Александр Васильевич Матвеев: Сборник научных трудов и воспоминаний. Посвящен памяти А.В. Матвеева / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. С. 53–94.

19. *Матвеев А.В., Измер Т.С.* Исследование поселения Имбиряй 3 в Ингальской долине // Словцовские чтения – 2002: Мат. Всероссийской научно-практ. конф. / Отв. ред. Т.И. Бакулина. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. С. 142–143.

20. *Матвеев А.В., Костомаров В.М.* Пахомовские древности Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1. С. 46–55.

21. *Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф.* Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: Урал. университет, 1995. 196 с.

22. *Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф.* Черкаскульская культура. Учебное пособие. Уфа: Юридический колледж, 2005. 139 с.

23. *Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., Варов А.И., Косинцев П.А.* Хозяйство населения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы. Препринт. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 113 с.

24. *Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф.* Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпоха камня и бронзы). Новосибирск: Наука, 1993. 212 с.

25. *Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 374 с.

26. *Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 407 с.

27. *Сальникова И.В.* Костяные наконечники стрел из комплексов Западной Сибири. Проблемы классификации и моделирования. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 23 с.

28. *Скочина С.Н., Костомарова Ю.В.* Функциональное назначение орудий труда из галек с поселений эпохи поздней бронзы лесостепного Притоболья (экспериментально-трассологический анализ) // АЭАЕ. 2016. Т. 44. № 1. С. 72–81.

29. *Хлобыстин Л.П.* Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Ленинград: Наука, 1976. 65 с.

Информация об авторе:

Костомарова Юлия Валерьевна, младший научный сотрудник, ФИЦ Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН (г. Тюмень, Россия); jvkostomarova@yandex.ru

RECONSTRUCTION OF MAIN ELEMENTS ECONOMY OF THE
CHERKASKUL POPULATION OF THE LATE BRONZE AGE
IN THE FOREST-STEPPE TOBOL REGION

Yu.V. Kostomarova

The paper summarizes the available and presents new materials for the reconstruction of economic and industrial activities of the Cherkaskul culture population on the territory of the forest-steppe Tobol river. The results of paleozoological analysis showed that cattle breeding was the basis of economy. It is characterized by predominance of cattle in the herd. The use-were analysis of tools made of stone, bone and clay from the Cherkaskul settlements allowed to attribute most of the products functionally. The tools for furrier, metal, ceramic etc. industries were identified. The similar structure of branches and the range of tools are regarded typical for cultures of Late Bronze Age of the Trans-Urals. The small quartzite pebbles are considered as specific instruments of the Cherkaskul culture. They were used in processing leather and ceramic industries. It was established that stone tools were often multifunctional. As a result, the conclusion has been made concerning a comprehensive pastoral economy with a different proportion of the other industries was inherent in the Cherkaskul culture population.

Keywords: archaeology, forest-steppe area of the Tobol river, Late Bronze Age, Cherkaskul culture, economic activities, paleozoology, use-were analysis.

REFERENCES

1. Aleksashenko, N. A. 2003. In Masson, V.M. (ed.). *Peterburgskaia trasologicheskaiia shkola i izuchenie drevnikh kul'tur Evrazii: V chest' iubileia G.F. Korobkovoii (Saint Petersburg School of Traceology and the Study of Ancient Cultures of Eurasia: In honor of the Anniversary of G.F. Korobkova)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 264–277 (in Russian).
2. Anoshko, O. M., Agapetova, T. A. 2010. In Matveeva, N. P. (ed.). *Andronovskii mir (The World of Andronovo)*. Tiumen: Tiumen State University Publ., 118–137 (in Russian).
3. Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening, V. V. 1992. *Sintashta. Arkheologicheskie pamiatniki ariiskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepei. Ch. 1. (Archaeological Sites of Aryan Tribes in the Urals/Kazakhstan Steppes. Part 1)*. Cheliabinsk: South Ural Book Publ. (in Russian).
4. Degtiareva, A. D., Kostomarova, Yu. V. 2011. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (1), 30–45 (in Russian).
5. Zhilin, M. G. 2016. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 242 (1). 17–33 (in Russian).
6. Iliushina V. V. 2017. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 38 (3), 5–15 (in Russian).
7. Korochkova, O. N. 2009. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 25–35 (in Russian).
8. Korochkova, O. N. 2010. *Vzaimodeistvie kul'tur v epokhu pozdnei bronzy (andronoidnye drevnosti Tobolo-Irtysh'ia) (Antiquities of the Andronovo Cultural Circle of the Tobol and Irtysh)*. Ekaterinburg: "UralIurIzdat" Publ. (in Russian).
9. Kosarev, M. F. 1981. *Bronzovyi vek Zapadnoi Sibiri (Bronze Age of Western Siberia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Kosintsev, P. A. 1989. In Viktorova, V. D., Smirnov, N. G. (eds.). *Stanovlenie i razvitie proizvodiashego khoziaistva na Urale (Formation and Development of Productive Economy in the Urals)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 84–104 (in Russian).
11. Kostomarova, Yu.V. 2013. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 4, 32–41 (in Russian).

The study was funded by Basic Research Program: project № AAAA-A17-117050400147-2.

12. Kostomarov, Yu. V. 2017. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 4, 28–36 (in Russian).
13. Kostomarov, Yu. V., Kostomarov, V. M., Zevaikina, I. S. 2011. In Matveeva, N. P. (ed.). *AB ORIGINE* (3). Tyumen: Tyumen State University Publ., 4–33 (in Russian).
14. Matveev, A. V. 1998. *Pervye andronovtsy v lesakh Zaural'ia (The First Andronovo People in the Forests of the Trans-Urals)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
15. Matveev, A. V. 1999. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 2, 121–123 (in Russian).
16. Matveev, A. V. 2000. *Lesostepnoe Zaural'e vo II – nachale I tys. do n.e. (Forest-Steppe Trans-Urals in the 2nd – Early 1st Millennium B.C.)*. Doct. Diss. Thesis. Novosibirsk (in Russian).
17. Matveev, A. V. 2007. In Matveeva, N. P. (ed.). *AB ORIGINE. Problemy genezisa kul'tur Sibiri (B ORIGINE: Issues of the Genesis of Siberian Cultures)*. Tyumen: "Vektor Buk" Publ., 4–42 (in Russian).
18. Matveev, A. V. 2014. In Matveeva, N. P. (ed.). *Aleksandr Vasil'evich Matveev: Sbornik nauchnykh trudov i vospominanii. Posviashchen pamiatii A.V. Matveeva (Alexander Vasilievich Matveev: Collection of Scientific Papers and Memories. Dedicated to the Memory of A.V. Matveev)*. Tyumen: Institute for Problems Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 53–94 (in Russian).
19. Matveev, A. V., Izmer, T. S. 2002. In Bakulina, T. I. (ed.). *Slovitsovskie chteniia – 2002 (Slovitsov Readings - 2002)*. Tyumen: Tyumen State University Publ., 142–143 (in Russian).
20. Matveev, A. V., Kostomarov, V. M. 2011. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 1, 46–55 (in Russian).
21. Obydenov, M. F., Shorin, A. F. 1995. *Arkheologicheskie kul'tury pozdnego bronzovogo veka drevnikh ural'tsev (cherkaskul'skaia i mezhovskaia kul'tury) (Archaeological Cultures of the Late Bronze Age of the Ancient Ural Population (Cherkaskul and Mezhovka Cultures))*. Ekaterinburg: Ural University Publ. (in Russian).
22. Obydenov, M. F., Shorin, A. F. 2005. *Cherkaskul'skaia kul'tura (Cherkaskul Culture)*. Ufa: "Yuridicheskii kolledzh" Publ. (in Russian).
23. Obydenov, M. F., Shorin, A. F., Varov, A. I., Kosintsev, P. A. 1994. *Khoziaistvo naseleniia cherkaskul'skoi i mezhovskoi kul'tur Urala epokhi pozdnei bronzy. Preprint (Economy of the Population of the Cherkaskul and Mezhovka Cultures of the Urals in the Late Bronze Age. Preprint)*. Yekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).
24. Petrin, V. T., Nokhrina, T. I., Shorin, A. F. 1993. *Arkheologicheskie pamiatniki Argazinskogo vodokhranilishcha (epokha kamnia i bronzy) (Archaeological Sites of Argasi Reservoir (the Stone and Bronze Age))*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
25. Potemkina, T. M. 1985. *Bronzovyi vek lesostepnogo Pritobol'ia (Bronze Age of the Forest-Steppe Tobol Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
26. Sal'nikov, K. V. 1967. *Ocherki drevnei istorii luzhnogo Urala (Essays on the Ancient History of the Southern Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
27. Sal'nikova, I. V. 2002. *Kostiane nakonechniki strel iz kompleksov Zapadnoi Sibiri. Problemy klassifikatsii i modelirovaniia (Bone Arrowheads from the Complexes of West Siberia. Issues of Classification and Modeling)*. PhD Thesis. Novosibirsk (in Russian).
28. Skochina, S. N., Kostomarov, Yu. V. 2016. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 1 (44), 72–81 (in Russian).
29. Khlobystin, L. P. 1976. *Poselenie Lipovaia Kur'ia v luzhnom Zaural'e (The Settlement of Lipovaya Kurya in the Southern Trans-Urals)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Kostomarova Yulia V. Federal State Institution Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen Scientific Centre SB RAS). Malygina st., 86, Tyuman, 625026, Russian Federation; jvkostomarova@yandex.ru

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЛОЙ СРЕДЫ СИНТАШТИНСКО-ПЕТРОВСКИХ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ¹

© 2019 г. Н.В. Солдаткин

В статье анализируется историография по теме жилищ и поселений синташтинско-петровского типа. Автором кратко освещены важнейшие полевые открытия и исследования. На основании отмеченных качественных изменений в осмыслении темы определены три хронологических этапа. Первый этап длился с конца 1960-х по конец 1980-х годов. Были открыты и исследованы первые памятники, вышли первые публикации. Второй этап длился с конца 1980-х по середину 2000-х годов. В эти годы была обнаружена целая серия подобных поселений, а для историографии были характерны смелые и завышенные интерпретации. Тогда же появилась первая обобщающая концепция – «Страны городов». Третий этап начался с середины 2000-х и продолжается по настоящее время. Для настоящего этапа характерна, по мнению автора, критика построений предыдущего этапа, нацеленность на междисциплинарные полевые работы и планомерные исследования. Это приводит к большей детализации и усложнению современных представлений о предмете. Выделяются две новые обобщающие концепции – «металлургическая» и «освоения пространства».

Ключевые слова: археология, история изучения, Южное Зауралье, Северный Казахстан, эпоха бронзы, жилища и поселения синташтинско-петровского типа.

Введение

Под термином «жилая среда» понимается специально обустроенное пространство, предназначенное для проживания и жизнедеятельности человека. В археологизированном виде в наибольшей степени сохраняющимися следами жилой среды чаще всего оказываются архитектурные остатки жилищ и поселений. Одной из групп археологических памятников с яркой, выразительной архитектурой, необычной организацией жилой среды являются укрепленные поселения синташтинско-петровского типа. История их изучения началась относительно недавно, но оказалась весьма насыщенной, и является инте-

ресной темой для обобщающего исследования.

В данной статье не рассматривается подробно история полевых открытий и работ на поселениях (см. об этом Епимахов, 2002, с. 5–22; Зданович, Батанина, 2007, с. 8–24; Виноградов, 2011, с. 9–24). Основная цель – обзор и разбор научной, и, отчасти, научно-популярной историографии. Анализируются возникавшие и изменявшиеся идеи, обобщающие концепции, изучавшиеся аспекты, наиболее значимые публикации. Структурно статья разделена в соответствии с тремя выделенными хронологическими этапами, отражающими границы существенных изменений в осмыслении темы.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 16-18-10332 «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе: от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)», рук. Л.Н. Корякова.

Первый этап: конец 1960-х – конец 1980-х гг.

Можно определить как предварительный, его главным содержанием стало открытие и первые археологические раскопки синташтинско-петровских поселений. Практически одновременно, на рубеже 1960-х – 1970-х гг., начались исследования в Южном Зауралье (поселения Кизильское и Синташта) и в Северном Казахстане (поселения Новоникольское I и Петровка II) (рис. 1, 2).

На поселениях Южного Зауралья первые раскопки были заложены на глубоких, выделявшихся в рельефе жилищных впадинах. При их изучении были обнаружены уже хорошо известные материалы позднего бронзового века, относящиеся в основном к алакульской и срубной археологическим культурам. В дальнейшем выяснилось, что под ними сохранились остатки более ранних слоев. Это поставило задачу определения изначального периода строительства и обитания поселений. На Синташте ранний строительный горизонт сохранился лучше и был исследован масштабнее и раньше, чем на остальных подобных памятниках, раскапываемых на первом этапе. По известным на то время аналогиям он сначала был соотнесен с абашевской культурой, позже – с выделенным синташтинским типом. Изначально поселение Синташта не было определено как укрепленное, выявить остатки фортификаций удалось только в ходе раскопок 1980-х гг. (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с. 10–13).

В Северном Казахстане раскопки сразу велись не на отдельных жилищных впадинах, а сплошными широкими участками. Исследуемые поселения, отнесенные к петровской

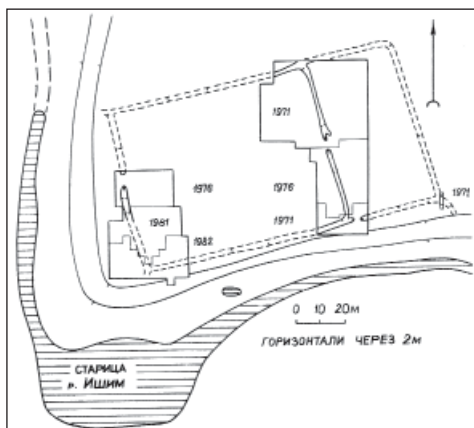


Рис. 1. Поселение Петровка II. Общий план (по: Зданович, 1988, рис. 12).

Fig. 1. Settlement Petrovka II. General plan (on: Zdanovich, 1988, fig.12).

культуре, также оказались многослойными. Ввиду неоднократных перестроек остатки жилищ раннего этапа уцелели плохо, что помешало уверенно зафиксировать их архитектурные особенности. Наиболее сохранившиеся ранними структурами здесь оказались участки фортификации.

Самой значимой публикацией этапа стала монография Г.Б. Здановича (Зданович, 1988). Часть работы, посвященная укрепленным поселениям, раскопанным в Северном Казахстане, является первым объемным изданием подобных материалов. На основании анализа стратиграфии были определены хронологические этапы обитания поселений, установлена принадлежность основных слоев к кругу культур андроновской культурно-исторической общности бронзового века. Приведена типология раскопанных жилищ, установлена эволюционная связь этапов заселения, в первую очередь, самого раннего – петровского, и следующего за ним алакульского, проявляющаяся и в особенностях домостроения. Намечена линия разви-

тия жилой среды от петровских поселений (к которым в данной работе отнесена и Синташта) с замкнутой фортификацией и вплотную расположенными жилищами к алакульским поселкам без регулярной планировки и с постепенным отказом от укреплений (Зданович, 1988, с. 132–133).

Второй этап: конец 1980-х – середина 2000-х гг.

Переход к следующему этапу связан с открытием в конце 1980-х – начале 1990-х гг. серии укрепленных поселений синташтинско-петровского типа, большинство из которых было обнаружено благодаря методу дешифровки аэрофотоснимков. Поселений теперь насчитывалось около 20-ти. Следует отметить, что в историографии существует несколько вариантов точного количества этих памятников. Можно выделить их основные признаки: замкнутая линия укреплений, состоящая из валов и рвов схожих форм и размеров; плотная секторальная застройка большими жилищами каркасно-столбовой конструкции с характерными деталями интерьера (например, колодцами); соответствие ранних слоев материалам синташтинской и петровской культур. В соответствии с этими критериями по сведениям из публикаций на сегодня можно обозначить 24 поселения (рис. 3, 4).

Среди обнаруженных памятников наибольшее внимание привлек Аркаим. Он отличался хорошей сохранностью, впечатляющим видом округлых линий фортификаций на аэрофотоснимках (рис. 5). Также необычно и эффектно выглядели «сверху» и планы других выявленных поселений. Но, помимо ярких особенностей и достоинств самих памятников, повышенный интерес к ним был во многом

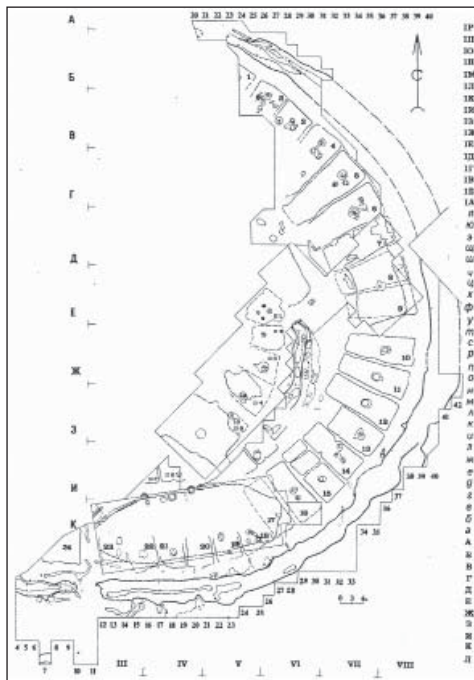


Рис. 2. Поселение Синташта. Общий план (по: Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, рис. 7).

Fig. 2. Settlement Sintashta. General plan (on: Gening V.F., Zdanovich, Gening V.V., 1992, fig. 7).

вызван обстоятельствами обнаружения и первых раскопок. Искренняя увлеченность первого исследователя Аркаима Г.Б. Здановича вместе с желанием привлечь внимание широкой аудитории, в том числе и ради спасения памятника от грозившего ему затопления, стимулировали появление смелых, масштабных, романтически приукрашенных идей. На восприятие поселений оказали влияние и характерные для периода «перестройки» тенденции: нацеленность на поиск сенсаций, «фантастических тайн» прошлого.

Уже первая большая статья, вышедшая после открытия и начала раскопок Аркаима, содержит ряд обобщающих идей, масштабных ре-

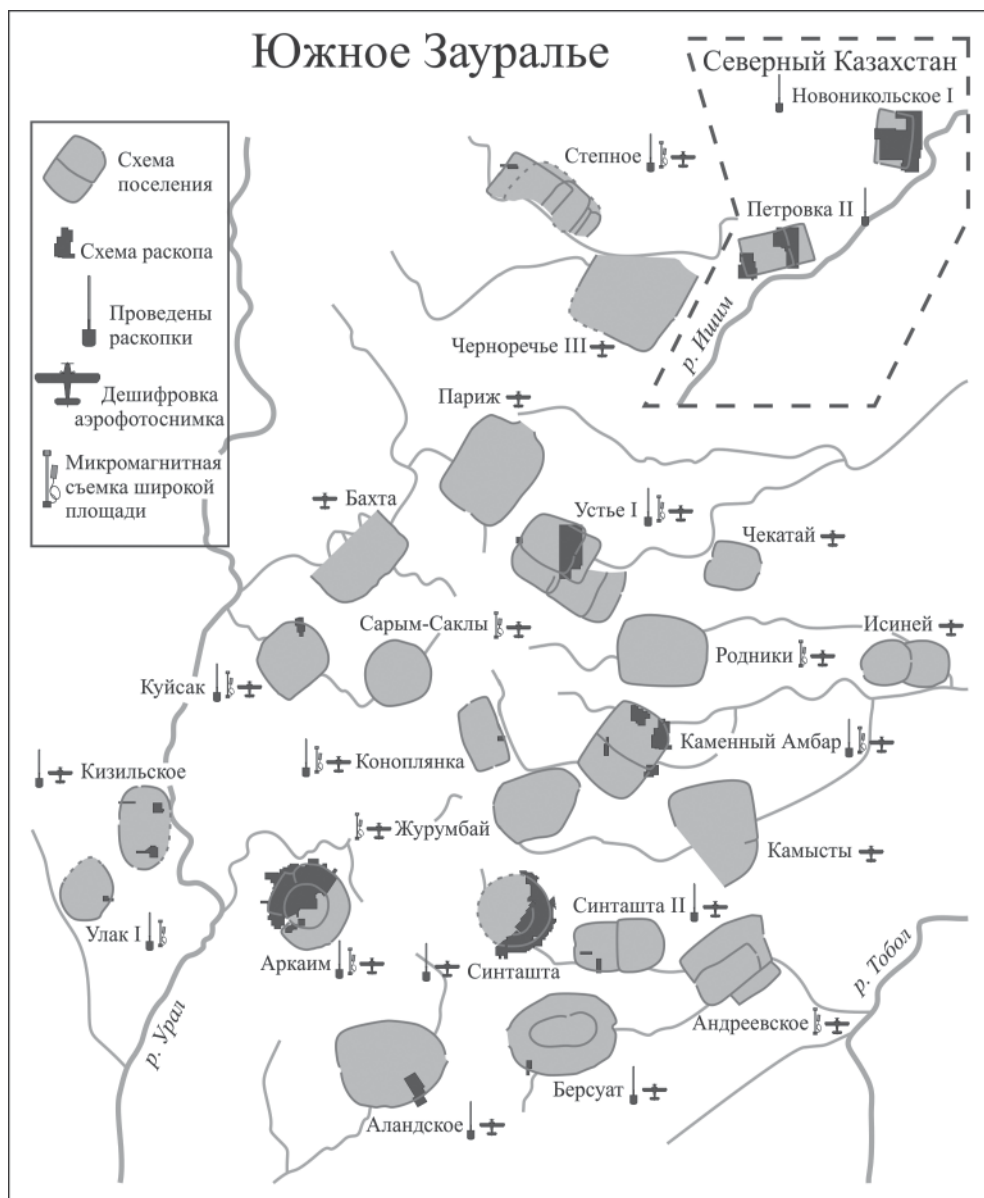


Рис. 3. Схемы синташтинско-петровских укрепленных поселений с обозначением проведенных полевых исследований.

Fig. 3. Schemes of Sintashta-Petrovka fortified settlements with the designation of the conducted field studies.

конструкций (Зданович, 1989). В статье обозначена развивавшаяся впоследствии авторская линия интерпретации поселений как обладающих признаками раннего города, протоцивилизации, культовых, религиозно-

административных и хозяйственных центров, связанных с древнеиранским и протоиндийским населением (Зданович, 1989, с. 183–189). Отмечено, что эти «города» создавались по заранее продуманному плану, имели

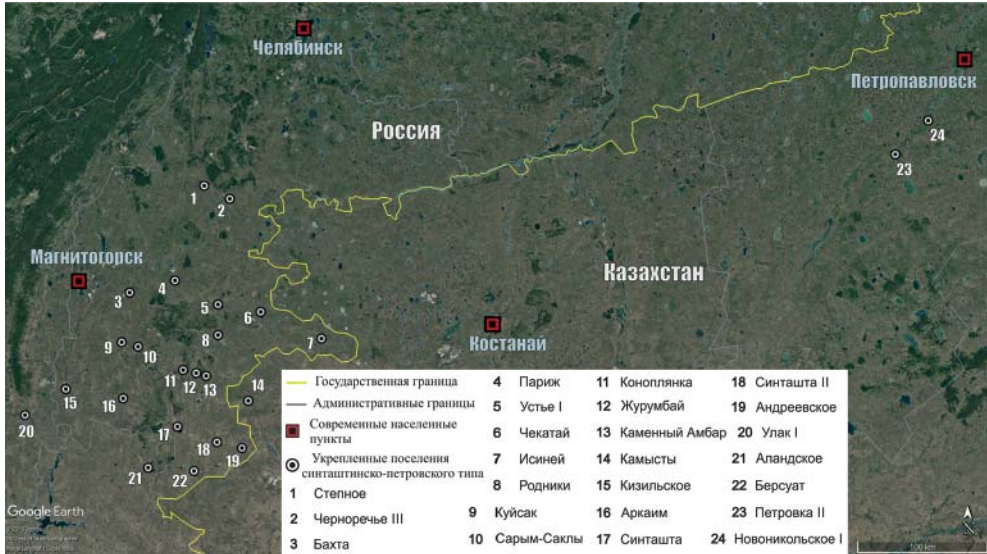


Рис. 4. Карта синташтинско-петровских укрепленных поселений.

Fig. 4. Map of the Sintashta-Petrovka fortified settlements.

развитую систему фортификации и сельскохозяйственную округу – 2–3 современных им небольших поселения (Зданович, 1989, с. 183, 185). Планировка Аркаима интерпретируется как свидетельство существования более укрепленной части, «цитадели», включающей внутренний круг жилищ, и менее укрепленной, составляющей внешний круг. Подчеркивается отличие центрической планировки поселений типа Аркаима, обозначенных как петровско-синташтинские, от традиционных поселений эпохи бронзы урало-казахстанских степей с открытой линейной планировкой, отдельно расположенными жилищами (Зданович, 1989, с. 184).

В 1992 г. вышла монография, посвященная Синташтинскому комплексу памятников (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992). Часть книги, посвященная результатам работ на укрепленном поселении Синташта, на долгое время стала наиболее полной и подробной публикацией по теме

жилой среды. В наибольшем объеме были представлены описания ранних, хорошо сохранившихся жилищ, а также участков фортификации. Приведены описательные и иллюстративные реконструкции архитектуры (рис. 6). Обобщенно перечислены основные признаки синташтинских жилищ: однотипные постройки в форме удлиненных трапеций, расположенные вплотную, по кругу, «подобно спицам в колесе». Жилища имели общие продольные стены и примыкали задними к оборонительной стене поселения (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с. 378). Их интерьер состоял из условно «жилой» и «хозяйственной» части, где располагались колодцы и очаги. Также в некоторых постройках выделяется «сакральное» помещение у задней стены. Основными строительными материалами были различные грунты (в том числе глиняные блоки) и дерево. Эти обобщающие описания и реконструкции определили многократно воспроизводящийся

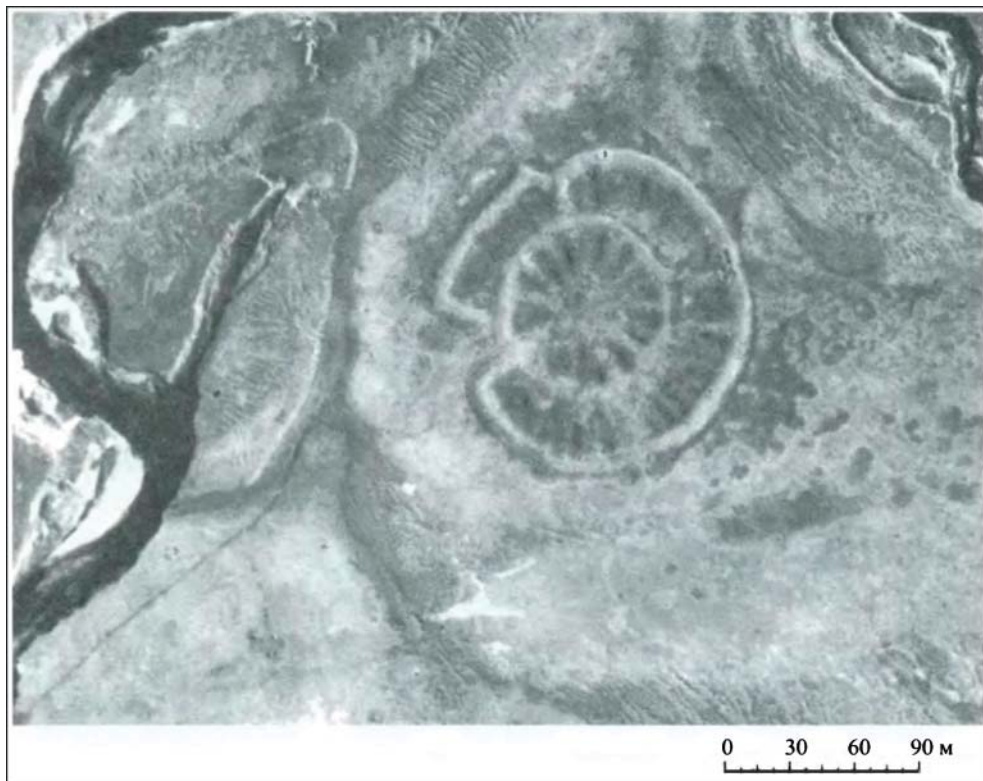


Рис. 5. Поселение Аркаим. Фрагмент аэрофотоснимка
(по: Зданович, Батанина, 2007, рис. 7).

Fig. 5. Settlement Arkaim. Aerial Photo Fragment (on: Zdanovich, Batanina, 2007, fig. 7).

в последующей историографии образ «классического» для всей группы подобных памятников архитектурного стандарта.

Он уточняется и закрепляется вместе с более масштабными осмысливающими идеями в нескольких, в основном, научно-популярных статьях Г.Б. Здановича с соавторами. Раскопанные на Аркаиме жилища описываются обобщенно, как трапециевидные в плане постройки, длиной 16–22 м, площадью 100–180 кв. м (Зданович, 1995, с. 29). Предполагается, что поселение в целом могло вмещать до 2,5 тысяч человек, имело ливневую канализацию, являлось одновременно и крепостью, и храмом, и ремесленным центром, и жилым поселком,

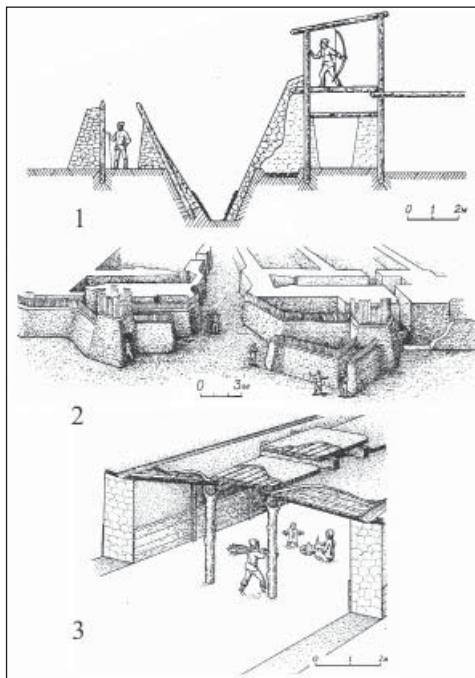
внутренний круг жилищ использовался и как солнечно-лунная обсерватория (Зданович, 1995, с. 25, 34–35). Высоко оцениваются реконструируемые параметры фортификации, «достойной средневековых крепостей», включающей предвратные башни, сложные лабиринты входов (Зданович, 1995, с. 25, 27). Формулируется понятие «Страна городов». Это условное название локализации укрепленных поселений эпохи бронзы в Южном Зауралье, протяженностью 400 км с севера на юг и 150 с запада на восток, уже без учета Северо-Казахстанских петровских памятников (Зданович, Батанина, 1995, с. 54, 56). Допущено предположение, что эта территория была связана с «ариями» и могла быть

Рис. 6. Реконструкции архитектуры поселения Синташта:

1 – разрез оборонительной стены у южного входа, 2 – реконструкция южного входа, 3 – реконструкция жилища
(по: Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, рис. 12, 13, 21).

Fig. 6. Reconstruction of the architecture of the Sintashta settlement:

1 – defensive wall at the southern entrance in a cut, 2 – reconstruction of the southern entrance, 3 – reconstruction of the dwelling
(on: Gening V.F., Zdanovich, Gening V.V., 1992, fig. 12, 13, 21).



«страной создателей Ригvedы и Авесты» (Зданович, Батанина, 1995, 62). Обозначены географические факторы локализации – наличие леса, пастбищ, месторождений меди, источников воды (Зданович, Батанина, 1995, с. 56, 58). Намечено три этапа в развитии «Страны городов»: ранний, которому соответствовали овальные поселения, классический – круглые, и поздний – прямоугольные. В сумме весь этот комплекс идей и гипотез формирует первую обобщающую интерпретационную концепцию жилой среды поселений, концепцию «Страны городов».

Многие из ее тезисов опирались на предположения, недостаточно подкрепленные научными аргументами и данными источников. К тому же результаты раскопок и междисциплинарных исследований ключевого для концепции памятника – Аркаима, очень кратко освещались только в нескольких небольших статьях. В связи с этим вслед за оформлением нача-

лась и активная критика построений «Страны городов» (например, Григорьев, 1999, с. 120–124; Епимахов, 2002, с. 16–18, и др.). Высказываются более осторожные оценки памятников, намечаются варианты развивавшихся в дальнейшем альтернативных обобщающих трактовок укрепленных поселений – как своеобразных форпостов, опорных пунктов, возникших в ходе освоения региона пришлыми этническими группами, как мест обитания специализированных общин металлургов и др.

Необычная для территории и эпохи архитектура поселений вызвала интерес и к поиску возможных аналогий, истоков происхождения. Большая часть предложенных аналогий опиралась в основном на сходства общей планировочной схемы, причем в первую очередь учитывались только округлые в плане поселения. Были представлены самые разнообразные варианты как с прилегающих, так и

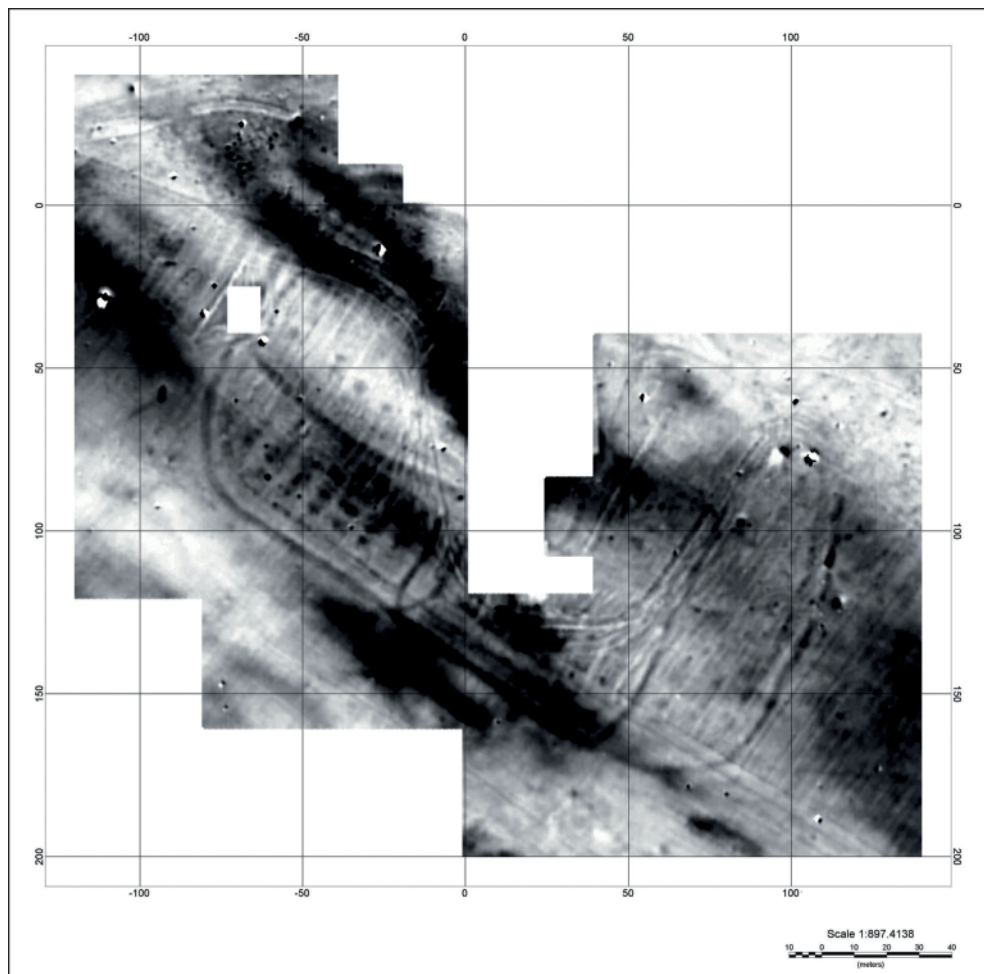


Рис. 7. Геомагнитный план поселения Устье I (по: Древнее Устье, 2013, рис. 14.3).

Fig. 7. Geomagnetic plan of the settlement Ust'ye I (on: Drevneye Ust'ye, 2013, fig. 14.3).

весьма отдаленных территорий Европы, Передней и Средней Азии. Наибольшее собрание аналогий и сравнений представлено в монографии С.А. Григорьева (Григорьев, 1999, с. 19–39). Исследователь пришел к выводу о появлении синташтинских архитектурных стандартов в Южном Зауралье в результате миграции с территории Передней Азии, откуда была перенесена «анатолийская поселенческая схема» (Григорьев, 1999, с. 29–34, 39). Сравнения с ней также основаны только на определенном

внешнем подобию и не содержат подробного анализа различий внутренней застройки. В этой и ряде других работ также зафиксировано ставшее на определенное время общепринятым разделение укрепленных поселений на петровские, которым соответствуют прямоугольные в плане поселения, и на округлые синташтинские (Григорьев, 1999, с. 21, 112).

Третий этап: середина 2000-х – настоящее время

Определенные тенденции, возникшие и нараставшие на втором этапе

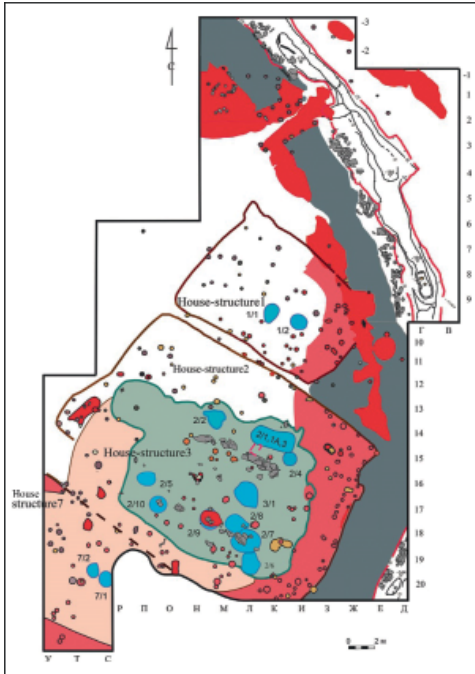


Рис. 8. Поселение Каменный Амбар. План раскопов 1–5 (по: Fornasier, Krause, Korjakova et al., 2014, рис. 9).

Fig. 8. Settlement Kamennyi Ambar. Plan of excavation 1–5 (on: Fornasier, Krause, Korjakova et al., 2014, fig. 9).

изучения, обозначили постепенный переход к следующему. Это критика концепции «Страны городов», зарождение альтернативных интерпретационных гипотез, проведение междисциплинарных полевых исследований.

В историографии третьего этапа представлена и относительно умеренная (например, Петров, 2009; Ткачев, 2007, с. 136, 302), и весьма резкая (Коренько, Кузьминых, 2007) критика идей Г.Б. Здановича. Широко распространившееся среди специалистов скептическое отношение в некоторых случаях приняло формы противоположной крайности. Так, во многом в противовес интерпретации поселений как «протогородов» и «протоцивилизации» была предложена интерпретация как загонов для скота (Анисимов, 2009, с. 17). Другой показательный пример – мнение об отсутствии на Аркаиме «нормального» культурного слоя и «ничтожности» археологической коллекции, полученной при его раскопках (Черных, 2007, с. 78–80).

Вместе с критикой выдвигаются альтернативные, более прагматичные объяснения, рассматриваются новые аспекты жилой среды. Так, обращено внимание на дополнительные ландшафтные факторы локализации поселений: близость грунтовых вод, припойменных пастбищ, защиту холмами от сильных ветров (Анисимов, 2009, с. 18; Петров, 2009, с. 33). В качестве основной функции многочисленных расположенных в жилищах колодцев предложено водоснабжение людей и скота в зимний период (Петров, 2009, с. 35). Отрицая завышенную роль валов и рвов как фортификационных сооружений, рассматривается их вероятное практическое значение как средств тепло и гидроизоляции, а также рвов – как источника глины для строительства, валов – как средства защиты от степных хищников (Анисимов, 2009, с. 18; Петров, 2009, с. 20). Критикуются идеи о символизме, геометризме, якобы заложенных в планировках поселков. Указывается, что их форма может быть как правильной, так и аморфной, и включает два вида расположения построек – кольцевой и линейный (Петров, 2009, с. 21).

Одной из самых важных публикаций этапа стало обобщающее издание материалов аэрофотосъемки памятников Южного Зауралья (Зданович, Ба-

танина, 2007). Издание имеет определяющее значение для изучения жилой среды на уровне целого поселения и группы поселений. Помимо публикации источников предложены варианты дешифровки аэрофотоснимков 21 памятника, включенных авторами в «Страну городов». Дешифровки охватывают и прилегающую к укрепленным поселениям территорию. В специальных разделах книги приведены сведения о степени сохранности и ландшафтной приуроченности каждого поселения. Отмечено, что они располагались на первых надпойменных террасах, со всех сторон имели водные ограничения, естественные или искусственные, что придавало им «островное положение». Также даны описания географического пространства Зауральского пенеппла и палеоклиматические реконструкции, общий вывод которых заключается в существовании в период строительства поселений благоприятных условий, большем по сравнению с современным распространением лесов и разнообразной растительности (Зданович, Батанина, 2007, с. 35–38).

На третьем этапе в публикациях ряда ученых можно выделить комплекс схожих, взаимодополняющих идей, касающихся темы жилой среды. Они объясняют происхождение синташтинских памятников как результат интеграционной миграции с запада, произошедшей в период распада Циркумпонтийской металлургической провинции. Миграция включала два основных культурных компонента – лесостепной абашевский и степной позднекатакомбный, основой хозяйства мигрантов было скотоводство (Ткачев, 2007, с. 306, 345; Епимахов, 2010, с. 19–20). Модель жилой среды с замкнутыми укрепленными поселка-

ми, стандартизированной архитектурой, высокой степенью концентрации населения на небольшой площади, «военизированной» и сплоченностью была характерна при заселении и освоении мигрантами новой, чужой для них территории. Эта модель отразилась в поселениях синташтинско-петровского типа. Впоследствии в ходе эволюционного развития и адаптации к местным условиям произошел постепенный отказ от фортификаций, плотной застройки, больших тесных поселков. Осваиваемый ареал расширялся и заселялся более равномерно. Эти тенденции проявились в поселениях следующего, срубно-алакульского этапа (Петров, 2009, с. 28–30; Епимахов, 2010, с. 20, 30, 38). Представляется, что набор этих взаимосвязанных идей разных авторов составляет каркас второй обобщающей концепции, объясняющей появление и развитие основных особенностей жилой среды синташтинско-петровских укрепленных поселений. По ведущему детерминирующему фактору ее можно назвать концепцией «освоения пространства».

Еще одна обобщающая концепция изложена в работах Н.Б. Виноградова. По его мнению, отличительные характеристики синташтинских поселений во многом обусловлены металлопроизводственной деятельностью их обитателей (Виноградов, 2011, с. 84). «Металлургическая» концепция объясняет появление поселений в Южном Зауралье связью с находящимися здесь медными месторождениями (Виноградов, 2011, с. 85). Занятие металлургией и ее сакрализация, сокрытие, определили стандартизацию архитектуры, необходимость возведения замкнутых укреплений (Виноградов, 2011, с. 88–89, 94–95). В по-

селениях происходили связанные с металлургией контакты различных коллективов, одним из итогов которых стало формирование петровских памятников, перенявших и трансформировавших основные стандарты синташтинской жилой среды (Виноградов, 2011, с. 94–95). Конкретные проявления дальнейшей трансформации жилищ представлены на примере петровского поселения Кулевчи: это переход от массива помещений к отдельно расположенным, но схожим по размерам, интерьеру и технике строительства постройкам, от них – к меньшим по размерам и более углубленным (Виноградов, 2011, с. 98). Значительная часть выводов «металлургической» концепции аргументирована в первую очередь материалами поселения Устье I. На нем выделено два основных последовательных периода обитания – синташтинский и петровский (Древнее Устье, 2013, с. 11, 16). Для петровского представлена обобщающая реконструкция жилищ: они составляли два массива стандартизированных помещений с общей в пределах массива кровлей и общими засыпными продольными стенами. Внутреннее пространство помещений разделялось на хозяйственную часть, с колодцами и печами, и жилую (Древнее Устье, 2013, с. 77, 135–137).

Присущим третьему этапу признаком стала интенсификация полевого изучения поселений с применением комплекса методов естественных наук. Это позволило получить спектр новых, надежно обоснованных данных, изучить новые стороны жилой среды, наполнить дополнительными аргументами, либо пересмотреть некоторые из сложившихся представлений (см. Древнее Устье, 2013, с. 393–416; *Multidisciplinary investigations...*,

2013; Fornasier, Krause, Korjakova et al., 2014; Корякова, Краузе, Шарапова и др., 2018).

Дистанционные методы изучения поверхности памятников, прежде всего, сплошная геофизическая съемка, выявили сложную картину многоэтапного формирования поселений (рис. 7). Не подтвердилось мнение об их единоразовом возведении, о соответствии планировок строгим геометрическим формам (кругам, овалам, прямоугольникам, квадратам). На большинстве памятников можно отметить свидетельства существования нескольких этапов обживания, соотносящихся с перестройкой и перемещением линий фортификации и соответствующих им жилищ. Не выявлено предложенное для ряда поселений существование на их раннем, синташтинском этапе округлой формы укреплений, не обнаружено четкое разделение на округлую синташтинскую и прямоугольную петровскую планировку. Применение ГИС-анализа для ряда памятников позволило отметить и уточнить закономерности их ландшафтного расположения в зонах, удобных для скотоводства и защищенных от неблагоприятных природных воздействий. Результаты исследований палеоботаников и палеозоологов дали дополнительные аргументы предполагавшимся многими авторами особенностям жилой среды: сезонной заселенности, достигавшей максимума в зимний период, возможному содержанию части скота в жилищах, благоприятным природным условиям в период существования поселений. Применение ГИС-анализа для ряда памятников позволило отметить и уточнить закономерности их ландшафтного расположения в зонах, удобных для

скотоводства и защищенных от неблагоприятных природных воздействий. Фактор воздействия окружающей среды предложен в качестве ведущей причины появления синташтинско-петровских поселений, являвшихся своеобразными «экологическими нишами» для защиты людей и скота от суровых зим, ветров, паводка (Чечушков, Дакович, Якимов, 2018).

По сравнению с предыдущим этапом, значительно большее внимание уделяется эволюции жилой среды. Раскопками последних лет установлена многослойность большинства поселений, наличие нескольких фаз обитания, в постройках которых выявлены случаи как воспроизведения изначальных архитектурных стандартов, так и их существенной трансформации (рис. 8). Также изучаются черты преемственности синташтинско-петровского домостроительства, проявляющиеся на поселениях срубно-алакульского этапа.

Заключение

Характерные признаки жилой среды, позволившие выделить синташтинско-петровские укрепленные поселения, были открыты и исследованы постепенно и на разных памятниках: фортификации – при раскопках в Северном Казахстане, а сблокированные в сектора жилища – в Южном Зауралье. Позднее на поселениях Синташта их удалось исследовать в сочетании и в относительно хорошей сохранности. Обнаруженный формат архитектуры был необычен для региона, укрепленные поселения выглядели немногочисленным исключением. Тем не менее они изучались в общем контексте эпохи бронзы урало-казахстанских степей. Это позволило встроить их в качестве начального звена в единую

линию эволюции жилой среды культур андроновского круга.

Ситуация с изучением поселений сильно изменилась после открытия целой группы подобных памятников в Южном Зауралье и начала исследования Аркаима. Зауральские поселения выделяются в особую группу, начинает подчеркиваться их уникальность и отличие от «обычных» поселков бронзового века. В этой группе, в свою очередь, подчеркивается уникальность Аркаима. Формируется обобщающая концепция «Страны городов», в которой укрепленные поселения трактуются как свидетельства зарождения протоцивилизации и процессов урбанизации. Концепция наполнена недостаточно аргументированными допущениями и реконструкциями, преувеличивающими сложность, масштабность, стандартизованность компонентов жилой среды, и активно критиковалась знакомыми с источниками исследователями.

В качестве альтернативы были предложены более очевидные интерпретации и более взвешенные реконструкции размеров, сложности архитектуры, количества жителей и др. Сформировались еще две обобщающие концепции. По детерминирующим генеральным особенностям жилой среды факторам их можно обозначить как «металлургическую» концепцию и концепцию «освоения пространства». Также намечается оформление «экологической» концепции. В целом исследования современного этапа ориентированы на детальное междисциплинарное изучение отдельных аспектов темы жилой среды. Это существенно дополнило и осложнило общую картину, позволило пересмотреть многие из высказанных ранее

мнений. На данный момент оптимальной обобщающей концепцией, объясняющей основные особенности жилой среды, представляется концепция «освоения пространства». Видится актуальной ее дальнейшая разработка с учетом отдельных рациональных положений других теорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимов Н.П.* Аркаим – страна кард: эмпирика пространства зауральской среды // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2009. № 2. С. 14–19.
2. *Виноградов Н.Б.* Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.
3. *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 407 с.
4. *Григорьев С.А.* Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск: АНТ, 1999. 444 с.
5. Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье: коллективная монография / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. 484 с.: ил.
6. *Епимахов А.В.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.
7. *Епимахов А.В.* Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. 55 с.
8. *Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
9. *Зданович Г.Б.* Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 179–189.
10. *Зданович Г.Б.* Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / Науч. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 21–42.
11. *Зданович Г.Б., Батанина И.М.* «Страна городов» – укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVI вв. до н.э. на Южном Урале // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / Науч. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 54–62.
12. *Зданович Г.Б., Батанина И.М.* Аркаим – Страна городов: Пространство и образы. Челябинск: Крокус, 2007. 260 с.
13. *Коренько В.А., Кузьминых С.В.* Наука и паранаука в современной отечественной археологии (по следам обсуждения «проблемы Аркаима») // РА. 2007. № 2. С. 173–177.
14. *Корякова Л.Н., Краузе Р., Шарапова С.В., Федорова Н.В., Косинцев П.А., Зайков В.В., Анкушев М.Н.* Укрепленные поселения бассейна р. Карагайлы-Аят сквозь призму междисциплинарного подхода // История науки и техники. 2018. № 1. С. 22–36.
15. *Петров Ф.Н.* Поселение Аркаим в культурном пространстве эпохи бронзы. Дубна: Фонд «Наследие», 2009. 64 с.
16. *Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы: монография. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
17. *Черных Е.Н.* Каргалы: феномен и парадоксы развития: (Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаических горняков и металлургов) / Каргалы. Т. V. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.
18. *Чечушков И.В., Дакович Г., Якимов А.С.* Архитектурно-планировочные решения синташтинско-петровских поселений: проблема интерпретации // РА. 2018. № 3. С. 75–93.

19. Fornasier J., Krause R., Korjakova L.N., Stobbe A., Rühl L., Schneider H., Thiemeyer H., Peters S., Epimakhov A.V., Sharapova S.V., Panteleeva S.E., Molčanov I.V., Berseneva N.A., Patzelt A., Noskevič V.V. Architektur, Wirtschaft und Landschaft der bronzezeitlichen Siedlungen am Nordrand der Eurasischen Steppe im Trans-Ural (Russische Föderation) // *Eurasia Antiqua*. 2014. № 20. P. 229–272.

20. Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / Eds. R. Krause, L.N. Koryakova. Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 2013. 352 p.

Информация об авторе:

Солдаткин Николай Викторович, младший научный сотрудник. Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); niksoldatkin@yandex.ru

THE HISTORY OF THE STUDY OF RESIDENTIAL SPACE OF THE SINTASHTA-PETROVKA FORTIFIED SETTLEMENTS

N.V. Soldatkin

Historiography on the topic on dwellings and settlements of Sintashta-Petrovka type is analyzed in the paper. The most important field discoveries and research are examined briefly by the author. Three chronological stages were identified based on the marked qualitative changes in the research of the residential space. The first stage lasted from the late 1960s to the late 1980s. The first archaeological sites were discovered and investigated, the first works were published. The second stage lasted from the late 1980s to the mid-2000s. A whole series of similar settlements has been discovered. Bold and exaggerated interpretations are characteristic of historiography during these years. In those years the first generalizing concept appears – «the Country of towns» emerged. The third stage began in the mid-2000s and continues to the present time. According to the author, the present stage is characterized by criticism of the previous stage concepts, as well as focusing on interdisciplinary field works and systematic research. This leads to more detailed and complex modern ideas about the subject. Two new generalizing concepts – «metallurgical» and «mastering the space» have been put forward.

Keywords: archaeology, history of study, Southern Trans-Urals, Northern Kazakhstan, Bronze Age, dwellings and settlements of the Sintashta-Petrovka type.

REFERENCES

1. Anisimov, N. P. 2009. In *Akademicheskii vestnik UralNIiproekt RAASN (Akademicheskij Vestnik Uralniiproekt RAASN)* 2. 14–19 (in Russian).
2. Vinogradov, N. B. 2011. *Stepi luzhnogo Urala i Kazakhstana v pervye veka II tys. do n.e. (pamiatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa) (Steppes of the Southern Urals and Kazakhstan in the first centuries of the 2nd Millennium B.C. (Sites of the Sintashta and Petrovka Type))*. Cheliabinsk: “Abris” Publ. (in Russian).
3. Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening, V. V. 1992. *Sintashta. Arkheologicheskie pamiatniki ariiskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepei. Ch. 1. (Sintashta. Archaeological Sites of Aryan Tribes in the Ural and Kazakhstan Steppes. Part 1)*. Cheliabinsk: South Ural Book Publ. (in Russian).
4. Grigor'ev, S. A. 1999. *Drevnie indoevropeitsy. Opyt istoricheskoi rekonstruktsii (Ancient Indo-Europeans. Experience of Historical Reconstruction)*. Cheliabinsk: “ANT” Publ. (in Russian).

This research was supported by Russian Science Foundation project № 16-18-10332. «Lifestyle of the population of the Southern Trans-Urals in the diachronic perspective: from sedentary forms to mobility (based on materials from the Karagaily-Ayat river basin)», hands. L. N. Koryakova.

5. In Vinogradov, N. B. (ed.). 2013. *Drevnee Ust'e. Ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Iuzhnom Zaural'e: kollektivnaia monografiia (Ancient Ustie. Fortified Settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals: Collective Monograph)*. Cheliabinsk: "Abris" Publ. (in Russian).
6. Epimakhov, A. V. 2002. *Iuzhnoe Zaural'e v epokhu srednei bronzy (Southern Trans-Urals in the Middle Bronze Age)*. Cheliabinsk: South Ural State University (in Russian).
7. Epimakhov, A. V. 2010. *Bronzovyi vek Iuzhnogo Urala (ekonomicheskie i sotsial'nye aspekty)(The Bronze Age of the Southern Urals (Economic and Social Aspects))*. Doct. Diss. Thesis. Ekaterinburg (in Russian).
8. Zdanovich, G. B. 1988. *Bronzovyi vek Uralo-Kazakhstanskikh stepei (osnovy periodizatsii) (The Bronze Age of the Ural / Kazakhstan Steppes (Periodization Framework))*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
9. Zdanovich, G. B. 1989. In *Vzaimodeistvie kochevykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsii (Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 179–189 (in Russian).
10. Zdanovich, G. B. 1995. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Arkaim: Issledovaniia. Poiski. Otkrytiia (Arkaim. Studies. Searching. Discoveries)* Cheliabinsk: "Kamennyi poias" Publ., 21–42 (in Russian).
11. Zdanovich, G. B., Batanina, I. M. 1995. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Arkaim: Issledovaniia. Poiski. Otkrytiia (Arkaim. Studies. Searching. Discoveries)* Cheliabinsk: "Kamennyi poias" Publ., 54–62 (in Russian).
12. Zdanovich, G. B., Batanina, I. M. 2007. *Arkaim – Strana gorodov: Prostranstvo i obrazy (Arkaim – Country of Towns: Space and Images)*. Chelyabinsk: "Krokus" Publ. (in Russian).
13. Koreniako, V. A., Kuz'minykh, S. V. 2007. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 173–177 (in Russian).
14. Koriakova, L. N., Krauze, R., Sharapova, S. V., Fedorova, N. V., Kosintsev, P. A., Zaikov, V. V., Ankushev, M. N. 2018. In *Istoriia nauki i tekhniki (History of Science and Engineering)* 1. 22–36 (in Russian).
15. Petrov, F. N. 2009. *Poselenie Arkaim v kul'turnom prostranstve epokhi bronzy (Arkaim Settlement in the Cultural Space of the Bronze Age)*. Dubna: "Nasledie" Publ. (in Russian).
16. Tkachev, V. V. 2007. *Stepi Iuzhnogo Priural'ia i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh srednei i pozdnei bronzy: monografiia (Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the Boundary of the Middle and Late Bronze Ages: Monograph)*. Aktobe: Aktobe Regional Center of History, Ethnography and Archaeology.
17. Chernykh, E. N. 2007. *Kargaly: Fenomen i paradoksy razvitiia; Kargaly v sisteme metallurgicheskikh provintsii; Potaennaia (sakral'naia) zhizn' arkhaiskikh gornikov i metallurgov (Kargaly: The Phenomenon and the Paradoxes of Evolution; Kargaly in the System of Metallurgical Provinces; the Hidden (Sacred) Aspects of Life of Archaic Miners and Metallurgists)*. Series: Kargaly 5. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).
18. Chechushkov, I. V., Dakovich, G., Yakimov, A. S. 2018. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 75–93 (in Russian).
19. Fornasier, J., Krause, R., Korjakova, L. N., Stobbe, A., Rühl, L., Schneider, H., Thiemeyer, H., Peters, S., Epimakhov, A. V., Sharapova, S. V., Panteleeva, S. E., Molčanov, I. V., Berseneva, N. A., Patzelt, A., Noskevič, V., V. 2014. In *Eurasia Antiqua*. 20. 229–272.
20. Krause, R., Koryakova, L. N. (eds.). 2013. *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt.

About the Author:

Soldatkin Nikolai V. Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences. S. Kovalevskoy, Str., 16, Yekaterinburg, 620990, Russian Federation; niksoldatkin@yandex.ru

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

УДК: 903/904 (574.5) «637»/ «638» <https://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.80.99>

ОБ УСТРОЙСТВЕ ПОСЕЛЕНИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЖЕТЫСУ¹

© 2019 г. А.А. Горячев

В статье в научный оборот вводится материал по результатам изучения древних поселений Шу-Илейских гор и Илейского Алатау, обобщаются данные о системе расположения и структуре поселений раннего железного века. Рассматриваются вопросы традиций домостроительства раннего железного века в разных природно-климатических зонах и прослеживается их зависимость от процессов хозяйственно-культурного развития населения региона. Автором установлено, что поселения земледельцев сосредотачиваются преимущественно на выходе из горных ущелий и в долинах крупных рек, а древние скотоводы осваивают степные горы и полупустыни, а также горные ущелья и высокогорные плато. Хозяйственно-культурные взаимосвязи и взаимовыгодный товарообмен с населением Центрального и Восточного Казахстана, а также Средней Азии способствовали росту численности населения Жетысу в этот период, что привело к освоению всех экологических ниш региона.

Ключевые слова: археология, Жетысу, Илейский Алатау, Шу-Илейские горы, ранний железный век, поселение, стоянка, жилище, хозяйство, традиция.

Жетысу/Семиречье является одним из узловых регионов Центральной Азии. Его положение во внутренней части Евразии на большом расстоянии от океанов обуславливает резко выраженную континентальность климата. Однако горные системы Северного Тянь-Шаня с их отрогами создали благоприятные природно-климатические условия на этой территории, что предопределило высокую плотность заселения региона. Особенно значительной в древности она была в раннем железном веке, из всех выявленных на сегодняшний день памятников более 90% относится к этому периоду (Свод памятников..., 2009).

Исследование памятников раннего железного века Жетысу значительное время ограничивалось погребальными комплексами, которые представляли очень яркий и самобытный

материал (Акишев, Кушаев, 1963). В 1960-х гг. было исследовано крупное поселение усуньского времени Актасты в Кегенской долине (Акишев, 1969), в предгорной зоне Илейского/Заилийского Алатау они начали изучаться в 1980–1990-х гг. (Байпаков, 2008). Серия новых поселений этого периода в Жетысу была открыта в начале XXI в. в Шу-Илейских/Чу-Илийских горах, предгорной и горной зоне Жетысуского/Джунгарского и Илейского Алатау. Дальнейшее их изучение происходило в 2004–2018 гг. (Марьяшев, 2002; Горячев, Егорова, 2015; Горячев, Сараев, 2015).

Жетысу представляет собой водный бассейн озера Балхаш и традиционно делится на Северо-Восточный (Жетысуский Алатау и горы Шолак) и Юго-Западный (Илейский, Кунгей Алатау и Шу-Илейские горы). Осо-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта на тему: ИРН № AP05135512 «Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла».

бенностью изучения древних поселений степной, предгорной и горной зоны региона является тот факт, что они представляют собой многослойные археологические комплексы, в состав которых входят объекты от эпохи палеометалла до раннего железного века, перекрытые сверху средневековыми стоянками или захоронениями. Это объясняется ограниченным количеством участков с необходимыми условиями для устройства жилищ в данных экологических нишах.

Основанием для датировки каменных конструкций древних поселков ранним железным веком послужили находки фрагментов керамики и каменных орудий труда, аналогичных технологически материалам этого времени из известных памятников региона. Накопленные данные позволяют систематизировать структуру известных поселений раннего железного века Жетысу и выяснить основные направления хозяйственно-культурного развития древнего населения по материалам археологических исследований и реконструкциям древних традиций домостроительства.

Археологические комплексы раннего железного века на северных склонах Жетысуского Алатау известны в поймах рек Тентек, Биен, Лепсы и Аксу, в долинах Арасан, Капал, Каскарау в районе гор Баянжурек и др. (рис. 1). Как правило, на выходе из горных ущелий и в предгорных долинах расположены могильники, состоящие из нескольких десятков курганов. Древние поселения устраивались преимущественно в устьях горных ущелий или небольших закрытых долинах по берегам рек и ручьев (рис. 1: 1, 2). Здесь их планировка привязана к рельефу местности, к абрису береговых линий. Археологи-

ческие исследования проводились на поселениях Буйен, Тасбас, Калакай (Марьяшев, 2002, с. 23–30; Горячев, 2007, с. 21–41).

Поселения и могильники раннего железного века южных склонов Жетысуского Алатау сосредоточены на невысоких плато и в небольших саях вдоль русел горных рек Борохудзир, Усек и др., являющихся правыми притоками р. Иле. Наиболее исследованными в этой части региона являются поселения у западных отрогов Жетысуского Алатау (рис. 1: 3) в районе хребта Ешкиольмес (Байпаков и др., 2005). На террасах и по правому берегу притока р. Коксу Ащибулак, а также у подножия и в предвершинной части хребта Ешкиольмес обнаружено несколько древних поселений. Они находятся на пологих склонах с южной экспозицией и состоят из 5–10 полуземлянок. Жилища устраивались на узких площадках в несколько ярусов. Стены выкладывались из камней, кое-где сохранились на высоту около 1 м. Наиболее крупные из таких поселений сосредотачиваются обычно в ущельях с большим количеством петроглифов.

По всей долине р. Коксу в районе хребта Ешкиольмес прослеживаются следы древних ирригационных каналов, берущих начало как из самой реки, так и из ее правых притоков – ручьев Ащибулак и Жалгызагаш. Территория между рекой и южными склонами хребта Ешкиольмес, за исключением подошвы, представляла собой в раннем железном веке орошаемые поля. Следы древних поселений отмечены на небольших террасах как в поймах ручьев, так и в сухих логах между ними. Как правило, рядом с такими поселками фиксируются действующие до сих пор родники.

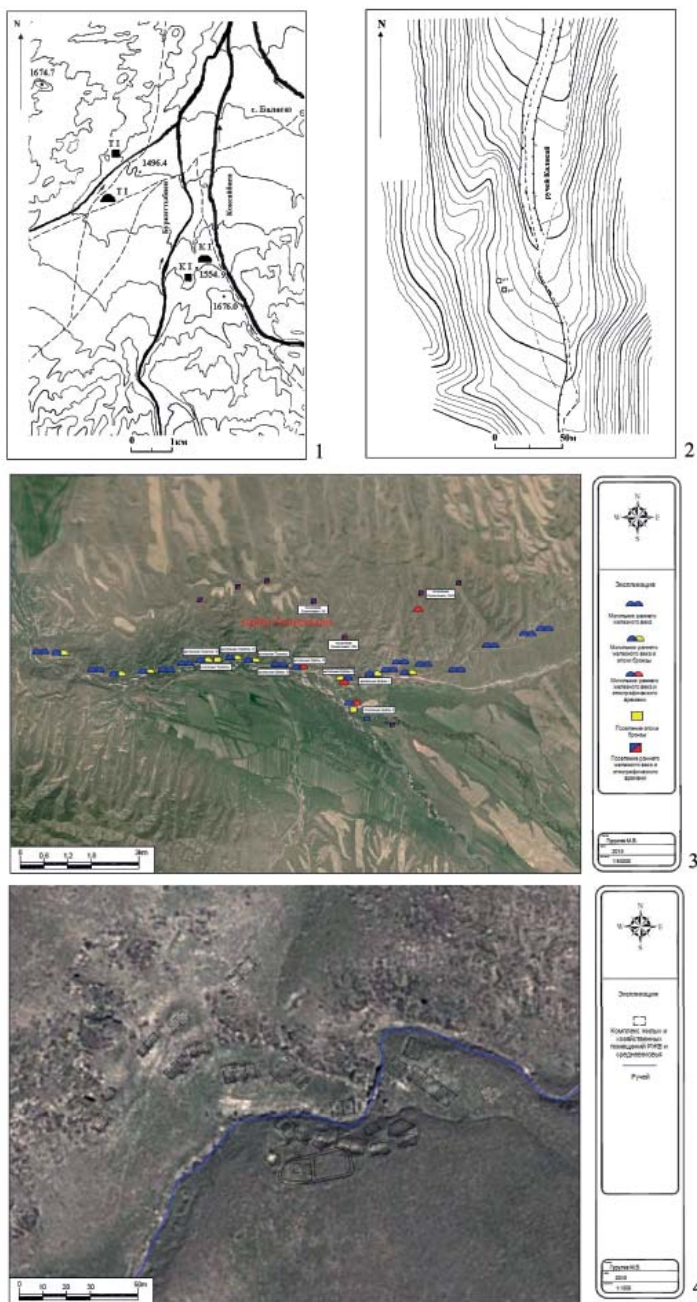


Рис. 1. Поселения РЖВ в горах Жетысуского Алатау: 1 – план-схема расположения поселений Тасбас и Калакай в долине Каскарау; 2 – топографический план поселения Калакай-I; 3 – древние поселения и могильники хребта Ешкиольмес на космоснимке; 4 – поселение Ешкиольмес XIV на космоснимке.

Fig. 1. Settlements of the Early Iron Age in the mountains of Jetyysu Alatau: 1 – plan-scheme of the Tasbas and Kalakai settlements' location in the Kaskarau valley; 2 – topographic plan of the Kalakai-I settlement; 3 – ancient settlements and mounds of Eshkiolmes ridge on the space image; 4 – the settlement Eshkiolmes XIV on the space image.

Исследования проводились на поселении Ешкиольмес XIV, которое находится в 3 км к северу от с. Талапты. Памятник расположен на южном склоне хребта Ешкиольмес, спускающегося в долину Коксу, в глубине ущелья № 14 по обоим берегам ручья, функционирующего сезонно (рис. 1: 4). На поверхности прослеживаются остатки 17 каменных фундаментов строений позднего средневековья и этнографического времени, небольшие западины и 11 ям, врезанных в склон – котлованы жилищ раннего железного века. В восточной части поселения, у ручья, зафиксированы наскальные изображения. Жилища раннего железного века представляют собой полуземлянки прямоугольной и округлой форм, состоящие из 1–3 секций-комнат. Размерами от 4×4 м до 8×6 м, глубиной до 0,8 м. Полуземлянки расположены в два ряда вдоль левого берега ручья на крутом склоне. С юга они окружены обваловой, высотой 0,3–0,5 м и размерами 16×42 м, вероятно, служившим загонном для скота. Общая площадь жилых конструкций раннего железного века составляет около 3000 кв. м. Аналогичную систему устройства демонстрируют жилые строения поселений Тасбас и Калакай на северных склонах Жетысуского Алатау, где производились рекогносцировочные раскопки.

В результате было выяснено, что в районе скопления петроглифов в устье ущелий и предвершинной части хребта устраивались как отдельные домостроения, так и целые поселки, насчитывающие до 20 конструкций. Это типичные зимовки, в укрытых от ветра горных ущельях на площадках с южной экспозицией в районах сезонных родников, действующих

обычно от поздней осени до ранней весны.

В Шу-Илейских горах выявлено определенное своеобразие структуры поселений раннего железного века. Они представляли здесь серии хозяйственных дворов, рассредоточенных по ущелью на выровненных площадках у скальных блоков и плит. Наличие же рисунков, датируемых от эпохи бронзы до Нового времени, свидетельствует о долговременном присутствии людей в этих местах и традиционности хозяйственного использования подобных территорий (рис. 2). Могильники вынесены за пределы жилых комплексов на расстояние в пределах 1 км. Поселения раннего железного века исследовались в этом регионе в урочище Тамгалы и в горах Серектас, в горах Киндыктас, в урочищах Шокпар и Кызылгора. Последние находятся в специфических природных условиях равнинного плато и расположены внутри глубоких разломных ущелий. На широких степных просторах такие участки с водными источниками всегда привлекали людей. Помимо водоснабжения подобное место с сопутствующими родникам скальными выходами обеспечивало защиту от пронизывающих степных ветров, что особенно важно в зимнее время. Борты ущелий, которые имеют экспозиции южного направления, в зимнее время подвергаются более интенсивному прогреву солнцем. Наличие скал позволяет аккумулировать солнечное тепло, что создает локальный микроклимат с положительными температурами для проживания и содержания скота.

Наиболее изученными среди поселений раннего железного века Жетысу являются археологические комплексы северных склонов Илейского

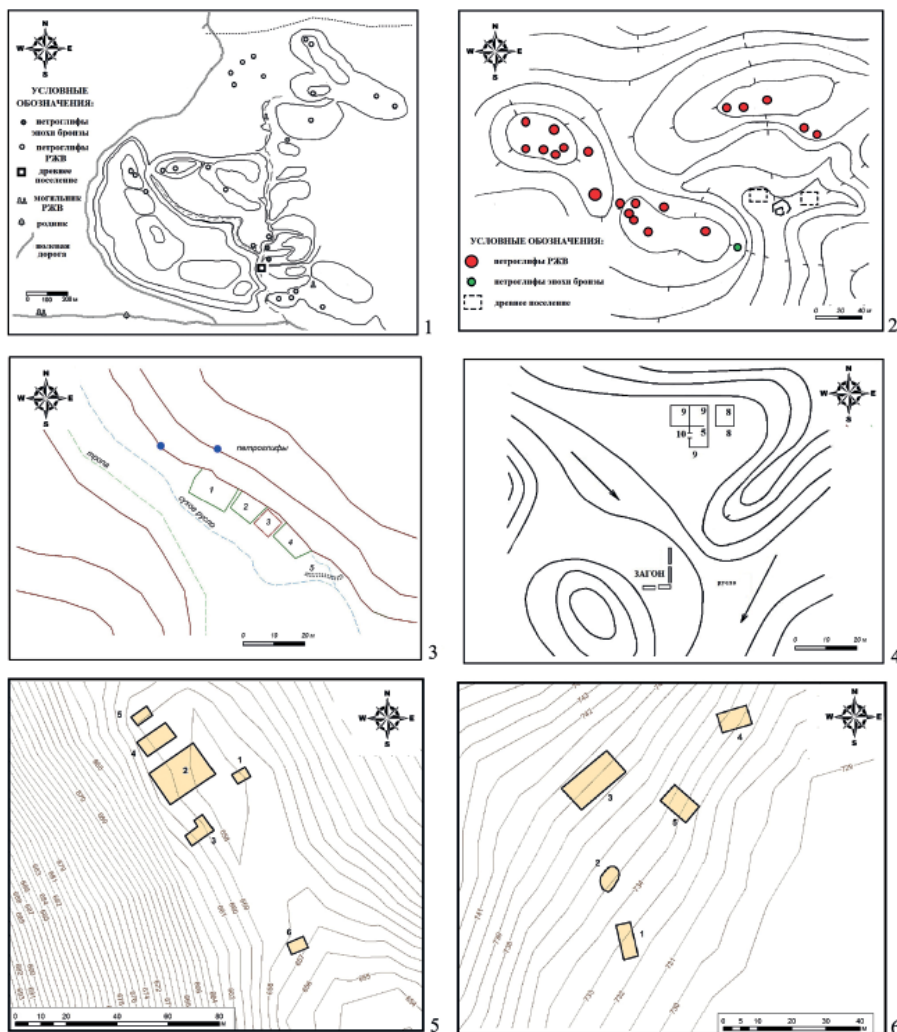


Рис. 2. Поселения РЖВ Шу-Илейских гор. Планы-схемы расположения поселений в горах Анрахай: 1 – урочище Кагалы-Бастау; 2 – урочище Тымлайшоки; 3 – ущелье Тырнакты; 4 – поселения в горах Кулжабасы (ущелье 10); 5, 6 – топографические планы поселений в горах Хантау.

Fig. 2. Settlement of the Early Iron Age in Shu-Ile mountains. Plan of settlements' location in Anrakhay mountains: 1 – tract Kagaly-Bastau; 2 – the tract Tymlayshoky; 3 – gorge Tyrnakty; 4 – settlements in Kulzhabasy mountains (gorge 10); 5, 6 – topographic plans of the settlements in Khantau mountains.

Алатау. Они были зафиксированы в долинах рек Шелек и Женишке, в ущелье Турген, на плато Асы, в Большом и Малом Алматинских ущельях, на плато Кокжайляу, на выходе и внутри крупных ущелий хребта таких как

Иссык, Талгар, Каскелен, Каргалы, Майбулак, Ынтымак, Кызылауыз, Кастек, в долине Сарыжазык, а также у северных склонов отрогов Илейского Алатау – Суюктобе, Дегерес, Актас, Атжайляу и др. (рис. 3).

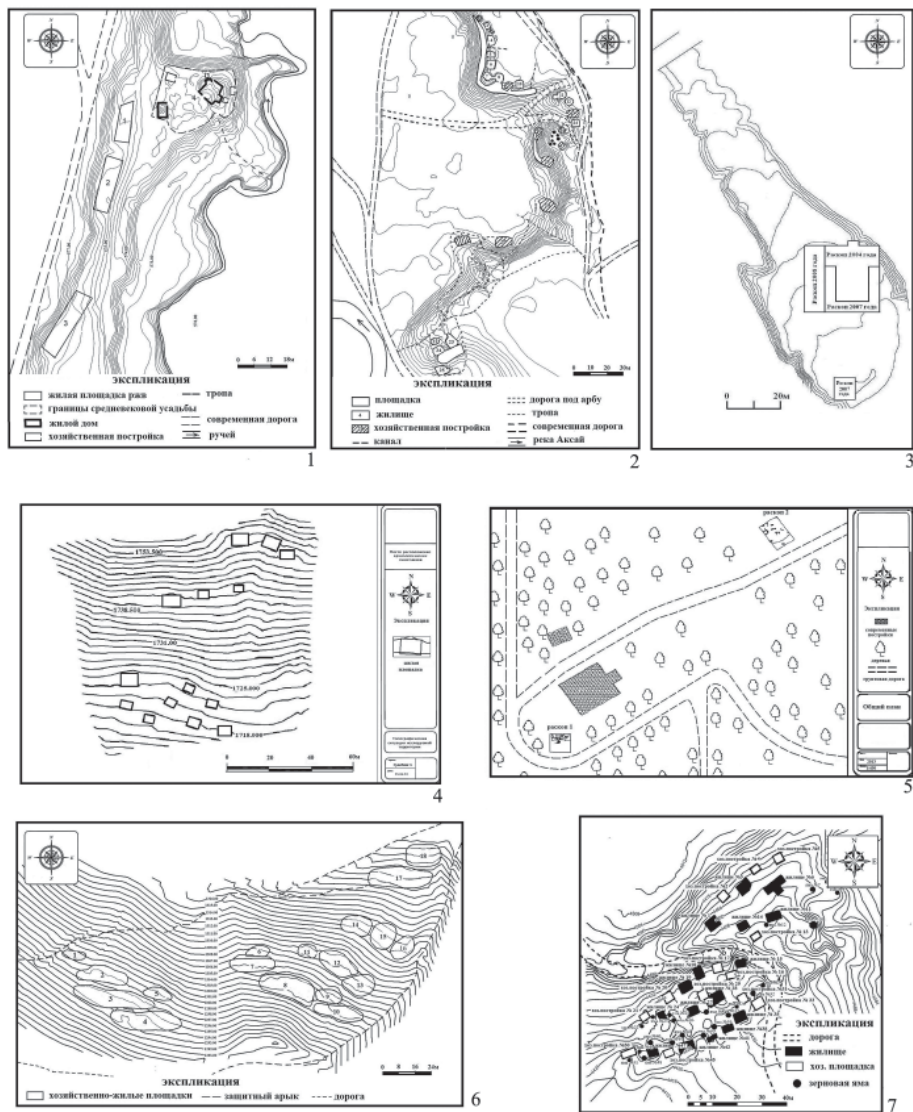


Рис. 3. Топографические планы поселений РЖВ предгорной зоны Илейского Алатау: 1 – Кульджинка-I; 2 – Коксай-II; 3 – Бутакты-I; 4 – Бутакты-II; 5– Бутакты-III; 6 – Нурлытау-II; 7 – Кольсай-I.

Fig. 3. Topographic plans of the Early Iron Age settlements in the foothill zone of the Ile Alatau: 1 – Kuljinka-I; 2 – Koksai-II; 3 – Butakty-I; 4 – Butakty-II; 5 – Butakty-III; 6 – Nurlytau-II; 7 – Kolsay-I.

Илейский Алатау имеет достаточно четкое зональное районирование на предгорье, среднегорье и высокогорье. На всем его протяжении в каждом ущелье зафиксированы поселения и стоянки раннего железно-

го века (Горячев, Сараев, 2015, с. 7). На выходе из ущелий значительная часть памятников обнаружена у основания предгорных подошв, где наиболее крупными являются поселения Рахат и Алмаарасан (Байпаков, 2008,

с. 71–72; Савельева, 2010, с. 137–140). Они представляли собой укрепленные городища раннего средневековья, базировавшиеся на слоях поселений сако-усуньского времени.

На предгорной равнине близ Алматы в долинах рек отмечена серия семейно-родовых поселков (рис. 3: 1), состоящих из 1–3 хозяйственных подворий (Кульджинка-I, II; Альмерек, Коксай I, III; Боралдай). Такие подворья входили в округу крупных стационарных поселков, отделяясь от них полями-чеками (Кайрат, Боралдай, Коксай и Коксай II). Крупные поселения состояли из 12–15 хозяйственно-жилых построек (рис. 3: 2). Жилые помещения разделялись на 1–3 секции, размеры которых варьировали от 3×3 м до 6×4 м. Перед входом обустроивался дворик, хозяйственные пристраивались к жилищам, либо располагались на нижних террасах.

В предгорной части и в устьях горных ущелий Илейского Алатау исследованы жилые строения археологического комплекса ущелья Бутаковка. Так на поселении Бутақты-I (рис. 3: 3) было исследовано три жилища с хозяйственными постройками в составе усадеб, устроенные на правом высоком лессовом берегу реки Казачка (Горячев, Мотов, 2018, с. 48–56). Они представляли собой округлые помещения турлучного типа диаметром от 5 до 7 м. Рядом с жилищами фиксируются площадки, диаметром 4–5 м.

Внутри ущелья Бутаковка исследования проводились на хозяйственно-жилых комплексах Бутақты-II, III. На этих поселениях насчитывается 10–12 полуземлянок прямоугольной и квадратной форм, врезанные в склоны северного борта ущелья, размерами от 6×5 м до 10×12 м (рис. 3: 4, 5). К этой же группе относится серия поселков

в близлежащих от Бутаковки ущельях Нурлытау, Кокшоқы, Кольсай, Камыс-сай и в урочище Медеу (рис. 3: 6, 7). Жилища были устроены на глинистых склонах с южной экспозицией и защищались от схода снега валами и водоотводными каналами. Обычно поселения насчитывали от 2–3 до 20 жилых конструкций, расположенных в 3–4 яруса. Для этого под каждый хозяйственно-жилой комплекс в склоне вырезались ровные площадки длиной до 30–40 м и шириной 8–10 м. К поселкам небольшими арыками подводилась питьевая вода от ближайшего родника.

В высокогорной зоне поселения раннего железного века устроены в верховьях крупных ущелий и на высокогорных плато и располагаются, как правило, по берегам рек, на ровных площадках древних морен и на выходе из боковых ущелий горных урочищ на склонах с южной экспозицией. В верховьях ущелья Турген найдено 14 древних поселений и стоянок и около 35 могильников (рис. 4: 1).

Наиболее яркими памятниками раннего железного века в данном районе являются поселения Турген-II и Кызылбулак-IV. В ходе исследований установлено, что площадки поселений Турген-II и Кызылбулак-IV зимой не имеют практически снега, а почва прогревается до положительных значений температур. Подобная ситуация создавала условия, при которых на территории этого высокогорного урочища было возможным круглогодичное проживание населения.

Поселение Турген-II находится в верховьях одноименного ущелья, в 3 км к ЮЗ от астрономической обсерватории на ровной площадке древней морены (рис. 4: 2). Памятник располо-

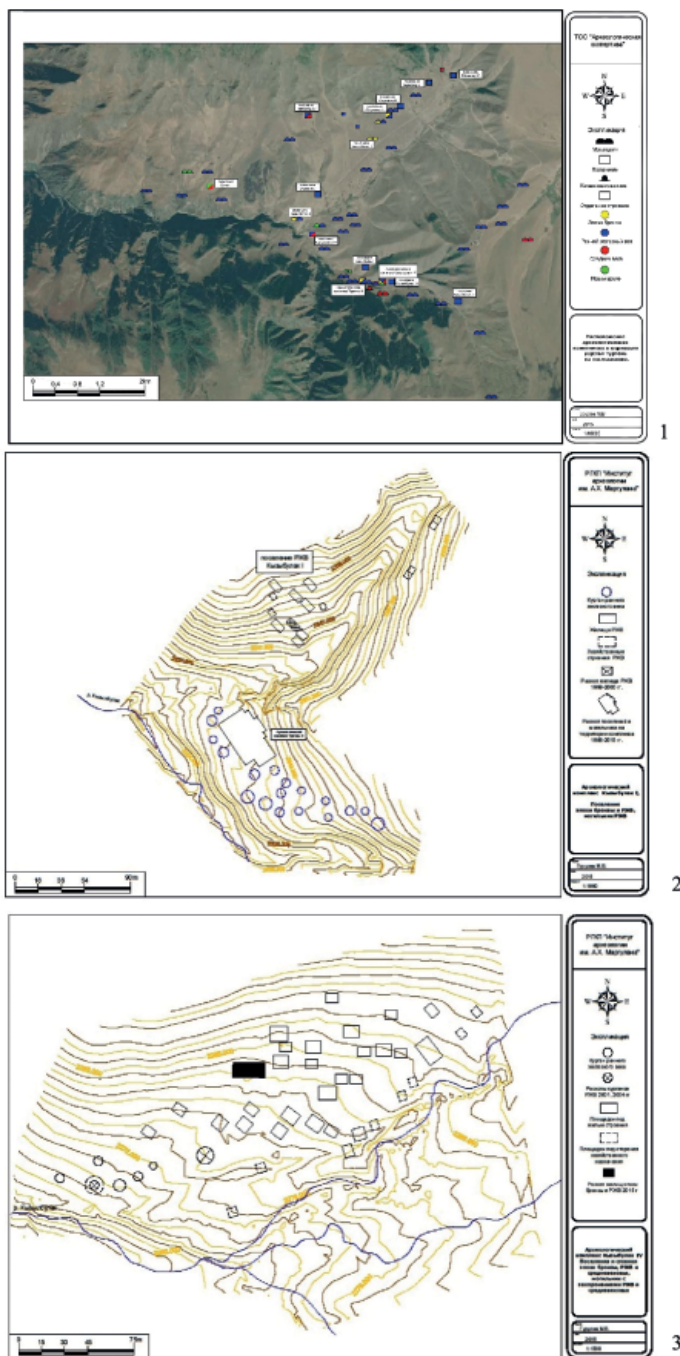


Рис. 4. Топографические планы поселений РЖВ высокогорной зоны Илейского Алатау: 1 – расположение древних памятников в верховьях ущелья Турген; 2 – Турген-II и Кызылбулак-I; 3 – Кызылбулак-IV.

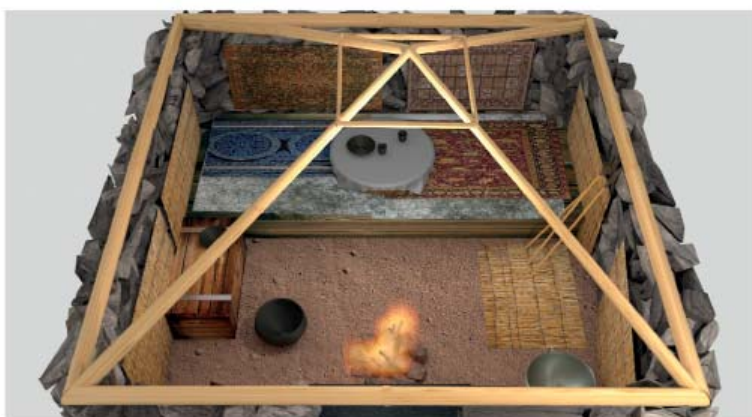
Fig. 4. Topographic plans of the Early Iron Age settlements in high-mountainous zones of Ile Alatau: 1 – the location of ancient monuments in the upper reaches of Turgen gorge; 2 – Turgen-II and Kyzylbulak-I; 3 – Kyzylbulak IV.



1



2



3

Рис. 5. Поселение РЖВ Тырнакты-I в Шу-Илейских горах: 1 – вид поселка раннего железного века (фото); 2 – макет жилища; 3 – макет внутреннего устройства жилища. Реконструкция К.С. Потапова.

Fig. 5. The settlement of the Early Iron Age Tyrnakty-I in Shu-Ile mountains: 1 – view of the village of the Early Iron Age (photo); 2 – layout of the dwelling; 3 – layout of the internal structure of the dwelling. Reconstruction by K.S. Potapov.

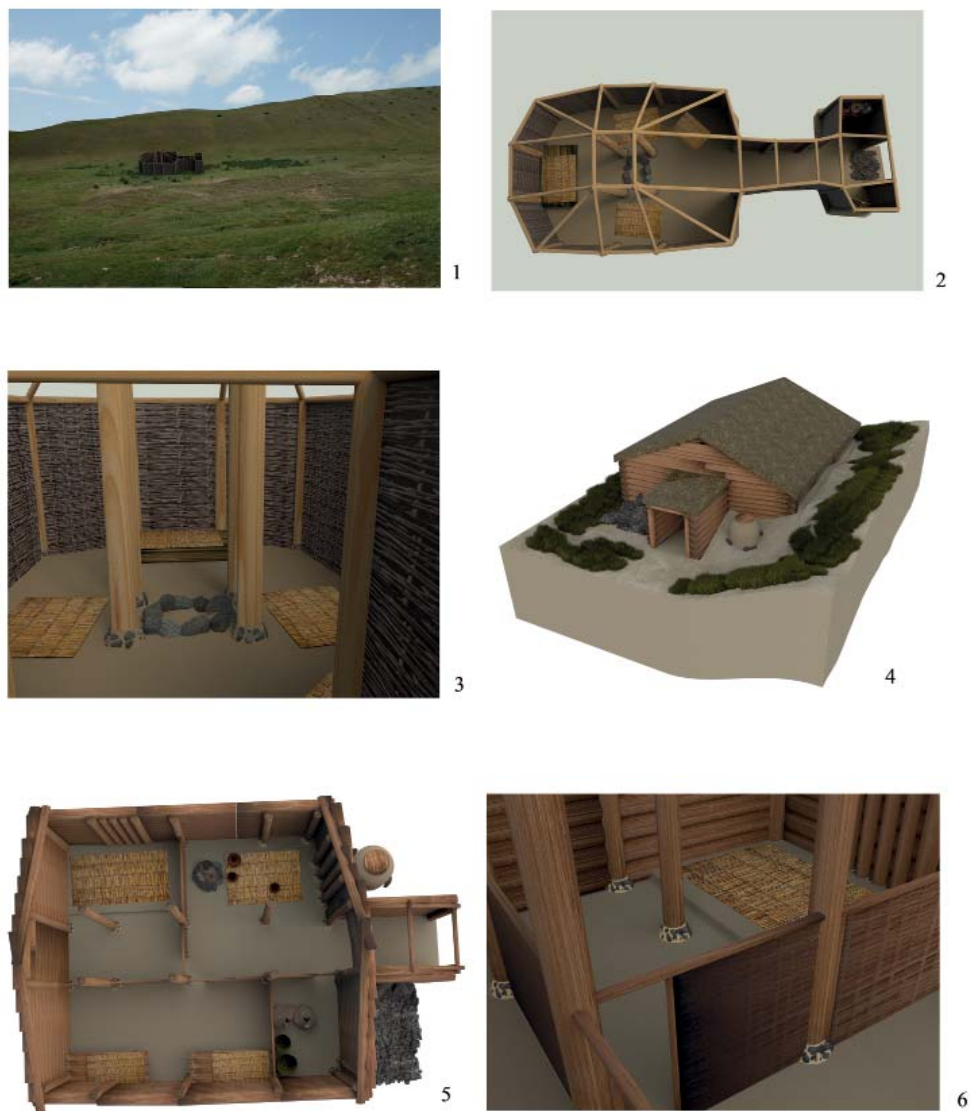


Рис. 6. Жилища РЖВ поселения Кызылбулак-IV: 1 – макет жилища 1, внешний вид; 2 – устройство столбовых конструкций и крыши; 3 – внутреннее устройство жилого помещения; 4 – макет жилища 2, внешний вид; 5 – внутреннее устройство жилища 2, вид сверху; 6 – устройство жилой комнаты. Реконструкция К.С. Потاپова.

Fig. 6. Dwellings of the Early Iron Age settlement of Kyzylbulak-IV: 1 – layout of dwelling 1, appearance; 2 – structure of pillar and roof; 3 – interior of dwelling; 4 – layout of the dwelling 2, external view; 5 – the internal structure of dwellings 2, top view; 6 – organization of living room.

Reconstruction by K.S. Potapov.

жен на границе леса с тянь-шаньской елью и зоны альпийских лугов и представляет многослойный комплекс эпохи бронзы и раннего железного века. Жилища раннего железного века

устанавливались в виде наземных строений округлой формы – протоюрты. Всего на памятнике расчищено семь подобных конструкций, диаметром от 5 до 7 м.

Поселение Кызылбулак-IV находится в центральной части урочища в районе его максимального расширения (рис. 4: 3). На территории памятника предварительно выявлено 28 площадок под жилые конструкции по всему его периметру и шесть площадок под хозяйственные постройки. Жилые конструкции устроены в три яруса в склоне борта. Их размеры от 8×6 м до 20×10 м. Здесь раскопаны две полуземлянки усуньского периода раннего железного века. Помимо этих крупных селений от 8 до 24 дворов появляются небольшие усадьбы от 1 до 4 хозяйственно-жилых комплекса (поселения Кызылбулак-II, III, V; Ойжайляу II, III, IV).

Основной формой жилищ в раннем железном веке в регионе были полуземлянки каркасно-столбовой конструкции, развитие которых широко представлено в материалах предшествующей эпохи бронзы. Характер их устройства зависел от природных материалов и хозяйственно-экономической специализации населения отдельных географических зон. К примеру, в безлесных районах Северо-Восточного Жетысу и в Шу-Илейских горах основания фундаментов жилищ в раннем железном веке представляют собой каменные выкладки из плитняка или окатанных речных валунов. Тем не менее, опорные столбовые конструкции и крыша сооружались из дерева. В качестве кровельного перекрытия использовались также ветви деревьев, камыш, либо шкуры животных.

Типичный пример подобного жилища прослеживается на основе реконструкции поселения Тырнакты (рис. 5). Оно находится в одноименном ущелье у южного склона крутой скалистой сопки. На поверхности

прослеживаются контуры четырех помещений прямоугольной формы, размерами: 12×7 м, 7×5,5 м, 6×6 м, 5,5×10 м. Жилые и хозяйственные конструкции были устроены поверх более древних бронзового века. С южной стороны от поселения отмечена небольшая дамба-водонакопитель (таган).

Материалы исследований показывают, что поселок состоял из двух жилых и двух хозяйственных построек (рис. 5: 1). Исследованное помещение было однокомнатным. Для его устройства использовался плитняк, имеющийся в районе скал в избытке (рис. 5: 2). Кровельное покрытие определено четырехскатным, это обусловлено быстрым изменением направления ветров в горах Анрахай. Кровля укладывалась на опорные балки и на основные перекладыны. Очаг округлой формы в виде грунтовой ямы, заполненной золой и обложенной плитняком, располагался в центре помещения (рис. 5: 3). Над очагом в каркасе крыши сохранялось открытое «окно», предназначенное для выхода дыма. Поселение Тырнакты является стоянкой древних скотоводов и традиционно для жилых комплексов Шу-Илейских гор. В горах Анрахай и Аккайнар такие поселки занимают ущелья даже с временными родниками.

На северных склонах Илейского и Кунгей Алатау, где произрастают тьянь-шаньские ели, конструкции жилищ, включая стены, полностью строились из дерева. Такие жилища имели, как правило, квадратную или прямоугольную форму (рис. 6: 1, 4). Жилые помещения разделялись на одно-трехкомнатные секции, размеры которых варьировали от 3×3 м до 6×4 м. Перед входом обустроивался

дворик или площадка. Хозпостройки пристраивались сбоку от жилых конструкций либо располагались напротив на нижних террасах.

Жилища были устроены поверх котлованов полуземлянок бронзового века. Полы строений сохранились в виде слоя плотной спрессованной глины со следами древесного угля. В традициях древних жителей этого поселения существовал обычай плотно утрамбовывать полы стоянок глиной с целью защитить жилище от грунтовых вод. Опорные столбовые конструкции располагались по периметру жилища через каждые 1,5–2 м (рис. 6: 2). Вокруг них из речных камней и глины создавались внешние подпорки. На стены укладывались балки, длиной до 4 м, которые являлись опорой для конструкции кровли. Кровельное покрытие было двух или четырехскатным. Вход в жилище устраивался с восточной стороны. Уровень входа начинался на отметке земной поверхности и ступенькой понижался на глубину пола.

На поселении Кызылбулак-IV зафиксировано жилище с длинным (3 м) коридорообразным входом и тамбуром, размерами 4×2 м, хозяйственного назначения. Внутренний объем помещения состоял из двух отсеков – вытянутого хозяйственного и жилой комнаты (рис. 6: 3). Очаг округлой формы (1 м) представлял собой заполненную золой грунтовую яму в центре жилища, обложенную крупными каменными плитами. Мощность прокала внутри очага составляет 0,4 м. На этом же поселении расчищено трехкомнатное жилище с выносным очагом типа тандыр, расположенном за его пределами (рис. 6: 4–6). Для обогрева изнутри, что важно для высокогорной зоны, близ жилых ком-

нат была вырыта очажная яма, диаметром 70 см, глубиной 40 см.

В раннем железном веке в Жетысу формируется новый вид наземных округлых жилых конструкций – протоюрты, чаще использовавшиеся сезонно в высокогорной зоне, и строения турлучного типа, известные на поселениях саков и усуней в предгорной полосе (рис. 7: 1, 2). Помещения имели округлую, диаметром 5–7 м, либо квадратную форму, размерами 6×6 м и были заглублены на 20–40 см от уровня древней поверхности (рис. 7: 3). Пол представлял собой уплотненный суглинок светлорыжевато-коричневого цвета. В центре были установлены два или четыре опорных столба. На поселении Бутақты-І под полом жилища 2 между столбами зафиксировано захоронение младенца (по определению Исмагуловой А.О.).

По периметру через 1,5–2 м прослеживаются столбовые ямы, диаметрами 15–20 см и глубиной до 30 см. Между ними выявлены небольшие ямки, диаметром до 5 см, забутованные щебнем. Вероятно, это следы стен, организованных по типу плетня. Характер крыши не устанавливается, но, судя по форме и типу устройства близкого к юрте, можно предположить, что она представляла собой юртообразный свод (рис. 7: 4). Вход в помещение обозначался прерыванием столбовых конструкций. В некоторых жилищах имелся коридорообразный вход, длиной 2–3 м, укрепленный каменной забутовкой.

Внутри таких строений, как правило, очаг отсутствовал, хотя следы обогрева пола в виде уплотненного зольного слоя и следов прокала имеются (рис. 7: 5, 6). Очаги были выносными и имели округлую или восьмеркообразную форму. Сложносоставной

очаг состоял из двух очажных ям округлой формы, соединенных небольшой «перемычкой». Диаметры очажных ям от 0,6 м до 1 м, глубина 0,3 м и 0,4 м, длина «перемычки» 15 см. На поселении Бутақты-І соорудили печи типа тандыр на расстоянии 3–4 м от жилища.

Наличие рядом с жилищами выровненных площадок округлой формы, диаметром 4–5 м, утрамбованных глиной подобно полам жилищ, позволяет предположить наличие переносных наземных жилищ типа юрты. Формирование подобных построек на данной территории начинается с периода финальной бронзы и завершается к середине I тыс. до н. э. (Вайнштейн, 1991, с. 57). Близкие аналогии конструкциям турлучного типа имеются в материалах поселений Горного Алтая и соответствуют юртообразным жилищам, заглубленным на 20–25 см (Шульга, 2015, с. 24–28). Группа подобных поселений связывается с пазырыкской культурой и датируется VI–II вв. до н. э.

Находки, полученные при изучении поселений раннего железного века Жетысу, представлены каменными, костяными, металлическими (бронза и железо) изделиями и керамикой (Горячев, Мотов, 2018, рис. 65–88; Горячев, 2011, рис. 2, 4). Наиболее яркими являются фрагменты керамического котла из поселения Бутақты-І (рис. 8: 1), костяной гребень и бронзовая ременная накладка (рис. 8: 4, 5).

В одной из юртообразных построек на поселении Тургенъ-II обнаружена серия ритуальных предметов – бронзовые колокольчик, бляшка-зеркальце (рис. 8: 2, 3), глиняный жертвенник с костями снежного барса, что дало основание считать помещение культовым. Некоторые аналогии находкам

из подобных жилищ обнаруживаются в коллекциях из поселений Центрального Казахстана (Бейсенов, Ломан, 2009) и Алтая (Папин, Шамшин, 1998, с. 90–91, рис. 12; Кирюшин, Фролов, 1998, с. 110–112; рис. 1, 2), которые датируются VIII–V вв. до н. э. Почти полное отсутствие орнаментации в керамике сближает ее со среднеазиатскими керамическими комплексами, как раннесакского (Яблонский, 1996, рис. 33, 34), так и позднесакского периодов (Заднепровский, 1962, с. 170). Датировка поселений горной зоны IV–III вв. до н. э. подтверждается материалами, которые находят аналогии в погребальных комплексах региона (Горячев, 2011, рис. 6, 7; Алтынбеков, Досаева, 2017, с. 162, 164).

Среди находок в серии жилищ каркасно-столбовой конструкции высокогорной зоны Илейского Алатау наибольший интерес представляет костяная пластина с резным рисунком, обнаруженная в юго-восточной части жилища раннего железного века на уровне пола (рис. 8: 6). Сюжет, изображенный на пластине (подношение правителю отрубленной головы «врага»), представляет высокую художественную и культурную значимость. На сегодняшний день данный памятник достаточно надежно датируется I–II вв. н. э. (Горячев и др., 2016, с. 632–648). Это позволяет отнести данную серию конструкций для этой природно-климатической зоны к усуньскому периоду раннего железного века.

Природно-географическая, климатическая ситуация и экологические условия региона привели к специфической структуре возникновения и функционирования поселений раннего железного века. Предгорная зона крупных горных хребтов реги-

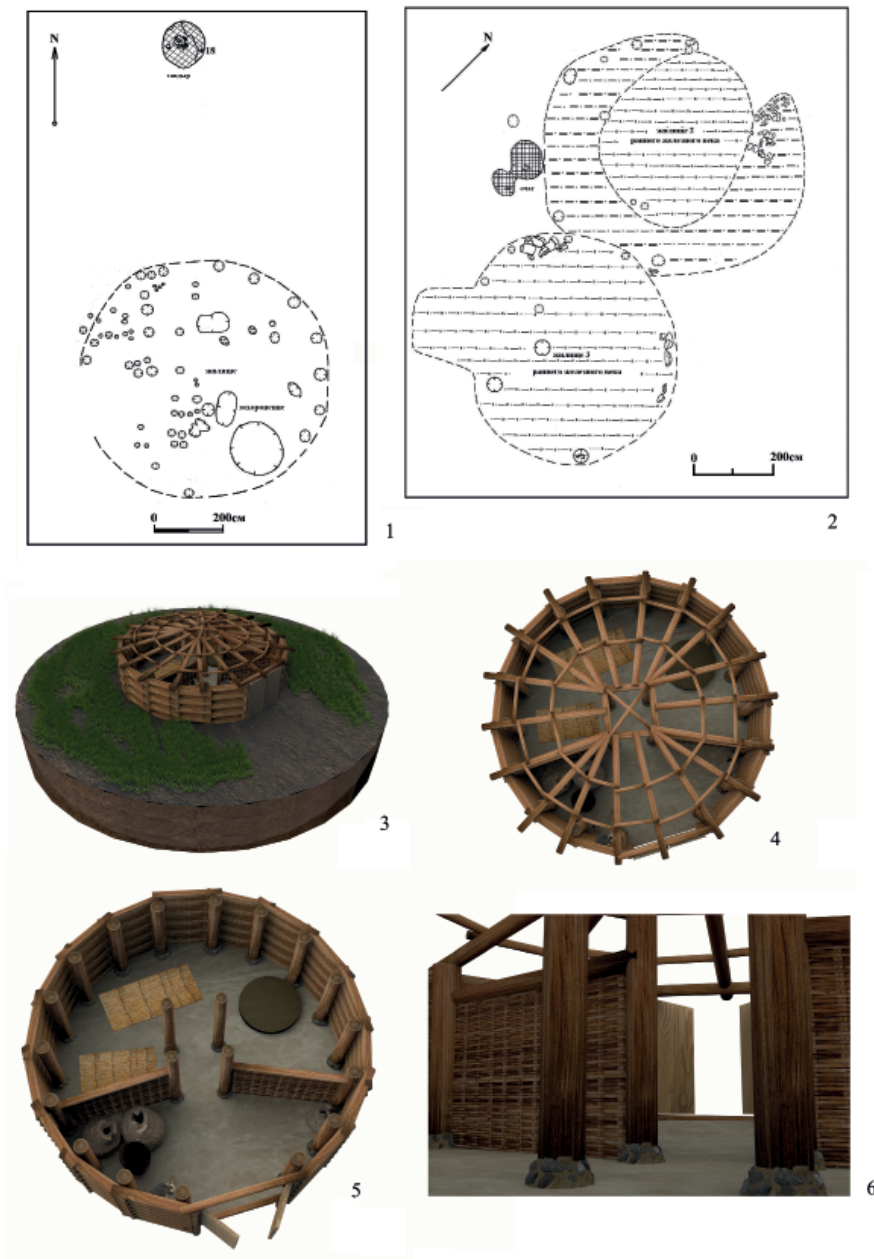


Рис. 7. Юртообразные жилища РЖВ предгорной и горной зоны Илейского Алатау: 1 – план раскопа жилища на поселении Бутакты-I; 2 – план раскопа жилищ на поселении Турген-II; 3 – внешний вид макета жилища; 4 – устройство крыши; 5 – внутреннее устройство помещения, вид сверху; 6 – внутреннее устройство помещения, вид изнутри. Реконструкция А.Н. Проскурина.

Fig. 7. Yurt-shaped dwellings of the Early Iron Age of foothill and mountainous zones of Ile Alatau: 1 – the plan of the excavation of dwellings in the settlement Butakty-I; 2 – plan of the excavation of dwellings in the settlement Turgen-II; 3 – the appearance of the layout of the dwelling; 4 – construction of the roof; 5 – the internal structure of the room, the top view; 6 – the internal structure of the room, the inside view. Reconstruction by A.N. Proskurin.



Рис. 8. Материалы поселений РЖВ предгорной и горной зоны Илейского Алатау: 1 – керамический котел из усадьбы жилища 1 поселения Бутакты-I. Реконструкция Т.С. Дощановой; 2–4 – бронзовые изделия из жилища 2 поселения Тургенъ-II; 5 – фрагмент костяного гребня из жилища 1 поселения Тургенъ-II; 6 – изделие из кости из жилища 1 поселения Кызылбулак-IV. Фото О.В. Белялова.

Fig. 8. The materials of the Early Iron Age settlements in the foothills and mountain zone of the Ile Alatau: 1 – ceramic pot from the estate of dwellings of settlement Butakty-I. Reconstruction by T.S. Doshchanova; 2–4 – bronze-ware from the dwelling 2 settlement Turgen-II; 5 – a fragment of bone comb from the dwelling 1 settlement Turgen-II; 6 – bone plate from settlement's dwelling of Kyzylbulak IV. Photo by O. V. Belyalov.

она представляла наиболее удобные для проживания условия. Обитатели таких селений занимались ирригационным земледелием, для чего отводили воду от реки на пологие хребты водоразделов либо широкие донья ущелий, расположенные ниже водозабора, где возделывались поля (Сараев, 2010, с. 252–264). Водоснабжение поселков производилось из ручьев или родников при помощи водоотводных каналов и арыков. Зафиксированные в районе древних поселений в районе ущелья Турген и в урочище Майбулак мельницы свидетельствуют, что в раннем железном веке основным направлением земледелия становится выращивание зерновых культур. В поймах рек население, вероятно, занималось придомным скотоводством. Здесь обнаружены крупные загоны, обозначенные земляными валами по периметру.

В предгорной зоне Жетысуского Алатау развитие ирригационного земледелия было значительным, повсеместно прослеживаются системы древних каналов, орошавших поля, расположенные по их берегам. В Шу-Илейских горах отмечена система небольших полей-чек, которые орошались арыками, выведенными из ручьев. Такие поля отмечены в горах Киндыктас и Анрахай. Здесь на выходе из ущелий устраивались водонакопители-таганы для полива в засушливое время.

Исследования хозяйственно-жилых комплексов у северных склонов Илейского Алатау в равнинной части показали, что, как правило, водозаборы оросительных систем в раннем железном веке располагались в устьях горных ущелий. Территории вокруг таких поселений в предгорьях сохранили следы достаточно

разработанной системы орошаемого земледелия. Например, на северных склонах Илейского Алатау выявлены водоотводные каналы протяженностью 15–20 км и акведуки длиной более 1 км. Приблизительные расчеты показывают, что для акведука длиной в 1 км требовалось переместить приблизительно 20 тыс. тонн грунта, что сложно без перспективного планирования и административной организации проведения подобных работ. Период создания данного сооружения в раннем железном веке подтверждается встроенными в его основание двумя усадьбами этого периода в районе водораспределителя у села Касымбек. Небольшие поселки и усадьбы предгорных равнин являлись пользователями этих систем и представляли собой земледельческую округу крупных поселений предгорной зоны.

Древние скотоводы к раннему железному веку занимают практически все экологические ниши горной зоны и устраивают стационарные поселения, которые в наибольшем виде состояли из нескольких десятков дворов. Простые расчеты показывают, что сосредоточение десятка скотоводческих дворов в одном месте неоправданно с точки зрения рационального хозяйственного развития. В такой ситуации это чревато неизбежными конфликтами из-за территорий выпаса скота и иных хозяйственно-бытовых проблем. Исследования поселений высокогорной зоны ущелья Турген позволили выявить в ближайшей округе от них выходы глины достаточного качества для производства керамической посуды. На противоположных склонах горных ущелий от поселений Турген-II и Кызылбулак-IV обнаружены две мастерские по выплавке кричного желе-

за раннего железного века (Кызылбулак и Калкан). Среди обследованных жилищ этого периода по набору инвентаря два объекта могут быть атрибутированы как дома мастера кожевника и ткача. Таким образом, крупные поселения в горной зоне Жетысу определенно являлись местом проживания не только скотоводов, но и ремесленников, сырьевая база для деятельности которых имела в наличии.

Традиционным местом проживания древних скотоводов в Жетысу были полупустыни Илейской долины и степные районы Шу-Илейских гор. Хозяйственная специализация населения этих районов региона не менялась до сих пор. Большинство древних поселений структурно представляют собой хозяйственно-жилищные комплексы отдельных семей скотоводов раннего железного века (1–2 жилища, двор с хозпостройками и огражденные загоны для скота). Аналогии находкам, традициям домостроительства и устройства поселений в степной зоне Шу-Илейских гор прослеживаются в материалах раннего железного века Центрального Казахстана (Бейсенов, 2015, рис. 2–6). Это позволяет предполагать, что население раннего железного века Шу-Илейских гор от Хантау до Кулжабасы и хребта Анрахай находилось в тесной экономической и хозяйственно-культурной взаимосвя-

зи с древними жителями Сарыарки. Возможно, часть центрально-казахстанских племен в раннем железном веке устраивали на этих территориях свои зимовки. Тесные контакты древнего населения Шу-Илейских гор и северных склонов Илейского Алатау установлены еще на материалах археологических памятников эпохи бронзы. Таким образом, этот микрорайон Жетысу играл в раннем железном веке коммуникационную роль между древними скотоводами Сарыарки, земледельцами долин рек Шу, Иле и предгорий Илейского Алатау.

Подобная специализация различных видов производств способствовала увеличению территорий охваченных хозяйственной деятельностью людей и определенной самодостаточности региона в плане производства необходимых продуктов потребления в раннем железном веке, а также усложнению их социальной структуры. Окончательное формирование подобной хозяйственно-экономической системы, которая приводит к освоению всех экологических ниш Жетысу, приходится на ранний железный век. Главенствующую роль в ней для древнего населения раннего железного века играла предгорная полоса, где располагались наиболее крупные поселения этого времени, которые, вероятно, являлись не только хозяйственно-ремесленными, но и административными центрами региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев К.А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Известия Академии Наук Казахской ССР. Серия общественных наук. 1969. № 1. С. 29–47.
2. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Саки и усунь долины реки Или. Алма-Ата: Наука, 1963. 310 с.
3. Альтынбеков К., Досаева Д.К. Опыт реконструкции «археологического» костюма // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 157–171.
4. Байпаков К.М. Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. Алматы: Credo, 2008. 173 с.

5. *Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Потапов С.А.* Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2005. 226 с.
6. *Бейсенов А.З.* Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2015. С. 11–38.
7. *Бейсенов А.З., Ломан В.Г.* Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: Инжу-Маржан, 2009. 264 с.
8. *Вайнштейн И.В.* Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
9. *Горячев А.А.* Археологический комплекс Калакай-1 из Северного Придунгарья // История и археология Семиречья. Вып. 3 / Отв. ред. Ю.А. Мотов. Алматы: Фонд «Родничок», 2007. С. 21–41.
10. *Горячев А.А.* Поселение и могильник раннего железного века археологического комплекса Тургенъ-II // Вопросы археологии Казахстана / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. Вып. 3. С. 325–341.
11. *Горячев А.А., Егорова Т.А.* Поселения раннего железного века в ущелье Бутакровка (на юго-восточной окраине города Алматы) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 90–99.
12. *Горячев А.А., Мотов Ю.А.* Археологический комплекс Бутақты-1. Алматы: ТОО «KazBookTrade», 2018. 264 с.
13. *Горячев А.А., Сараев В.В.* К вопросу о хозяйственно-культурном развитии древнего населения Алматы // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2015. № 6 (304). С. 5–18.
14. *Горячев А.А., Яценко С.А., Егорова Т.А.* Костяная пластина с гравированной композицией из поселения Кызылбулак-IV в верховьях ущелья Тургенъ // Материалы Междун. науч. конф. «Актуальные проблемы археологии Евразии», посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии, 2016. 632–648.
15. *Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 328 с.
16. *Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В.* Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 1998. С. 110–136.
17. *Марьяшев А.Н.* Новые материалы о поселениях эпохи бронзы в горах Баян-Журык // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2002. № 1 (236). С. 23–30.
18. *Патин Д.В., Шамшин А.Б.* Поселения переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку в лесостепном Алтайском Приобье // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 1998. С. 85–109.
19. *Савельева Т.В.* Новая страница в древней истории Алматы // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие / Отв. ред. Б.Е. Кумеков. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2010. С. 137–140.
20. *Сараев В.В.* Перспектива выявления фактов развитого оросительного земледелия в предгорьях Семиречья // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана: матер. междунар. научн. конф. (Алматы, 23–24 апреля 2009 г.) / Ред. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанасев, Л.Е. Масанова. Алматы: ТОО «Print-S», 2010. С. 252–264.
21. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Алматинская область. Алматы: Агентство «Маматай», 2009. 104 с.
22. *Шульга П.И.* Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 336 с.
23. *Яблонский Л.Т.* Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.: Институт археологии РАН, 1996. 186 с.

Информация об авторе:

Горячев Александр Анатольевич, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК (г. Алматы, Республика Казахстан); aga.2805@mail.ru

**ORGANIZATION OF SETTLEMENTS
OF THE EARLY IRON AGE IN JETZSU²**

A.A. Goriachev

Number of new materials of ancient settlements from Shu-Ile mountains and ridge of Ile Alatau are introduced in into scientific circulation in the paper. Data on location and structure of settlements of the Early Iron age are summarized on the basis of investigations, conducted on the territory of Jetysu by various expeditions of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology. The issues of reconstruction of the Early Iron Age house building's traditions in different climatic zones are considered. They were depended on processes of economic and cultural development of the population of the region. The author found that settlements of farmers were concentrated mainly on the exit of the gorges and valleys of big rivers. And the ancient cattle breeders occupied steppe mountains and semi-deserts, as well as gorges and high plateaus. Economic and cultural relations and mutually beneficial trade with the population of Central and Eastern Kazakhstan and Central Asia contributed to the growth of the population of Jetysu during this period. As the result it led to the development of all ecological niches of the region.

Keywords: archaeology, Jetysu, Ile Alatau, Shu-Ile mountains, the Early Iron Age, settlement, standing, dwelling.

REFERENCES

1. Akishev, K. A. 1969. In *Izvestiia Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. Social Sciences)*, 6, 29–47 (in Russian).
2. Akishev, K. A., Kushaev, G. A. 1963. *Saki i usuni doliny reki Ili (Saka and Wusun tribes of Ili gorge river)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Altynbekov, K., Dosayeva, D. K. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1, 157–171 (in Russian).
4. Baipakov, K. M. 2008. *Poseleniia sakov i usunei na territorii Zhetysu i Almaty (Settlements of Saka and Wusun peoples in Jetysu and Almaty)*. Almaty: "Credo" Publ. (in Russian).
5. Baipakov, K. M., Maryashev, A. N., Goriachev A. A., Potapov S.A. 2005. *Naskal'nye izobrazheniia v gorakh Eshkiol'mes (Rock art of Eshkiolmes mountains)*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology Publ. (in Russian).
6. Beisenov, A. Z. 2015. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Sakskaiia kul'tura Saryarki v kontekste izucheniia etnosotsiokul'turnykh protsessov stepnoi Evrazii (Saka culture of Saryarka in the context of researches of ethno-social processes of Eurasian steppe)*. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 11–38 (in Russian).
7. Beisenov, A. Z., Loman, V. G. 2009. *Drevnie poseleniia Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient settlements of Central Kazakhstan)*. Almaty: "Inzhu-Marzhan" Publ. (in Russian).
8. Vainshtein, S. I. 1991. *Mir kochevnikov tsentra Azii (Nomads's world of central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Goriachev, A. A. 2007. In Motov, Yu. A. (ed.) *Istoriia i arkheologiia Semirech'ia (History and archaeology of Semirechie)* 3. Almaty: Fund «Rodnichok», 21–41 (in Russian).

Republican state-owned enterprise "A. Kh. Margulan Institute of Archaeology" of Ministry of Education and Science Republic of Kazakhstan Grant funding for scientific research for 2018-2020 Name of the Project's theme: IRN № AP05135512 "Khantau transit corridor in Paleometallic Age.

10. Goriachev, A. A. 2011. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Voprosy arheologii Kazakhtana (Issues of the Archaeology of Kazakhstan)* 3. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 325–341 (in Russian).
11. Goriachev, A. A., Egorova, T. A. 2015. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Sakskaiia kul'tura Saryarki v kontekste izucheniiia etnosotsiokul'turnykh protsessov stepnoi Evrazii (Saka culture of Saryarka in the context of researches of ethnic and social processes of Eurasian steppe)*. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 90–99 (in Russian).
12. Goriachev, A. A., Motov, Yu. A. 2018. *Arheologicheskii kompleks Butakty-I (Archaeological complex Butakty-I)*. Almaty: "KazBookTrade" Publ. (in Russian).
13. Goriachev, A. A., Saraev, V. V. 2015. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Series of Social and Human Sciences Series)* 6 (304), 5–18 (in Russian).
14. Goriachev, A. A., Yatsenko, S. A., Egorova, T. A. 2016. In Baitanaev, B. A. *Materialy Mezhdun. nauchnoi konferentsii "Aktual'nye problemy arkheologii Evrazii", posviashch. 25-letiiu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 25-letiiu Instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana (Proceedings of International Research Conference "Urgent Matters of Eurasian Archaeology" dedicated to the 25th anniversary of independence of the Kazakhstan Republic and the 25th anniversary of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology)*. Almaty: Institute of Archaeology 632–638 (in Russian).
15. Zadneprovskii, Yu. A. 1962. *Drevnezemel'delcheskaya kultura Fergany (Ancient agricultural Fergana)*. Moscow–Leningrad: Academy of Science of USSR Publ. (in Russian).
16. Kiryushin, Yu. F., Frolov, Y. V. 1998. In *Drevnie poseleniya Altaya (Ancient settlements of the Altay)*. Barnaul: Altay University Publ., 110–136 (in Russian).
17. Maryashev, A. N. 2002. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Serii obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 1 (236), 23–30 (in Russian).
18. Papin, D. V., Shamshin, A. B. 1998. In *Drevnie poseleniya Altaya (Ancient settlements of the Altay)*. Barnaul: Altay University Publ., 85–109 (in Russian).
19. Savelyeva, T. V. 2010. In Kumekov, B. E. (ed.) *Kazakhstan i Evraziia skvoz' veka: istoriia, arkheologiia, kul'turnoe nasledie (Kazakhstan and Eurasia through the centuries: history, archaeology cultural heritage)*. Almaty: "Archaeological expertise" Publ., 137–140 (in Russian).
20. Saraev, V. V. 2010. In Erofeeva, I. V., Zhanaev, B. T., Masanova, L.E. (eds.) *Rol nomadov v formirovanii kulturnogo naslediya Kazakhstana (Role of nomads in the formation of the cultural heritage of Kazakhstan)*. Almaty: "Print-S" Publ., 252–264 (in Russian).
21. 2009. *Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazakhstan. Almatinskaia oblast' (Corpus of Sites of Historical and Cultural of the Republic of Kazakhstan. Almaty Region)*. Almaty: "Mamatay Agency" Publ. (in Russian).
22. Shulga, P. I. 2015. *Skotovody Gornogo Altaya v skifskoe vremya (po materialam poseleniy) (Cattle breeders of the Altay Mountains in the Scythian time (according to settlement materials))*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ. (in Russian).
23. Yablonsky, L. T. 1996. *Saki Yuzhnogo Priaralia (arheologiya i antropologiya mogilnikov) (The Saka people of the South Aral Sea Area (Archaeology and Anthropology of Burial Grounds))*. Moscow: Institute of archaeology RAS (in Russian).

About the Author:

Goriachev Alexander A. A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Dostyk Ave., 44, Shevchenko St., 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; aga.2805@mail.ru

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

УДК 902:73.02.027.2

<https://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.100.114>

НОВЫЙ ОБРАЗЕЦ ДРЕВНЕГО ИСКУССТВА ИЗ КАЗАХСКОГО АЛТАЯ

© 2019 г. К. Алтынбеков, В.Л. Железнякова, Э.К. Алтынбекова

В статье впервые в научный оборот вводятся результаты лабораторного изучения находки, представляющей собой фрагмент седельного покрытия. Вышивку удалось реконструировать спустя 18 лет с момента обнаружения. Находка происходит из раскопок кургана № 11 могильника Берел, исследованного международной экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством З. Самашева в 1998–1999 гг. Отдельные фрагменты вышивки, обнаруженные в разных местах погребальной камеры, прошли полный цикл консервации. Совмещение компьютерной и физической сборки декора позволило, исследовав каждый фрагмент текстиля, выявить сюжет вышивки. На седельном покрытии изображена сцена терзания копытного животного четырьмя хищниками, повторяющаяся почти зеркально по обеим сторонам покрывки, по седельному желобу проходит полоса растительного орнамента. Консервационно-реставрационные работы, включающие исследования материалов, продолжались несколько лет. Работы выполняются при финансовой поддержке Министерства культуры и спорта Республики Казахстан.

Ключевые слова: археология, Казахский Алтай, Берел, ранний железный век, консервация, реставрация, конгломераты, седла, текстиль.

Введение

Могильник Берел, расположенный в Казахском Алтае, является своеобразным сакральным местом обитавшего здесь в IV–III вв. до н. э. населения. В 1998–1999 гг. международной экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана проводились комплексные исследования кургана № 11, в которых принимали участие специалисты различных направлений из Казахстана, Италии, России, Франции (Самашев, 2011) (С руководителем исследований З. Самашевым достигнута договоренность о публикации результатов консервации самостоятельно реставраторами). Конструкция каменного кургана обеспечила формирование искусственной подкурганной мерзлоты, но ограбление кургана еще в древности нарушило температурно-влажностный режим внутри погребальной камеры. Вследствие этого

при археологических исследованиях были обнаружены лишь локальные замерзшие участки. Тем не менее, процессы распада и деструкции органических материалов протекали медленнее, чем в обычных курганах, и до нас дошли редко сохраняющиеся предметы из дерева и текстиля.

В погребальной камере находились сруб с колодой и останками людей в ней; захоронение 13 оседланных лошадей в парадном убранстве. Лошади были размещены в два яруса, разделенные слоями бересты. Большой объем работ и неблагоприятные погодные условия заставили обратиться к методу вырезания/выпиливания участков могилы вместе со всеми содержащимися в них предметами, максимально сохраняя сложившийся микроклимат с помощью специальной упаковки. Полученные блоки-конгломераты размером около 1 кв. м



Рис. 1. Первая находка фрагментов вышивки. 1 – извлеченный из раскопа блок с седлом; 2 – седло; 3 – место обнаружения вышивки на седле; 4–5 – фрагменты вышивки; 6 – после реставрации седла: войлочная покрывка с аппликациями.

Fig. 1. The first find of embroidery fragments. 1 – a block with a saddle extracted from an excavation site; 2 – saddle; 3 – the place of detection of embroidery on the saddle; 4–5 – fragments of embroidery; 6 – after the restoration of the saddle: a felt covering with applications.

были доставлены в научно-реставрационную лабораторию Крыма Алтынбекова (рис. 1: 1).

В процессе ограбления кургана, археологического исследования и последующего разрезания захоронения лошадей на блоки одни конские седла оказались прочно спрессованными между собой, части других разделились по разным упаковкам. В итоге на хранение в холодильник были отправлены монолиты немного меньших размеров, чем извлеченные из раскопа блоки. Индивидуальная консервация находок тогда не проводилась, необходима была разработка новых технологий консервации, отличных от европейских, которые начали внедряться в 2001 г. (Алтынбеков, Ахметкалиев, 2005).

Сразу же после поступления артефактов в лабораторию начался первичный разбор блоков с участием французских реставраторов, по возможности – извлечение мелких изделий для последующей консервации. Это был первый опыт отечественных реставраторов по сохранению археологических артефактов из материалов органического происхождения. По мнению специалистов из Франции, состояние содержащихся в блоках предметов определялось как не подлежащее консервации, за исключением немногих деревянных украшений. Предлагалось зафиксировать находки, но не пытаться сохранить их. После первичного разбора были получены конгломераты, содержащие также разнородные материалы, далеко не всегда принадлежащие одному изделию.

Методика исследований

Кратко опишем этапы консервации и реставрации предметов из курганов с мерзлотой. До начала консервационных работ все находки органических

материалов хранятся в холодильнике во влажном состоянии. Влага в смеси с грунтом связывает деструктурированные волокна, а пониженная температура препятствует дальнейшему разрушению. В процессе хранения, которое для седел составило более 10 лет, регулярно проводится обработка антисептиком.

В результате многолетних работ сотрудниками лаборатории выработано два методических приема консервации находок-конгломератов – с разбором монолита и без его разбора (если это единый комплекс и состояние позволяет сохранить его без расслоения). Конгломерат, подлежащий разбору, подвергается легкому замедленному подсушиванию с целью проведения первичной механической расчистки поверхностей. После зачистки обнажаются отдельные компоненты конгломерата: мех, кость, войлок, текстиль, дерево, береста, костные останки лошадей, растительные остатки.

Все деструктурированные материалы конгломерата после подсушивания становятся хрупкими и ломкими. Для их безопасного разделения необходима послойная первичная консервационная обработка. Выполняется пластификация, укрепление поверхностных слоев до состояния, достаточного для их отделения от массива. Антисептирование проводится постоянно по мере расслоения составляющих конгломерата. Так постепенно, слой за слоем, происходит разъединение всех материалов. Иногда мы извлекаем тонкий фрагмент шерстяной ткани, в другом случае – комок войлока, который предстоит развернуть и снова повторить все этапы консервационных мероприятий, поскольку проникание растворов в спрессованный материал затрутни-



Рис. 2. Фрагменты вышивки до идентификации. 1–2 – фрагмент в шкуре лошади;
3–5 – фрагмент на ребрах лошади.

Fig. 2. Fragments of embroidery before identification. 1–2 – a fragment in a horse skin;
3–5 – fragment on the ribs of the horse.

тельно. Слои могут представлять собой одно изделие или же относиться к разным предметам. Иногда это почва с незначительными включениями органических материалов.

После полного разбора монолитов получаем отдельные фрагменты разных предметов как декорированные, так и с утраченным декором, что достойно сожаления, т. к. известно, что в памятниках пазырыкской культуры, к которой относятся берелские курганы IV–III вв. до н. э., и одеяние людей, и конское снаряжение были настоящими произведениями искусства. Текстильные изделия украшались аппликациями из войлока и кожи, вышивкой нитками, бисером, бусинами из кристаллов пирита, фигурной золотой фольгой, деревянными резными бляшками, плакированными золотом и оловом. Тканые шерстяные материалы в кургане № 11 обнаружены в гораздо меньшем количестве, чем валяные, возможно, потому, что первые хуже сохранились в этих условиях, или изначально их было меньше.

По достижении стабильного состояния разделенных фрагментов приступаем к выявлению их функционального назначения или отождествления с определенным предметом. Иногда это становится понятно сразу после полного развертывания комка текстиля, но чаще происходит накопление однотипного материала, его исследование, поиск аналогий и только затем идентификация.

Реставрационная реконструкция производится путем тщательного изучения и подбора фрагментов с учетом вида и качества материала, края, швов, декора. Таким образом, нам удалось частично собрать некоторые изделия, в том числе конскую маску, фрагменты двух шуб, войлочные чул-

ки и другие предметы костюма (Алтынбеков, Досаева, 2017).

Изучение конгломератов из кургана № 11

При разборе конгломератов из верхнего яруса лошадей в разных упаковках начали встречаться фрагменты вышивки на ткани (до этого была лишь вышивка по войлоку). Первые фрагменты находились на седле и лежали лицевой стороной вниз (рис. 1: 2–5). После удаления посторонних материалов выявлено седло, имеющее войлочную покрышку с аппликациями (рис. 1: 6). То есть вышитая ткань не могла быть покрышкой этого седла, она или являлась чем-то другим, или относилась к другому седлу. Следующие фрагменты обнаружены в шкуре лошади, свернутой комом (рис. 2: 1–2). Еще один довольно целый клочок вышивки выявлен на ребрах лошади поверх фрагмента седла (рис. 2: 3–5). И лишь четвертая находка вышитой ткани, расположенной на первоначальном месте, позволила идентифицировать ее назначение. Фрагмент ткани с вышивкой находился на упоре, по терминологии Е.В. Степановой (Степанова, 2006, с. 110) – утолщении конца подушки – прототипе луки жесткого седла (рис. 3: 1–4).

К этому времени нами была проведена консервация нескольких берелских седел, которая показала их сходство с седлами из синхронных пазырыкских курганов, отнесенных Е.В. Степановой ко второй хронологической группе конского снаряжения. Наиболее вероятная датировка этой группы – IV (вторая половина IV) – начало III в. до н. э. (Степанова, 2006, с. 103, 124–131; 2016, с. 333). Степень сохранности берелских седел значительно хуже пазырыкских, извлечен-



Рис. 3. Фрагмент вышивки, находящейся на первоначальном месте. 1–3 – упор мягкого седла с закрепленной покрывкой; 4 – фрагмент вышивки, снятый с упора, в процессе промывки.

Fig. 3. A fragment of embroidery located on the original place. 1–3 – an edge of the soft saddle with a fixed covering; 4 – a fragment of embroidery, taken from the edge during the cleaning process.

ных из линзы мерзлоты: подушки сильно деформированы, расплюсчены, форма их искажена, первоначальные размеры не всегда определяются; торцевые вертикальные части упоров лежат в одной плоскости с сидением; фурнитура и кожаные ремни отсутствуют. Тем не менее, выявлены общие с пазырыкскими седлами конструктивные детали: кожаная оболочка подушек, набивка и ее простежка, покрывка и деревянные дужки. Все уже отреставрированные берелские седла имели покрытия, выполненные из ткани или войлока, лишь одно седло было покрыто мехом. Для покрывок использована шерстяная ткань только красного цвета; войлок мог быть красным и желтым, синий цвет войлочного покрытия, присутствующий в пазырыкских седлах (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 109), пока не зафиксирован. Все войлочные покрывки были украшены цветными войлочными аппликациями, фрагментарной или относительно полной сохранности, позволяющей выявить изображенный сюжет. Декор, сохранившийся на правой и левой половинах покрытия, был построен по принципу зеркальной симметрии, что часто встречалось в оформлении пазырыкских седел (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 109, рис. 3: 3; с. 112, рис. 3: 5).

Идентификация вышитых фрагментов ткани

Итак, после комплекса реставрационных работ мы получили фрагмент седла размерами 24×18 см. Составляющие его элементы после удаления почвы (сверху вниз): вышитая ткань, закрепленная деревянной дужкой с остатками плакировки золотой фольгой, под которой находился войлочный кант, покрытый тканью-основой

вышивки; тонкая кожа оболочки подушки; уплотненная набивка светлого, почти белого цвета; снова следы тонкой кожи; шкура лошади. Таким образом, ткань с вышивкой являлась покрывкой седла. Теперь стала понятна повторяемость найденных изображений, которые располагались зеркально. Все фрагменты аналогичной вышивки, найденные в верхнем ярусе лошадей (рис. 4: 1–3), по мере их обнаружения прошли консервационную обработку. Выполнено удаление загрязнений – вначале с применением моющего средства, одновременно являющегося консервантом и антисептиком, затем проведена сухая расчистка под микроскопом, позволившая удалить грязь между нитями вышивки.

Исследование вышивки

Технико-технологическое исследование вышивки показало, что ее основой является ткань полотняного переплетения в разновидности уточный репс (исследование выполнено старшим научным сотрудником отдела экспертизы Эрмитажа Е.А. Миколайчук). Линейная плотность ткани по основе 16 нитей на 1 см, по утку – 64 нити на 1 см. Нити основы одиночные, скручены правой круткой в Z. Толщина нитей основы 0,4 мм, промежутки между нитями основы 0,15 мм. Структура ткани по основе плотная. Нити утка одиночные, скручены правой круткой в Z. Толщина нитей утка 0,2–0,3 мм, промежутков между нитями утка практически нет. Нити основы и утка ткани выполнены из волокон шерсти овцы. Это волокна пуха и переходного волоса тониной 9–33 мкм. Краситель не обнаружен, вероятнее всего, что ткань-основа была белого цвета.

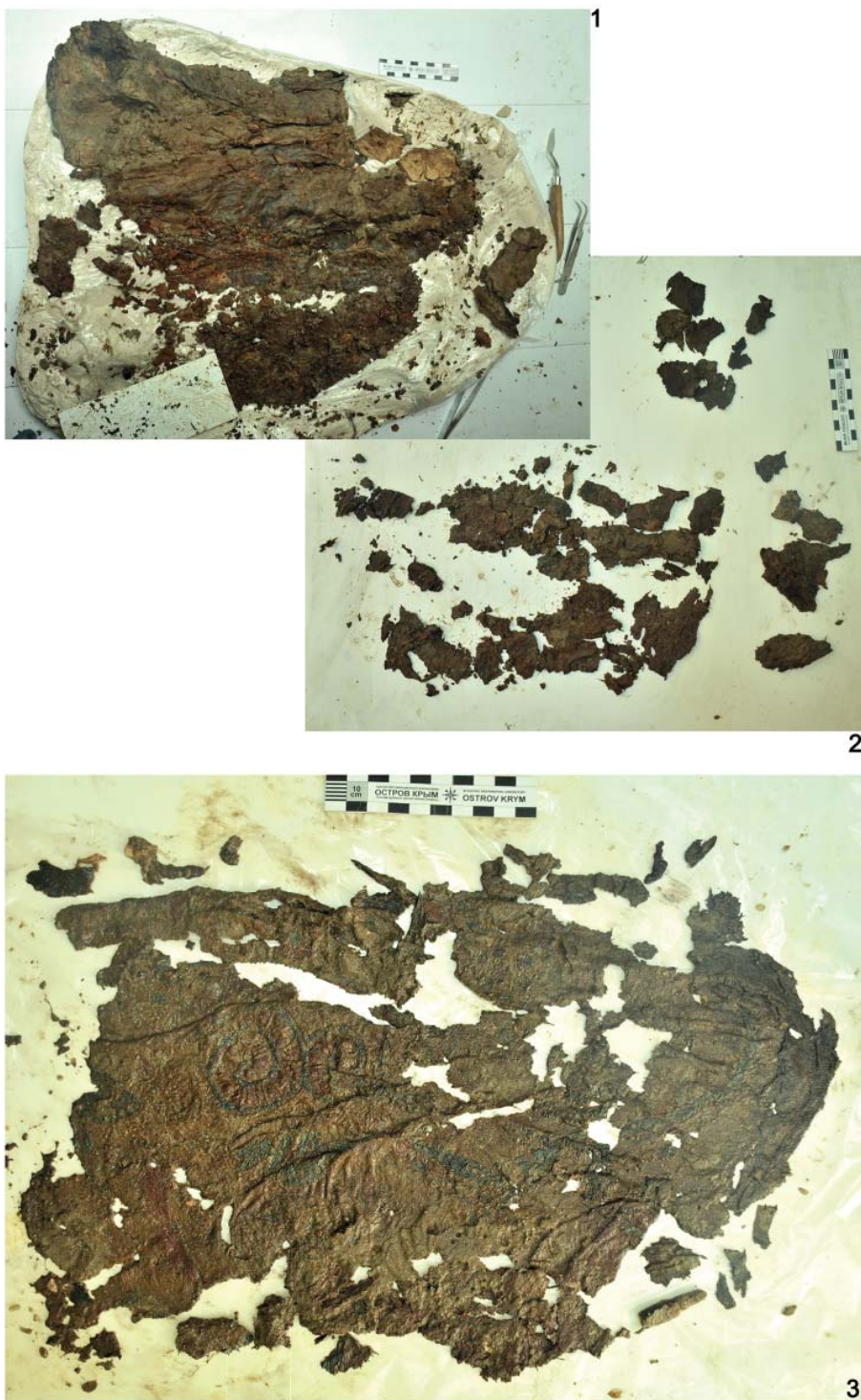


Рис. 4. Идентичные фрагменты вышивки из верхнего яруса лошадей.

Fig. 4. Identical fragments of embroidery from the upper level of horses.

Вышивка на ткани выполнена тамбурным швом. Нити вышивки скручены из двух одиночных нитей левой круткой в S. Каждая одиночная нить скручена правой круткой в Z. Толщина нитей вышивки 0,5 мм. Нити вышивки выполнены из волокон шерсти овцы. Это волокна пуха и переходного волоса тониной 9–33 мкм. Определены красители нитей вышивки: красный цвет – марена, синий цвет – индиго, светло-коричневый – фустик (физетовое дерево). В нити вышивки светло-коричневого цвета выявлена небольшая часть волокон светло-коричневого цвета естественного окраса.

Текстиль имеет очень высокую степень деструкции. Многие волокна нитей расщеплены и вывернуты внутренней стороной наружу. Имеются поперечные разрывы волокон, а вернее, разломы, так как волокна, склеенные между собой липкими продуктами распада биологических объектов, приобрели жесткость. Худшую сохранность имеют волокна ткани-основы. Визуально это проявляется в потере эластичности и механической прочности, текстиль как бы мумифицирован и первоначальные свойства его не удалось восстановить методами консервации. Однако сохранность вышивки в существующем состоянии возможно обеспечить путем соблюдения условий хранения и экспонирования, а также профилактического ухода.

Восстановление композиции вышивки

Восстановление композиции вышивки выполнялось с использованием компьютерной технологии, чтобы не подвергать крайне ветхую ткань дополнительному механическому воздействию при подборе фрагментов.

После консервации, очистки и устранения деформаций фрагменты выложены на ровной поверхности лицевой стороной вверх, с учетом их расположения в раскопе, если они находились в одном конгломерате, и в то же время на некотором расстоянии друг от друга, чтобы их было проще перемещать в компьютере. Фотофиксация производилась таким образом, чтобы объектив фотокамеры находился перпендикулярно плоскости вышивки, примерно над ее центром. Готовая фотография загружалась в графическую программу, после ее обработки можно двигать и поворачивать каждый элемент, рассматривать мелкие детали. Таким образом, появляется возможность многократно подбирать и перемещать фотоизображения, не касаясь при этом древней ткани. Когда несколько фрагментов с высокой степенью вероятности составлены вместе в компьютере, то же самое повторяется на оригинале.

В компьютерной отрисовке собранного покрытия стежки вышивки обобщены, выявлен лишь сам рисунок, линии контура, полосы, пятнышки, заливки. Отрисовка производится более яркими, близкими к первоначальным цветами. В дальнейшем, используя этот материал, предполагается сделать графическую реконструкцию рисунка.

Описание композиции

Сцены терзания располагались зеркально на двух половинах седельного покрытия, разделенные орнаментальным поясом, основой элементов которого является лотос (рис. 5, 6). В центре композиции находится горный козел с характерными рогами – длинными, высокими, могучими. Поперечные валики на рогах переданы в виде полукружий, так же, как и на

деревянных рогах погребенных лошадей в берелских курганах (Самашев, 2011, с. 57, 131–132). Голова козла повернута назад, показаны борода и ухо – узкое, вытянутое, с выгнутым кончиком и округлым основанием (в объемных, рельефных фигурах часто это округлая выпуклость в основании уха или спиралевидный завиток). Борода на конце раздваивается, как флажок. Глаза – узкие, близки по форме к миндалевидным. Сама морда вместе с бородой, а также часть головы от носа до основания рогов, выделена синим цветом, переходящим на ровный нижний край рогов; полукружья рогов, как и глаза и крылья, уши – красного цвета. Каждая деталь оконтурена светлым швом, у животного с левой стороны крыло и часть скобочек обведены синей ниткой. У левого животного, видимо, вся голова синего цвета, детали морды выделены отдельно швом.

Геральдическая композиция передана симметрично поднятой и выдвинутой вперед передней ногой козлов (левая у животного, расположенного слева, и правая – у животного справа), на туловище широкими скобочками переданы особенности телосложения – мускулатура, ребра.

На бедрах расположены две скобочки в виде незамкнутого овала с утолщениями на концах и ромбами внутри, между ними – также ромб синего цвета. Скобочки развернуты друг к другу. Суставы ног, надкопытный сустав выделены синими вставками округлой формы (копыта – характерной формы), строение ног выше колен передано синими подтреугольными фигурами.

Короткие узкие крылья животного расположены в пределах границ туловища, не выступают за спиной. Они

начинаются от лопатки, верхний край крыльев ровный, нижний оформлен дуговидными вырезами, передающими оперенье и образующими острые выступы, сами крылья выгнуты (как бы сложены?), у правого персонажа – более широкое крыло, крылья и скобочки у него выделены красным цветом на фоне коричневого туловища.

Шея животного заполнена двумя – друг над другом – спиралевидными завитками. Они закручены зеркально: у правого животного по часовой стрелке, у левого – против. Завитки разделены поперечными линиями на сектора, внутри которых нанесено по красному либо оконтуренному красной ниткой кружочку на белом фоне. У правого животного красные кружки составляют первые шесть секторов у нижнего завитка, если считать по направлению закручивания спирали. При этом нижняя спираль закручена в два оборота, верхняя – в полтора. У левого горного козла оба завитка закручены в два оборота, красные кружки у нижнего завитка все и у верхнего – семь первых от центра. Исходя из видовых признаков горного козла, можно было бы предположить, что так показана подвеска или подшейная грива. У левого животного имеется короткий хвост, но судя по отсутствию оконтуривающего шва (окантовки) на кончике хвоста – его изображение сохранилось не полностью.

В каждого козла вцепились несколько хищных животных. Один из них, видимо, волк. Здесь тоже в деталях нет абсолютной идентичности между правым и левым изображениями. Волк показан вцепившимся в грудь, между передними ногами козла таким образом, что нижняя челюсть находится по ту сторону туловища козла, ее не видно. Уши, при-



Рис. 5. Седельное покрытие, собранное из фрагментов вышитой ткани.

Fig. 5. Saddle covering, assembled from fragments of embroidered fabric.

жатые к голове – листовидные, но у левого хищника ухо целиком красного цвета с завитком в основании, а у правого – внутренняя и внешняя часть уха разделена цветом – ухо наполовину синее, наполовину красное. Нос обозначен завитком. Фактура шерсти, особенно загривок, передана красными каплевидными фигурами на синем фоне, но у правого зверя они крупнее. Красными вставками обозначены фактура шерсти, ухо, суженный глаз, суставы на ногах.

Ноги волка прямо вытянуты вперед-назад, голова поднята вверх, повернута назад – к груди козла, хвост, сохранившийся на левом изображении хищника, показан опущенным, очевидно, пропущенным между ног.

Спереди в шею горного козла вцепился кошачий хищник – барс (?), судя по пятнистой передаче шерсти, а также короткой морде. Пасть животного разинута. Уши обращены вперед, кончик их приострен, передними лапами хищник уперся в шею трав-



Рис. 6. Компьютерная отрисовка вышивки.
Fig. 6. Computer drawing of the embroidery.

ядного, задними – в поднятую ногу горного козла. Фактура шкуры передана так, что на сером фоне нанесены розовые в красном обрамлении пятна. Оба животных (правый и левый) сохранились фрагментарно. Фигура барса показана меньше по размерам, чем изображение козла.

В спину горного козла вцепился лев (?) с ухом листовидной формы, внутренняя и внешняя часть которого разделены по вертикали: внутренняя – синяя, вместо волосков шерсти, с завитком или круглым пятном в основании. Грива передана тонкими завитками в виде запятой. Голова темно-красного цвета. У правого зверя сохранился узкий глаз, переданный ниткой по контуру. У животных показаны направленные вперед крылья с длинными перьями по внешнему

краю крыла. Кончик крыльев загнут вперед вниз. Используются красный (основной) и синий цвета.

Очевидно, было животное, вцепившееся снизу в брюхо козла. Судя по расцветке шкуры – коричневая с круглыми пятнами синего цвета – это мог быть барс. Изображения левого и правого хищника различаются в цветовой передаче, также, видимо, синим цветом выделены голова или часть головы предполагаемого барса.

Таким образом, сюжет передает сцену терзания копытного животного четырьмя хищниками разных видов (подотрядов). Способ передачи шерсти животных аналогичен приему, зафиксированному, например, на седлах из берелского кургана № 10. Прием выделения контрастными вставками деталей или частей изображения ис-

пользован на седельных покрышках с изображениями орлиных грифонов («петухов») и андрокефалов (см. статью Джумабековой, Базарбаевой в настоящем номере, рис. 1: 1, 2) Берела, а также на других изделиях из памятников пазырыкской культуры (изображение сфинкса на ковре из Пятого Пазырыкского кургана, лося с седельной покрышки из Второго Пазырыкского кургана и др.).

Исходя из величины рогов и количества полукружий на рогах, обозначающих поперечные валики, мощную подшейную гриву, можно предположить, что на седельном покрытии изображены взрослые матерые горные козлы (*Capra sibirica*). Основную опасность для них представляли снежные барсы и волки, которые и показаны в сцене терзания.

Вместе с тем, некоторые детали изображения, художественные приемы передачи образов позволяют предположить, что центральный персонаж сцены терзания на седельном покрытии – конь, ряженный в горного козла. В пользу такого предположения свидетельствуют рога, такие же, как у коней в масках из берелских курганов.

Заключение

Выявлен сюжет вышивки, выполненный в зверином стиле, – сцена терзания копытного животного че-

тырьмя хищниками, повторяющаяся почти зеркально по обеим сторонам покрышки и разделенная полосой растительного орнамента (рис. 5). Более наглядно композиция вышивки просматривается в компьютерной отрисовке (рис. 6). Несмотря на довольно значительные утраты седельного покрытия, это уникальная находка, сделанная через 18 лет после раскопок. Размеры покрышки 60×80 см, то есть продольный размер соответствует средней длине подушек пазырыкских (и берелских) седел (Степанова, 2016, с. 321, 324), а поперечный обеспечивает свободное покрытие всего объема седла. Подробная характеристика вышивки, выполненная археологами, приводится в статье Г.С. Джумабековой и Г.А. Базарбаевой.

Сборка седельного покрытия позволила объединить фрагменты седла, на которых находилась вышивка. Это седло имело еще одну особенность – набивку из шерсти северного оленя светлого цвета, другие берелские седла были набиты только травой или травой, смешанной с конским волосом.

Таким образом, мы представляем для дальнейшего исследования уникальное произведение искусства ранних кочевников – вышитое покрытие седла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтынбеков К., Досаева Д.К. Опыт реконструкции «археологического» костюма // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 157–171.
2. Алтынбекова Д.К. Реставрация археологической коллекции из кургана № 11: новые находки // Казахское ханство в потоке истории: сб. научн. статей, посвящ. 550-летию образования Казахского ханства / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 649–658.
3. Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. Консервация и реставрация артефактов из Берельского кургана 11 // Сохранение и использование объектов культурного и смешанного наследия современной Центральной Азии: Труды II Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.Б. Конусбаев. Алматы: Print S, 2005. С. 181–184.

4. Самашев З. Берел. Berel. Алматы: “Таймас”, 2011. 236 с.
5. Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические вести. Вып. 13 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 102–150.
6. Степанова Е.В. Реконструкция скифского седла из Пазырыкского кургана 3 // Алтай в кругу евразийских древностей / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 306–336.
7. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.

Информация об авторах:

Алтынбеков Крым, академик Академии художеств РК, директор, Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым» (г. Алматы, Казахстан); tengri05@mail.ru

Железнякова Вера Леонидовна, художник-реставратор, Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым» (г. Алматы, Казахстан); jeweller_22.06.05@mail.ru

Алтынбекова Элина Кырымовна, магистр искусствоведческих наук, дизайнер-реставратор, Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»; докторант, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан); elina.altyn@gmail.com

NEW SAMPLE OF ANCIENT ART FROM KAZAKH ALTAY

K. Altynbekov, V.L. Zheleznyakova, E.K. Altynbekova

In the paper, for the first time, the results of a laboratory study of a finding representing a fragment of a saddle coat are entered into a scientific circulation. Embroidery was being able to be reconstructed after 18 years since the discovery. The find came from the excavation of the mound number 11 of the Berel burial ground, studied by an international expedition of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology under the leadership of Z. Samashev in 1998–1999. Separate fragments of embroidery, found in different places of the burial chamber, underwent a full cycle of conservation. The combination of computer and physical assembly of the decor, by examining every shred of textile, made it possible to reveal the embroidery plot. On the saddle cover there is a scene of the agony of a hoofed animal by four predators, repeating almost mirrored on both sides of the covering, along a saddle groove a band of vegetative ornament is located. Conservation and restoration work, including research materials, lasted several years. Works are performed with financial support from the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: archaeology, Kazakh Altay, Berel, Early Iron Age, conservation, restoration, conglomerates, saddles, textiles.

REFERENCES

1. Altynbekov, K., Dosayeva, D. K. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1, 157–171 (in Russian).
2. Altynbekova, D. K. 2015. In Baipakov, K. M. (ed.). *Kazakhskoe khanstvo v potoke istorii (Kazakh Khanate in the Course of History)*. Алматы: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, 649–658 (in Russian).
3. Akhmetkaliev, R. B., Altynbekov, K. 2005. In Konusbayev, A.B. (ed.). *Sokhranenie i ispol'zovanie ob'ektov kul'turnogo i smeshannogo nasledia sovremennoi Tsentral'noi Azii: Trudy II Mezhdunarodnoi nauchno-rakticheskoi konferentsii (Preservation and use of cultural and mixed heritage sites of modern Central Asia: Proceedings of II International scientific and practical conference)*. Алматы: “Print S” Publ., 181–184 (in Russian).
4. Samashev, Z. 2011. *Berel*. Алматы: “Taimas” Publ. (in Russian).

5. Stepanova, E. V. 2016. In Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Altay v krugu evraziiskih drevnostei (Altay in the circle of Eurasian antiquities)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ., 306–336 (in Russian).

6. Stepanova, E. V. 2006. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 8. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; “Dmitrii Bulanin” Publ., 102–150 (in Russian).

7. Polos'mak, N. V., Barkova, L. L. 2005. *Kostium i tekstil' pazyryktsev Altaia (IV–III vv. do n. e.) (The Costume and Textile of the Pazyryk People of Altai Mountains (4th – 3rd Centuries BC))*. Novosibirsk: “Infolio” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Altynbekov Krym. Academician of the Academy of Arts of the RK, Scientific-restoration laboratory the "Ostrov Krym", Venezianov str., 6/5, Almaty, 050034, Kazakhstan; tengri05@mail.ru

Zheleznyakova Vera L. Scientific-restoration laboratory the "Ostrov Krym", Venezianov str., 6/5, Almaty, 050034, Kazakhstan; jeweller_22.06.05@mail.ru

Altynbekova Elina K. Scientific-restoration laboratory the "Ostrov Krym", Venezianov str., 6/5, Almaty, 050034, Kazakhstan; al-Farabi Kazakh National university, al-Farabi Ave., 71, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan; elina.altyn@gmail.com

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

ВЫСОКОХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫШИВКА В ДЕКОРЕ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ ЭЛИТНОГО ПОГРЕБЕНИЯ В КАЗАХСКОМ АЛТАЕ¹

© 2019 г. Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева

В статье представлены результаты углубленного изучения с точки зрения культурологии и искусствоведения уникальной находки, рассмотренной в предыдущей статье К. Алтынбекова, В.Л. Железняковой, Э.К. Алтынбековой – фрагмента седельного покрытия с вышивкой. Авторами предлагается интерпретация в общих чертах сюжета с терзанием травоядного животного хищниками. Она представлена вышивкой на седельном покрытии из кургана № 11 могильника Берел в Казахском Алтае. В результате кропотливой работы специалистов из реставрационной лаборатории «Остров Крым» получены материалы, пополнившие коллекцию шедевров древнего искусства. Кроме того, усилена информационная база для изучения религиозно-мифологических представлений пазырыкцев. Предполагается, что в качестве жертвы в сцене терзания из кургана № 11 представлен ряженный конь, сюжет передает традиционную для эпохи раннего железа идею круговорота жизни и смерти, возрождения через смерть.

Ключевые слова: археология, Казахский Алтай, ранний железный век, культура, древнее искусство, мифология, жертвоприношение.

Введение

Берелский курган № 11 (IV в. до н. э.), исследованный международной экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством З. Самашева в 1998–1999 гг. (Самашев, 2011), продолжает преподносить сюрпризы благодаря кропотливой работе реставрационной лаборатории «Остров Крым». Среди новых артефактов специалистами выявлено уникальное произведение древнего искусства – седельное покрытие со сценой терзания травоядного несколькими хищниками. Ранее сотрудниками лаборатории проведена масштабная реставрация и консервация седел из берелского кургана № 10 (рис. 1).

Обсуждение материала

Рога, подобные изображенным у травоядных животных на седельном покрытии, украшали головы коней из Туэкта (к. 1) (V в. до н. э.) и Башадара (к. 2) (V в. до н. э.) (Руденко, 1960, с. 137). Количество пар деревянных рогов в Туэкте (к. 1) соответствовало количеству захороненных коней. Рога горного козла от конских масок и наголовников, выполненные из дерева, из к. 1 Туэкта очень похожи на берелские и на изображенные на седельном покрытии из кургана № 11 (Руденко, 1960, табл. LXIX и др.); «рожки от упряжи» из к. 2 Туэкта несколько меньших размеров при общей форме (Руденко, 1960, табл. СІХ: 1–2). Изображение козла или по-

¹ Подготовка статьи выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05236565.



1



2

Рис. 1. Седла из кургана № 10 могильника Берел. 1 – седло с изображениями «петухов»; 2 – седло с изображениями андрокефалов (по: Самашев, 2011).

Fig. 1. Saddles from the Berel mound no. 10. 1 – a saddle with images of "roosters"; 2 – a saddle with images of androcephals (by: Samashev, 2011).

лиморфного существа – коня-козерога (?), декорированного дуговидными линиями и завитками, нанесено на таком атрибуте, как зеркало (Аймырлыг, VI в. до н. э.) (Мандельштам, 1983, рис. 2: 12). Некоторая параллель изображению рогов травоядного из Берела прослеживается на навершии головного убора из Алучайдэн (Богданов, 2006, табл. LXV: 3), где присутствует также волк и хищная птица, IV–III вв. до н. э.

Фактура рогов на изображениях копытных из памятников сакского круга – теке и архаров – чаще передана иным способом. Кроме того, выделение цветом части головы также может означать конскую маску, известную по памятникам пазырыкской культуры. Например, маска реконструируется для коня из берелского кургана № 11 (Самашев, 2011, фото 4). Надо

отметить, что уши коней-козерогов из Берела не характерны для козлов, похожи на уши коней-козерогов с кулаха иссыкского человека (Акишев К.А., 1978).

Еще один любопытный элемент – крылья. На седельном покрытии они условные, как будто сложенные, или здесь просто обозначено их присутствие. Вызывает вопрос также изображение спиралей на шее животных из описываемого седельного покрытия. Возможно, названный в описании такой элемент как подвеска таутеке, учитывая поворот головы назад, логичнее определить как гриву коня, закрытую нагривником. У левого изображения теке не сохранившееся целиком изображение хвоста позволяет предположить, что он мог быть и конским, спрятанным в футляр или заплетенным.



Рис. 2. Седло из кургана № 11 могильника Берел. Без масштаба (по: Самашев, 2011).

Fig. 2. Saddles from the Berel mound no. 11. Without scale (by: Samashev, 2011).

В материалах из Берела сцена терзания присутствует в другом седельном покрытии из кургана № 11. В композиции показан конь в оленьей маске с огромными ветвистыми рогами. Его терзает тигрогрифон – кошачий хищник, с рогами и крылом такого же полосатого, что и туловище, окраса (Самашев, 2011, рис. 385). Напряженность и экспрессивность сцены передана раскинутыми ногами «оленя», вгрызанием хищника в тело копытного (рис. 2). Схожий прием использован по отношению к волку с анализируемой седельной покрывки. По краям сцены с оленем шествуют полиморфные существа с туловищем кошачьего хищника, рогами и крыльями. Предполагается, что вышивка из кургана № 11 также передает крылатого коня в маске горного козла (Самашев, 2011, с. 170) (рис. 3).

Выделение цветом части головы или значимых деталей фантастиче-

ского существа, вероятно, характерно для памятников пазырыкской культуры, в частности, оно использовалось при нанесении татуировок. В сюжетах татуировок присутствует и сцена терзания травоядного хищниками – тиграми и барсом на правой руке женщины (Пазырык к. 5, III в. до н. э.). Хотя здесь наблюдается иная художественная традиция, передняя часть – голова и грудь хищников показаны анфас. При нанесении татуировок цветовое выделение выразилось в зачернении (Баркова, Панкова, 2005, рис. 2). В татуировке женщины и мужчины из к. 2 Пазырыка (IV/III в. до н. э.) зачернены рога, ноги, части головы фантастических существ (как правило, передняя часть изображенных созданий) (Руденко, 1953, рис. 179–185).

Чаще головы или морды фантастических существ в памятниках пазырыкской культуры выкрашены в



Рис. 3. Вышивка из кургана № 11
могильника Берел
(по: Самашев, 2011).

Fig. 3. Fancywork from the Berel
mound no. 11
(by: Samashev, 2011).

более темный, чем туловище, цвет. В их основе был, вероятно, конь (татуировка мужчины Пазырык, к. 2, Ак-Алаха 3, к. 1) или козел (татуировка на мумии из Верх-Кальджина-2, к. 3), в Верх-Кальджине также присутствует в сцене терзания хищник с пятнистой шкурой (темный фон и белые пятна-кружки на шкуре в сцене нападения хищника на архара); в образе полиморфных существ присутствуют такие элементы, как рога горного козла, грива, подшейная грива, спирали на шерсти (Полосьмак, 2000, рис. 80–83; 2001, рис. 151).

Зачернение определенных частей изображения животных, возможно, имело целью выделить, подчеркнуть именно этот элемент. В образе хищников это мощные когтистые лапы, длинный хвост, пасть; у полиморфных существ – быстрые ноги, а также явно противоречащие или не свойственные копытным (лежащим в основе образа – конь, козел) морды с клювом, рога, крылья, грива. Они как будто отдельно прикрепленные, не родные для изображенных существ. Может

быть, это указывает на значимые признаки и приобретенные, наделенные, дополняющий новый фантастический образ.

Спиралевидные изображения, отмеченные на изображениях козлов из к. № 11 Берела, часто использовались в искусстве ранних кочевников, в том числе населения пазырыкской культуры Центрального Алтая, например, так оформлено плечо и бедро оленей – так называемым «турьим рогом». Предполагается, что подобная манера характерна только для изображений Центрального Алтая (Туэкта, к. 2, VI в. до н. э.) (Баркова, 1990, с. 65).

Традиция помещать изображения головы архаров с закрученными рогами на туловище других животных известна по памятникам пазырыкской культуры (Самашев, 2011, рис. 323), Сибирской коллекции (Артамонов, 1973, рис. 193).

Рога архаров, закрученные в спираль, известны в наскальных рисунках эпохи бронзы и ранних кочевников, например, в Баянжуреке (юго-восток

Казахстана) (Самашев, 2012, рис. 25, 98, 107). Среди петроглифов можно назвать в Шу-Илейском междуречье в скоплении II изображение лежащего горного козла, у которого рога показаны полукружьями, как в сцене на седельном покрытии из берелского кургана № 11; а также изображение хищника со спиралевидными завитками на лопатке и бедре (по часовой стрелке), показанного стоящим, с когтистыми лапами и длинным хвостом (Рогожинский, 2016, рис. 295: 4, 7).

Можно привести ряд сцен и образов петроглифов Жетысу, где образительные приемы обнаруживают аналогии с персонажами из Берела. Аналогии обнаруживаются на таких памятниках, как Ешкиольмес, Малый Койтас, Маймак (Бейсенов, Марьяшев, 2014, фото 20; 38; 89а; рис. 60).

Изображения копытных животных с волютами известны в Аксу-Жабагылы (архар), Чолпон-ате (козел, Кыргызстан), Ешкиольмесе (козел), Усть-Тубе (козел, Южная Сибирь) (Бейсенов, Марьяшев, 2014, табл. XIV). Фигуры козлов с волютами на бедрах известны в урочище Жалтырак-Таш в Кыргызстане, в Маймаке, датируются серединой I тыс. до н. э. (Бейсенов, Марьяшев, 2014, с. 47).

Из раннесакских памятников, содержащих предметы, декорированные изображениями животных с такими элементами как волюты и спирали, можно назвать Аржан-2 (VII в. до н. э.) (Сугунов, Parzinger, Nagler, 2010, tafel 8; 9; 40). На оленнем камне из Аржана-1 (рубеж IX–VIII вв. до н. э.) среди персонажей присутствует изображение оленя со спиралевидными завитками (по часовой стрелке) на лопатке и бедре как про-

должение линии контура фигуры (Грязнов, 1980, рис. 29: 2).

Спиралевидные завитки характерны для декора конской узды раннескифского времени, например, они отмечены в таких памятниках, как Тасмола-I, к. 19 (Кадырбаев, 1966, рис. 5: 2–5; 8: 10), Южный Тагискен, к. 36 (Итина, Яблонский, 1997, рис. 17: 1–5). В последнем случае декор узды особенно напоминает стилизованное изображение птицы.

Кожаные аппликации из пазырыкских памятников к. 1 Туэкта (V в. до н. э.) и к. 2 Ташанта II демонстрируют завитки на лопатке и бедре фантастического кошачьего хищника (по направлению часовой стрелки) (Руденко, 1960, рис. 87; Кубарев, 1987, табл. XC: 6).

Изображения животных на зеркалах со спиралевидными завитками приводит Е.Ф. Королькова (2006, табл. 66): лошадь и кабан (из Селитренного городища) (на бедре как продолжение линии контура животного против часовой стрелки и листовидная фигура на лопатке); изображение кабана из Зуевского могильника с разнонаправленными завитками по всему телу животного.

Особенно выделяются обилием спиралевидных завитков в оформлении изображений животных находки из Филипповских курганов (рубеж V–IV вв. до н. э.) (Золотые олени Евразии, 2001, кат. 32–34, 52, 53, 70, 72, 73, 79, 91–100, 108).

На территории КНР в горах китайской части Монгольского Алтая и в горах Хэланьшань открыты петроглифы «в стиле оленных камней». Предполагается, что «в наскальных композициях со стилизованными оленями воспроизведены сюжеты, общие для

петроглифов и каменных изваяний», передающих идею смерти жертвенных оленей как обеспечения обновления и природного мира, и социума (Варенов, Черемисин, 2018, с. 253).

Пятна в передаче шкуры хищника – такой прием известен также в петроглифах (Габаевка) в сцене борьбы двух хищников разного вида, внизу присутствует изображение козла (Бейсенов, Марьяшев, 2014, рис. 50).

Что касается изображения льва, то некоторые параллели в передаче гривы, шерсти льва есть в материалах мог. Юстыд XII, курган 16, в декоре конской нагрудной бляхи V–IV вв. до н. э. (Кубарев, 1991, рис. XXXVIII: 26; Богданов, 2006, табл. VI: 3), а также в завитках, обозначающих гриву хищников из памятников пазырыкской культуры (Богданов, 2006, табл. CXXIII), но довольно условно, отдаленно.

Определенные параллели изображению льва – передаче гривы – можно обнаружить в берккаринской пряжке, IV–III вв. до н. э. (Берккаринский могильник, Жамбылская область) (Бернштам, 1947, рис. 5, 6). Тщательный анализ пряжки позволил Ф.П. Григорьеву и Б.А. Железнякову резюмировать, что из пасти льва выступает голова лошади – сюжет, хорошо известный в искусстве скифского времени, особенно – расположение головы жертвы перпендикулярно плоскости головы хищника, распространенное в пазырыкском искусстве. Ухо льва из композиции на седельном покрытии листовидной формы, разделенное по вертикали с завитком в основании – характерное для искусства ранних кочевников (Григорьев, Железняков, 2008, с. 68).

Отличие сцены из седельного покрытия кургана № 11 Берела от большинства пазырыкских состоит в том, что травоядное животное предстает жертвой сразу четырех хищников. Немаловажное значение имеет тот факт, что хищники принадлежат к разным зоологическим видам – волк, барс, лев. Сюжет терзания жертвы несколькими хищниками известен с раннесакского времени. Например, сцена терзания копытного из Байке (Центральный Казахстан), где сайгу окружили шесть хищников разного вида, присутствует знак в виде спиралевидного завитка, VII в. до н. э. (Бейсенов и др., 2018). Близок также сюжет, известный по татуировке на правой руке женщины из Пятого Пазырыкского кургана – он образует замкнутую композицию нападения двух тигров и барса на оленя и лося (Баркова, Панкова, 2005, рис. 14). Этот курган более поздний в группе Больших пазырыкских курганов (последняя четверть IV – начало III в. до н. э.).

Ю.Б. Полидович, анализируя полиморфные существа искусства скифского времени, выделил несколько уровней. К первому он относит и коней с рогами козла или оленя (2015, с. 150). На седельном покрытии из Берела можно также отметить полиморфное существо третьего уровня – сочетающего признаки птицы и млекопитающего (лев с крыльями) (Полидович, 2015, с. 160). Учитывая то, какие признаки положены в основу выделения образа грифона (признаки льва и хищной птицы), будем называть его полиморфным существом (Полидович, 2015, с. 165).

Отталкиваясь от заключения Л.Л. Барковой о том, что стилистиче-



Рис. 4. Полиморфные существа в искусстве населения Жетысу. 1 – курган Иссык, эмблема кулаха; 2 – случайная находка, обод котла. Фото О. Белялова. Без масштаба.

Fig. 4. Polymorphic images from Jetysu. 1 – Issyk kurgan, kulakh emblem; 2 – random find, boiler rim. Photo by O. Belyalov. Without scale.

ские особенности трактовки образа пазырыкского оленя представляют соединение местной художественной манеры и инокультурных влияний (переднеазиатского искусства, скифо-сакского и художественного стиля «оленных» камней и петроглифов Монголии и Тувы), можем отметить, что это во многом относится и к сценам терзания.

Орнаментальные элементы в виде бутонов лотоса широко применялись в искусстве кочевников Алтая. С.И. Руденко видел истоки этого мотива в Ассирии и Персии, в дальнейшем он (мотив) подвергся местной переработке (Руденко, 1960, с. 258). Орнаментальные элементы, образующие бордюр, разграничивающий левую и правую половины седельного покрытия из Берела, переключаются с орнаментом из четырех лучевых звезд на ворсовом ковре из Пятого Пазырыкского кургана (Руденко, 1953, рис. 192, 195). Об использовании некоторых мотивов древневосточного искусства и переработке их в местной среде кочевников отмечали М.А. Артамонов (1973, с. 222, 234) и В.Г. Луконин (1977, с. 70). Придерживается

такого же мнения Ю.Б. Полидович, считающий, что изображения восточной части скифского мира в IV в. до н. э. демонстрируют сильное ахеменидское влияние. Одним из признаков, доказывающих это, является условность изображения жертвы (Полидович, 2006, с. 360).

В Сибирской коллекции Петра I, в других памятниках Сибири раннекочевнического времени известны сцены терзания травоядных животных с несколькими зверями, но количество хищников не достигает четырех. Е.С. Богданов обращает внимание на организацию подобных композиций таким образом, что передана глубина изображения (2006, с. 63). Можно допустить, что за счет разновеликих и разноплановых изображений сцена на седельном покрытии из Берела воспринимается как трехмерная. Мы солидарны с мнением Е.С. Богданова, что в сценах с изображением терзания хищником речь идет об архетипе, базирующемся на бинарных оппозициях (2006, с. 64). Можно предположить, что, например, в декоре головного убора иссыкского человека (кулахе) (V–IV вв. до н. э.) также воспроиз-

ведена, по сути, трехмерная картина мира. Параллели между Пазырыком и саками Жетысу прослеживаются и в присутствии в декоре ритуальных атрибутов образов крылатых теке и полиморфных существ, сочетающих признаки коня, теке и птицы (кулах, обод котла) (рис. 4: 1, 2). Иссыкский кулах – центральная эмблема образована двумя протомами коней с рогами горного козла и крыльями (Акишев А.К., 1984, с. 9). Два волка и два ворона в окружении вереницы барсов по борту склонились над жертвой в центре курительницы из Жетысу – горным козлом (Джумабекова, Базарбаева, 2013, рис. 5: 3).

Тема ритуальной жертвы просматривается в декорировании конского убранства, масок и седел сценами терзания. При этом ряд жертвенных животных в индоевропейской мифологической традиции представлен такими животными, как конь, бык, баран, козел (Черемисин, 2008а, с. 73). По мнению Д.В. Черемисина, в образе синкретических существ (хищники и травоядные животные) заключено представление о непрерывности жизни и нового рождения, условием которого служит смерть копытных в пасти хищников (2008б, с. 103). Невольно всплывает такой, по сути, многозначный символ, как спираль, сопровождающий изображения хищников и их жертв.

Заключение

Видимо, сюжеты на седельных покрытиях Берела представляли собой один из вариантов «манифестации изобразительных текстов в парадно-церемониальных ритуалах, в т. ч. в погребальном обряде». Сюжеты терзания связаны с «актуализацией сюжета терзания жертвенного

коня (выделено нами – прим. авт.)» (Черемисин, 2007, с. 99).

М.А. Очир-Горяева считает, что коней маскировали под диких копытных животных: в западном ареале – под горных баранов, а в восточном – под оленя. Кони в масках с рогами или наверху возглавляли группу из нескольких коней. Это хорошо прослеживается по материалам из берелских курганов: как правило, конь с рогами горного козла лежал первым, рога закинута за угол сруба. Кони в масках возглавляли церемониальные процессии (Очир-Горяева 2014, с. 96–97). Хвост и грива закрывались футлярами. Конские головные маски венчали рога копытных животных в натуральную величину либо имели небольшие наверху в виде голов диких или фантастических животных и птиц. В маскировке коней, вероятно, отображен миф и исполняли они свою определенную миссию в церемониальных процессиях (Очир-Горяева, 2014).

Конь в маске с рогами горного козла, на полукружьях которых располагались фигурки кошачьих хищников (Туэкта, к. 1), возможно, представляет собой в погребально-поминальном ритуале единый «текст», сюжет что и на седельном покрытии из берелского кургана № 11, переданный несколько иным способом.

При анализе сцен терзания в искусстве скифского времени выделяется несколько типов, среди которых тип VI – сцена группового нападения хищников на копытное животное (Полидович, 2006, с. 358). Среди символических значений сцен называется тема жизни, возрождения через смерть (Полидович, 2006, с. 370).

Можно предположить, что в образе терзаемого травоядного животного

в берелском кургане № 11 в описываемом сюжете предстает также ряженный в таутеке конь, о чем косвенно свидетельствуют фрагмент сохранившегося хвоста, форма рогов, мощная шея со спиралевидными завитками. Выделение определенных частей, элементов изображаемых животных в аппликации и вышивке подобно зачернению в татуировках пазырыкской культуры, также позволяет предположить, что таким образом могли обозначаться несвойственные изначально животному признаки, «добавляемые» для приобретения характера полиморфного существа.

Таким образом, выраженная различными способами в разные периоды и в разных культурных традициях

общая для кочевников I тыс. до н. э. оппозиция хищника и травоядного, идея жертвоприношения, терзания, смерти как условия последующего возрождения передана в ритуальных атрибутах, элементах погребально-поминальных комплексов. Олени с клювовидными мордами на оленных камнях, фантастические существа с клювовидными мордами в татуировке и синкретические животные, сопровождающие в мир иной представителей элиты пазырыкцев, крылатые козлы как элементы декора котла и т. д. – видимо, они все являются «духами-помощниками» (Килуновская, Семенов, 1999) для передачи жертвоприношений и доставки умершего в иной мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акишев А.К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
2. *Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 130 с.
3. *Артамонов М.И.* Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. 280 с.
4. *Баркова Л.Л.* Образ оленя в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // АСГЭ. Вып. 30 / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. Л.: Искусство, 1990. С. 55–66.
5. *Баркова Л.Л., Панкова С.В.* Татуировки на мумиях из больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // АЭАЕ. 2005. № 2 (22). С. 48–59.
6. *Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Дуйсенбай Д.Б.* Зооморфный декор футляра из кургана раннесакского времени (Центральный Казахстан) // КСИА. 2018. Вып. 248. С. 133–146.
7. *Бейсенов А.З., Марьяшев А.Н.* Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 156 с.: ил.
8. *Бернштам А.Н.* Берккаринская пряжка (О скифской традиции в сарматском искусстве) // КСИИМК. 1947. Вып. XVII. С. 9–11.
9. *Богданов Е.С.* Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.
10. *Варенов А.В., Черемисин Д.В.* Петроглифы «в стиле оленных камней» на территории Китая // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 250–255.
11. *Григорьев Ф.П., Железняков Б.А.* Загадка берккаринской пряжки // NOMADKazakhstan. 2008. № 6 (24). С. 64–71.
12. *Грязнов М.П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 64 с.
13. *Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.* Художественные бронзы Жетысу. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 120 с.
14. Золотые олени Евразии: каталог выставки / Науч. ред. Р.Г. Кузеев, М.Б. Пиотровский. СПб.: Славия, 2001. 247 с.: ил.

15. *Кадырбаев М.К.* Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.
16. *Королькова Е.Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (7–4 вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
17. *Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.
18. *Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
19. *Луконин В.Г.* Искусство Древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. 232 с.
20. *Мандельштам А.М.* Исследования на могильном поле Аймырлыг (Некоторые итоги и перспективы) // Древние культуры евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 25–33.
21. *Очир-Горяева М.А.* Маскировка коней под мифических животных в пазырыкской культуре Горного Алтая // Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 94–99.
22. *Полидович Ю.Б.* Хищник и его жертва: Выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 3 / Глав. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 355–398.
23. *Полидович Ю.Б.* Образы фантастических животных в искусстве народов скифского мира // Донецкий археологичний збірник. № 18/19 / Голов. ред. Р.О. Литвиненко. Донецк: ДНУ, 2014/2015. С. 149–201.
24. *Полосьмак Н.В.* Тагуировка у пазырыкцев // АЭАЕ. 2000. № 4. С. 95–102.
25. *Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.
26. *Рогожинский А.Е.* Незадолго до Чжан Цяня (след движения номадов из центра Азии на Запад в последние века до нашей эры) // Алтай в кругу евразийских древностей / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 527–550.
27. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1953. 555 с.
28. *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1960. 360 с.
29. *Самашев З.* Берел. Вегел. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.
30. *Самашев З.* Наскальные изображения Жетысу. Баянжурек. Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. 240 с.
31. *Черемисин Д.В.* К дискуссии о семантике искусства звериного стиля и реконструкции мировоззрения носителей пазырыкской культуры // АЭАЕ. 2007. № 3 (31). С. 87–102.
32. *Черемисин Д.В.* Тропой тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет / Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. IV / Под ред. Д.Г. Савинова, О.С. Советовой. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. С. 99–105.
33. *Черемисин Д.В.* Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008а. 136 с.
34. *Килуновская М.Е., Семенов Вл.А.* Оленные камни Тувы (Ч. 2. Сюжеты, стиль, семантика) // Археологические Вести. Вып. 6 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 1999. № 6. С. 130–145.
35. *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН, 1997. 187 с.
36. *Çugunov K.V., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstentum Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010. 330 s.

Информация об авторах:

Джумабекова Гульнара Саиновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана; Казахский национальный университет им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан); gdzhuma@mail.ru

Базарбаева Галия Аппазовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана; Казахский национальный университет им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан); galiya2002@gmail.com

HIGHLY-ARTISTIC EMBROIDERY IN THE DECOR OF HORSE EQUIPMENT FROM THE ELITE BURIAL IN KAZAKH ALTAY

G.S. Jumabekova, G.A. Bazarbayeva

The paper presents the results of an in-depth study in terms of cultural studies and art history of the unique finding, which was considered in the previous paper – the fragment of a saddle coat with embroidery. The authors give a general description and interpretation of the scene with the torment of a herbivore by predators. It is depicted on the saddle cover from the barrow no. 11 of the Berel burial ground in Kazakh Altay. Due to the painstaking work of specialists from the restoration laboratory “Ostrov Krym”, materials were gathered that replenished the collection of the ancient nomadic art masterpieces. Besides, the information base for further studies of religious and mythological representations of the Pazyryk population was strengthened. Probable, a victim in the scene from the mound no. 11 is a mummified horse, the scene conveys the idea of the life and death cycle, which was traditional for the Early Iron Age, revival through death.

Keywords: archaeology, Kazakh Altay, Early Iron Age, culture, ancient art, mythology, sacrifice.

REFERENCES

1. Akishev, A. K. 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov (Art and mythology of the Saka people)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
2. Akishev, K. A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana (Issyk Barrow. Art of the Saka people from Kazakhstan)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).
3. Artamonov, M. I. 1973. *Sokrovishcha sakov (Treasure of Saka people)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).
4. Barkova, L. L. 1990. In Piotrovskii, B. B. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 30. Leningrad: “Iskusstvo” Publ., 55–66 (in Russian).
5. Barkova, L. L., Pankova, S. V. 2005. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 2 (22), 48–59 (in Russian).
6. Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., Duisenbay, D. B. 2018. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 248, 133–146 (in Russian).
7. Beisenov, A. Z., Maryashev, A. N. 2014. *Petroglify rannego zheleznogo veka Jetysu (Petroglyphs of the Early Iron Age from Jetysu)*. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan Publ. (in Russian).
8. Bernshtam, A. N. 1947. In *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XVII, 9–11 (in Russian).
9. Bogdanov, E. S. 2006. *Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentral'noi Azii (skifo-sibirskaya khudozhestvennaya traditsiya) (The Image of a Predator in the Plastic Arts of the Nomadic Peoples of Central Asia (the Scythian-Siberian Artistic Tradition))*. Novosibirsk:

The work was done with the financial support of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, IRN project BR05236565.

Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

10. Varenov, A. V., Cheremisin, D. V. 2018. In Tishkin, A. A. (ed.) *Sovremennye resheniya aktualnykh problem evraziiskoi arheologii (Contemporary Solutions to the Current Issues of Eurasian Archaeology)* 2. Barnaul: Altay State University Publ., 250–255 (in Russian).

11. Grigoriev, F. P., Zheleznyakov, B. A. 2008. In *NOMADKazakhstan*, 6 (24), 64–71 (in Russian).

12. Griaznov, M. P. 1980. *Arzhan. Tsarskii kurgan ranneskijskogo vremeni (Arzhan. Royal Barrow of the Early Scythian Time)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

13. Dzhumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2013. *Hudozhestvennye bronzy Zhetysu (Bronze Art of Jetyssu)*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology Publ. (in Russian).

14. In Kuzeev, R. G., Piotrovsky, M. B. (ed.). 2001. *Zolotyie oleni Evrazii. Katalog vystavki (Golden Deers of Eurasia. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: “Slaviya” Publ. (in Russian).

15. Itina, M. A., Yablonskiy, L. T. 1977. *Saki Nizhnei Syrdar'i (po materialam mogil'nika Iuzhnyi Tagisken) (The Saka people of the Lower Syr Darya (Based on Materials from Yuzhny Tagisken Burial Ground))*. Moscow: “ROSSPEN” Publ. (in Russian).

16. Kadyrbayev, M. K. 1966. In Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orzabayev, A. M. *Drevniia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 303–433 (in Russian).

17. Kilunovskaya, M. E., Semenov, V. A. 1999. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 6. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; “Dmitrii Bulanin” Publ., 130–145 (in Russian).

18. Korolkova, E. F. 2006. *Zverinyi stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuii epokhu (7–4 vv. do n.e.). Problemy stilia i etnokul'turnoi prinadlezhnosti (Zoomorphic Style of Eurasia. The Art of the Tribes of the Lower Volga Region and the Southern Urals during the Scythian Era (7th–4th Centuries B.C.))*. Saint Petersburg: “Peterburgskoe vostokovedenie” Publ. (in Russian).

19. Kubarev, V. D. 1987. *Kurgany Ulandryka (Barrows of Ulandryk)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

20. Kubarev, V. D. 1991. *Kurgany Yustyda (Barrows of Yustyd)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

21. Lukonin, V. G. 1977. *Iskusstvo Drevnego Irana (Art of Ancient Iran)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).

22. Mandelshtam, A. M. 1983. In *Drevnie kultury evraziiskikh stepei (Ancient Cultures of Eurasian Steppes)*. Leningrad: “Nauka” Publ., 25–33 (in Russian).

23. Ochir-Goryaeva, M. A. 2014. In *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniï RAN (Bulletin of Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences)* 3, 94–99 (in Russian).

24. Polidovich, Yu. B. 2006. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii (Structural and Semiotic Studies in Archaeology)* 2. Donetsk: Donetsk National University, 355–398 (in Russian).

25. Polidovich, Yu. B. 2014/2015. In Lytvynenko, R. A. (editor-in-chief). *Donetskii arheologichnii zbirnik (Donetsk archaeological compendium)*, 18/19, 149–201 (in Russian).

26. Polosmak, N. V. 2000. In *Arkheologiiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (4), 95–102 (in Russian).

27. Polos'mak, N. V., Barkova, L. L. 2005. *Kostium i tekstil' pazyryktsev Altaia (IV–III vv. do n.e.) (The Costume and Textile of the Pazyryk People of Altai Mountains (4th–3rd Centuries BC))*. Novosibirsk: “Infolio” Publ. (in Russian).

28. Rogozhinskiy, A. E. 2016. In Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.) *Altay v krugu evraziiskikh drevnostei (Altay in the Circle of Eurasian Antiquities)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ., 527–550 (in Russian).

29. Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

30. Rudenko, S. I. 1960. *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of Central Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

31. Samashev, Z. 2011. *Berel*. Almaty: "Taimas" Publ. (in Russian).
32. Samashev, Z. 2012. *Naskal'nye izobrazheniia Zhetysu. Baianzhurek. (Petroglyphs of Zhetysu. Baianzhurek)*. Astana: Branch of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology Publ. (in Russian).
33. Cheremisin, D. V. 2007. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 3 (31), 87–102 (in Russian).
34. Cheremisin, D. V. 2008. In Savinov, D. G., Sovetova, O. S. (eds.). *Tropoiu tysiacheletii: K iubileiu M.A. Devlet (In the Path of the Millennia: Dedicated to the Anniversary of M.A. Devlet)*. Series: Trudy Sibirskoi Assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva (Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers) IV. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 99–105 (in Russian).
35. Cheremisin, D. V. 2008. *Iskusstvo zverinogo stilia v pogrebal'nykh kompleksakh riadovogo naseleniia pazyrykskoi kul'tury: semantika zverinykh obrazov v kontekste pogrebal'nogo obriada (The Art of Zoomorphic Style in the Burial Complexes of the Ordinary Population of the Pazyryk Culture)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ., (in Russian).
36. Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler, A. 2010. *Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva*. Mainz, 2010. 330 s.

About the Authors:

Jumabekova Gulnara S. Candidate of Historical Sciences. A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko St., 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; al-Farabi Kazakh National university, al-Farabi Ave., 71, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan; gdzhuma@mail.ru

Bazarbayeva Galiya A. Candidate of Historical Sciences. A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko St., 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; al-Farabi Kazakh National university, al-Farabi Ave., 71, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan; galiya2002@gmail.com

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

УДК902.01,903.43,902.672,631.48 <https://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.128.146>

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ПАЛЕОЛАНДШАФТ ТРОИЦКО-УРАЙСКОГО I ГОРОДИЩА

© 2019 г. А.А. Чижевский, Е.В. Пономаренко, Л.А. Вязов,
А.А. Хисьяметдинова, М. С. Блинников

В статье представлены итоги комплексного исследования оборонительных сооружений Троицко-Урайского I городища. Анализ разреза вала с использованием методов археологии, геоморфологии, палинологии и почвоведения позволил прийти к следующим выводам. Городище было построено на месте поселения эпохи бронзы – начала раннего железного века (XII–IX вв. до н.э.), а вал приурочен к седловине, которая стала дополнительным элементом фортификации. Выделено две стадии строительства вала, которое осуществлялось носителями постмаклашевской культуры ананьинской культурно-исторической области. Ранний вал датирован VIII–V вв. до н.э., строительство позднего относится к концу V–III/II вв. до н.э. Данных об участии носителей именьковской и болгарской домонгольской культур в строительстве вала на данном разрезе не выявлено. На протяжении всего времени существования городища в раннем железном веке его обитатели занимались земледелием, на начальной стадии преобладало потребление рыбы, а на поздней стадии – мяса. В именьковское время (IV–VI в.) к западу от Троицко-Урайского I было построено Троицко-Урайское II городище, которое существенно отличается по морфологии вала.

Ключевые слова: археология, геоморфология, почвоведение, ранний железный век, городище, ананьинская культурно-историческая область, именьковская культура.

Троицко-Урайское I (Широкая гора) городище располагается на высоком мысу правого берега р. Кама между оврагами «Глубокий» и «Безымянный», в 1,3 км к северо-западу от с. Троицкий Урай и в 1,6 км к востоку от п.г.т. Рыбная Слобода Рыбно-Слободского района РТ (рис. 1: 1; 2; 3; 4; 5).

Троицко-Урайские городища известны с конца XIX в., в XX в. на них побывало большое количество исследователей, осуществлявших разведочные и раскопочные работы, в результате которых на Троицко-Урайском I городище были выявлены культурные слои ананьинской, именьковской и болгарской домонгольской культур (Археологическая, 1981, №645, 648).

Весной и осенью 2017 г. в рамках программы комплексного изучения

городищ авторами статьи был проведен мониторинг Троицко-Урайского I городища. Для уточнения границ его территории по заданию МК РТ осуществлена аэрофотосъемка, а для определения стратиграфии вала выполнена зачистка разрушающейся части насыпи. Весной 2019 г. проведен повторный мониторинг Троицко-Урайских I и II городищ.

Общая геолого-геоморфологическая характеристика мысовых городищ. Мысы, на которых расположены городища Троицкий Урай I и II, выработаны в IV надпойменной террасе в глубокой излучине реки Кама, ныне затопленной водами Куйбышевского водохранилища (рис. 1: 1). На этом участке бровка террасы и ее уступ (высотой 25 м и крутизной 30–35°) имеют в плане почти прямо-

угольные очертания. Верхняя часть террасы, сложенная неоплейстоценовыми отложениями, зафиксирована в оврагах. До глубины 8–10 м от поверхности залегают покровные субэральные лессовидные суглинки, под ними – аллювиальные пески видимой мощности – 5–8 м. Вне территории памятника поверхность террасы с абсолютными высотами – 80–90 м, ровная, полого наклоненная в сторону водохранилища. Она распахана и частично покрыта лесом.

Анализ аэрофотоснимка (рис. 1: 1) позволил выявить овражно-мысовую систему рассматриваемого района, в составе которой городищенские мысы и овраги имеют прямолинейное заложение. Бровки поселенческих площадок мысов и тальвеги оврагов субпараллельно ориентированы относительно друг друга в направлении ССЗ–ЮЮВ. Такие совпадения свидетельствуют о наличии линейной системы овраго- и мысообразующих трещин. По перпендикулярным к ним трещинам шло заложение отвершков основных оврагов, которые в результате эрозионного размыва мысов приводили к образованию седловин.

Овраги имеют V-образный профиль, их глубина в районе городищ составляет 25–27 м, борта крутые (40–79°), в верхней части оголенные, в средней и нижней – закрыты склоновыми отложениями. На западном склоне обоих городищенских мысов у седловин отмечаются вертикальный и даже нависающий обрыв с обнаженными стенками.

Городище **Троицкий Урай I** в результате линейной овражной и речной эрозии имеет геометрическую форму, сравнимую с параллелограммом (рис. 3; 4: 5).

Ширина городища 73–96 м, длина 110 м, а с учетом вала – 130 м. Поверхность площадки полого опускается в сторону водохранилища (от 2–3° до 8°), а в поперечном профиле слабо наклонена в сторону оврагов (рис. 4: 1, 2, 4). Она имеет обширную, выровненную, обращенную к югу и хорошо прогреваемую поверхность, а вал, расположенный в наиболее возвышенной ее части, является защитой от северных ветров.

Поверхность задернована и используется под сенокос, ранее она распахивалась, следы пахоты видны и в настоящее время (рис. 3). В нескольких местах отмечены современные вкопы, а в юго-западной части раскоп 1973 г.

С восточной, южной и западной сторон городище защищено крутыми и высокими уступами. Ввиду крутизны склонов, выработанных в рыхлых породах, подъем по ним затруднен.

С северной стороны городище отделено от основной части мыса седловиной, вероятно использовавшейся в качестве дополнительного элемента фортификации. Глубина ее от вершины вала составляет 10,5 м, ширина между бровками 35–40 м. Она образована эрозией отвершков обрамляющих оврагов, ориентированных под углом относительно друг друга.

С напольной стороны городище укреплено валом, длина его в настоящее время 66 м, а с учетом разрушенной части – 71 м. Западная оконечность вала на ширину около 5 м разрушена грунтовой дорогой – проездом на территорию памятника, кроме того, часть насыпи (шириной 2–4 м) обвалилась в овраг Глубокий.

Оборонительные сооружения городища исследовались ранее только



Рис. 1. Троицко-Урайские I и II городища. 1 – местоположение городищ, аэрофото- снимок; 2 – напольная сторона вала со снежником, Троицко-Урайское I городище, фото.

Fig. 1. Troitskii-Urai I and II hillforts. 1 – location of the hillfort, aerial photograph; 2 – outer side of the rampart with a snow patch, Troitskii Urai I hillfort, photograph.

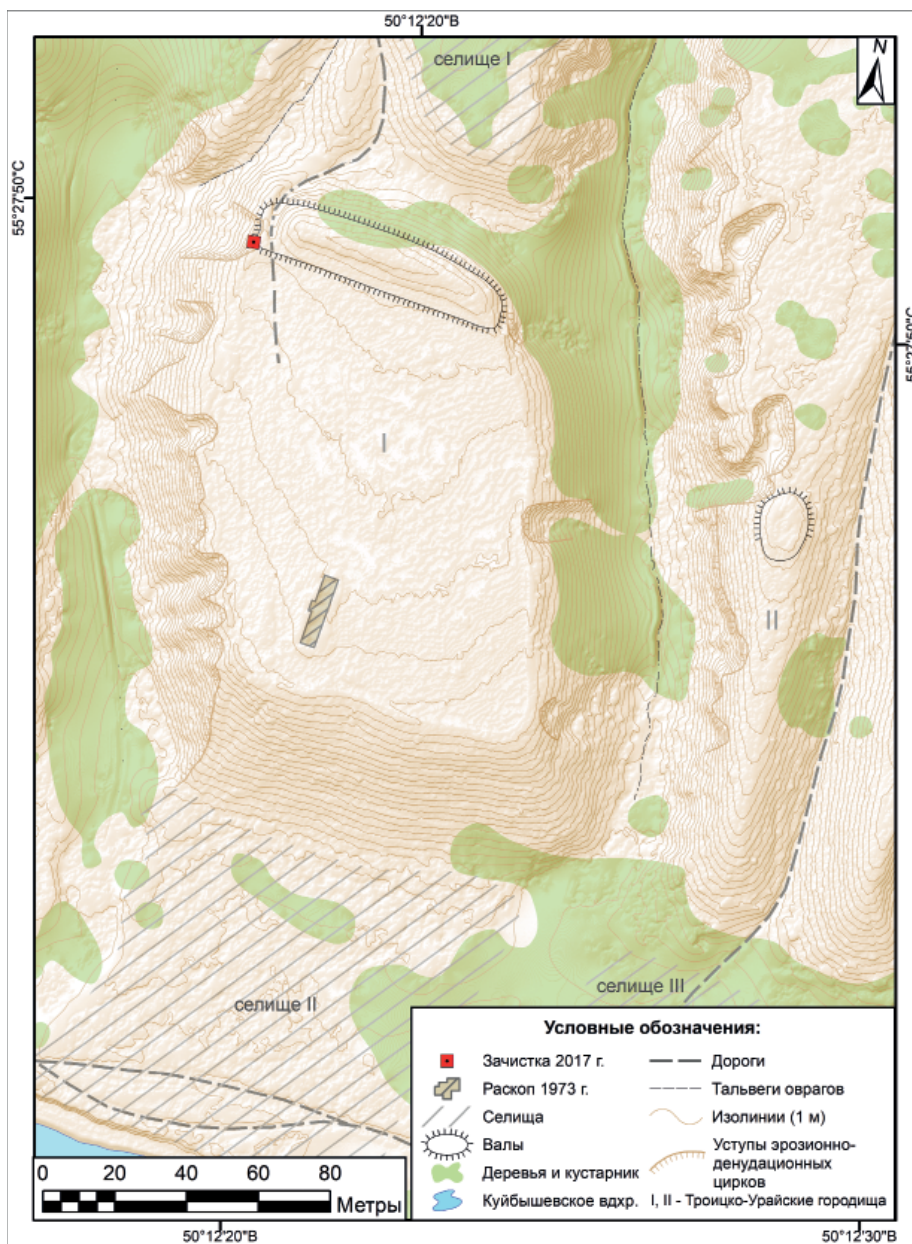


Рис. 2. Общий план Троицко-Урайского I и II городищ.

Fig. 2. General plan of the Troitskii Urai I and II hillforts.

визуально, без разреза, что затрудняет определение его действительной высоты. Согласно измерениям предшествующих исследователей, высота вала составляет 5–5,5 м (Старостин, 1977, с. 31), по нашим измерениям

высота вала относительно площадки в центральной части достигает 3,2 м, на западной оконечности – 1,84 м, на восточной – 0,64 м.

Ширина вала в верхней части составляет 2–2,5 м, по основанию – 9–



Рис. 3. Ортофотоплан Троицко-Урайского I городища, полученный методом низковысотной аэрофотосъемки, с использованием БПЛА.

Fig. 3. Orthophotomap of the Troitskii Urai I hillforts obtained by means of low-altitude aerial photography using remotely piloted aircraft.

10 м, а с учетом шлейфа у подножия насыпи, состоящего из продуктов разрушения вала – 20–25 м. Наибольшая высота шлейфа, который в плане имеет веерообразную форму, приходится на центральную часть. Уклон напольного склона достигает 35–40°, уклон внутреннего склона меньше – от 25–27° (вверх) до 10–12° (у подножия),

с мягким переходом в поселенческую площадку.

При обследовании городища весной 2019 г. на внешней стороне вала, в месте контакта насыпи с поверхностью террасы установлена нивальная ниша¹ со снежником (рис. 1: 2). Нижний край снежника (ровный и горизонтальный) являет-

ся нулевой линией для насыпи вала. На геoarхеологическом профиле (рис. 4: 2) на этом уровне имеется резкий перегиб, т.к. насыпной склон вала более пологий, чем коренной склон седловины.

Вал ориентирован вдоль бровки уступа седловины и повторяет его контур. На западном фланге он вытянут в направлении близком к широтному, на восточном – по линии В–ЮВ – З–ЮЗ, на окончаниях вал загибается в сторону обрамляющих оврагов.

Визуальные и инструментальные наблюдения позволили выявить больший уклон поверхности вала в сторону оврага Безымянный (2–3°) и очень слабый в сторону оврага Глубокий.

Та же тенденция, больший уклон в восточном направлении и незначительный – в западном, наблюдается и у седловины. Благодаря этой закономерности, высота вала над ее днищем в разных частях остается примерно одинаковой.

На гребне вала отмечены столбовые ямы диаметром 70 см и глубиной 40–50 см; от ограды, построенной в XX в., расстояние между ямами составляет 8–11 м.

Изучение **стратиграфии вала** было произведено на его западной оконечности, в разрушающейся склоновыми процессами части. Зачистка шириной 1 м и глубиной 2,28–2,51 м ориентирована поперек вала с севера на юг (рис. 2).

Снизу вверх в разрезе зафиксирована следующая стратиграфия (рис. 5: 1):

А. Основание вала.

1. **Вк** – подпочвенный суглинок буровато-коричневого цвета с мелкими (до 2 мм) пятнами карбонатов, осажденными по корням травянистых растений. Мощность 4 см в центральной части, до 40 см на периферии.

2. **Вt'** – уплотненный средний суглинок красновато-бурого цвета, с зернистой структурой и глинистыми кутанами на поверхностях агрегатов, мощностью до 4 см, с ровной нижней границей.

3. **Вt** – средний суглинок, красновато-бурого цвета, с зернистой структурой и глинистыми кутанами на поверхности агрегатов, мощностью 5–20 см.

Б. Антропогенная надстройка вала.

4. **4С** – зола желтоватого цвета, с тремя тонкими (1–2 см), слегка наклонными углистыми прослойками и включениями подпочвенного суглинка – пожарные развалы, выровненные и уплотненные перед строительством вала. Мощность слоя 10–30 см. В центральной части разреза слой западает в понижение шириной около 70 см и глубиной около 10 см. В слое обнаружена керамика.

5. **3С** – чередующиеся рыхлые слои пепельно-серой золы и палевой супеси с включениями углей и артефактов (переотложенный культурный слой) – насыпь раннего вала, мощностью 45–55 см.

6. **3Ab** – уплотненный слой серовато-палевой супеси, мощностью до 10 см, в нем найдена литейная форма.

7. **2С'** – прослойки красноватого (обожженного) среднего суглинка мощностью до 10 см.

8. **2С''** – золистая смесь светло-серого цвета с включениями углей, залегающая субгоризонтальным прослоем, местами перекрывающаяся прослойками красноватого (обожженного) суглинка – слой пожара. Линзы золы без примеси суглинка достигают мощности 5–10 см. В центральной части разреза прослойка прорезается подтреугольным понижением ши-

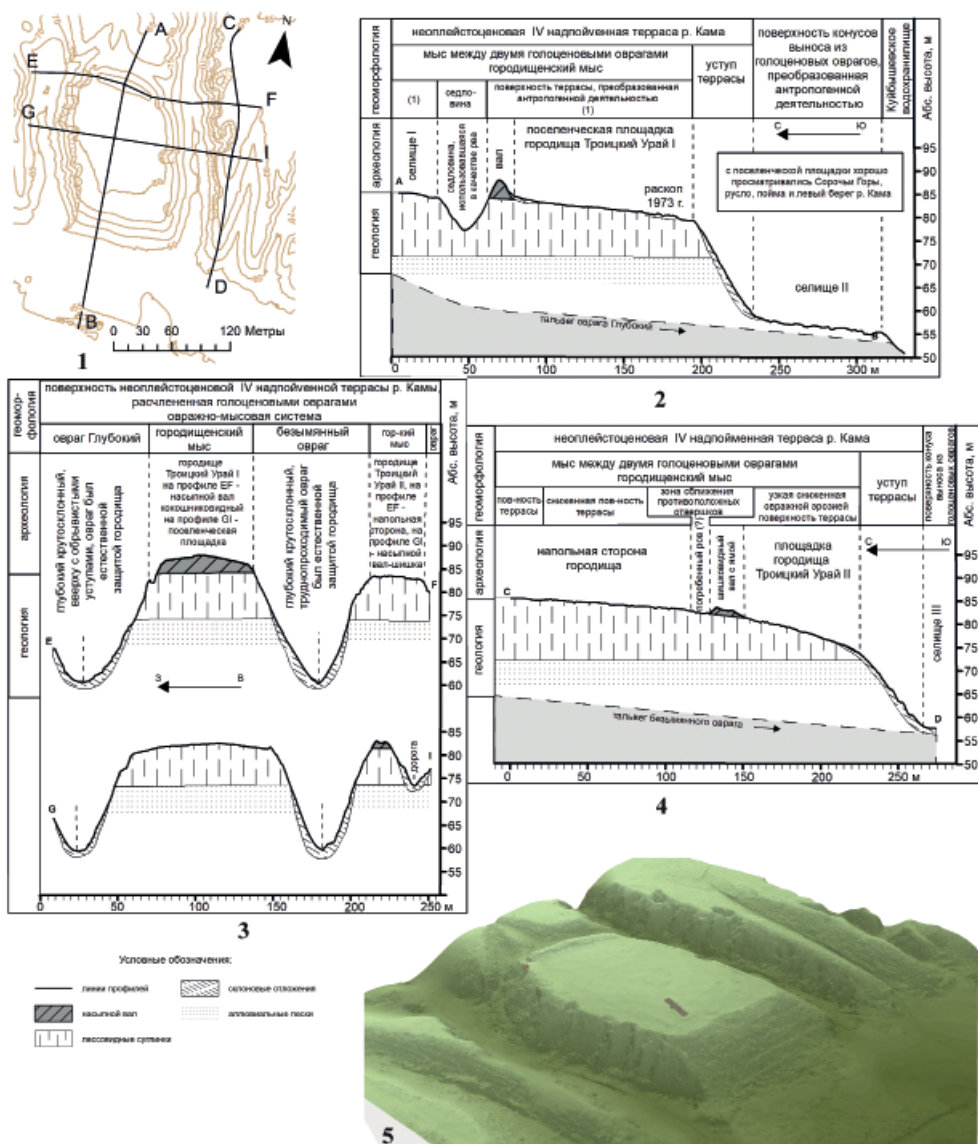


Рис. 4. Троицко-Уральское I и II городища. 1 – план сечений профиля; 2 – продольный профиль I городища; 3 – продольный профиль II городища; 4 – поперечные профили I и II городищ; 5 – 3-D модель I и II городищ без растительности.

2–4 – вертикальный масштаб относительно горизонтального увеличен в три раза.

Fig. 4. The Troitskii-Urai I and II hillforts. 1 – plan of profile sections; 2 – longitudinal profile of hillforts I; 3 – longitudinal profile of hillforts II; 4 – transverse profiles of the hillforts I and II; 5 – 3-D model of the hillforts I and II with no vegetation.

2–4 – the vertical scale is increased three-fold with respect to the horizontal scale.

риной около 70 см и глубиной около 10 см. В слое фиксируются керамика. Общая мощность слоя – 10–30 см.

9. **2Cаб pyr** – линза обожженного суглинка с прослойками красновато-светло-бурой золы, мощностью около

10 см, заполняет углубление на поверхности нижележащего слоя.

10. **2AbC pyr** – линза углистой пепельно-серой супеси мощностью 8–10 см, также заполняет понижение на поверхности лежащего ниже слоя, границы ее неровные, причем нижняя имеет форму наклонных микро-заклинков.

11. **2C** – рыхлая супесь, серовато-палевой окраски, с большим количеством золы и многочисленными включениями известняковых обломков диаметром до 12 см и артефактов – насыпь позднего вала, состоящая из переотложенного культурного слоя, мощностью 50–70 см.

12. **1C** – плотный легкий желтовато-бурый суглинок, с участками красноватой и охристой окраски, связанной с прокаливанием минеральной массы при пожаре – слой, образованный за счет разрушения позднего вала, мощностью 27–40 см. В слое отмечена керамика.

13. **Ah** – легкий суглинок буровато-темно-серого цвета, уплотнен, нижняя граница западает в понижения на поверхности развала позднего вала – современный модер-гумусовый горизонт, мощностью до 25 см.

Сведения о строительстве вала по геологическим данным. В результате литолого-стратиграфического анализа разреза вала Троицко-Урайского I городища установлено, что строительство оборонительных сооружений осуществлялось в две стадии.

I. Перед началом строительства производилась подрезка и выравнивание поверхности (сл. 3). Затем вдоль средней части планируемого вала вырыто углубление, перекрытое пожарными развалами (сл. 4). Вал, насыпанный на выровненный слой пожарища, состоял из культурного слоя с включе-

ниями керамики (сл. 4). Высота раннего вала в изученной части насыпи составляла 45–55 см.

II. Нижняя насыпь вала перекрыта мощными пирогенными слоями 8–10, отделяющими ее от поздней части вала. В слое пожарища фиксируются фрагменты керамики.

Перед второй стадией строительства вдоль центральной линии будущего вала было вырыто углубление, аналогичное нижнему (сл. 4). Углубление под поздним валом имеет более четкую подтреугольную форму с отвесной внутренней стороной. В обоих случаях углубления заполнены смесью золы, угля и обожженной минеральной массы, которая может быть остатками сгоревшей деревянной конструкции.

На поздней стадии строительства насыпь формировалась с использованием переотложенного культурного слоя, но в ней заметно выше доля подпочвенного суглинка и отмечены куски известняка (сл. 11). Обломки известняка являются чужеродными на городище, т.к. поблизости нет коренных выходов этой породы. Высота позднего вала в изученной части насыпи достигала 70 см.

Сходство элементов, формирующих насыпь, говорит в пользу одинаковой культурной принадлежности разновозрастных частей вала.

Сведения о строительстве вала и палеоландшафтах по палеоботаническим данным.

Состав биоморф был проанализирован в макро- и микрофракциях описанных слоев.

Макроостатки выделялись из образцов почвенной массы весом около 2 кг методом мокрого просеивания с использованием сит диаметром 2 и 0,6 мм (табл. 1) (Пономаренко, 2017).

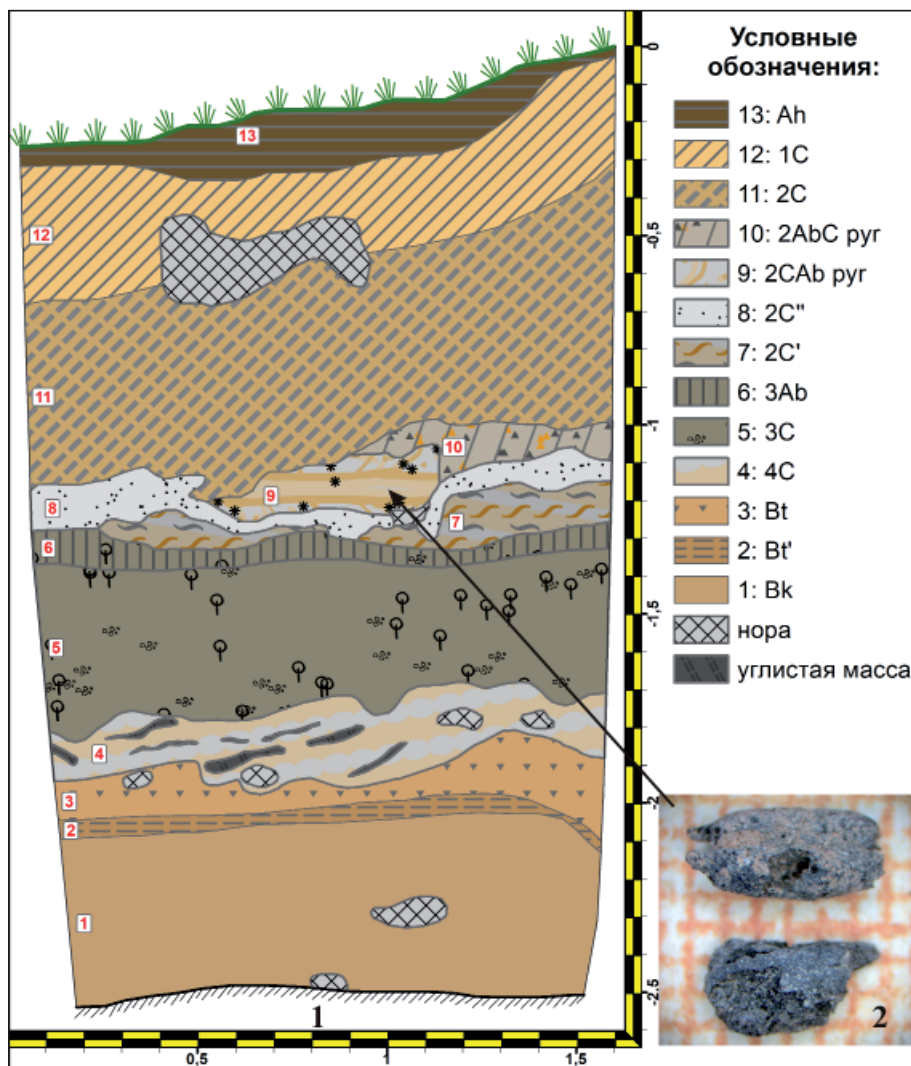


Рис. 5. Троицко-Урайское I городище. 1 – разрез вала, 2 – обугленные зерна хлебных злаков.

Fig. 5. The Troitskii-Urai I hillfort. 1 – rampart section, 2 – charred cereal grain.

Микроостатки анализировались методами палинологического и фитолитного анализов с обработкой образцов (по Vlinnikov, 2013). Пыльца не сохранилась ни в одном из проанализированных образцов, фитолиты присутствовали в нескольких слоях (табл. 2).

Заполнение углубления на поверхности почвы в основании раннего вала (сл. 3 – Bt) содержит измельченные в

результате затапывания пищевые отходы (кости и чешуя рыб, измельченные кости позвоночных) и уголь вяза. Фитолитный анализ выявил здесь волоски крапивы и конопли – волокнистых культур, которые могли использоваться в ткачестве. Здесь же единично отмечены двулопастные просовые и полилопастные короткие фитолиты cf *Panicum* и щитовидные фитолиты культурных злаков (в соот-

Таблица 1

Макроостатки в составе крупных фракций почвенной массы, городище Троицкий Урай I

Номер слоя	Код слоя	Состав крупных фракций почвенной массы					
		Семена		Состав угольного пула	Фаунистические находки		Артефакты
		необугленные	обугленные		Кости и чешуя рыб	Кости позвоночных	
11	2С			7 <i>Quercus</i> , 2 <i>Ulmus</i> , 1 <i>Betula</i>	40	23	Обожженная, окатанная обмазка, фрагменты керамики
9+10	2AbСруг, 2СAb пуг	2 <i>Chenopodium</i> sp.	4 <i>Cerealia</i>	6 <i>Quercus</i> , 1 <i>Ulmus</i> , 2 <i>Betula</i> , 1 <i>Tilia</i>	13	94	Обожженная, окатанная обмазка, фрагменты керамики
6	3Ab	4 <i>Chenopodium</i> sp.		8 <i>Betula</i> , 2 <i>Quercus</i> , <i>Cenococcum</i> sp.			Форма для отливки наконечника копья
5	3С			9 <i>Quercus</i> , 1 <i>Acer</i>	5	2	Обожженная, окатанная обмазка, фрагменты керамики
4	4С			10 <i>Quercus</i>			Обожженная, окатанная обмазка
2	Vt			10 <i>Ulmus</i>	8	2	Отсутствуют

ношении 3/2), свидетельствующие о наличии земледелия на этом этапе.

Пожарная смесь (сл. 4 – 4С) с включениями керамики, перекрывающая срезанную почву и канавку, содержит исключительно уголь дуба.

Вал, насыпанный на расчищенную и выровненную поверхность (сл. 5 – 3С), содержал а) обожженную обмазку, окатанную до округлой формы, б) многочисленные кости и чешую рыб, и в) раковины почвенных и речных моллюсков, единично – г) сильно выветренные и измельченные губчатые кости позвоночных. Углисто-золистые смеси, составляющие тело раннего вала, кипят с соляной кислотой, что свидетельствует о быстром захоронении золы после обжига. В составе угля присутствуют дуб и клен (9Д/1К). Углисто-золевая смесь дуба, необычно мягкая и хрупкая, свидетельствует о низком содержании кислорода при горении. Эти признаки могут быть связаны с прокаливанием минеральной массы путем ее настилки или набрасывания на слой горящего топлива. В толще вала отмечено как минимум три таких

прослоя с однотипным строением и составом топлива.

Пирогенный прослой, залегающий на поверхности раннего вала (сл. 6 – 3Ab), существенно отличается по составу топлива. Здесь отмечены уголь березы и дуба (8Б/2Д) и многочисленные склерозии *Cenococcum* sp. – компонента древесной микоризы, указывающего на наличие лесной подстилки. Состав углей свидетельствует о том, что перед строительством поздней части вала участок был заброшен и зарос лесом.

В этом же слое единично присутствуют необугленные мелкие (< 1мм) семена *Chenopodiaceae* – зоохорных растений, привнесенных при повторной расчистке участка.

Строительству позднего вала предшествовало формирование выровненной поверхности за счет отсыпки минерального материала (сл. 7 – 2С') на расчищенную из-под леса поверхность (сл. 6 – 3Ab). Верхние 4 см слоя уплотнены за счет утаптывания – угли крупнее 1 мм здесь отсутствуют, несмотря на углистый серый цвет общей

Таблица 2

Анализ фитолитов из археологических образцов, городище Троицкий Урай I (%)

Морфотипы	Ah	2AbCpyr	3Ab	Bt
Пластинки прямые	5	5	2	2
Пластинки волнистые	9	12	3	10
Рондели высокие				1
Рондели килевидные	1			
Рондели пирамидальные	5	3		1
Рондели прочие	2	1	1	4
Трапециевидные двулопастные <i>Stipa</i>	5	1	3	4
Двулопастные просовые cf <i>Panicum</i>		4		2
Крестовидные просовые cf <i>Panicum</i>		2	1	
Полилопастные короткие cf <i>Panicum</i>		1		1
Полилопастные короткие cf <i>Poa</i>	2	7	1	1
Полилопастные длинные		1		
Удлиненные гладкие	11	11	21	10
Удлиненные иглистые	4	4	1	2
Дендритные	3	12	3	
Щитовидные		2		2
Цилиндрические палочки	1	10	4	1
Конические <i>Sagex</i>		5	3	
Крупные трихомы	19	3	25	15
Мелкие трихомы	17	1	11	23
Волоски	11		12	19
Сосуды	1	4		
Волнистый эпидермис		1	1	1
Угловатый эпидермис	1	4	3	1
Пузыревидные	3	2	2	
Блочные хвойных и каплев. <i>Pinus</i>		3		
Прочие		1		
Всего	100	100	100	100
	40% горелых	10% горел.; кутикулы проса	20% горелых	5% горелых; волосок конопли

массы. В слое обнаружены фитолиты культурных злаков – несколько дендритных фитолитов и 1 крестовидный просовый (cf *Panicum*), а также многочисленные волоски крапивы.

Судя по мощному слою золы (сл. 8 – 2С"), на выровненной основе была возведена углубленная деревянная конструкция, позднее сгоревшая и прокалившая нижележащую минеральную массу. В составе материала, заполнившего углубление после пожара, отмечены уголь дуба, вяза, березы и липы (6/1/2/1), обожженная и окатанная обмазка, кальцинирован-

ные и сажистые и необугленные выветренные кости позвоночных (5/3/2), чешуя и кости рыб, а также обугленные и эродированные зерна хлебных злаков – предположительно, полбы (рис. 5: 2). Кости позвоночных в несколько раз многочисленнее, чем кости рыб. Этот же слой содержит необугленные семена *Chenopodiaceae* (маревых). Фитолитный анализ выявил высокую концентрацию фитолитов культурных злаков, в том числе паникоидных («просяных») форм (7%) и дендритных и щитовидных клеток хлебных злаков (14%). Кроме



Рис. 6. Троицко-Урайское I городище. Находки из разреза вала 2017 г. (1, 5 – слой 12; 2, 4 – слой 4; 3, 8 – слой 8; 9 – слой 6) и раскопа 1973 г. (6, 7, 10), подъемный материал 2017 г. (11–18). 7 – по П.Н. Старостину, 1977.

Fig. 6. The Troitskii-Urai I hillfort. Findings from a rampart section of 2017 (1, 5 – layer 12; 2, 4 – layer 4; 3, 8 – layer 8; 9 – layer 6) and the excavation of 1973. (6, 7, 10), surface finds 1450 of 2017 (11–18). 7 – after P.N. Starostin, 1977.

культурных форм, в составе фитоцитов отмечены 10% цилиндрических палочек двудольных трав и 3% фитоцитов сосны, много также фитоцитов осок.

Пирогенная смесь вскипает с соляной кислотой, что указывает на перекрытие ее поверхности насыпью вала вскоре после пожара. Материал насыпи (2С) насыщен антропогенными включениями – отмечены многочисленные кости позвоночных, кости и чешуя рыб, керамика, а также уголь дуба, вяза и березы (7/2/1).

В современном гумусовом горизонте отсутствуют древесные угли. Почвенная масса содержит относительно высокий процент фитоцитов диких злаков (ковыль и мятлики) и многочисленные фитоциты трихом и волосков (индикаторов рудеральной флоры). Фитоциты просовых отсутствуют, из фитоцитов предположительно культурных злаков отмечены дендритные формы (3%), но они мелкие и могут принадлежать диким представителям трибы *Triticeae*, например *Bromus inermis*. На эту группу также указывают волнистые пластинки. Фитоциты сосны и иных хвойных не выявлены. Около 40% фитоцитов горелые, что может указывать на частые палы, поддерживавшие площадку городища в безлесном состоянии.

Судя по составу биоморф, занятия обитателей городища со временем менялись. В почве под валом и в ранней насыпи преобладают кости рыб, в то время как в насыпи позднего вала кости позвоночных. Фитоцитный анализ показал, что в слоях всех трех стадий существования поселения, связанных с АКЮ, присутствуют следы культурных злаков. Однако наиболее многочисленные свидетельства наличия земледелия (на уровне микро- и

макроостатков) связаны с культурным слоем, сформированным накануне пожара, до возведения позднего вала. Изменялся и состав древесины, использовавшейся в качестве топлива и строительного материала. В наиболее ранних слоях имеется только уголь вяза, что может указывать на отсутствие леса на территории плато, примыкающего к площадке городища. В остальных слоях велика доля дуба, который, вероятно, появился в ближайшей округе уже после ее освоения носителями АКЮ. Участие березы – вида, более требовательного к осадкам, чем дуб и вяз, и одновременно «залежного» вида в системах переложного земледелия (Ponomarenko et al., 2018; Vyazov et al., 2019), выше в слое, содержащем признаки земледельческого освоения.

Хронология строительства оборонительных сооружений Троицко-Урайского I городища.

Анализ коллекции, полученной из раскопок П.Н. Старостина 1973 г., позволил выявить керамику маклашеевского этапа маклашеевской культуры (рис. 6: 10), которая связана с догородищенским поселением на месте Троицко-Урайского I городища. Время ее существования определено XII–X вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 23). В разрезе эта керамика соответствует слоям 2 и 3.

Время создания вала определяется артефактами, находящимися в насыпи, и элементами технологии строительства оборонительных сооружений, зафиксированными в разрезе.

Судя по этим данным, в начале раннего железного века на мысовой площадке продолжало существовать неукрепленное поселение постмаклашеевской культуры АКЮ (сл. 3),

переотложенные артефакты из культурного слоя которого фиксировались в насыпи раннего вала (сл. 4).

Ранняя насыпь. Характерной особенностью начала строительных работ, описанной только на городищах АКИО была подрезка основания насыпи (сл. 3) (Чижевский, Хисьяметдинова и др., 2014, с. 250).

На следующей фазе строительства была вырыта канавка, вероятно, для установки деревянных конструкций, которая перекрывалась слоем пожара (сл. 4). Этот элемент также присущ строительной технологии АКИО и отмечен на многих городищах (Хисьяметдинова, Чижевский, 2018, с. 125). Известны на памятниках АКИО и слои пожарищ, предшествующих строительству валов. В слое 4 обнаружена керамика постмаклашевской культуры АКИО (рис. 6: 2, 4), которая находит аналогии в материалах ранней насыпи вала городища Гремячий ключ и нижнего горизонта Сорочьих Гор (Марков, 2007; Чижевский, Хисьяметдинова и др., 2014, с. 260, Чижевский, Хисьяметдинова и др., 2017, с. 236).

Над слоем пожарища фиксируется насыпь вала, построенная с использованием культурного слоя (сл. 5). Этот метод строительства также является характерным технологическим приемом АКИО (Хисьяметдинова, Чижевский, 2018, с. 132).

Все перечисленные особенности технологии строительства раннего вала позволяют утверждать, что его возведение было осуществлено носителями АКИО. Этот факт подтверждается находками керамики с примесью раковины в насыпи.

В верхней части слоя 6, сформировавшегося в кровле ранней насыпи вала, на глубине 130 см был найден

фрагмент формы для отливки бронзового наконечника копья (рис. 6: 9), который соотносится с типами КД-32, 42, 44, датирующихся VIII–V вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 97). К этому же времени, вероятно, можно отнести и всю раннюю насыпь вала.

Пожарище, перекрывающее раннюю насыпь, судя по находкам керамики без орнамента в слое 8 (рис. 6: 3, 8), относится к позднему периоду АКИО (конец V – III/II вв. до н. э.) (Ашихмина, 2014, рис. 47: 6–15; 49; 67: 9–17; Черных и др., 2002, рис. 31–33; Чижевский, 2017, с. 230).

Поздняя насыпь. Исходной точкой строительства позднего вала была канавка для деревянных конструкций, вырытая в пирогенной толще (сл. 9), а возведение насыпи началось непосредственно после пожара. Поздний вал в исследованной части (сл. 11) насыпался с использованием культурного слоя, кроме того в нем отмечены куски известняка, которые могли применяться для укрепления насыпи.

Незначительные отличия в технологии строительства ранней и поздней насыпей позволяют утверждать, что они возводились одним и тем же населением. Это подтверждается находками посуды с примесью раковины в поздней насыпи. Керамика из подстилающего слоя пожарища свидетельствует о том, что строительство позднего вала относится к позднеананьинскому периоду АКИО (рис. 6: 3, 8).

Площадка городища. Находки из раскопа 1973 г. позволяют уточнить протяженность существования городища в раннем железном веке. Одной из них была фаланга свиньи, покрытая орнаментом из заштрихованных треугольников (рис. 6: 7), которая датируется VIII–VI вв. до н.э. (Ста-

ростин, 1977, рис. 4: 1; Чижевский, Хисяметдинова и др., 2017, с. 237). Не менее важен фрагмент литейной формы для изготовления кельта типа КАН-28, датирующегося в пределах IX–VI в. до н.э. (Кузьминых, 1983, с. 62, 63; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 104, 119).

Наличие на городище значительного (до 14,4%) количества неорнаментированной ананьинской керамики позволило П.Н. Старостину отнести ее к позднему периоду АКЮ (Старостин, 1977, с. 35). Этот вывод был подтвержден находками из вала городища в 2017 г. Исходя из этих данных, можно утверждать, что поселение постмаклашеевской культуры существовало на площадке городища на всем протяжении существования АКЮ (IX–III вв. до н. э.).

Постананьинский этап существования городища связан с именковской культурой, сооружения и предметы материальной культуры которой были зафиксированы в 1973 г. В разрезе вала 2017 г. выявлен один фрагмент именковский керамики, который вместе с ананьинской посудой был найден в слое разрушения поздней насыпи (сл. 12) (рис. 6: 1, 5). Следы строительства вала в именковское время в разрезе не выявлены.

Автор раскопок датировал именковское поселение на Троицко-Урайском I городище VI в. на основании двух сасанидских драхм: Пероза (457–483) и Кавада (488–497), найденных в хозяйственной яме (Старостин, 1977, с. 41). Однако монеты указывают скорее на первую половину VI в., учитывая краткий период запаздывания драхм в Поволжье и отсутствие отверстий для изготовления украшений (Морозов, 1998, с. 379).

Носители болгарской домонгольской культуры, пребывание которых на городище было зафиксировано в 1973 г. (Старостин, 1977, с. 40, 41, рис. 7), не принимали участия в сооружении вала.

В 2017 г. в обнажениях западной части городища был собран подъемный материал, в составе которого была керамика и костяной втек постмаклашеевской культуры АКЮ (рис. 6: 14–17) и керамика именковской культуры (рис. 6: 11–13, 18).

Городище **Троицкий Урай II** располагается к востоку от I городища на узком мысу, образованном линейной эрозией двух субпараллельных оврагов. Глубина их в районе вала достигает 25 м (Безымянный) и 10 м (Безымянный 2). Как и на I городище, западный склон мыса более крутой (43–79°), обнаженный в верхней части с участками вертикальных обрывов, восточный – меньшей крутизны (30–43°) и более задернован. Площадка мыса является поверхностью террасы, сниженной эрозией боковых оврагов. Ее высота над уровнем конуса выноса, на котором было расположено селище III, составляет 15 м, над уровнем водохранилища – 20 м. Ширина площадки от 12 м под основанием вала, до 3 м на окончании мыса, протяженность – 73 м, а с учетом места занимаемого валом – 93 м.

Площадка, имеет форму остроугольного треугольника и наклонную поверхность (8–19°), по своим морфометрическим характеристикам она малоприспособлена для размещения поселения (рис. 4: 1, 3–5).

С напольной стороны городище укреплено валом, имеющим в плане изометричную форму, вытянутую по длине мыса с севера на юг (20×17 м). Изначально его профиль был шишко-

видным, но в XVIII в. (?) он был нарушен вкопом бугровщиков. Диаметр ямы в насыпи составляет 9 м, глубина 1 м. В ненарушенной части вала зафиксирована большая крутизна напольного склона, чем у склона, обращенного внутрь площадки городища.

С напольной стороны наблюдается сужение мыса до 6 м и незначительное понижение поверхности. Возможно, здесь располагался ров, погребенный продуктами разрушения вала. На городище зафиксирован культурный слой мощностью до 30 см, который содержит керамику именковской культуры (Археологическая, 1981, № 648).

Невысокие шишковидные валы, расположенные на узких вытянутых непригодных для постоянного обитания мысах, хорошо известны в ареале именковской культуры: городища у с. Сланцевый Рудник в Ульяновской области, Бураковское II в Татарстане, Енгальчевские I и II, и Явлейское I городища в Мордовии; типично и парное расположение городищ.

Выводы:

1. Троицко-Урайское I городище построено на месте более раннего поселения эпохи бронзы – начала раннего железного века (XII–IX вв. до н. э.). На момент заселения на территории мыса и прилегающих к нему участках лес отсутствовал.

2. Возведение оборонительных сооружений приурочено к седловине,

которая существовала до освоения мыса людьми, а при функционировании городища стала дополнительным элементом фортификации.

3. Строительство вала осуществлялось носителями постмаклашевской культуры АКЮ в две стадии: ранняя насыпь датируется – VIII–V вв. до н. э., поздняя – V–III/II вв. до н. э.

4. Перед строительством поздней части вала участок был заброшен и зарос лесом.

5. Сооружение раннего и позднего валов предварялось пожарами и выкапыванием канавок для деревянных конструкций, насыпи формировались культурным слоем, а на поздней стадии включениями кусков известняка.

6. На протяжении всех трех стадий функционирования поселения, связанных с постмаклашевским этапом существования Троицко-Урайского I городища, в отложениях присутствуют следы культурных злаков.

7. Направления хозяйственной деятельности на постмаклашевском этапе существования городища менялись: вначале преобладало потребление рыбы, а на поздней стадии – мяса.

8. На городищах наблюдаются существенные различия в морфологии валов, Троицко-Урайское I имеет в плане форму дуги, а Троицко-Урайское II – шишки. Это обусловлено разными традициями строительства вала: ананьинской в первом случае и именковской во втором.

Примечание:

¹ Впадина в склоне, образованная морозным выветриванием, в условиях замерзания и оттаивания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 211 с.
2. Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ; Отечество, 2014. 300 с.

3. Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.
4. Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 101–137.
5. Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: Северо-Восток Европы в финале бронзового и раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 22 – 36.
6. Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.
7. Морозов В.Ю. Использование находок сасанидских монет для хронологии археологических памятников Поволжья и Прикамья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии) (КЕСАП) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 1998. С. 378–386.
8. Пономаренко Е.В. Методы изучения угольного спектра почв // Проблемы истории, методологии и социологии почвоведения. Материалы Всероссийской конференции (ПМСП) / Отв. ред. И.В. Иванов. Пущино: КМК Scientific Press, 2017. С. 319–322.
9. Старостин П.Н. Работы на Троицко-Урайском I городище в 1973 г. // Древности Волго-Камья / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: КФ АН СССР, 1977. С. 31–41.
10. Хисяметдинова А.А., Чижевский А.А. Методические аспекты изучения оборонительных сооружений городищ Волго-Камья раннего железного века – раннего средневековья // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 107–136.
11. Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Ин-т компьютер. исследований, 2002. 188 с.
12. Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 196–256.
13. Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Асылгараева Г.Ш. Результаты комплексного исследования Сорочьего городского городища // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 241–262.
14. Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. Оборонительные сооружения городища Гремячий Ключ // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 221–243.
15. Blinnikov M.S. Phytoliths // Encyclopedia of Quaternary Science. Vol. 3 / Eds. Elias S., Mock C. Amsterdam: Elsevier, 2013. pp. 582–592.
16. Ponomarenko E., Ershova E., Tomson P., Bakumenko V. A multi-proxy analysis of sandy soils in historical slash-and-burn sites: Karula case study // Quaternary International. October 2018. С. 1–17.
17. Vyazov L.A., Ershova E.G., Ponomarenko E.V., Gajewski K., Blinnikov M.S., Sitdikov A.G. Demographic Changes, Trade Routes, and the Formation of Anthropogenic Landscapes in the Middle Volga Region in the Past 2500 // Socio-Environmental Dynamics along the Historical Silk Road / Eds. Yang L., Bork HR., Fang X., Mischke S. Springer: Cham, 2019. P. 411–452.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

Пономаренко Елена Викторовна, кандидат биологических наук, адъюнкт-профессор, факультет географии, Оттавский университет (г. Оттава, Канада); ecosystemarchaeology@gmail.com

Вязов Леонид Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); l.a.vyazov@gmail.com

Хисяметдинова Асия Абдулкадировна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); asiata@yandex.ru

Блинные Михаил Сергеевич, PhD, профессор. Государственный университет Сент-Клауда (г. Сент-Клауд, США); msblinnikov@stcloudstate.edu

FORTIFICATIONS AND PALEO-LANDSCAPE OF THE TROITSKII URAI I HILLFORT

**A.A. Chizhevsky, E.V. Ponomarenko, L.A. Vyazov,
A.A. Khisyametdinova, M.S. Blinnikov**

The paper features the results of a comprehensive study of the fortifications of the Troitskii-Urai I hillfort. An analysis of a rampart section using the archaeological, geomorphological, palynological and soil science methods has made it possible to draw the following conclusions. The hillfort was built at the site of a community of the Bronze Age – the beginning of the Early Iron Age (12th – 9th centuries B.C.), and the rampart is connected to a saddle, which became an additional element of fortification. Two stages of the rampart's construction were identified, which was completed by the population of the Post-Maklashevka culture of Ananyino cultural and historical area. The early rampart is dated the 8th – 5th centuries B.C., and the late rampart was constructed in late 5th – 3rd/2nd centuries B.C. No information on the participation of representatives of the Imenkovo and Bolgar pre-Mongol cultures in the construction of the rampart has been revealed in this section. Throughout the entire period of the hillfort's existence in the Early Iron Age, its inhabitants were engaged in agriculture, and the predominant consumed food items at its initial and late stages were fish and meat, respectively. The Troitskii-Urai II hillfort was built to the west of the Troitskii-Urai I hillfort in the Imenkovo period (4th – 6th centuries). The second one significantly differs in terms of rampart morphology.

Keywords: archaeology, geomorphology, soil science, Early Iron Age, hillfort, Ananyino cultural and historical area, Imenkovo culture.

REFERENCES

1. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1981. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Predkam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Cis-Kama River area)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoj kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologiya evrazijskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).
3. Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiya Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 101–137 (in Russian).
5. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiya Evrazijskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3. 22–36 (in Russian).
6. Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikam'e v ananinskuiu epokhu (The Lower Kama Region during the Ananyino Epoch)*. Series: Arkheologiya Evrazijskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
7. Morozov, V. Yu. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evrazijskikh stepei vtoroi poloviny I tysyacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 378–386 (in Russian).

8. Ponomarenko, E. V. 2017. In Ivanov, I. V. (ed). *Problemy istorii, metodologii i sotsiologii pochvovedeniia (Issues of History, Methodology and Sociology of Soil Science)*. Pushchino: "KMK Scientific Press" Publ., 319–322 (in Russian).
9. Starostin, P. N. 1977. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Drevnosti Volgo-Kam'ia (Antiquities of the Volga and Kama Rivers Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 31–41 (in Russian).
10. Khisiametdinova A. A., Chizhevsky, A. A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 107–136 (in Russian).
11. Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (Argyzh Hillfort on the Vyatka River)*. Moscow: Institute of Computer Research (in Russian).
12. Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. 196–256 (in Russian).
13. Chizhevsky, A. A., Khisiametdinova, A. A., Spiridonova, E. A., Aleshinskaia, A. S., Kochanova, M. D., Asylgaraeva, G. Sh. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitiie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 241–262 (in Russian).
14. Chizhevsky, A. A., Khisiametdinova, A. A., Spiridonova, E. A., Aleshinskaia, A. S., Kochanova, M. D. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 221–243 (in Russian).
15. Blinnikov, M. S. 2013. In Elias S., Mock C. (eds.). *Encyclopedia of Quaternary Science*. Vol. 3. Amsterdam: Elsevier, 582–592.
16. Ponomarenko, E., Ershova, E., Tomson, P., Bakumenko, V. 2018. In *Quaternary International*. October. 1–17.
17. Vyazov, L. A., Ershova, E. G., Ponomarenko, E. V., Gajewski, K., Blinnikov, M. S., Sitdikov, A. G. 2019. In Yang, L., Bork, HR., Fang, X., Mischke, S. (eds.). *Socio-Environmental Dynamics along the Historical Silk Road*. Springer: Cham. 411–452.

About the Authors:

Chizhevsky Andrei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Ponomarenko Elena V. Candidate of Biological Sciences. Adjunct Professor, Geography Faculty, Ottawa University. Simard Hall, 60 University, Ottawa ON Canada K1N 6N5; ecosystemarchaeology@gmail.com

Vyazov Leonid A. Candidate of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya str., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; l.a.vyazov@gmail.com

Khisiametdinova Asia A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; asiatat@yandex.ru

Blinnikov Mikhail S. PhD, professor. St. Cloud State University, 720 4th Ave S, St Cloud, MN 56301, USA; msblinnikov@stcloudstate.edu

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ КУРГАНА ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПРЕДМЕТАМИ КИТАЙСКОГО ИМПОРТА ИЗ МОГИЛЬНИКА ЧИНЕТА-II (АЛТАЙ)

© 2019 г. П.К. Дашковский

В статье рассматриваются вопросы датировки кургана № 31 могильника Чинета-II, который расположен в Краснощековском районе Алтайского края (Северо-Западный Алтай). При раскопках кургана № 31 могильника Чинета-II были зафиксированы признаки погребального обряда, которые обнаруживают сходство с аналогичными особенностями как на ранее изученных памятниках пазырыкской культуры в Чинетинском археологическом микрорайоне, так и в других частях Алтая. Датировка объекта строилась, во-первых, на результатах анализа сопроводительного инвентаря. При этом важным индикатором выступали деревянные лаковые изделия из Китая. Во-вторых, учитывались результаты радиоуглеродного анализа образца кости лошади, который был проведен сотрудниками Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения РАН (г. Томск). На основе сопоставления результатов археологического и радиоуглеродного датирования было установлено, что сооружение кургана № 31 могильника Чинета-II произошло не ранее IV в. до н. э., вероятно, во второй половине IV – начале III вв. до н. э.

Ключевые слова: археология, пазырыкская культура, Алтай, датировка, радиоуглеродный анализ, погребальный обряд, артефакты, китайский импорт.

Могильник Чинета-II входит в состав Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета Краснощековского района Алтайского края (рис. 1) (Дашковский, 2013). Некрополь зафиксирован в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1–1,4 км к ЮЮВ от с. Чинета. Начиная с 2001 г., исследования на данном памятнике проводит Краснощековская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета под руководством автора статьи. В пределах данного памятника исследованы курганы, относящиеся к скифскому времени, тюркской, кыргызской и сроткинской археологическим культурам (Дашковский, 2015а, б; 2016; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004 и др.). В настоящее время на

некрополе исследовано 14 курганов скифо-сакского периода (№№ 16, 19, 21–24, 26–29, 30–32, 34). На данном этапе получены результаты радиоуглеродного анализа, а также итоги изучения отдельных артефактов – предмета китайского импорта, которые позволяют дополнить информацию о хронологической атрибуции раскопанного объекта.

Курган № 31 располагался в центральной части некрополя Чинета-II. Он имел диаметр каменной насыпи с С на Ю – 15 м, а с 3 на В – 13 м. Высота сооружения вместе со слоем земли достигала 0,85 м (рис. 2, 3). Высота только каменной насыпи – 0,7 м. Насыпь объекта сооружена преимущественно из средних и больших камней в 2–4 слоя. При этом камни были уложены достаточно плотно, образуя целостность насыпи. По периметру

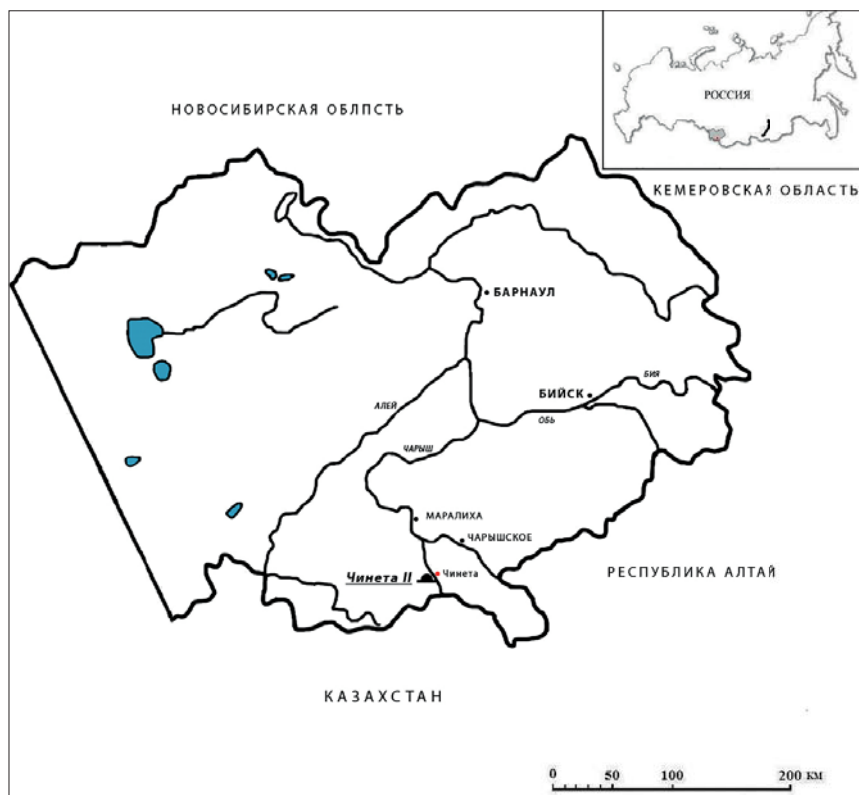


Рис. 1. Месторасположение могильника Чинета-II на Алтае.

Fig. 1. The location of the burial ground Chineta-II in the Altai.

кургана выявлены более крупные, чем в насыпи, камни, которые образовывали кольцевую выкладку крепиду диаметром с С на Ю – 15 м, а с З на В – 13 м. В центре насыпи зафиксирован достаточно большой просад, как выяснилось в процессе раскопок из-за проседания грунта в могиле. Диаметр просада с С на Ю – 1,5, а с З на В – 2,5 м. Глубина просада от нулевого репера 55 см. Под насыпью кургана в центральной ее части зафиксирована могильная яма, которая ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ и имела следующие размеры на уровне древнего горизонта 3,3×2,5×3,84 м. Могила была полностью забутована камнями разных размеров.

Вдоль северной стенки могильной ямы на глубине 3,34–3,54 м обнару-

жено сопроводительное захоронение лошади. Животное было уложено на живот с подогнутыми копытами и ориентировано головой на восток (рис. 4, 5). Под лошадью ближе к северо-западному углу находились камни. В районе ребер животного на глубине 2,8 м обнаружена костяная подпружная пряжка (рис. 6: 23). В зубах лошади выявлены железные кольчатые удила (рис. 6: 1), а на лбу – золотая налобная бляха из фольги (рис. 6: 19 и др.).

Вдоль восточной и южной стенок могилы на глубине 2,8 м обнаружены следы от древесного тлена от двух плах очень плохой сохранности (рис. 4, 5). Длина восточной плахи составляла 1,6 м, а южной – 2,4 м. Ширина обеих плах составляла 10–12 см. Тлен от плах, вероятно, являлся остат-



Рис. 2. Курган № 31 могильника Чинета-II после зачистки насыпи.

Fig. 2. Kurgan No. 31 burial ground Chineta II after stripping of the mound.

ками от деревянной рамы. В юго-восточном углу на глубине 2,87 м зафиксированы фрагменты черепа человека. Кости скелета оказались очень плохой сохранности из-за многотонного давления каменного заполнения могилы и влажности грунта. В результате скелет сохранился только фрагментарно (рис. 4, 5). При этом сохранились преимущественно кости ног, челюсть, частично кости рук. Возможно, погребение носило вторичный характер, а плохая и неполная сохранность костей усугубилась указанными факторами. Кроме того, не исключено, что погребение также было ограблено в древности. Умерший человек, судя по отдельным сохранившимся *in situ* костям скелета, первоначально был уложен в скорченном положении на правый бок и ориентирован головой на восток (рис. 4, 5).

У восточной стенки могилы в средней ее части выявлены фрагменты золотой аппликации из фольги (рис. 6: 3–18, 20, 21). Рядом с ней находилась ритуальная пища (кости барана), железный нож (рис. 6: 2). В

20 см к северу и в 25 см к западу от ритуальной пищи зафиксирован развал керамического сосуда (рис. 6: 22). Фрагменты керамики также обнаружены в центральной части могилы, в районе берцовых костей скелета и у задних копыт лошади. Это обстоятельство косвенно указывает на разрушение погребения в древности.

В районе основного развала керамического сосуда на глубине 3,76 м выявлены остатки плохо сохранившейся, вероятно, деревянной чашечки, покрытой красным лаком. Еще одно скопление фрагментов красного лака выявлено в 25 см к юго-западу от первого в районе костей скелета человека.

Изучению указанных деревянных лаковых изделий из Китая посвящены отдельные публикации (Дашковский, Новикова, 2015; 2017). В данном случае отметим только некоторые принципиальные моменты, поскольку предметы китайского импорта важны и для установления хронологии объекта.

В кургане № 31 были обнаружены лишь компактные скопления остатков

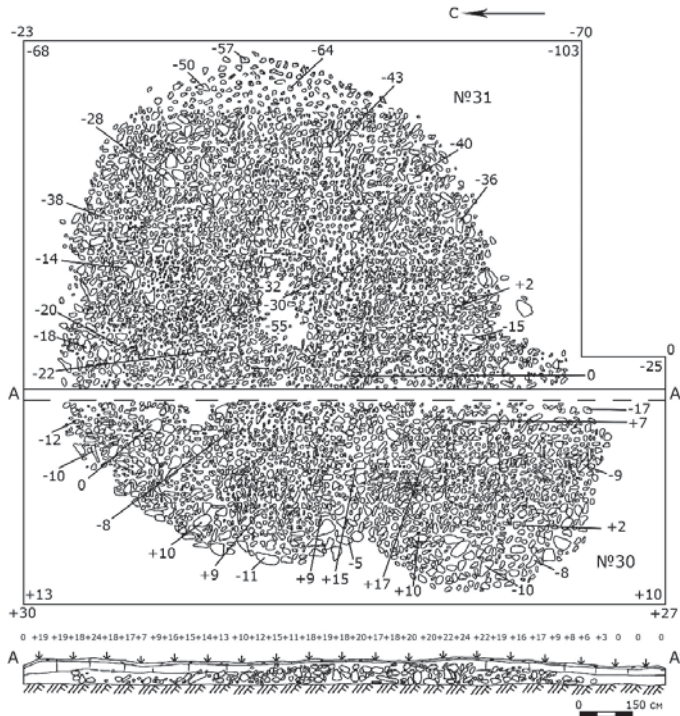


Рис. 3. План насыпи кургана № 31 могильника Чинета-II.
 Fig. 3. Plan of the kurgan mound No. 31 burial ground Chineta II.



Рис. 4. Погребение в кургане № 31 могильника Чинета-II.
 Fig. 4. The burial in kurgan No. 31 burial Chineta II.

красного лака от артефактов, что было связано со значительным давлением каменной забутовки могилы, глинистым грунтом и грунтовыми водами (рис. 7–8). В захоронении выявлено два рядом расположенных скопления. Именно из-за такого расположения скоплений было сделано предположение относительно формы предмета («деревянная чашечка»), основанное на том, что в процессе расчистки под фрагментами лака обнаружены были очень плохой сохранности древесные фрагменты (из-за сильной деструкции их не удалось взять) (Дашковский, Новикова, 2017). Лаковые фрагменты с остатками древесины на обороте, которые имеют размеры от 0,5 мм до 3 см, располагались в том месте (к северо-востоку от черепа человека), в котором обычно в захоронениях пазырыкской культуры помещали керамическую и деревянную посуду. При этом кочевники использовали деревянную посуду достаточно широко. Это подтверждается значительным количеством находок деревянной посуды в курганах Юго-Восточного Алтая, в частности на могильниках Ак-Алаха-III (Полосьмак, 2001, с. 194–202), Юстыд-ХII (Кубарев, 1991, с. 65–68), Барбургазы-I (Кубарев, 1992, с. 49–51), Уландрык-I, Ташанта-II (Кубарев, 1987, с. 49–50) и др.

Окраска не дошедших до нас в первозданном виде артефактов из могильника Чинете-II по химическому составу имеет сходство с образцами красно-чернолаковых китайских лакокрасочных покрытий, а также прослеживаются аналогии в материалах из элитных памятников скифской эпохи Алтая (Дашковский, Новикова, 2017). Это подтверждается также данными стратиграфических исследова-

ований красочных слоев проб. Они показали, что лакокрасочные покрытия были изготовлены по традиционной для древнего Китая технологии. Верхние слои красного цвета (пигментированный красный слой чешуек лакокрасочного покрытия) аналогичны слоям из краски тун-ци (кит. 彤漆 – смесь ци-лака с киноварью). Они нанесены на тонкие темно-коричневого прозрачного цвета слои ци-лака, окрашенного солями железа. Следует подчеркнуть, что так же, как в традиционных китайских лаках, эти слои лака лежат поверх тончайшего слоя ткани из растительных волокон. На некоторых образцах сохранился слой из каолина, кварца и альбита. Таким образом, все компоненты красочных слоев традиционны для древних китайских технологов. Данные стратиграфии в совокупности с результатами микроанализа и физико-химических исследований показали, что лакокрасочные покрытия из Чинета-II уверенно можно сопоставить с лакокрасочными покрытиями из курганов №№ 1–7 могильника Пазырык. Отличием является присутствие в значительных количествах водорастворимых солей меди во многих лакокрасочных покрытиях из курганов могильника Пазырык. В пробах из кургана № 31 соли меди не зафиксированы (Дашковский, Новикова, 2017, с. 110). Необходимо также отметить, что из большой коллекции образцов лакокрасочных покрытий, найденных в древних памятниках в Сибири и Центральной Азии, относительное сходство (по некоторым параметрам) образцов из могильника Чинета-II наблюдается еще с несколькими образцами лакокрасочных покрытий из курганного комплекса Бугры, расположенного в степной зоне Алтая (Чу-

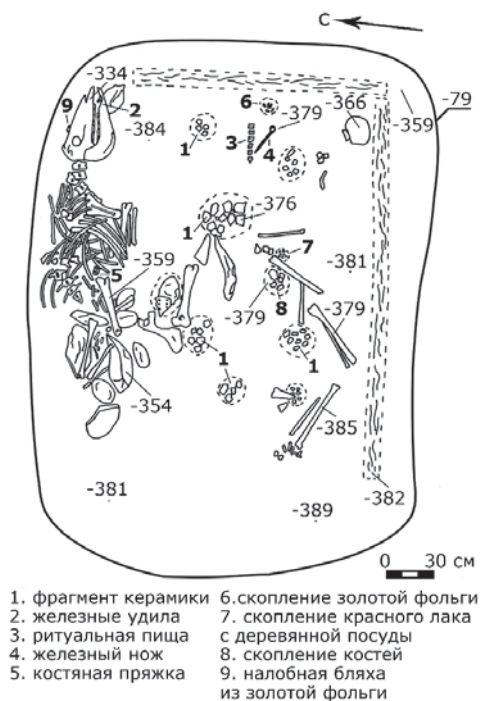


Рис. 5. План погребения в кургане № 31 могильника Чинета-II.

Fig. 5. Plan of burial in the kurgan No. 31 burial ground Chineta II.

человек в могиле, а именно на восток. Другими признаками погребально-го обряда данной культуры является положение умершего в скорченной позе на правом боку с подогнутыми ногами, ориентированного головой на восток (юго-восток). Определенным своеобразием отличается и сопроводительный инвентарь из погребений. При этом следует подчеркнуть, что «классические» признаки погребально-го обряда пазырыкской культуры среди всех некрополей Чинетинского археологического микрорайона в большей степени присутствуют на памятнике Ханкаринский дол, который представляется более целостным в культурном отношении среди других (Дашковский, 2016; и др.). На некрополе Чинета-II зафиксирована большая вариабельность среди признаков погребально-го обряда, установленных при исследовании курганов скифской эпохи (Дашковский, 2017).

гунов, 2014, с. 714–725; Тишкин, 2012, с. 507; Сутягина, Новикова, 2016).

Следует отметить, что признаки погребально-го обряда, зафиксированные в кургане № 31 могильника Чинета-II, имеют аналогии как в ранее изученных памятниках пазырыкской культуры Северо-Западного Алтая (могильники Ханкаринской дол, Инской дол) (Дашковский, 2016; 2017; Дашковский, Ожиганов, 2018), так и на могильниках скифского времени из других районов Алтая (Кубарев, 1987; 1991; Кубарев, Шульга, 2007; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Кирюшин, Степанова, 2004 и др.). К числу важных признаков погребально-го обряда пазырыкской культуры Алтая можно отнести наличие сопроводительного захоронения лошади вдоль северной стенки могильной ямы. При этом животное ориентировано головой относительно сторон горизонта в том же направлении, что и умерший

Категории инвентаря их кургана № 31 могильника Чинета-II имеют устойчивые аналоги среди материалов пазырыкской культуры Алтая (Кубарев, 1987, 1991, 1992; Кубарев, Шульга, 2007). Интересным элементом снаряжения лошади является подпружная пряжка (рис. 6: 23), которая, согласно классификации В.Д. Кубарева (1991, с. 49–52, рис. 10: 3; 1987, с. 29–30, рис. 14: 4; и др.), может быть отнесена к типу блоковидных с двумя овальными вырезами и неподвижным, выступающим наружу язычком. Подпружные пряжки



Рис. 6. Инвентарь из кургана № 31 могильника Чинета-II. 1 – железные удила. 2 – железный нож, 3–18, 20–21 – фрагменты золотой фольги, 19 – золотая налобная бляха из фольги, 22 – керамический сосуд, 23 – костяная подпружная пряжка.

Fig. 6. Inventory of the kurgan No. 31 burial ground Chinet-II. 1 – iron bits. 2 – iron knife, 3–18, 20–21 – gold foil fragments, 19 – gold foil plaque, 22 – ceramic vessel, 23 – bone buckle.

такого типа встречаются в курганах пазырыкской культуры второй половины V–III в. до н. э. (Кубарев, Шульга, 2007, с. 119–123, рис. 81: 4). По классификации П.И. Шульги, указанная подпружная пряжка может быть отнесена к 9 типу (Шульга, 2015б, с. 127, рис. 81: 31, 32, 37). Другие категории инвентаря из кургана № 31 также датируются в широких хронологических рамках – вторая половина V–III в. до н. э. Определенный интерес представляет налобная бляха круглой формы из золотой фольги (рис. 6: 19), которая была обнаружена на че-

репе лошади. Вероятно, первоначально диск из золотой фольги крепился на основу из кожи (ткани) или дерева. По краям такой бляхи зафиксированы небольшие отверстия. Отметим, что налобные бляхи из дерева и кости хорошо известны по элитным курганам пазырыкской культуры из могильников Пазырык, Башадар, Туэкта и др. (Руденко, 1953, с. 154–156; 1960, с. 125; Шульга, 2015б, с. 54, рис. 27: 1; рис. 33: 1 и др.). Налобные бляхи крепились с помощью двух тонких ремешков. Такой же принцип крепления зафиксирован в большинстве случаев



Рис. 7. Общий вид лакокрасочных фрагментов из кургана № 31 Чинета-II.

Fig. 7. General view of the fragments of varnish and paint from the burial mound No. 31 Chineta II.

в снаряжениях лошадей из элитных курганов на разных этапах пазырыкской культуры (Шульга, 2015б, с. 54, 64, рис. 33: 1 и др.). Другие категории инвентаря из кургана № 31 также датируются в широких временных рамках – вторая половина V–III в. до н. э.

Важно отметить значение китайского импорта для установления хронологии курганов скифской эпохи Алтая. Китайские изделия встречаются в курганах пазырыкской культуры преимущественно в IV–III вв. до н. э. (Шульга, 2015а, с. 30). Ранее в пределах Чинетинского археологического микрорайона предметы китайского импорта были встречены в кургане № 21 могильника Чинета-II (Дашковский, Новикова, 2017), для которого также получена радиоуглеродная дата (Дашковский, 2018).

Теперь обратимся к результатам радиоуглеродного анализа образца кости лошади из кургана № 31 могиль-

ника Чинета-II. Радиоуглеродный анализ осуществлялся в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения РАН (ИМКЭС СО РАН, г. Томск). Полученные результаты представлены в таблицах 1–2.

Интервалы калиброванного календарного возраста получены с помощью программы, разработанной в Оксфордском университете (Великобритания) и определены старшим научным сотрудником ИМКЭС СО РАН канд. техн. наук Г.В. Симоновой. Как видно из таблицы, полученная радиоуглеродная дата в целом нивелируется с археологическим материалом из кургана № 31.

Таким образом, проведенный анализ погребального обряда и инвентаря из кургана № 31 могильника Чинета-II свидетельствует о том, что раскопанный курган относится к пазырыкской культуре. Отметим,

Рис. 8. Лакокрасочные фрагменты из кургана № 31 Чинета-II.

Fig. 8. Fragments of varnish and paint from the burial mound No. 31 Chineta II.

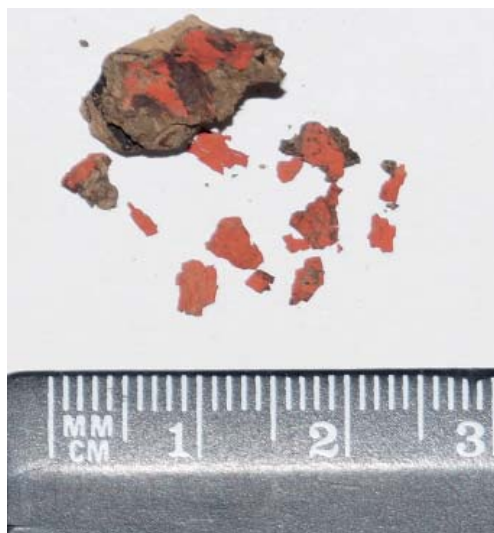


Таблица 1

Результаты радиоуглеродного анализа образца из кургана № 31 могильника Чинета-II

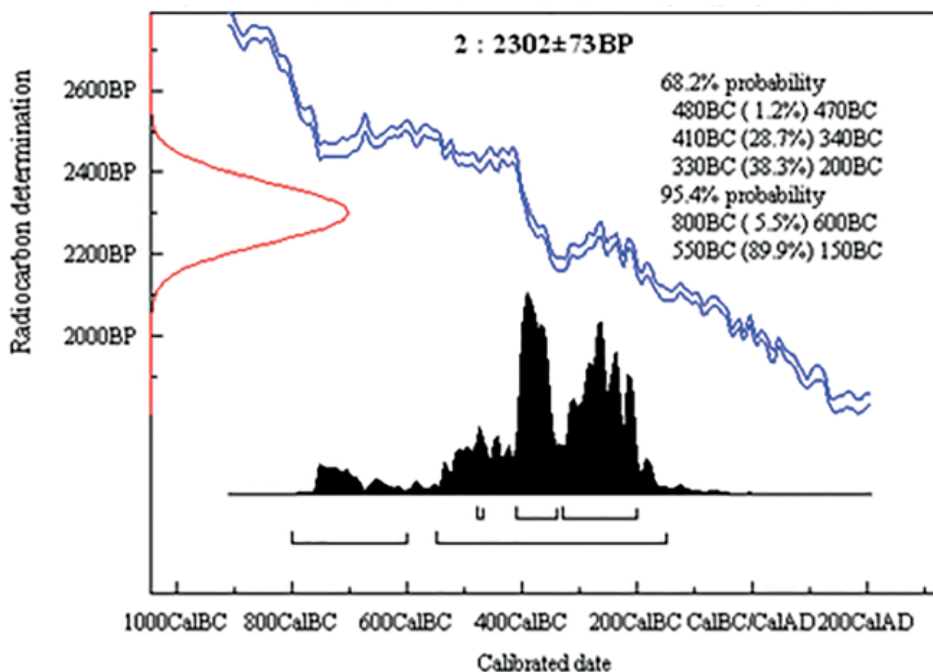
Лабораторный номер	Описание образца	Место отбора	Радиоуглеродный возраст	Календарный возраст (Новое время)
ИМКЭС-14С1015	Кость лошади	Могильник Чинета –II, могила №1, курган №31	2302±73	По 1σ (68%) 480-200 BC По 2σ (95%) 800-150 BC

что ранее для кургана № 21 этого же могильника была также получена радиоуглеродная дата, которая свидетельствует о принадлежности кургана тоже к скифскому времени (Дашковский, 2018). Особенности сопроводительного инвентаря, в т. ч. наличие предметов китайского импорта, а также результаты радиоуглеродного анализа, позволяют заключить, что время сооружения объекта не ранее IV в. до н. э., возможно, IV – начало

III в. до н. э. Это связано с тем, что предметы китайского импорта встречаются, преимущественно, в курганах пазырыкской культуры Алтая не ранее указанного хронологического периода. Следует также подчеркнуть, что наличие импортных лаковых изделий из Китая указывает на высокий социальный статус погребенного в кургане № 31 могильника Чинета-II, который, вероятно, принадлежал к региональной элите кочевого общества.

Таблица 2

Интервалы калиброванного календарного возраста



ЛИТЕРАТУРА

1. *Дашковский П.К.* Основные направления изучения памятников древних и средневековых кочевников Чинетинского археологического микрорайона на Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 187–190.
2. *Дашковский П.К.* Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VIII / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015а. С. 20–29.
3. *Дашковский П.К.* Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015б. 224 с.
4. *Дашковский П.К.* Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IX / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 42–66.
5. *Дашковский П.К.* Результаты изучения погребального обряда кочевников Северо-Западного Алтая скифской эпохи (по материалам могильника Чинета-II) // Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. II / Ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2017. С. 112–116.
6. *Дашковский П.К.* Радиоуглеродное и археологическое датирование погребения скифского времени на могильнике Чинета-II (Алтай) // Народы и религии Евразии. 2018. № 2 (15). С. 9–23.
7. *Дашковский П.К., Новикова О.Н.* Китайские лаки из могильника скифской эпохи Чинета-II (Алтай) // АЭАЕ. 2017. № 4 (45). С. 102–112.
8. *Дашковский П.К., Ожиганов А.Н.* Завершение раскопок курганов скифской эпохи на могильнике Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIV / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 83–88.
9. *Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.
10. *Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.
11. *Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.
12. *Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
13. *Кубарев В.Д.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.
14. *Кубарев В.Д., Шульга П.И.* Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.
15. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1953. 555 с.
16. *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1960. 360 с.
17. *Сутягина Н.А., Новикова О.Г.* Китайская лаковая чашечка из погребения «золотого человека» (по материалам могильника Бугры в предгорьях Алтая) // АЭАЕ. 2016. № 4 (44). С. 83–91.
18. *Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В.* Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X. Ч. 1 / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 410–415.

19. Чугунов К.В. Захоронения «золотых людей» в традиции кочевников Евразии (новые материалы и некоторые аспекты исследований) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: Сарыарка, 2014. С. 714–725.

20. Шульга П.И. Датировка курганов Пазырыка и китайских зеркал с Т-образными знаками // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Сб. статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / Ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015а. С. 366–371.

21. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Ч. II (VI–III вв. до н.э.). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015б. 322 с.

Информация об авторе:

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); dashkovskiy@fpn.asu.ru

RADIOCARBON DATING OF THE KURGAN OF THE PAZYRYK CULTURE WITH CHINESE IMPORTS OF THE BURIAL GROUND CHINETA II (ALTAI)

P. K. Dashkovskiy

The paper discusses the Dating of barrow No. 31 of the burial ground Chineta II, which is situated in Krasnoshchekovskiy district of Altai Krai (North-Western Altai). During the excavation of Kurgan No. 31 of the burial ground Chineta II the definite features of the burial rite were fixed. These features detect the similarity with analogous characteristics with previously studied monuments of the Pazyryk culture in Chinetskii archaeological district, and in other parts of the Altai. The dating of the object was based, firstly, on the results of the analysis of the accompanying inventory. At the same time, an important indicator was the wooden lacquer products from China. Secondly, the results of radiocarbon analysis of the horse bone sample produced by the Institute of monitoring of climatic and ecological systems of the Siberian branch of RAS (Tomsk) were taken into account. Based on the comparison of the results of archaeological and radiocarbon dating, it was found that the time of construction of the burial mound No. 31 was not earlier than IV century BC, perhaps during the IV – beginning of III centuries BC.

Keywords: archaeology, Pazyryk culture, Altai, dating, radiocarbon dating, burial rites, artifacts, Chinese imports.

REFERENCES

1. Dashkovskiy, P. K. 2013. In Tishkin, A. A. (ed). *Sovremennye resheniia aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii (Contemporary Solutions to the Current Issues of Eurasian Archaeology)*. Barnaul: Altay University Publ., 187–190 (in Russian).

2. Dashkovskiy, P. K. 2015. In Dashkovskiy, P. K. (ed). *Mirovozzrenie naseleniia Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive (Worldviews of the Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospect)* 8. Barnaul: Altay University Publ., 20–29 (in Russian).

3. Dashkovskiy, P. K. 2015. *Kyrgyzy na Altae v kontekste etnokul'turnykh protsessov v Tsentral'noi Azii (Kyrgyz people in Altai in the Context of Ethnic and Cultural Processes in Central Asia)*. Barnaul: Altay University Publ. (in Russian).

4. Dashkovskiy, P. K. 2016. In Dashkovskiy, P. K. (ed). *Mirovozzrenie naseleniia Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive (Worldviews of the population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospect)* 9. Barnaul: Altay University Publ., 42–66 (in Russian).

5. Dashkovskiy, P. K. 2017. In Derevianko A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *Trudy V (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe (Proceedings of the 5th (21st) All-Russia Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha)* II. Barnaul: Altai State University Publ., 112–116 (in Russian).

6. Dashkovskiy, P. K. 2018. In *Narody i religii Evrazii (Nations and Religion of Eurasia)*. 2 (15), 9–23 (in Russian).
7. Dashkovskiy, P. K., Novikova, O. N. 2017. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 4 (45), 102–112 (in Russian).
8. Dashkovskiy, P. K., Ozhiganov, A. N. 2018. In Tishkin, A. A., (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 24. Barnaul: Altai State University Publ., 83–88 (in Russian).
9. Kiriushin, Yu. F., Stepanova, N. F. 2004. *Skifskaya epokha Gornogo Altaia. Ch. III: Pogrebal'nye komplekсы skifskogo vremeni Srednei Katuni (Scythian Epoch of Mountain Altai. Part III: Burial Scythian Complexes on the Middle Katun River)*. Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).
10. Kiriushin, Yu. F., Stepanova, N. F., Tishkin, A. A. 2003. *Skifskaya epokha Gornogo Altaia. Ch. II: Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyrykskoi kul'tury (Scythian Epoch of Mountain Altai. Part II: Burial And Memorial Complexes of Pazyryk Culture)*. Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).
11. Kubarev, V. D. 1987. *Kurgany Ulandryka (Barrows of Ulandryk)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Kubarev, V. D. 1991. *Kurgany Yustyda (Barrows of Yustyd)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Kubarev, V. D. 1992. *Kurgany Sailugema (Barrows of Sailugem)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Kubarev, V. D., Shul'ga, P. I. 2007. *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula) (Pazyryk Culture (Chui and Ursula Burial Mounds))*. Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).
15. Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaia v skifskoe vremya (Culture of the Population of Mountain Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
16. Rudenko, S. I. 1960. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremya (Culture of the Population of Central Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Sutiagina, N. A., Novikova, O. G. 2016. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 4 (44), 83–91 (in Russian).
18. Tishkin, A. A., Dashkovskiy, P. K., Gorbunov, V. V. 2004. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 10, part 1. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 410–415 (in Russian).
19. Chugunov, K. V. 2014. In Khabdulina, M.K. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana (The Dialogue among Cultures of Eurasia through Archaeology in Kazakhstan)*. Astana: "Saryarka" Publ., 714–725 (in Russian).
20. Shul'ga, P. I. 2015. In Tishkin, A. A. (ed.). *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: Sb. statey, posvyashhennyi 70-letiyu professora Yu.F. Kiryushina (Archaeology of Western Siberia and the Altai Mountains: Interdisciplinary Research Experience: Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Professor Yu.F. Kiryumin)*. Barnaul: Altai State University Publ., 366–371 (in Russian).
21. Shul'ga, P. I. 2015. *Snariazhenie verkhovoi loshadi v Gornom Altae i Verkhnem Priob'e. Ch. II (VI–III vv. do n.e.). (Saddle Horse Gear in Mountain Altai and Upper Ob Area. Part II (6th – 3rd centuries B.C.))*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ. (in Russian).

About the Author:

Dashkovskiy Petr K. Doctor of Historical Sciences. Professor. Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; dashkovskiy@fpn.asu.ru

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В НИЗОВЬЯХ СЫРДАРЬИ

© 2019 г. Ж.Р. Утубаев, С.Б. Болелов

Авторы публикуют результаты раскопок загородного святилища, расположенного в ближайшей округе городища Бабиш-Мулла, приблизительно в пятистах метрах к югу от оборонительной стены шахристана. Памятник раскопан полностью. В центре обширного, почти квадратного в плане двора, обнесенного оборонительной стеной, расположено небольшое прямоугольное в плане помещение с квадратным алтарем в центре, сложенным из сырцового кирпича. По характеру культурного слоя, точнее сказать по отсутствию такового, а также по характерной планировочной схеме, есть все основания полагать, что этот объект связан с отправлением культа. О характере этого культа авторы могут только догадываться. По сопутствующему материалу памятник можно датировать в пределах III–II вв. до н.э. Эта датировка основана на представленных в комплексе фрагментах сосудов, безусловно, относящихся к эллинистическим, которые не могли появиться на территории нижней Сырдарьи ранее начала III в. до н.э.

Ключевые слова: археология, юго-восточное Приаралье, чирик-рабатская культура, восточный эллинизм, Бабиш-Мулла, городище, укрепленная усадьба, святилище, храм огня, алтарь, керамика.

В конце V – начале IV в. до н.э. в юго-западной части древней сырдарьинской дельты, в бассейне основного для этого периода дельтового протока – Жаныдарьи, на базе предшествующей скотоводческой культуры саков Сырдарьи, формируется оседлая земледельческо-скотоводческая культура – Чирикрабатская. Наиболее крупными памятниками этой культуры являются городища Чирик-Рабат и Бабиш-мулла. После первых раскопок на античных памятниках региона, проведенных Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в конце 1950-х – начале 1960-х годов прошлого века, городище Чирик-Рабат было определено как столица области, населенная сакским племенем – апасиаками (Толстов, Воробьева, Рапопорт, 1960, с. 23–40; Толстов, 1962, с. 137–154; Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 53–58). В процессе дальнейших исследований, которые

были продолжены силами Чирикрабатской археологической экспедиции Института археологии Республики Казахстан под общим руководством Ж.К. Курманкулова уже в начале нынешнего века, это предположение не нашло обоснованного подтверждения. В пределах укрепленной части городища пока не обнаружено жилых домов или монументальных сооружений светского характера. В процессе широкомасштабных исследований, проведенных на городище, были открыты только погребальные сооружения и культовые постройки (Курманкулов, Переводчикова, Болелов, 2009, с. 146–148; Дарменов, Тажекеев, 2012, с. 122–126; Тажекеев, Курманкулов, 2014, с. 236–248). В настоящее время Чирик-Рабат следует, по всей видимости, рассматривать как крупный погребальный и сакральный центр позднесакских племен, населявших низовья Сырдарьи во второй

половине I тыс. до н. э. Вторым крупным объектом, на котором вела свои исследования Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, является городище Бабиш-Мулла – центр крупного земледельческого оазиса площадью не менее 80 кв. км (орошаемая территория более 10000 га) (Андрианов, 1969, с. 199). Основным объектом раскопок экспедиции в 1957–1960 гг. была цитадель, где полностью раскопан входной комплекс, так называемый «донжон», и восточная часть монументального здания в центре цитадели. Здесь следует отметить, что раскопанную часть этого здания – «Большого дома», можно рассматривать как самостоятельное архитектурное сооружение, отделенное от восточной части стеной, планировочная схема которого весьма близка иранским храмам огня, причем определенного типа (тип 1), выделенного Б.А. Литвинским (Литвинский, Пичикян, 2000, с. 205). Это храмы с обводными П-образными коридорами, обрамляющими центральное помещение-целлу (собственно храм) с боковых и торцевых сторон (по классификации Г.А. Пугаченковой такая композиционная схема, которая реализуется в жилых домах, дворцовых и культовых зданиях, относится к третьему типу группы I – центральный зал с обводом из коридорообразных помещений (Пугаченкова, 1973, с. 122–124)).

В 2015 г. археологические исследования на территории Бабишмуллинского оазиса были возобновлены. Основным объектом работ было выбрано поселение гончаров Бабиш-Мулла 7, расположенное в 5 км к югу от городища Бабиш-Мулла 1, где практически полностью раскопана гончарная мастерская и несколько об-

жигательных горнов (Болелов, Утубаев, 2017, с. 20–35).

Осенью 2018 г. основные работы Чирикрабатской археологической экспедиции проводились на городище Бабиш-Мулла 1 и в его ближайшей округе. В качестве объектов раскопок было избрано небольшое всхолмление к югу от городища – объект Бабиш-Мулла 8 и «Большой Дом», занимающий центральное положение в пределах цитадели Бабиш-Муллы 1.

Бабиш-Мулла 8

Бабиш-Мулла 8 расположен в ближайшей округе Бабиш-Муллы 1, приблизительно в 200–250 м к югу от внешней крепостной стены городища. До раскопок в рельефе четко прослеживалось центральное здание и участки внешней стены на некотором расстоянии от него. При визуальном осмотре памятника, который до раскопок выглядел как небольшое всхолмление в центре прямоугольной площадки, обнесенной стеной (рис. 1: А, Б), было высказано предположение, что это остатки небольшой укрепленной усадьбы с центральным зданием и обширным двором, обнесенным капитальной внешней стеной. В ходе раскопок наши предположения подтвердились только отчасти.

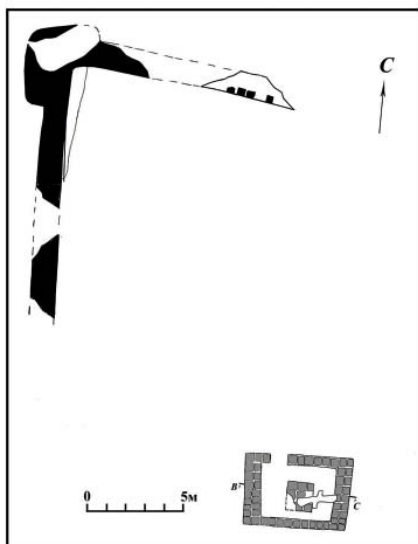
Раскопки были начаты на центральном невысоком бугре, в центре обширного двора, обнесенного, как это было видно еще до раскопок, оборонительной стеной. Сразу же после снятия верхнего слоя надувного лесса и натек в центре двора были обнаружены стены небольшой постройки, сложенные из форматного сырцового кирпича (рис. 1: В, Г). В основном кирпич квадратный, или близкий к квадратному, размерами 40×40×12 см; 40×38×12 см; 37×39×11 см. Изредка в кладке стен встречается и пря-



А



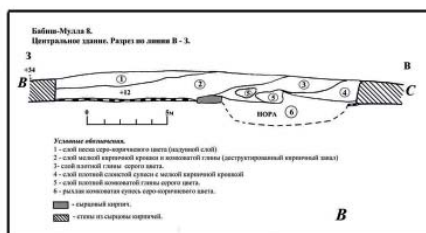
Б



В



Г



Д

- А - Бабиш-Мулла 8.
Вид до раскопок.
- Б - Бабиш-Мулла 8
Вид с воздуха после раскопок.
- В - Бабиш-Мулла 8. План.
- Г - Бабиш-Мулла 8. Центральное здание. Вид с востока
- Д - Бабиш-Мулла 8. Центральное здание. Разрез по линии 3-В вид с юга.

Рис. 1. Бабиш-Мулла 8. Вид до раскопок и после раскопок. План.

Fig. 1. Babish-Mulla 8. View before excavation and after excavation. Plan.

могольный кирпич: $38 \times 43 \times 12$ см;
 $37 \times 45 \times 12$ см.

В ходе проведенных раскопок сооружение вскрыто полностью. Оно было прямоугольным в плане размерами $5,5 \times 3,75$ м и ориентировано

почти строго по линии В-3. Вход в здание шириной 0,9 м был с северной стороны в северо-западном углу. Ширина восточной и западной стены сооружения – 0,8–0,9 м – два кирпича; северной и южной – 0,5 м – один

кирпич (рис. 1: В). В центральной части здания, на расстоянии 0,75 м от северной стены и 1,1 м от восточной стены открыто почти квадратное в плане (1,35×1,5 м) возвышение-подиум. Также как и стены, оно сложено из форматного сырцового кирпича, но более крупного размера: 45×49×12 см; 44×45×12–13 см; 43×39×12 см. Высота подиума от уровня пола здания, который в виде плотной глиняной обмазки толщиной 3–5 см зафиксирован на отметках +12–14 от реперной точки (за относительный репер на объекте был принят уровень такыра к востоку от здания), была не более 20–25 см, то есть, два кирпича. К сожалению, подиум сохранился не полностью, часть его уничтожена довольно большой норой (рис. 1: Г).

Максимальная сохранность стен здания не превышает сорока сантиметров от уровня пола. Самый высокий уровень сохранившейся кирпичной кладки стены – +53 от репера отмечен в центре северной стены. Таким образом, мощность культурного слоя внутри сооружения – 40 см (рис. 1: Д). Строго говоря, культурного слоя, который бы соответствовал периоду интенсивного обживания постройки, здесь нет. Заполнение помещения представляет собой слои кирпичной и глиняной крошки средней и высокой плотности (деструктурированный кирпичный завал) перемежающиеся глинисто-песчаными прослойками и линзами супесчаных натек. В восточной части здания отмечен слой плотной глины серо-желтого цвета – натек. Максимальная мощность этого слоя – 20 см, зафиксирована непосредственно у восточной стены здания.

За пределами здания культурного слоя, относящегося к периоду жизни памятника, также практически

нет. Вместе с тем, к востоку от центральной постройки выявлены пятна прокаленной поверхности на уровне материка и незначительный по мощности (не более 10 см) культурный слой – рыхлая пылевидная супесь серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и мелкими древесными угольками (рис. 2: А). Здесь найдено некоторое количество фрагментов керамики, в том числе кухонных сосудов (рис. 2А: 18–26).

В заполнении центрального помещения найдено совсем немного костей животных и небольшое количество мелких фрагментов керамики, в основном столовых сосудов. Среди них следует отметить фрагмент «рыбного блюда» и столовых чаш, покрытых плотным темно-коричневым ангобом (рис. 2А: 1, 2, 11; рис. 2Б: 1–4). Столовые сосуды, преимущественно открытых форм (кубки, чаши), покрытые черным или темно-коричневым ангобом встречаются среди керамики эллинистического периода в южных областях Средней Азии (Шишкина, 1969, с. 234; Абдуллаев, 2010, с. 50). Например, на Кампыртепа (Северная Бактрия) чаши и кубки покрытые черным или коричневым ангобом представлены в комплексе КТ–III на цитадели (Мкртычев, Болелов, 2006, с. 47–48), который на основании нумизматических данных твердо датируется последней третью III в. до н. э. (Кампыртепа..., 2018, с. 15–16). По мнению большинства исследователей, появление качественной столовой керамики покрытой или черным или темно-коричневым ангобом на раннем этапе греко-бактрийского периода связано с попытками среднеазиатских гончаров наладить производство керамики, имитирующей греческую чернолаковую посуду (в

данном случае речь идет о красноглиняной или желто-глиняной керамике окислительного обжига. Серо-глиняная столовая посуда окислительного обжига на территории Северной Бактрии появляется несколько позднее (юэджийско-бактрийский период) в результате развития теплотехники и технологии гончарного производства.) (Hannestadt, 1983, p. 93; см. также: Гаибов, 2004, с. 600–606). По морфологическим признакам сосуда, найденные на Бабиш-Мулле 8, являются полной аналогией некоторым формам столовой посуды, широко представленным в керамических комплексах эллинистического периода южных областей Средней Азии. Так, например, полусферическая чаша с так называемым «Г-образным» венчиком (рис. 2А: 2, 3) является практически полной аналогией чашам, довольно широко представленным в комплексе Афрасиаб II (Шишкина, 1974, с. 44; ее же: 1975, с. 64, рис. 4), а также в слоях III – первой половины II в. до н. э. в Северной Бактрии (Пиддаев, 1987, с. 88–89; Болелов, 2011, с. 78, рис. 6). Кроме того, обращают на себя внимание довольно крупные толстостенные полусферические чаши с массивным венчиком округлых очертаний в виде уплощенного в горизонтальной плоскости венчиком, в большей или в меньшей степени наклоненным внутрь сосуда (рис. 2А: 10, 11). Подобная форма довольно широко представлена в комплексах Чирик-Рабатской археологической культуры. Можно предполагать, что прототипом этих сосудов были некоторые чаши, известные в классических комплексах материковой Греции периода эллинизма (Starkes, Tolcott, 1970, Fig. 8, 778; Fig. 9, 958). Несколько особняком стоит фрагмент

довольно крупного сосуда открытой формы – глубокой чаши или большого кубка с характерным перегибом (в литературе он часто называется подкосом) стенок в придонной части (рис. 2А: 15). По морфологическим и параметрическим признакам эта форма весьма схожа с цилиндроконическими кубками или бокалами, широко представленными в комплексах типа Яз II–III не только в южных областях Средней Азии Маргиане и Бактрии (Массон В.М., 1959, с. 207, табл. XL, XLII; Сагдуллаев, 1987, рис. 26), но и в Хорезме (Воробьева, 1959, с. 73, рис. 4; Болелов, 2016, с. 37, рис. 7: 41, 42), где они датируются никак не позднее начала IV в. до н. э.

Особый интерес вызывает фрагмент крупного толстостенного сосуда с массивным, четко выраженным венчиком в виде сильно уплощенного в верхней горизонтальной плоскости венчиком, резко загнутым внутрь сосуда (рис. 2А: 17). Подобные сосуды являются одной из ведущих форм в группе хозяйственной тарной посуды Чирикрабатской культуры, причем, по данным Л.М. Левиной, эти сосуды в большом количестве встречаются в ранних слоях поселений, которые датируются IV – началом III в. до н. э. (Вайнберг, Левина, 1993, с. 64–65). Следует заметить, что подобная форма венчика обнаруживает некоторое сходство с венчиками крупных кратеров, которые известны в керамических комплексах эллинизированных областей Средней Азии, в частности среди керамики Ай-Ханум (Gardin, 1973, pl. 146, fig. 20; Lyonnet, 2013, pl. 178–191; fig. 97). Причем, в данном случае следует подчеркнуть, что венчики такого характерного профиля встречаются только у крупных кратеров (Lyonnet, 1997, fig. 42: 11, 12),

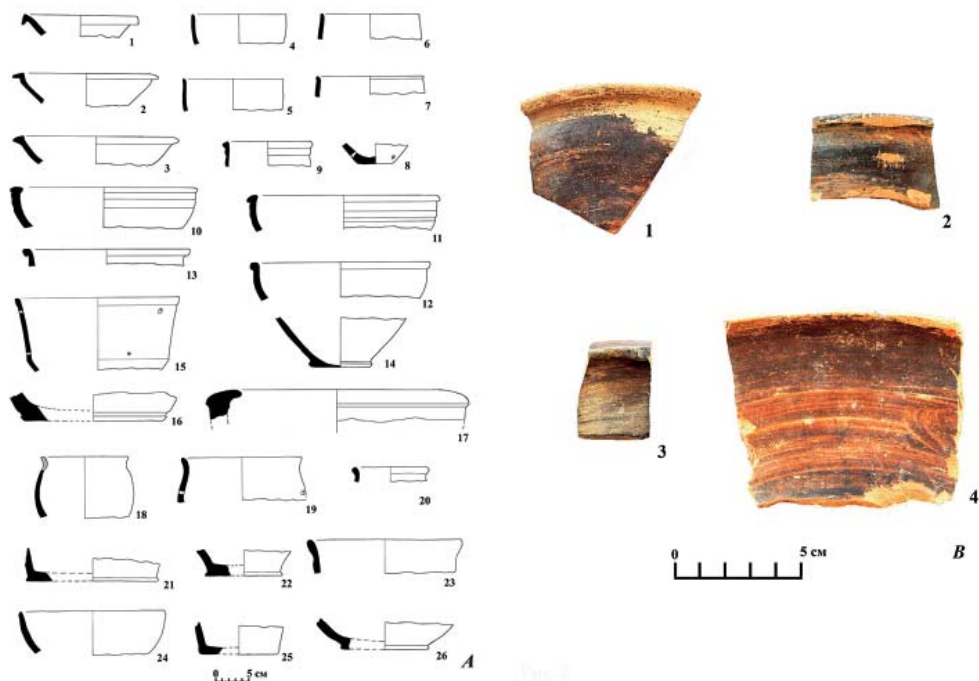


Рис. 2. Бабиш-Мулла 8. Керамика.

Fig. 2. Babish-Mulla 8. Ceramics.

тогда как венчики крупных тарных сосудов – хумы, хумчи имеют совершенно другие очертания. В большинстве случаев это скругленный манжет, зачастую украшенный пальцевыми вдавлениями или четко выраженный массивный венчик треугольных очертаний с оттянутым вниз краем – «клювовидный» (Пидаев, 1984, с. 113, рис. 1: 36; Lionnet, 1997, fig. 40: 1–4; Сверчков, 2007, с. 48, рис. 8; рис. 16: 26). Крупные тарные сосуды с венчиками такого типа на территории остальной Средней Азии известны в Согде в комплексах эллинистического периода – Афрасиаб II (Филанович, 1969, с. 218, рис. 4: 27; Кабанов, 1973, с. 54, рис. 12: 26, 27; с. 60, рис. 13: 44), в небольшом количестве крупные тарные сосуды с венчиками схожего, но совсем не идентичного вида, известны в комплексах позднего раннего

железного века (V–IV вв. до н. э.) на территории Парфии (Пилипко, 1984, с. 37, рис. 4: 1; его же: 2005, с. 57–77). Примечательно, что все крупные сосуды с венчиками этого типа однозначно трактуются как тарные – хумы или крупные горшковидные сосуды. Тогда как кратеры в этих регионах если и известны, то в небольшом количестве, и явно отличаются от хумов по морфологическим и параметрическим признакам. Следует также отметить, что в Хорезме хозяйственные или крупные столовые сосуды с таким абрисом профиля венчика вообще не известны (Калалы-гыр..., 2004, с. 106, рис. 3/7). Единственной почти прямой аналогией фрагменту с Бабиш-Мулла 8 являются сосуды, представленные в комплексе Афрасиаб II. В комплексах Чирикратской культуры сосуды с таким видом венчика также тракту-

ются, как хумы или хумчи. Таким образом, можно предположить, что эта конфигурация профиля венчика эллинистических кратеров постепенно трансформировалась с большими или меньшими изменениями в среднеазиатских хумах и хумчах. В тоже время нельзя не отметить, что это произошло не во всех древнеземледельческих областях Средней Азии. Наиболее отчетливо эта трансформация в IV–III вв. до н. э. фиксируется в Согде и на территории Нижней Сырдарьи. Из этого следует, что прототипы сосудов с таким видом венчика, которые в комплексе Чирикратской культуры являются одной из ведущих форм, появились в низовьях Сырдарьи в результате заимствования, причем из определенной области восточноэллинистического мира – центрального Согда. На основании приведенных выше параллелей и аналогий весь комплекс керамики Бабиш-Мулла 8 можно датировать в пределах IV–II вв. до н. э., но учитывая тот факт, что в комплексе представлены формы явно заимствованные в южных эллинизированных Средней Азии эту датировку видимо можно ограничить III–II в. до н. э.

В северо-западной части объекта на отдельных участках выявлены следы оборонительной стены памятника. Кроме того, определяются контуры прямоугольной в плане северо-западной выносной башни. Размеры ее определены приблизительно – 3,9 м по западному фасу и 3,5 м по северному фасу. Судя по всему, внутрибашенного помещения не было и, собственно, башня являлась просто выступом оборонительной стены, который отстоял от основной линии стены на 1 м. Ширина внешней стены, на тех

участках, где она сохранилась, была 1,25–1,3 м. Как можно предполагать, нижняя ее часть была сложена из пахсы, однако на северном отрезке зафиксированы следы квадратных сырцовых кирпичей размером: 45×42×?; 43×41×?; 40×40×? (рис. 2Б).

В ходе раскопок объекта Бабиш-Мулла 8 не обнаружено каких-либо артефактов, по которым можно было судить о функциональном назначении памятника. С определенной долей уверенности можно говорить, что центральное здание было нежилым. Во всяком случае, ни бытовых, ни хозяйственных очагов, ни внутри постройки, ни рядом с ней не обнаружено. Об этом же говорит практически полное отсутствие культурного слоя, который свидетельствовал бы о жизнедеятельности. Особого внимания заслуживает квадратный кирпичный подиум в центре здания. Следов горения на его поверхности не обнаружено, таким образом вряд ли это был алтарь огня, но предположение о том, что это сооружение каким-то образом могло быть связано с каким-то ритуалом, как кажется, вполне имеет право на существование. О характере культуры можем только догадываться. Обращает на себя внимание место расположения этого объекта; он был вынесен за пределы укрепленной части городища, которое являлось центром ирригационного района. Учитывая это обстоятельство, Бабиш-Мулла 8 можно трактовать, как загородное святилище. Принимая во внимание, что западная часть «Большого дома» является, по всей видимости, «Храмом огня», следует признать, что святилище Бабиш-Мулла 8 было связано с каким-то другим культом, не связанным с огнем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаев К.* Греческие типы в керамике Согда и Бактрии // Проблемы истории, филологии, культуры ПИФК, 2010. № 1. С. 50–53.
2. *Андреанов Б.И.* Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969. 252 с.
3. *Болелов С.Б.* Производственный центр эпохи эллинизма на цитадели Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции (МТЭ). Вып. 8 / Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. С. 48–79.
4. *Болелов С.Б.* К вопросу о формировании ранней земледельческой культуры в низовьях Амударьи // SCRIPTA ANTIQUA. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. V / Отв. ред. М.Д. Бухарин. М.: Собрание, 2016. С. 13–49.
5. *Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р.* Поселение гончаров Бабиш-Мулла 7 в низовьях Сырдарьи (раскопки 2015 года) // КСИА. 2017. Вып. 248. С. 20–35.
6. *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Чирикратская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. М.: ИЭА РАН, 1993. 130 с. + илл.
7. *Воробьева М.Г.* Керамика Хорезма // ТХАЭЭ. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 398 с.
8. *Гаибов В.А.* Раннеэллинистическая керамика Маргианы // Проблемы истории, филологии и культуры ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 600–606.
9. *Дарменов Р.Т., Тажекеев А.А.* К вопросу об интерпретации мавзолеев Чирикратской культуры с дахмами // Вестник Казахского государственного университета им. аль-Фараби. Серия историческая. 2012. № 3. С. 122–126.
10. *Кабанов С.К.* Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. II / Отв. ред. Я.Г. Гулямов Ташкент: Фан, 1973. С. 16–84.
11. Калалы-гыр 2. Культурный центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э. / Отв. ред. Б.И. Вайнберг. М.: Вост. лит-ра, 2004. 286 с.
12. Кампыртепа – кушанская крепость на Оксе / Отв. ред. С.Б. Болелов. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 358 с.
13. *Курманкулов Ж.К., Переводчикова Е.В., Болелов С.Б.* Новые о раннем слое на городище Чирик-Рабат // Материалы международной научной конференции Маргулановские чтения – 2009 / Отв. ред. У.Б. Ашимов. Плешаков. Петропавловск: СКГУ им. М. Козыбаева, 2009. С. 146–148.
14. *Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.* Эллинистический Храм Окса. Т. I. М.: Вост. лит-ра, 2000. 504 с.
15. *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы / МИА. № 73. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 216 с.
16. *Мкртычев Т.К., Болелов С.Б.* Стратиграфия юго-восточной части цитадели Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа / Материалы ТЭ. Вып. 5 / Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе, Дж.Я. Ильясов. Ташкент: Санат, 2006. С. 47–78.
17. *Пидаев Ш.Р.* Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г) // Древняя Бактрия / Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. СААЭ. Вып. 3 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1984. С. 112–124.
18. *Пидаев Ш.Р.* Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда / Ред.: Г.А. Пугаченкова, А.А. Аскаров; Ташкент: Фан, 1987. С. 88–89.
19. *Пилипко В.Н.* Поселение раннего железного века Гарры-Кяриз // Туркменистан в эпоху раннежелезного века / Отв. ред. В.М. Массон, Е. Атагарриев. Ашхабад: Ылым, 1984. С. 28–58.
20. *Пилипко В.Н.* Раскопки на Хырлы-депе // ПИФК. 2005. Вып. XV. С. 57–77.
21. *Пугаченкова Г.А.* К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и восточной Парфии // ВДИ. 1973. № 1. С. 121–130.
22. *Сагдуллаев А.С.* Усадьбы древней Бактрии. Ташкент: Фан, 1987. 137 с.

23. Сверчков Л.М. Эллинистическая крепость Курганзол. Раскопки 2004 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент: Фан, 2007. С. 24–78.
24. Тажекеев А.А., Курманкулов Ж.К. Типы погребальных сооружений и вопрос об их генезисе (Чирикрабагская культура) // Всадники Великой степи: традиции и новации / Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. IV / Науч. ред. А. Онгар. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. С. С. 236–248.
25. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Вост. лит-ра, 1962. 321 с.
26. Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 году // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 г. / Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 4 / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: Из-во АН СССР, 1960. С. 3–63.
27. Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1960 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Ч. I. Памятники первобытного и античного времени / МХЭ. Вып. 6 / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: Из-во АН СССР, 1963. С. 3–91.
28. Филянович М.И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе // Афрасиаб. Вып. I / Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент: Фан, 1969. С. 206–220.
29. Шишкина Г.В. Материалы первых веков до н.э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. I / Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент: Фан, 1969. С. 221–246.
30. Шишкина Г.В. Керамика конца IV–II вв. до н.э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып III / Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент: Фан, 1974. С. 28–51.
31. Шишкина Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2. С. 60–78.
32. Gardin J-C. Les céramiques // MDAFA. Paris, 1973. P. 146–148.
33. Hannestad L. The Hellenistic Pottery from Failaka. With a Survey of Hellenistic Pottery in the Near East // Ikaros. The Hellenistic Settlements. Vol. 2. Aarhus, 1983. P. 93–95.
34. Lionnet B. Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête Arabe. Prospections Archéologiques en Bactriane Orientale (1974–1978). Volume 2. Paris, 1997. 447 p.
35. Lyonnet B. La Céramique de la Maison du Quartier sud-ouest d’Ai-Khanum // Fouilles d’Ai-Khanum. IX L’HABITAT. MDAFA, tome XXXIV, Paris, 2013. Pl. 178–191.
36. Sparkes B.A., Talcott L. The Athenian Agora. Volume XII. Princeton, 1970. 472 p.

Информация об авторах:

Утубаев Жанболат Раймкулович, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК (г. Алматы, Казахстан); utubaev_z@mail.ru

Болелов Сергей Борисович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственный музей искусства народов Востока (г. Москва, Россия); bsb1958@yandex.ru

NEW MATERIALS FOR STUDY THE CULTURE OF THE ANCIENT FARMERS IN THE LOWER REACHES OF THE SYR DARYA

Zh.R. Utubaev, S.B. Bolelov

The authors publish the results of the excavations of the suburban sanctuary, which is located at the nearest country of the hillfort Babish-Mulla, approximately five hundred meters to the south from the defensive wall of the shahrستان. The monument is completely excavated. In the center of the yard, which is vast and almost square in plan, enclosed by a defensive wall, there is a small rectangular room with a square altar in the center made of raw bricks. By the characters of the cultural layer, more precisely, by the absence of the layer, as well as by the characteristic planning scheme, there are all reasons to suppose that this object is associated with the cult. The authors can only guess about nature of this cult. According to the accompanying material, the monument can be dated within the 3rd–2nd centuries BC.

This dating is based on the fragments of ceramics presented in the complex, which were undoubtedly the parts of Hellenistic vessels. These vessels could not appear on the territory of the Lower Syr Darya before the beginning of the 3rd century BC.

Keywords: archaeology, southeast Aral, Chiric-rabat culture, East Hellenism, Babish-mulla, settlement, fortified house, sanctuary, temple of fire, altar, ceramics.

REFERENCES

1. Abdullaev, K. 2010. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury* (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies) (1). S. 50–53 (in Russian).
2. Andrianov, B. I. 1969. *Drevnie orositel'nye sistemy Priaral'ya* (Ancient Irrigation Systems of the Aral Sea Area). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Bolelov, S. B. 2011. In Rtveladze, E. V. (ed.). *Materialy Tokharistanskoi ekspeditsii* (Proceedings of Tokharistan Expedition) 8. Elets: Elets State University Publ., 48–79 (in Russian).
4. Bolelov, S. B. 2016. In Bukharin, M. D. (ed.). *SCRIPTA ANTIQUA. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury* (SCRIPTA ANTIQUA. Issues of Ancient History, Philology, Arts and Material Culture). Vol. V. Moscow: "Sobranie" Publ., 13–49 (in Russian).
5. Bolelov S. B., Utubaev Zh. R. 2017. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 248 (1). 20–35 (in Russian).
6. Vainberg, B. I., Levina, L. M. 1993. *Chirikrabatskaia kul'tura* (Chirikrabat Culture). Series: *Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti. (Lower Reaches of the Syr Darya in Antiquity)* I. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
7. Vorob'eva, M. G. 1989. *Keramika Khorezma* (Khwarezm Ceramics). Series: *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
8. Gaibov, V. A. 2004. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury* (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies) (14). 600–606 (in Russian).
9. Darmenov, R. T., Tazhekeev, A. A. 2012. In *Vestnik Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta imeni al'-Farabi. Seriya istoricheskaya* (Bulletin of Al-Farabi Kazakh National University. Historical Series) 3. 122–126 (in Russian).
10. Kabanov, S. K. 1973. In Guliamov, Ya. G. (ed.). *Afrasiab* (Afrasiab) II. Tashkent: "Fan" Publ., 16–84 (in Russian).
11. In Vainberg, B. I. (ed.). 2004. *Kalaly-gyr 2. Kul'tovyi tsentr v Drevnem Khorezme IV–II vv. do n.e. (Kalaly-gyr 2, Cult Center in Ancient Khwarezm. IV–II cc. BC.)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
12. In Bolelov, S. B. (ed.). 2018. *Kampyrtepa – kushanskaia krepost' na Okse* (Kampyrtepa – Kushan Fortress on the Oxus). Moscow, Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
13. Kurmankulov, Zh. K., Perevodchikova, E. V., Bolelov, S. B. 2009. In Ashimov, U. B. (ed.). *Margulanovskie chteniia-2009* (Margulan Readings-2009). Petropavlovsk: Manash Kozybayev North Kazakhstan State University Publ., 146–148 (in Russian).
14. Litvinskii, B. A., Pichikian, I. R. 2000. *Ellinisticheskii Khram Oksa* (Hellenistic Temple of Oxus). Vol. I. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
15. Masson, V. M. 1959. *Drevnezemledel'cheskaia kul'tura Margiany* (Ancient Agricultural Culture of Margiana). Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii* (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 73. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).
16. Mkrtchev, T. K., Bolelov, S. B. 2006. In Rtveladze, E. V., Il'iasov, Dzh. Ya. (eds.). *Arkheologicheskie issledovaniia Kampyrtepa i Shortepa* (Archaeological Studies of Kampyrtepa and Shortepa). Series: *Materialy Tokharistanskoi ekspeditsii* (Proceedings of Tokharistan Expedition) 5. Tashkent: "San'at" Publ., 47–78 (in Russian).
17. Pidaev, Sh. R. 1984. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Drevniiaia Baktriia* (Ancient Bactria). Series: *Materialy Sovetsko-Afganskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* (Materials of the Soviet-Afghan archaeological expedition) 3. Moscow: "Nauka" Publ., 112–124 (in Russian).

18. Pidaev, Sh. R. 1987. In Pugachenkova, G. A., Askarov, A. A. (eds.). *Gorodskaya kul'tura Baktrii-Tokharistana i Sogda (Urban Culture of Bactria-Tokharistan and Sogd)*. Tashkent: "Fan" Publ., 88–89 (in Russian).
19. Pilipko, V. N. 1984. In Masson, V. M., Atagarryev, E. (eds.). *Turkmenistan v epokhu rannezhelznogo veka (Turkmenistan in the Early Iron Age)*. Ashkhabad: "Ylym" Publ., 28–58 (in Russian).
20. Pilipko, V. N. 2005. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (15). 57–77 (in Russian).
21. Pugachenkova, G. A. 1973. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 1. 121–130 (in Russian).
22. Sagdullaev, A. S. 1987. *Usad'by drevnei Baktrii (Estates of Ancient Bactria)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
23. Sverchkov, L. M. 2007. *Trudy Baisunskoi nauchnoi ekspeditsii (Proceedings of the Baysun Scientific Expedition)* 3. Tashkent: "Fan" Publ., 24–78 (in Russian).
24. Tazhekeev, A. A., Kurmankulov, Zh. K. 2014. In Ongar, A. (ed.). *Vsadniki Velikoi stepi: traditsii i novatsii (Riders of the Great Steppe: Traditions and Innovations)*. Series: Trudy filiala Instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana v g. Astana (*Proceedings of the Branch of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology in Astana*) IV. Astana: The Branch of the Institute of Archaeology in Astana, 236–248 (in Russian).
25. Tolstov, S. P. 1962. *Po drevnim del'tam Oksa i Iaksarta (Alongside Ancient Deltas of the Oxus and the Jaxartes)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
26. Tolstov, S. P., Vorob'eva, M. G., Rapoport, Yu. A. 1960. In Tolstov, S. P. (ed.). *Polevye issledovaniia Khorezmskoi ekspeditsii v 1957 g. (Field research of the Khwarezm Expedition in 1957)*. Series: Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition) 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 3–63 (in Russian).
27. Tolstov, S. P., Zhdanko, T. A., Itina, M. A. 1963. In Tolstov, S. P. (ed.). *Polevye issledovaniia Khorezmskoi ekspeditsii v 1958–1961 gg. Ch. I. Pamiatniki srednevekovogo vremeni, etnograficheskie raboty (Field research of the Khwarezm Expedition in 1958–1961. Part I. Monuments of the Medieval Period, Ethnographic Activities)*. Series: Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition) 6. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 3–91 (in Russian).
28. Filanovich, M. I. 1969. In Guliamov, Ya. G. (ed.). *Afrasiab (Afrasiab)* I. Tashkent: "Fan" Publ., 206–220 (in Russian).
29. Shishkina, G. V. 1969. In Guliamov, Ya. G. (ed.). *Afrasiab (Afrasiab)* I. Tashkent: "Fan" Publ., 221–246 (in Russian).
30. Shishkina, G. V. 1974. In Guliamov, Ya. G. (ed.). *Afrasiab (Afrasiab)* III. Tashkent: "Fan" Publ., 28–51 (in Russian).
31. Shishkina, G. V. 1975. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 60–78 (in Russian).
32. Gardin, J.-C. 1973. In *Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan*. Paris. 146–148.
33. Hannestad, L. 1983. In *Ikaros. The Hellenistic Settlements*. Vol. 2. Aarhus, 1983. 93–95.
34. Lionnet, B. 1997. *Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête Arabe. Prospections Archéologiques en Bactriane Orientale (1974–1978)*. Vol. 2. Paris.
35. Lyonnet, B. 2013. In *Fouilles d'Aï-Khanum. IX L'HABITAT. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan*. Vol. XXXIV. Paris. 178–191.
36. Sparkes, B. A., Talcott, L. 1970. *The Athenian Agora*. Vol. XII. Princeton.

About the Authors:

Utubayev Zhanbolat R. A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko St., 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; utubaev_z@mail.ru

Bolelov Sergey B. Candidate of Historical Sciences. State Museum of Oriental Art. Nikitskiy Boulevard, 12a, Moscow, 119019, Russian Federation; bsb1958@yandex.ru

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

УДК 902.01 903.05 903.07 903.24 <https://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.170.189>

ФИБУЛЫ С ПОСЕЛЕНИЯ КАРАКАБАК (ПОЛУОСТРОВ МАНГЫШЛАК)¹

© 2019 г. И.О. Гавритухин, А.Е. Астафьев, Е.С. Богданов

В статье представлены результаты исследования 20 фибул и их фрагментов с крупнейшего для своей эпохи в Арало-Каспийском регионе поселения Каракабак (Тупкараганский р-н Мангистауской обл. Респ. Казахстан). Поселение, содержавшее монеты III–V вв., располагалось на укрепленном скальном останце и являлось важным торгово-ремесленным центром на трансевразийских путях. Публикуемые находки определялись по системе А.К. Амброза с дополнениями по новым, в т.ч. авторским, исследованиям. Фибулы 1–3 относятся к сериям I (2-я пол. II – 1-я пол. III в.) и II (III – ранний IV в.) группы 11. Фибула 4 – к группе 13 (без узкой даты), фибулы 5–6 – к серии I подгруппы 3 группы 16 (середина IV – VI в.). Фибула 7 уникальна и не могла использоваться для застегивания одежды. Фибулы 8–20 принадлежат к подгруппе II группы 21, с цельным корпусом из тонкого листа (V – 1-я пол. VI в.). Большинство фибул отражают контакты с Северным Кавказом, также отмечены связи с регионом Южного Урала. Очевидно, носители этих традиций присутствовали среди населения Каракабака.

Ключевые слова: археология, полуостров Мангышлак, II–VI века, фибулы, культурные контакты.

1. Общие сведения о поселении

Публикуемые находки получены российско-казахстанской экспедицией, возглавляемой А.Е. Астафьевым и Е.С. Богдановым. Ее основные усилия в 2014–2016 гг. были сосредоточены на памятнике Алтынказган (рис. 1Б: 3). Исследованные там клады дорогих вещей, в т.ч. датированных второй половиной V – началом VI в., и каменные конструкции связаны с отправлением культов; находки свидетельствуют о дальних трансевразийских контактах и высоком статусе людей, совершавших на Алтынказгане ритуальные действия (Астафьев, Богданов, 2015; 2018а; 2018б). Поселения этого времени на Мангышлаке

были известны только по подъемному материалу. Самое крупное из них – Каракабак (рис. 1Б: 2; в 18 км от Алтынказгана), с 2017 г. на нем ведутся систематические обследования и раскопки (Астафьев, Богданов, 2019).

Памятник (рис. 1: А) расположен близ мелководного залива Кочак, выходящего через Мангышлакский залив в Каспийское море. В устье каньона Каракабак он занимает часть скального останца (720×310 м), возвышающегося на 100–110 м над окружающим рельефом. На востоке останец соединяется с плато узким перешейком, рассеченным глубоким природным рвом, близ которого сохранились остатки крепостной стены.

¹ Статья готовилась И.О. Гавритухиным в рамках работы ИА РАН по гос. заданию (Тема АААА-А18-118011790093-7: Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси – археологическое измерение), Е.С. Богдановым в рамках плановой НИР (Программа XII.186.2.1, проект № 0329-2018-0003).

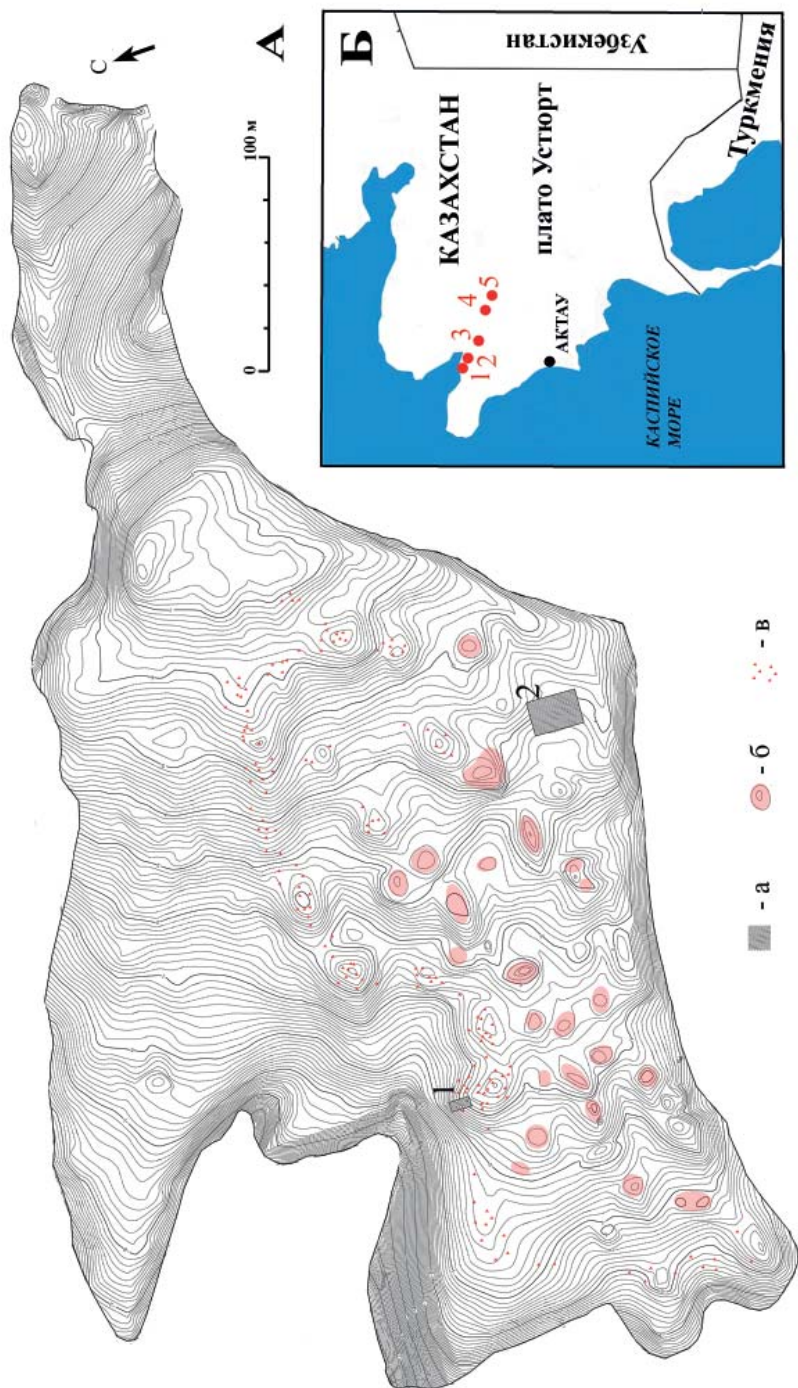


Рис. 1. Каракабак. А – топографический план: а – раскопы 1 и 2; б – видимые на поверхности остатки каменных сооружений; в – скопления керамики в мусорных отвалах. Б – памятки и местонахождения II–VI вв. на п-ове Мангышлак: 1 – Караганская пристань; 2 – Каракабак; 3 – Алтынказган; 4 – Шеркала; 5 – Айрақты.

Fig. 1. Karakabak. A – Topographical plan: а – excavations 1 and 2; б – the remains of stone structures visible on the surface; в – accumulations of ceramics in garbage dumps. Б – Sites and locations Mangystau Peninsula: 1 – Karagan wharf; 2 – Karakabak; 3 – Altynkazgan; 4 – Sherkala; 5 – Ayraқты.

Остальные стороны останца практически отвесные, с запада сохранились небольшие пролеты ступеней-троп, вырубленных для подъема.

Остатки строений зафиксированы только в юго-западной и центральной части останца. Площадь застройки – более 3 га, с севера и востока она ограничена нерегулярными широкими грунтовыми валами, образованными, как показал раскоп 1 (рис. 1А: а), отвалами хозяйственно-бытового и строительного мусора. На раскопе 2 открыты остатки трех построек усадебного типа, разделенных условно дворовым или уличным пространством.

Среди находок очень много обломков и обрезков пластин из цветных металлов, медесодержащих капелек и всплесков, литков и кусочков спекшегося лома, шлаков. Следует учесть и на наличие на Мангышлаке крупных запасов медистых песчаников и многочисленных следов их разработки, по крайней мере, с I тыс. до н. э. (Кузнецова, 1976, с. 161–162). Многочисленные точила и оселки также можно рассматривать в контексте ремесел, обслуживающих местных жителей и приезжих. О торговле свидетельствуют большое количество тарных сосудов, находки свинцовых пломб, 70 медных монет.

Среди монет: 39 хорезмийских Артрамуша, Вазамара и ряда других правителей; сасанидские Шапура I, Варахрана IV, Йаздегера I, Пероза I; правителей Бухарского Согда (Мавак и Асбар). Дата монет укладывается в промежуток конец II / начало III – середина V / середина VI в., кроме сильно потертой китайской (вероятно, конец Западной Хань) и четырех позднесредневековых. Медная монета имп. Аркадия (395–408 гг.) происходит с территории Караганской

пристани (рис. 1 Б: 2), активно функционирующей в XII–XVIII вв. (Астафьев, Петров, 2017). Эта пристань и торжище располагались на берегу бухты, ныне сухой (береговая линия отошла на 0,8–1,6 км), с которой непосредственно граничит устье каньона Каракабак.

Для интерпретации полученных материалов требуется специальный анализ основных категорий находок. В этом ряду – данная статья.

2. Каталог фибул

Все фибулы сделаны из цветных металлов, анализ не производился. Нумерация – сплошная, соответствует номерам на рис. 2–4. Размеры даны в миллиметрах. Почти все фибулы происходят из сборов, лишь № 16 – из раскопа 2 (придомовая территория, комплекс строений 2). Типологические определения без ссылок даны по: Амброз, 1966.

А. Сильно профилированные причерноморских типов (группа 11).

А.1. С бусиной на головке и крючком для тетивы (серия I).

1. Фрагмент, длина 40. Ширина спинки 9; в сечении она полулинзовидная; окаймлена биконическими бусинами.

А.2. С бусиной на головке и без крючка для тетивы (серия II).

2. Корпус, длина 44. Одночленная. Ширина спинки 6; ее задняя сторона уплощена, на передней – слабое вертикальное ребро; окаймлена биконическими бусинами с «притупленным» ребром.

3. Корпус, длина 53. Двучленная, с узкой вертикальной стойкой для оси пружины. Ширина спинки 8; в сечении она близка треугольнику со скругленными нижними углами; окаймлена биконическими бусинами, имеющими на ребре валик.

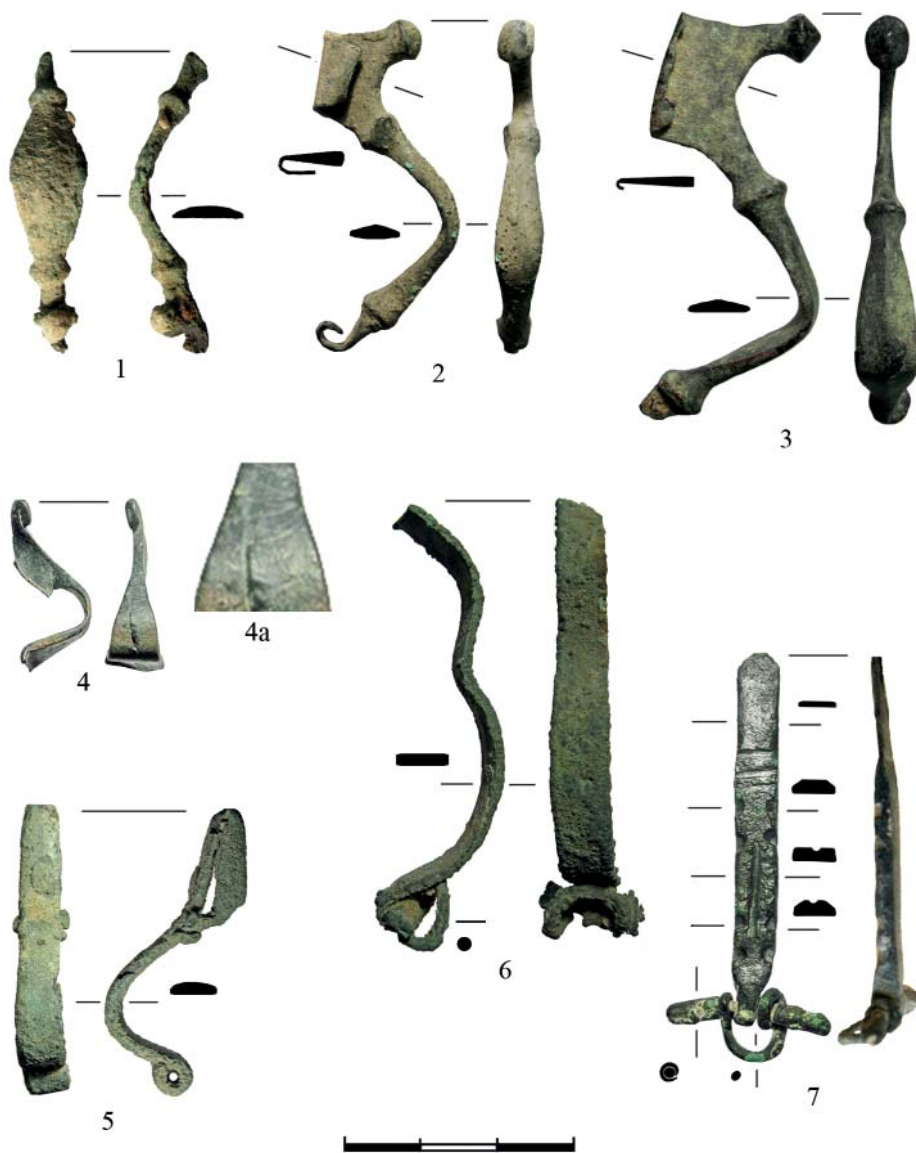


Рис. 2. Каракабак. Фибулы. Номера соответствуют нумерации в каталоге (текст, ч. 2).

Fig. 2. Karakabak. Fibulae. The numbers correspond to the numbering in the catalog (text, part 2).

Б. С завитком на конце сплошного пластинчатого приемника (группа 13).

4. Корпус деформирован, длина 22. Спинка пластинчатая (ширина не менее 7); расширяется от ножки; украшена штихельной гравировкой.

В. Двучленные прогнутые подвижные с узкой ножкой и широким кольцом для удержания оси пружины, с

ленточным корпусом равномерной ширины (группа 16, подгруппа 3, серия I).

5. Корпус, длина 38. Корпус (не считая приемника) в сечении прямоугольный (6×2), фасетирован; без выреза для крепления приемника.

6. Корпус деформирован, длина 55; пружина не в рабочем положении.

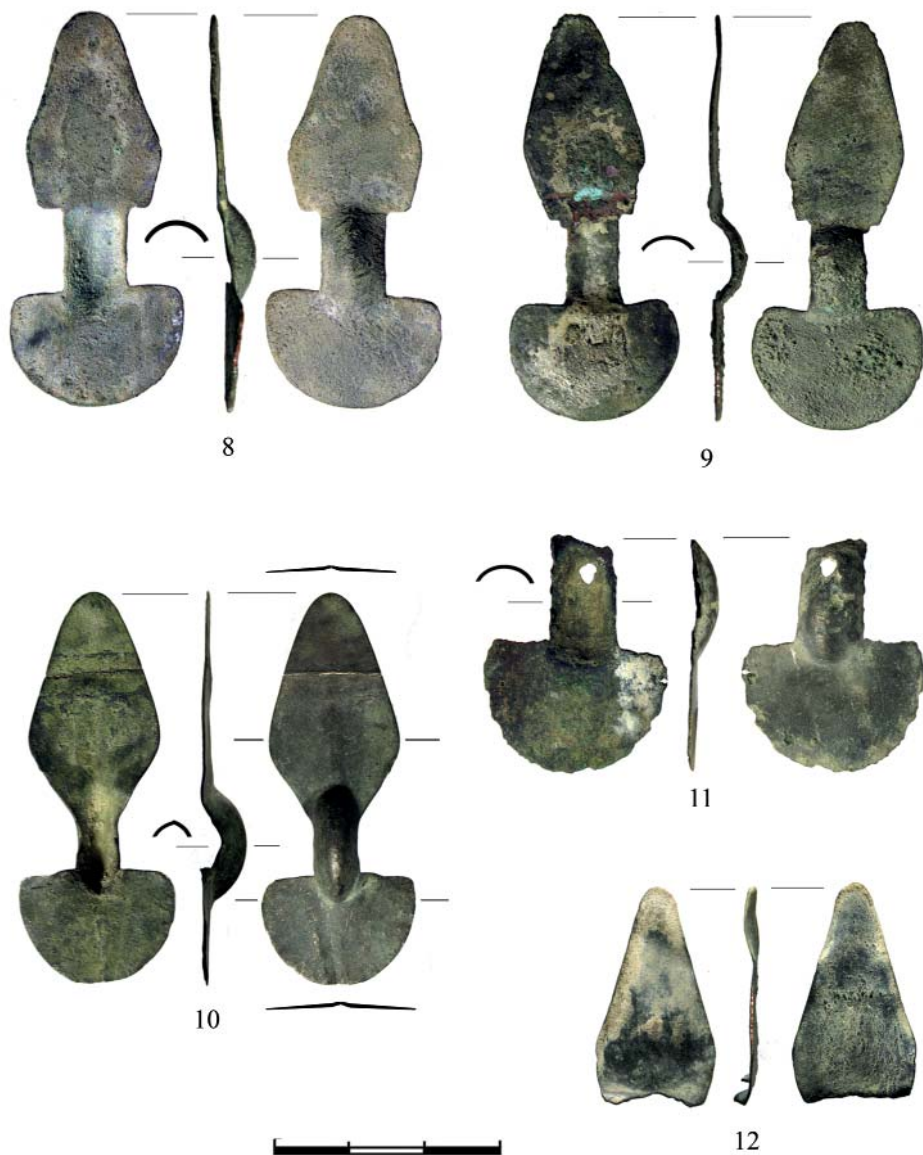


Рис. 3. Каракабак. Фибулы. Номера соответствуют нумерации в каталоге (текст, ч.2).

Fig. 3. Karakabak. Fibulae. The numbers correspond to the numbering in the catalog (text, part 2).

нии. Корпус прямоугольный в сечении ($7,5 \times 2$), без выреза для крепления приемника.

Г. Двучленные с узкой ножкой и вертикальной пластиной для удержания оси пружины (наиболее близка подгруппе 2 группы 16 или подгруппе 1 группы 17).

7. Корпус не прогнут, длина 51; пружина не в рабочем положении. Корпус в сечении (7×3) трапециевидный, с очень слабо наклоненными боками; на спинке есть слегка наклоненный вертикальный желобок по центру и глубокие короткие врезки, по четыре с каждого бока. Ножка на кон-

це трапециевидная; прямоугольная в сечении, со слабыми фасетками по бокам; следы приемника отсутствуют. На переходе от спинки к ножке – одна горизонтальная и две слабо наклоненные от горизонта узкие врезные полосы. На концы оси для крепления пружины одеты кнопки в виде цилиндра.

Д. Двупластничатые с расширением ножки ближе к дужке (группа 21, подгруппа II). С цельным корпусом из тонкой пластины. У всех прослеживаются следы припоя на местах крепления приемника и пружинного механизма.

8. Корпус, длина 51,5. Головная пластина плоская (15×22,5). Ножка плоская (25,5×17,5), имеет максимальное расширение на расстоянии 18 от ее конца.

9. Корпус, длина 53. Головная пластина плоская (15,5×22). Ножка плоская (26×15,5) имеет максимальное расширение на расстоянии 19 (с одного бока, 17 с другого) от ее конца; слегка деформирована ближе к концу.

10. Корпус, длина 51. Головная пластина (14×20) и ножка имеют слабое вертикальное ребро, подчеркнутое с внутренней стороны. Ножка (30×17) имеет максимальное расширение на расстоянии 20 от ее конца; между местом максимального расширения и концом ножки имеется излом.

11. Часть корпуса, длина 30,5. Головная пластина плоская (17×24).

12. Часть ножки, длина 28. Плоская, ширина 16, имеет максимальное расширение на расстоянии 21 от ее конца.

13. Ножка и часть дужки, длина 49,5. Дужка деформирована. Ножка плоская (36×21), имеет максимальное расширение на расстоянии 25–26 от ее конца.

14. Ножка и часть дужки, длина 41,5. Дужка деформирована. Ножка плоская (35×19), имеет максимальное расширение на расстоянии 24–25 от ее конца.

15. Ножка и часть дужки, длина 53,5. Дужка деформирована. Ножка (41×20,5) имеет треугольную площадку у дужки, остальная ее часть слегка поката к бокам; разломана по вертикали, имеет максимальное расширение на расстоянии 31 от ее конца.

Е. Детали пружинящих механизмов и их крепления.

16. Игла с пружиной, ось и стойка для их крепления. Длина иглы 33; стойка согнута из пластины в виде буквы «Т».

17. Фрагмент иглы, ось крепления пружины и части стойки для ее крепления, длина оси 10. От стойки остались две мятые пластины.

18. Фрагменты пружины, ось и стойка для ее крепления. На концы оси (длина 31) и стойки (длина 18,5) насажены кнопки.

19. Стойка для крепления оси пружины, длина 18,5; на конце насажена кнопка.

20. Стойка для крепления оси пружины, согнута; длина, если распрямить, 19.

3. Анализ фибул

А. Сильно профилированные причерноморских типов (рис. 2: 1–3).

Фибула 1, серии I группы 11, относится к подварианту б (с расширенной спинкой) варианта 2 или 3, датированных II – первой половиной III в. (Амброз, 1966, с. 41). С учетом более поздних наблюдений. хронология таких изделий может быть ограничена рамками второй половины II – первой половиной III в. (Гавритухин, Малашев, 2018, с. 106–111).

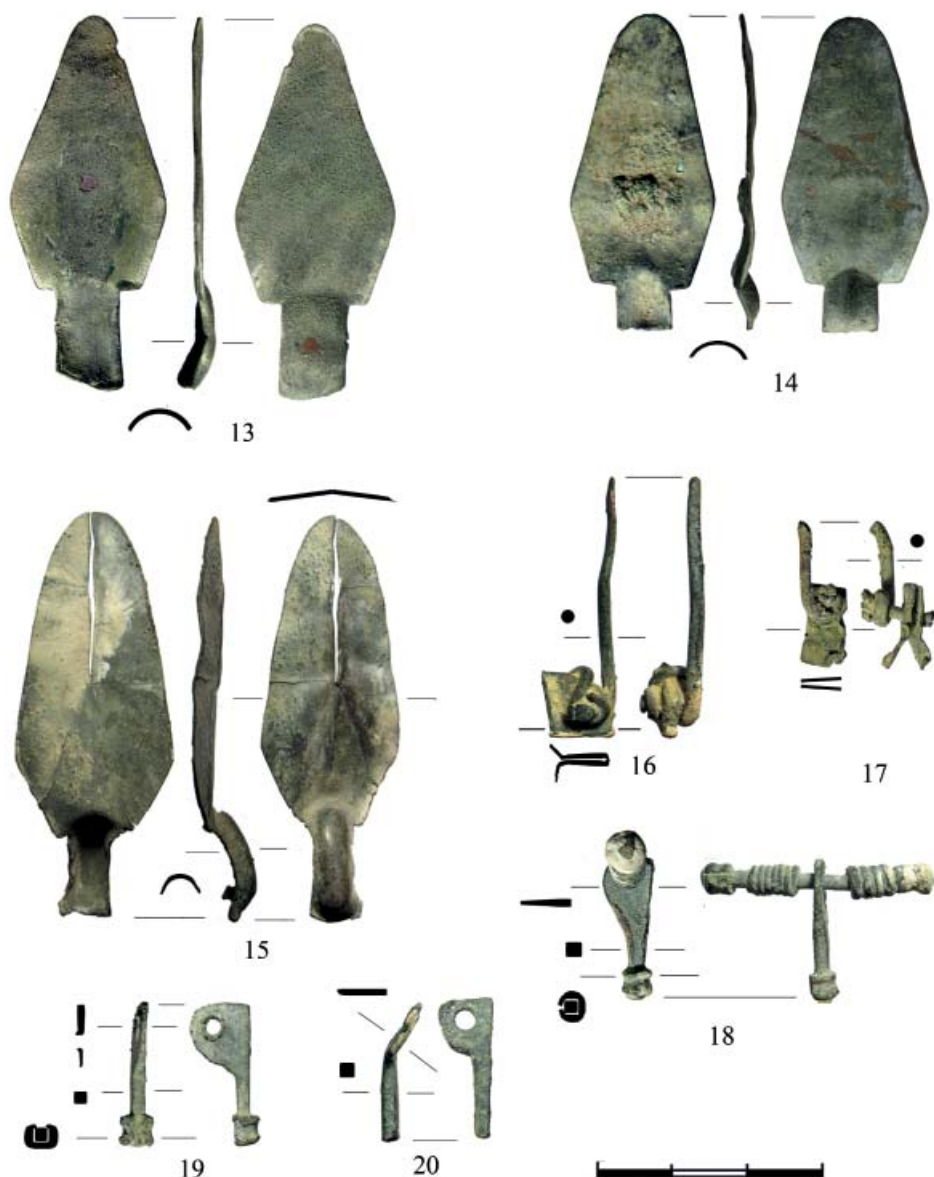


Рис. 4. Каракабак. Фибулы. Номера соответствуют нумерации в каталоге (текст, ч.2).

Fig. 4. Karakabak. Fibulae. The numbers correspond to the numbering in the catalog (text, part 2).

Застежки вариантов 2 и 3 серии I (в основном соответствуют серии II группы 10 по В.В. Кропотову) распространены в Северо-Восточном Причерноморье, Приазовье, на Северном Кавказе, в позднесарматской культуре (Кропотов, 2010, рис. 67). Такие находки (именно подварианта б) есть в джетыясарской культу-

ре (Левина, 1996, рис. 139: 2) и на юго-востоке Устьурта в контексте, близком позднесарматской культуре Южного Урала (Казыбаба 1, погр. 40; сообщение Е.П. Китова). Локальные вариации не выделяются, т. е. источник поступления фибулы 1 может быть связан с любым из указанных регионов.

Фибулы 2 и 3, варианта 2 серии II группы 11, датированы II–III вв. (Амброз, 1966, с. 42); с учетом новых материалов – не ранее III в. (некоторые вариации существуют и в части IV в.); а фибула 3 – двучленная с вертикальной стойкой для крепления оси пружины – не ранее второй половины III в. (Гавритухин 2010а, с. 49–51, 53–54). Сильно профилированные фибулы не только этого, но и типологически более позднего варианта 3, не известны в достоверных комплексах гуннского времени (прим. 1), т. е. финал их бытования относится к середине IV в. (см. часть 3. В), а варианта 2 – вероятно, к несколько более раннему времени.

Застежки варианта 2 серии II особенно разнообразны на Северном Кавказе, но известны шире – до Боспора, Волго-Окско-Камского региона, Закавказья (Гавритухин 2010а, с. 56). Учитывая, что фибулы этой серии с расширенной спинкой, хотя и не идентичные фибулам 2 и 3, встречаются в основном на Северном Кавказе (напр., Гавритухин, 2010а, рис. 3: 8–9, 18; 4: 1–5) и отсутствие находок серии II в Южном Приуралье, наличие на Каракабаке фибул 2 и 3 отражает, скорее всего, северокавказские контакты.

Б. С завитком на конце сплошного пластинчатого приемника (рис. 2: 4).

Из-за утрат и деформации, точная атрибуция **фибулы 4** невозможна. Группа 13, которой она принадлежит, в целом имеет очень широкие хронологические и меняющиеся во времени территориальные рамки (Амброз, 1966, с. 45–47).

В. Двучленные прогнутые подвязные с узкой ножкой и широким кольцом для удержания оси пружины, с

ленточным корпусом равномерной ширины (рис. 2: 5–6).

Фибулы 5 и 6 принадлежат серии I подгруппы 3 группы 16, ориентировочно датированной V–VI вв. и связываемой с Северным Кавказом; распространение кольца для оси пружины у прогнутых фибул не исключает конца IV в.; однако отмечено, что данные фибулы не рассматривались специально и для некоторых экземпляров возможна другая дата (Амброз, 1966, с. 68). Ныне набор форм и ареал фибул подгруппы 3 можно очертить шире, включая выделенный Г. Дьякону «дакийский» тип, ранние экземпляры которого датированы 210–270 гг., и ряд производных от него форм, в т. ч. византийские (см. обзор и литературу в: Гавритухин, 2015, с. 217–221). Есть основания говорить о появлении фибул подгруппы 3 в догуннское время и в Восточной Европе.

Фибулы подгруппы 3 явно типологически связаны с двучленными прогнутыми подвязными подгруппы 2 (и близкими им серии III подгруппы 4), отличаясь лишь схемой крепления оси пружины, и двучленными лучковыми (серия III группы 15), отличаясь лишь прогнутым корпусом, а в ряде случаях его оформлением. Ныне общепризнанно, что широкое распространение тех и других на востоке Европы начинается со второй половины III в. Отражающие этот синтез ранние формы подгруппы 3 документированы находками из Дербенева в Южном Приуралье (рис. 5: 17, 21). На этом могильнике нет безусловных хронологических индикаторов IV в. О возможности небольшого «захода» в это столетие свидетельствует лишь то, что прототипы интересующих нас фибул (вариант 2 группы 16-2-I) в черняховской куль-

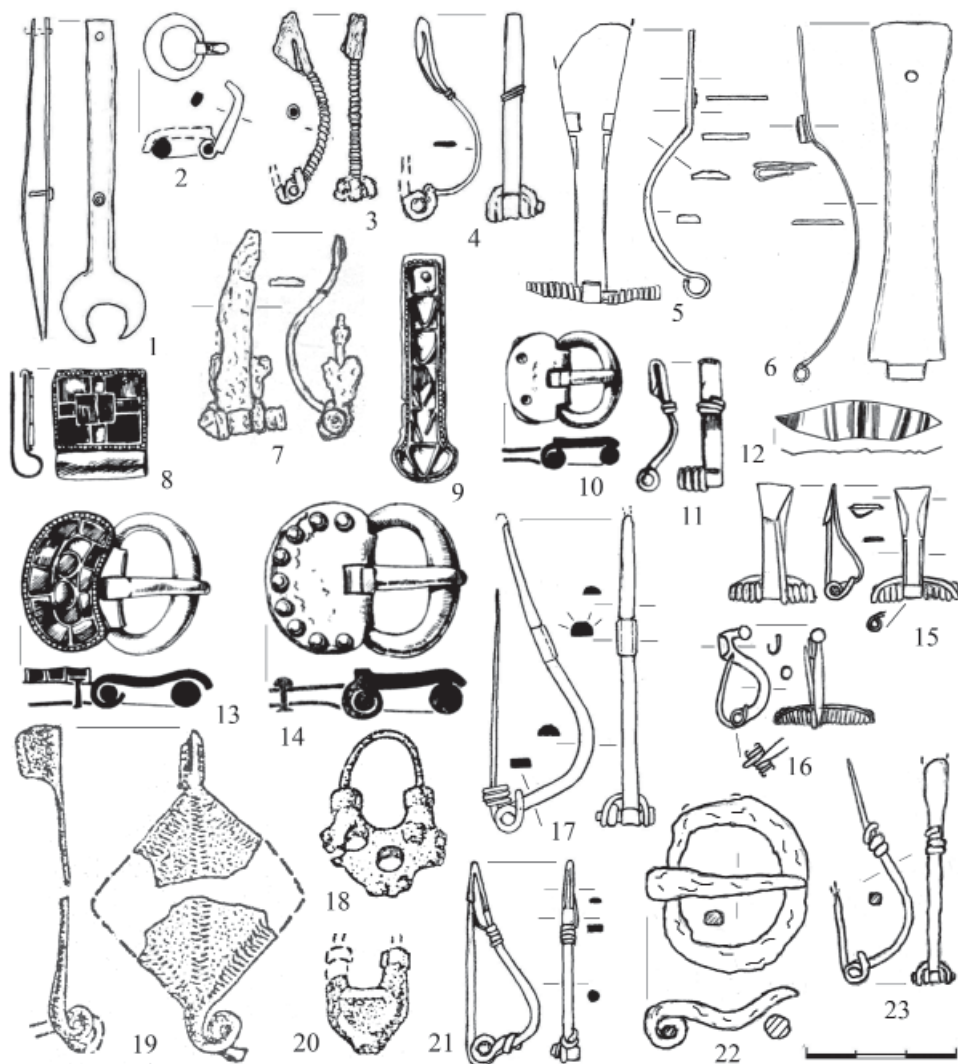


Рис. 5. Ранние варианты прогнутых фибул с широким кольцом для крепления оси пружины и находки с ними. 1–4 – Паласа-Сырт, курган 2300; 5–6 – Тарасово (5 – погр. 392; 6 – погр. 1848А); 7 – Тураево, погр. 220; 8–14 – Муслимово; 15–16 – Гулюково, погр. 35; 17–21 – Дербенева (17 – курган 17; 18–21 – курган 20); 22–23 – Аликоновский 2, погр. 2(3)/1975.

Fig. 5. Early variants of curved fibulae with a wide ring for attaching the spring axis and finds with them. 1–4 – Palasa-Syrt, barrow 2300; 5–6 – Tarasovo (5 – burial 392; 6 – burial 1848A); 7 – Turaevo, burial 220; 8–14 – Muslyumovo; 15–16 – Gulyukovo, burial. 35; 17–21 – Derbeneva (17 – barrow 17; 18–21 – barrow 20); 22–23 – Alikonovsky 2, burial 2(3)/1975.

туре распространяются с конца III в. (Амброз, 1966, с. 61, 63; Гороховский, 1988, с. 43–44; Шаров, 1992, с. 181, 183, 186–188, 197). Скорее всего, к кругу сравнительно ранних относится и комплекс из Аликоновки на Север-

ном Кавказе (рис. 5: 22–23), хотя узкая дата его не ясна из-за плохой сохранности пряжки.

Вероятные прототипы фибул подгруппы 3 с ленточной спинкой в черняховской культуре (варианты 3, 4 и

«южный» группы 16-2-1) датируются не ранее второй четверти IV в. (Амброз, 1966, с. 61, 64–66; Гороховский, 1988, с. 44; Шаров, 1992, с. 181, 183, 186, 189, 197–198). Их ранние переработки на востоке Европы, судя по сочетанию с сильно профилированными фибулами (рис. 5: 15–16; о дате см. часть 3. А), относятся к догуннскому времени. Такие застёжки и их местные переработки, правда, с приклепанным приемником или без него (как рис. 5: 5–7) представлены в могильниках мазуниской культуры. На большинстве этих памятников севернее Камы (см. благодарности) нет находок, синхронизируемых с Тураевскими курганами, которые все современные специалисты датируют четвертой четвертью IV в. Лишь в Тарасово есть вещи, синхронные Тураевским курганам. Нет индикаторов V в. и в комплексе из Муслумово на Урале (рис. 5: 8–14). На территории Дагестана дата появления таких фибул не исключает финал догуннского времени (напр., рис. 5: 1–4; см. Малашев и др. 2015, с. 117–118, рис. 226: Ф2).

Таким образом, начало распространения застёжек подгруппы 3 с ленточной спинкой следует датировать второй – третьей четвертями IV в., а их бытование продолжалось, как минимум, до VI в. Фибулу 6, судя по крупным размерам, что характерно для восточноевропейских прогнутых подвязных фибул начиная с гуннского времени, можно датировать в рамках конца IV–VI в.

Наиболее близкие типологически и территориально аналоги фибулам 5 и 6 (серии I подгруппы 3) известны на Северном Кавказе (Амброз, 1966, с. 68; Гавритухин, 2001, рис. 76: 43–44; Мاستыкова 2009, рис. 12: 5, 6; Малашев и др., 2015, рис. 199: 1–4). Скорее

всего, именно с этим направлением контактов связаны рассматриваемые застёжки из Каракабака. Схожие формы известны и в Нижнекамском регионе (работа о них готовится Д.Г. Бугровым), контакты которого с Мангышлаком (вероятно, опосредованные) нельзя исключать.

Г. Двучленные с узкой ножкой и вертикальной пластиной для удержания оси пружины (рис. 2: 7).

Точных аналогов **фибуле 7** нам неизвестно. Украшение спинки вертикальной врезной полосой у фибул встречается не часто. Можно указать ряд византийских фибул с одним или двумя вертикальными желобками на спинке, в т. ч. с вертикальной стойкой для крепления оси пружины (см. ряд примеров и литературу в: Гавритухин, 2019, рис. 1: 2-4, 6; 3: 2, 6, 8; 4: 1-6, с. 387, 389, 392). Однако по всем другим показателям они не имеют с рассматриваемой ничего общего. Две пары врезок на спинке довольно часто встречаются у фибул групп 16 и 17. Однако наличие четырех таких пар – большая редкость (напр., Meuser, 1960, Abb. 110), являясь, скорее, единичной модификацией, а не показателем традиции.

Отсутствие приемника у этой вещи заставляет сопоставлять ее с полуфабрикатами или бракованными застёжками. Однако наличие пружинного аппарата, который ставился после завершения работы с корпусом, противоречит такому предположению. Непонятно и то, что спинка у рассматриваемой вещи – прямая, как у брошей. Однако у них система крепления пружинящего устройства расположена с внутренней стороны корпуса, таким образом обеспечивая зазор между ним и иглой, необходимый для застёжки. Предположению о том, что прогиб спинки еще не сделан, противоречит

то, что она массивная, т. е. ее загиб сопряжен с трудностями и может привести к слому. Наконец, корпус схожих фибул сначала делался прогнутым, и лишь затем крашался.

Не исключено, что эта вещь была символом, лишь имитируя застёжку (тогда не нужна и игла). Отсутствие прямых аналогий оставляет открытым и вопрос о том, фибулу какого круга хотели имитировать ее изготовители.

Д. Двупластинчатые, с цельным корпусом из тонкого листа (рис. 3; 4: 13–15). Такие фибулы принадлежат группе 21, но систематически не изучены, затрагивались лишь некоторые аспекты их исследования (Амброз, 1980, с. 8–10; Левина, 1996, с. 221; Gavritukhin, 2003, р. 130–131, 134; Мастыкова, 2009, с. 48, 50–51, 53–55; Гавритухин, 2010б, с. 524, 526–528; Малашев и др. 2015, с. 89–90). Богатейшая коллекция этих фибул хранится в ГИМ (далее использованы наблюдения из работы о них, которая готовится И.О. Гавритухиным и А.А. Кадиевой к публикации).

Двупластинчатые фибулы, сделанные целиком из тонкого листа, с изготовлявшимся отдельно приемником и пружинящим механизмом, не единично известны от Среднего Подунавья до низовий Сырдарьи. Дунайские экземпляры немногочисленны и весьма своеобразны; причерноморские и соседних регионов, как и производные от них, образуют собственные линии развития. На Кавказе от верховий Кубани до Дагестана, в среднем течении Белой и низовьях Сырдарьи прослеживается особая линия их развития, которой принадлежит и карабабская подборка.

Наиболее архаичные формы (подгруппы I) датированы гуннским вре-

менем (рис. 6: 15–17; Гавритухин, 2001) или не противоречат этой дате (напр., рис. 6: 22–33). Интересующие нас фибулы этого времени есть и в комплексах из низовий Сырдарьи, но их детали не ясны (рис. 8: 15–22). Появление вариаций подгруппы II датируется не позднее середины V в., учитывая комплексы (напр., рис. 6: 7–9, 13–14, 18–21) и то, что достоверных более поздних погребений в Паласа-Сырте нет (Малашев и др., 2015). Датировку V в. не исключает и ряд находок из Бирска (напр., рис. 7: 12–24), однако типы вещей, появившиеся в гуннское время (как рис. 7: 8, 11–12, 15–16, 19, 22–24), в этом регионе бытуют и заметно позднее, а эти фибулы имеют аналогии Шиповского времени (напр., рис. 6: 1–4, 10–12; 7: 1–4). Наиболее поздние варианты рассматриваемых фибул известны в эпоху ременных гарнитур так называемого геральдического стиля (вторая половина VI – VII в.) или не исключают такую дату (напр., рис. 7: 5–7; 8: 1–8). Для этих вариантов показательна непрогнутая дужка, хотя этот признак есть и у экземпляров Шиповского, а может быть и более раннего времени (напр., рис. 7: 1, 9, 14, 18, 20).

Все карабабские находки (рис. 4; 5: 13–15) относятся к подгруппе II, многие имеют прогнутую дужку, а тем, у которых она не прогнута, можно найти соответствия в комплексах «догеральдического» времени. То есть узкая дата этой подборки вполне может быть определена в рамках середины V – первой половины (начала?) VI в. Более широкие рамки не исключены, но и недоказуемы.

Ближайшие аналогии небольшим экземплярам (рис. 3: 8–10, 12) есть на Северном Кавказе (напр., рис. 6: 1, 6, 8, 21; Амброз, 1980, рис. 3: 10;

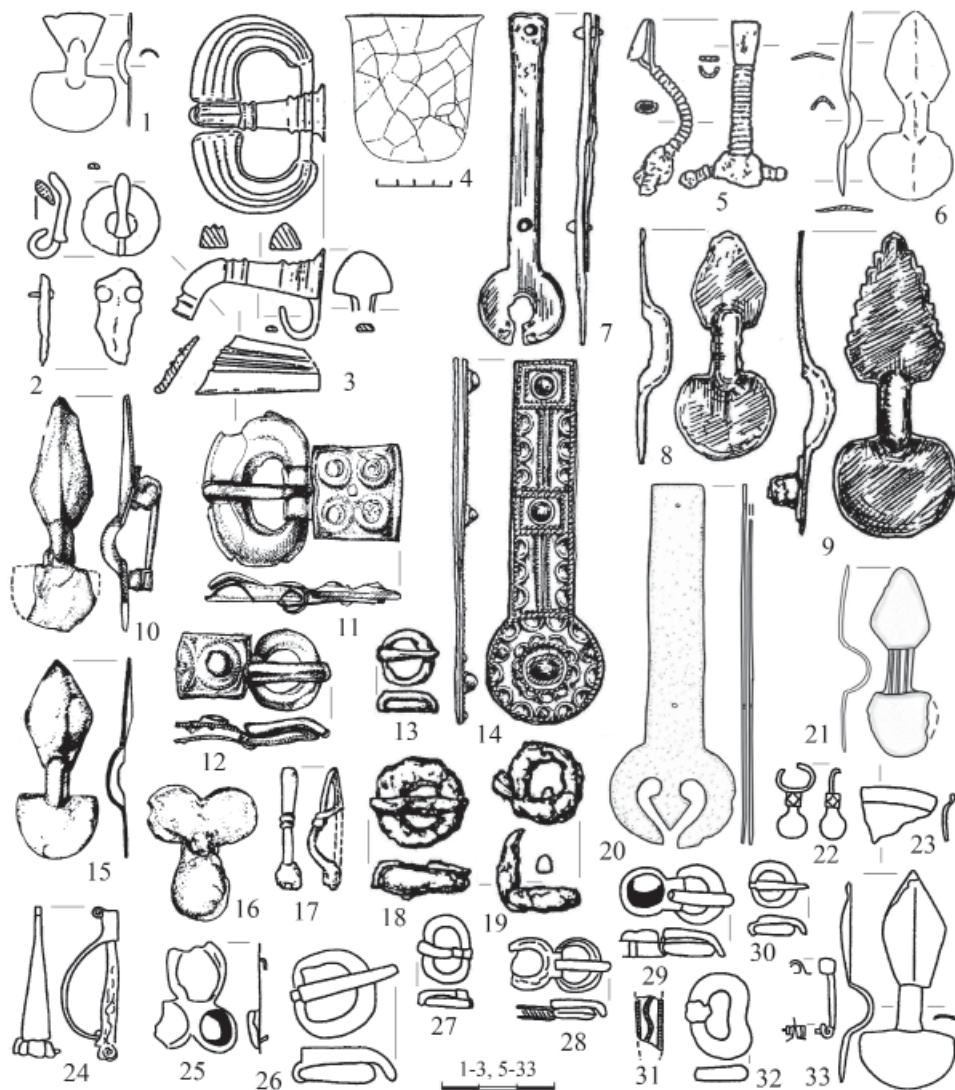


Рис. 6. Двупластинчатые фибулы с цельным корпусом из тонкого листа и находки с ними на Северном Кавказе. 1–4 – Острый Мыс, погр. 1; 5–6 – Мокрая Балка, погр. 95; 7–9, 13–14, 18–19 – Паласа-Сырт, курган 2260; 10–12, 15–17 – Клин-Яр III (10–12 – погр. 32, 15–17 – погр. 30); 20–21 – Ушниг; 22–33 – Вольный Аул, погр. 7–8.09.1923 г.

Fig. 6. Double-plate fibulae with a solid thin-leaf body and finds with them in the North Caucasus. 1–4 – Ostriy Mys, burial 1; 5–6 – Mokraya Balka, burial 95; 7–9, 13–14, 18–19 – Palasa-Syrt, barrow 2260; 10–12, 15–17 – Klin-Yar III (10–12 – burial 32, 15–17 – burial 30); 20–21 – Ushnig; 22–33 – Volniy Aul, burial 7–8.09.1923 year.

Мастыкова, 2009, рис. 23: 7, 9), более крупным (рис. 3: 11; 4: 13–15) – в Бирске, правда для них характерны более вытянутые ножки (напр., рис. 7; Амброз, 1980, рис. 3: 4–9), и на Северном Кавказе (Мастыкова, 2009, рис. 34: 1,

5, 9; 35: 1–2, 5, 7; и много неопубликованных). Алтынасарская выборка (рис. 8; Левина, 1996, рис. 140) явно отличается от публикуемой (и Бирской), там господствуют фибулы с ножками без плечиков, с пластинами

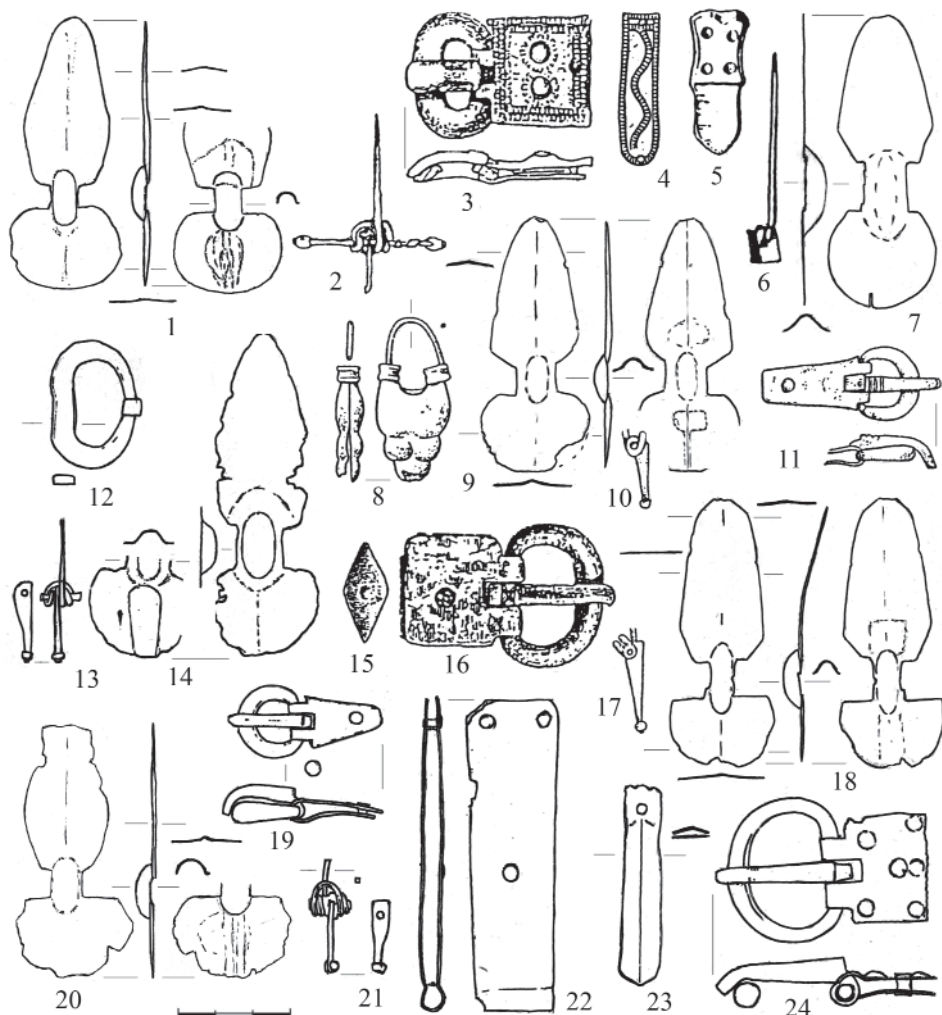


Рис. 7. Двупластинчатые фибулы с цельным корпусом из тонкого листа и находки с ними в среднем течении р. Белой. 1–4, 8–24 – Бирск (1–4 – погр. 77; 8–11 – погр. 78; 12–14 – погр. 96; 15–18 – погр. 108; 19–24 – погр. 128); 5–7 – Кушнаренково, погр. 21.

Fig. 7. Double-plate fibulae with a solid thin-leaf body and finds with them in the middle course of the river Belaya. 1–4, 8–22 – Birsk (1–4 – burial 77; 8–11 – burial 78; 12–14 – burial 96; 15–18 – burial 108; 19–24 – burial 128); 5–7 – Kushnarenkovo, burial 21.

без вертикального ребра, часто встречается украшение корпуса бордюром из псевдозерни. Итак, карабацкие двупластинчатые фибулы явно связаны с северокавказскими; их сходство с рядом признаков фибул из Бирска объяснимо и прямыми контактами, и наличием схожих прототипов на Северном Кавказе.

Е. Детали пружинящих механизмов и их крепления (рис. 4: 16–20).

В рассматриваемой коллекции они представлены двумя типами стойки для крепления оси пружины. Первый – крепеж с помощью Т-образной стойки, согнутой из тонкой пластины (рис. 4: 16–17). Он имеет широкие географические и хро-

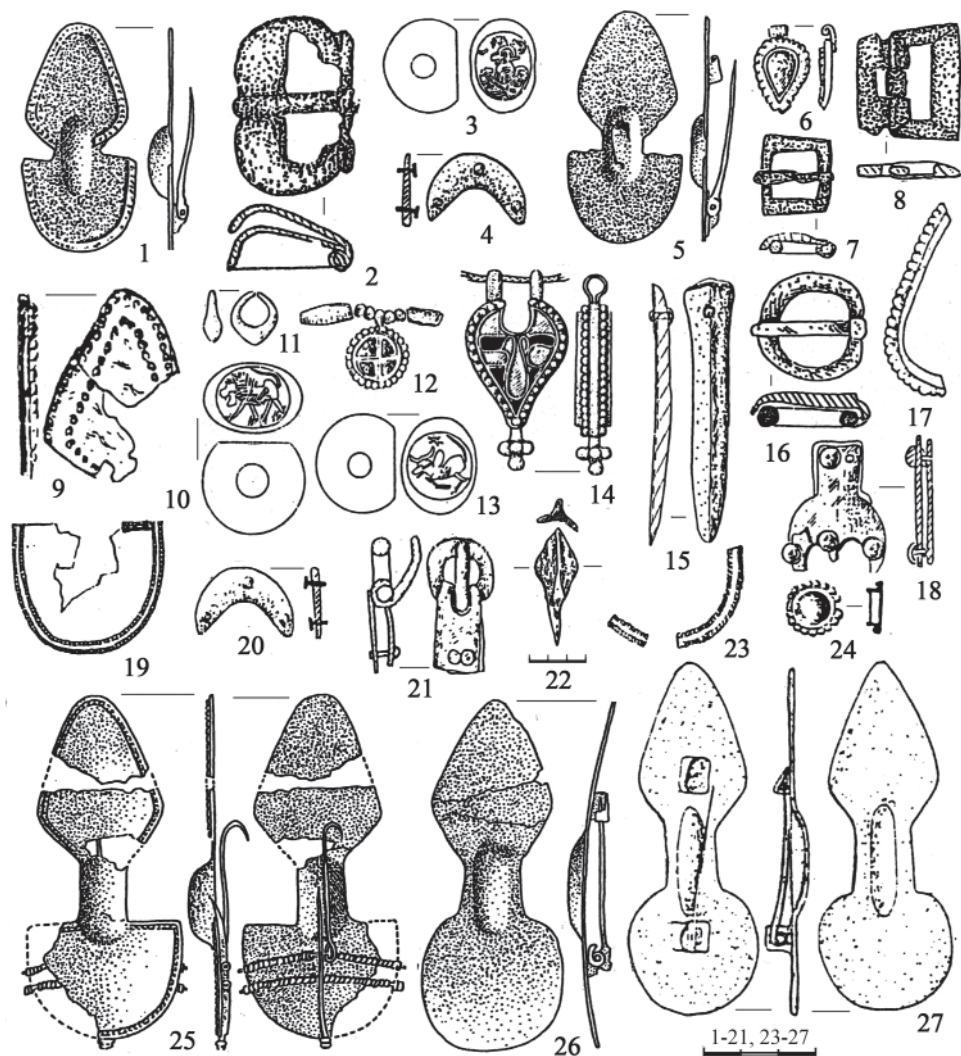


Рис. 8. Двупластинчатые фибулы с цельным корпусом из тонкого листа и находки с ними в могильниках Алтынасар 4. 1–4 – курган 302; 5–8 – курган 289; 9–14 – курган 389; 15–18 – курган 314; 19–22 – курган 159; 23–24 – курган 279; 25 – курган 93; 26–27 – курган 303.

Fig. 8. Double-plate fibulae with a solid thin-leaf body and finds with them in cemeteries Altynasar 4. 1–4 – kurgan 302; 5–8 – kurgan 289; 9–14 – kurgan 389; 15–18 – kurgan 314; 19–22 – kurgan 159; 23–24 – kurgan 279; 25 – kurgan 93; 26–27 – kurgan 303.

нологические рамки (напр., рис. 6: 9, 10, 33; 7: 6; 8: 27). Стойки второго типа – массивные, нередко украшенные, как и концы оси для крепления пружины, кнопками (рис. 4: 18–20). Показательна их выраженная P-образная форма, явно отличающа-

яся от вариантов на других территориях (напр., рис. 7: 10, 13, 17, 21; 8: 1, 5, 25; ряд неопубликованных). Вероятно, что эта форма – локальная и показатель производства или ремонта двупластинчатых фибул в Карабаке.

Заключение

Судя по фибуле 1, поселение Каракабак возникло не позднее первой половины III в., не исключая вторую половину II в. Вероятный спектр связей поселка охватывает как Северный Кавказ и волго-уральские степи, так и расположенный рядом Устюрт, а также, вероятно, через него – Восточное Приаралье. Фибулы 2 и 3, скорее всего, являются показателями нарастания северокавказских связей, как минимум, со второй половины III в., преобладающих в фибульном наборе Каракабака и позднее. Это объяснимо наличием «северокавказской» или ориентированной на ее традиции группы (общины?). Своеобразие изделия 7, вероятно, свидетельствует и о присутствии людей, для которых были значимы фибулы, причем весьма редкие, но делать они их не умели и использовали не как застежки, а их символы.

Большинство каракабакских фибул бытовало, скорее всего, в середине V – первой половине VI в. (№№ 8–20) или не исключает эту дату (№ 5 и 6), что можно рассматривать как один из показателей расцвета поселения в это время. На этот период приходится и богатейшие находки с Алтынказгана. Вещей, несомненно, датированных позднее, на этих памятниках нет. Затухание деятельности на этих комплексах можно связать с экологическими причинами (Болиховская, 2011, с. 75), а верхнюю хронологическую границу всех или большинства рассмотренных фибул ограничить концом V или началом VI в., что корреспондирует с датой позднейших монет Каракабака. Не исключены и последствия, например, экспансии в 550-е гг. Тюркского каганата и смещения важнейших трасс, ведущих из глубин Азии в Европу, к северу от Каспийского моря. Эти гипотезы не отменяют друг друга.

Благодарности: Александру Анатольевичу Красноперову за возможность использовать его неопубликованные рисунки и консультации по ряду памятников Камско-Уральского региона; Дмитрию Геннадьевичу Бугрову за возможность опубликовать фибулы из его раскопок в Гулюково и консультации по ряду памятников Волго-Камского региона; Егору Петровичу Китову за информацию о ряде неопубликованных памятников Устюрта; Римме Дмитриевне Голдиной, Таисии Ивановне Останиной, Елизавете Михайловне Черных за возможность работы с находками из могильников мазунинской культуры, в т.ч. неопубликованными; Константину Валерьевичу Кравцову, Павлу Николаевичу Петрову, Александру Владимировичу Пачкалову за определение некоторых монет.

Примечания

¹ Под гуннской эпохой имеется ввиду широко распространенное европоцентричное понимание этой эпохи, четвертая четверть IV – середина V в. На востоке Европы и в прилегающих регионах ее меняет эпоха Шипово. Характерные для нее ремненные гарнитур со второй половины VI в. постепенно вытесняются «геральдическими». Ныне такая хронологическая схема общепризнана, дискутируются лишь ее детали.

Источники иллюстраций

Рис. 1–4 выполнены А.Е. Астафьевым и Е.С. Богдановым.

Рис. 5: 1–4 – Малашев и др. 2015; 5–7 – Институт истории и социологии Удмуртского гос. университета; 8–14 – Засецкая, 1994; 15–16 – ИА АН РТ (временное хранение); 17, 21 – Малашев 2014; 18–20 – Пшеничнюк, 1992; 22–23 – СГИКПМЗ. 5–6 – выполнены А.А. Красноперовым; 7, 15–16, 22–23 – И.О. Гавритухиным.

Рис. 6: 1–3 – Гавритухин, 2001; 4 – Мاستыкова, 2009; 5–6 – СГИКПМЗ; 7–9, 13–14, 18–19 – Малашев и др. 2015; 10–12, 15–17 – Флеров, 2000; 20–21 – Абиев и др., 2018; 22–33 – Амброз 1989. 1–3, 5–6 – выполнены И.О. Гавритухиным.

Рис. 7: 1, 12–14, 19–24 – Музей археологии Музейного комплекса Института истории и государственного управления Башкирского гос. университета; 2–4, 15–16 – Мажитов, 1968; 5 – Генинг, 1977; 6, 8, 10–11, 17 – Амброз, 1980; 7, 9, 18 – Музей археологии и этнографии ИЭИ УФНЦ РАН. 1, 7, 10, 18, 20 – выполнены И.О. Гавритухиным; 12–14, 19, 21–24 – А.А. Красноперовым.

Рис. 8 – Левина, 1994; 1996.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абиев А.К., Абдулаев А.М., Таймазов А.И., Будаичев А.Л.* Археологические находки близ сел. Ушниг в Южном Дагестане // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2018. № 12–3. С. 4–9.
2. *Амброз А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. / САИ. Вып. Д1–30. М.: Наука, 1966. 142 с.
3. *Амброз А.К.* Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII в. // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 3–56.
4. *Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989. 134 с.
5. *Астафьев А.Е., Богданов Е.С.* Парадное седло из Алтынказгана // АЭАЕ. 2015. № 4. С. 72–84.
6. *Астафьев А.Е., Богданов Е.С.* Жертвенные приношения вещей гуннского облика в каменных оградах Алтынказгана, на восточном берегу Каспийского моря // АЭАЕ. 2018а. № 2. С. 68–78.
7. *Астафьев А.Е., Богданов Е.С.* Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // Stratum plus. 2018б. № 4. С. 347–369.
8. *Астафьев А.Е., Богданов Е.С.* Древний город на восточном берегу Каспийского моря // Stratum plus. 2019. № 4. С. 17–38.
9. *Астафьев А.Е., Петров П.Н.* Полуостров Мангышлак в морском торговом сообщении эпохи Золотой Орды // Археология евразийских степей. 2017. № 6. С. 101–115.
10. *Болховская Н.С.* Особенности ландшафтно-климатических изменений на территории Северного Прикаспия и климато-обусловленных колебаний уровня Каспийского моря в голоцен // Квартер во всем его многообразии. Фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований / Ред. О.П. Корсакова, В.Т. Колька. Т 1. Апатиты-СПб., 2011. С. 74–77.
11. *Гавритухин И.О.* Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН, 2001. С. 40–49, 146–148.
12. *Гавритухин И.О.* Необычная находка из Крыма (к изучению поздних форм двупластинчатых фибул) // Terra Barbarica / Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina, T. II / Red. A. Urbaniak i in. Łódź - Warszawa: J. Bieszcad, 2010. С. 517–534.
13. *Гавритухин И.О.* Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: конференция 2: сб. науч. статей / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Ч. 1. Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2010а. С. 49–68.
14. *Гавритухин И.О.* Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) / РСМ. Вып. 16 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 212–240, 403, 404, 407, 420, 443, 459, 466, 469, 544, 570–574.

15. Гавритухин И.О. К изучению ранневизантийских цельнолитых фибул из района Железных Ворот // Балкан, Подунавье и Источна Европа у римско доба и у раном средњом веку / Уред. И. Гавритухин, С. Трифуновић. Нови Сад: Музей Војволдине – ИА РАН, 2019. С. 383–406.

16. Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Зеркало с центральной петлей и орнаментальной композицией с мотивом квадрата в центре // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) / РСМ. Вып. 18 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.-Вологда: ИА РАН – Древности Севера, 2018. С. 105–114, 387–390.

17. Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1977. С. 90–136.

18. Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов / Глава ред. кол. Б.А. Рыбаков. Киев: Наукова думка, 1988. С. 34–46.

19. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: АО "Эллипс", 1994. 221 с.

20. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДФ-Украина, 2010. 384 с.

21. Кузнецова Э.Ф. Бронзовые предметы из могильника Сынтас по данным спектрального анализа // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 157–162.

22. Левина Л.М. Могильники Алтынасар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV. Джетысарская культура. Ч. 3–4. М.: ИЭА РАН, 1994. 312 с.

23. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приуралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная лит-ра, 1996. 396 с.

24. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 161 с.

25. Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г.) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (Уфимский археологический вестник. Вып. 14). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 130–140.

26. Малашев В.Ю., Гаджиев И.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.

27. Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.

28. Пшеничнюк А.Х. Дербенёвский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Саратовский университет, 1992. С. 66–84.

29. Флёров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V–VII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедиа, 2000. 164 с.

30. Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени / Ред. М.Б. Щукин, О.А. Гей. СПб.: Ойум, 1992. С. 158–207.

31. Gavritukhin I. Double-plate fibels of subgroup I // A Nyíregyházi Jóna András Múzeum Évkönyve. XLIV. 2003. P. 113–184.

32. Meyer E. Die Bügelknopffibel // Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. Bd. 8. 1960. S. 216–349.

Информация об авторах:

Гавритухин Игорь Олегович, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); gavritukhin@rambler.ru

Астафьев Андрей Евгеньевич, Мангистауский государственный историко-культурный заповедник (г. Актау, Казахстан); aasta@list.ru

Богданов Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук. Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); fil71@mail.ru

FIBULAE FROM THE SETTLEMENT KARAKABAK (MANGYSTAU PENINSULA)

I.O. Gavritukhin, A.E. Astafiev, E.S. Bogdanov

The paper presents the results of a study of 20 fibulae and their fragments from Karakabak, the largest settlement of this period in the Aral-Caspian region (Tupkaragan district, Mangystau region, Republic of Kazakhstan). This settlement, with finds of coins of the 3rd–5th centuries, was located on a fortified rocky remnant and represented an important trade and craft center on the Trans-Eurasian routes. The published findings were identified by the authors using the system of A.K. Ambrose with additional information from new studies, including the ones conducted by the authors. Fibulae 1–3 have been classified as series I (2nd half of 2nd – 1st half of 3rd centuries) and II (3rd – early 4th centuries) of the group 11. Fibula 4 belongs to the group 13 (without a narrow date). Fibulae 5–6 have been classified as series I of the subgroup 3 of the group 16 (mid-4th – 6th centuries). Fibula 7 is unique and could not be used for fastening clothes. Fibulae 8–20 belong to II subgroup of the group 21, and have a single-piece thin sheet body (5th – 1st half of 6th centuries). Most analyzed fibulae reflect contacts with the North Caucasus, and relations with the Southern Urals. Apparently, the carriers of these traditions were present among the population of Karakabak.

Keywords: archaeology, Mangyshlak Peninsula, 2nd – 6th centuries, fibulae, cultural contacts.

REFERENCES

1. Abiev, A. K., Abdulaev, A. M., Taimazov, A. I., Budaichiev, A. L. 2018. In *Sovremennaiia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Gumanitarnye nauki. (Contemporary Science: actual issues of theory and practice. Series of «Humanities»)*. 12–3. 4–9 (in Russian).
2. Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly Iuga Evropeiskoi chasti SSSR. II v. do n.e. – IV v. n.e. (The Fibulae from South of the USSR European part)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources). D1–30. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
3. Ambroz, A. K. 1980. In Pletneva, S. A. (ed.). *Srednevekovie drevnosti evraziiskix stepei. (Medieval antiquities of the Eurasian steppes)*. Moscow: “Nauka” Publ., 3–56 (in Russian).
4. Ambroz, A. K. 1989. *Khronologiia drevnostei Severnogo Kavkaza V–VII vv. (Chronology of the Antiquities of the North Caucasus of the 5th–7th cc.)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
5. Astaf'ev, A. E., Bogdanov, E. S. 2015. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 4. 72–84 (in Russian).
6. Astaf'ev, A. E., Bogdanov, E. S. 2018. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 2. 68–78 (in Russian).
7. Astaf'ev, A. E., Bogdanov, E. S. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 4. 347–369 (in Russian).
8. Astaf'ev, A. E., Bogdanov, E. S. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 4. 17–38 (in Russian).
9. Astaf'ev, A. E., Petrov, P. N. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6. 101–115 (in Russian).

The paper was prepared by I.O. Gavritukhin within the framework of IA RAS state task work (Topic AAAA-A18-118011790093-7: Dynamics of historical life and cultural identity in Eastern Europe from the Great migration period to Moscow Rus – archaeological dimension), E.S. Bogdanov within the framework of planned research (Program XII.186.2.1, project No. 0329-2018-0003).

10. Bolikhovskaia, N. S. 2011. In Korsakova, O. P., Kol'ka, V. T. (eds.). *Kvarter vo vsem ego mnogoobrazii. Fundamental'nye problemy, itogi izucheniia i osnovnye napravleniia dal'neishikh issledovaniia (The Quaternary in All of Its Variety. Basic Issues, Results, and Major Trends of Further Research)* 1. Apatity- Saint Petersburg, 74–77 (in Russian).
11. Gavritukhin, I. O. 2001. In Malashev, V. Yu. *Keramika rannesrednevekovogo mogil'nika Mokraia Balka (Pottery from the Mokraya Balka Early Medieval Burial Ground)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 40–49, 146–148 (in Russian).
12. Gavritukhin, I. O. 2010. In Urbaniak, A. et al. (eds.). *Terra Barbarica / Series: Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina, Vol. II. Łódź-Warszawa: "J. Bieszcad" Publ., 517–534 (in Russian).*
13. Gavritukhin, I. O. 2010. In Vorontsov, A. M., Gavritukhin, I. O. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Roman Influence and the Great Migration)* 1. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 49–68 (in Russian).
14. Gavritukhin, I. O. 2015. In Oblomsky, A. M. (ed.). *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamiatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV–V v.) (Sharp Bend of Don in Antiquity. Archaeological Complex of Hunnic Period Sites near Ksizovo Village (Late 4th – 5th cc.))*. Series: Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 212–240, 403, 404, 407, 420, 443, 459, 466, 469, 544, 570–574 (in Russian).
15. Gavritukhin, I. O. 2019. In Gavritukhin, I. O., Trifunoviĥ, S. (eds.). *Balkan, Podunav'je i Istocna Evropa u rimsko doba i u ranom srednjem veku (Balkans, Danube and Eastern Europe in the Roman Period and the Early Middle Ages)*. Novi Sad: Muzei Vojvodine – IA RAN, 383–406 (in Russian).
16. Gavritukhin, I. O., Malashev, V. Yu. 2018. In Oblomsky, A. M. (ed.). *Brianskii klad ukrashenii s vyemchatoi emal'iu vostochnoevropskogo stilija (III v. n.e.) (Bryansk Hoard of Adornments with Champléve Enamel of Eastern European Style (3rd Century A.D.))*. Series: Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors 18. Moscow – Vologda: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, "Drevnosti Severa" Publ., 105–114, 387–390 (in Russian).
17. Gening, V. F. 1977. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Iuzhnogo Urala (Studies on the Archaeology of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 90–136 (in Russian).
18. Gorokhovskii, E. L. 1988. In Rybakov, B. A. (ed.). *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arkheologov-slavistov (Proceedings of the 5th International Congress of Slavist Archaeologists)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 34–46 (in Russian).
19. Zasetkaia, I. P. 1994. *Kul'tura kochevnikov Iuzhnorusskikh stepei v gunnskuu epokhu (konets IV–V vv.) (Culture of Nomads of the South Russian Steppes in the Hunnic Period (late 4th –5th centuries)*. Saint Petersburg: "Ellips" Publ. (in Russian).
20. Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoĭ epokhi (Fibulae of the Sarmatian Epoch)*. Kiev: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).
21. Kuznetsova, E. F. 1976. In Akishev, K. A. (ed.). *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam (The Past of Kazakhstan based on Archaeological Sources)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 157–162 46 (in Russian).
22. Levina, L. M. 1994. In *Mogil'niki Altynasar 4 (Altynasar 4 Burial Grounds)*. Series: Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti. Vyp. IV. Dzhetyasarskaia kul'tura. Ch. 3–4. (Lower Reaches of the Syr Darya in Antiquity. Iss. 4. Jetyasar culture. Pt. 3–4). Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
23. Levina, L. M. 1996. *Etnokul'turnaia istoriia Vostochnogo Priaral'ia. I tysiacheletie do n.e. – I tysiacheletie n.e. (Ethnic and Cultural History of Eastern Aral Sea Region of I Millennium BC – I Millennium AD)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
24. Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura (Bahmutino Culture)*. Ufa: "Nauka" Publ. (in Russian).
25. Malashev, V. Yu. 2014. In Yablonsky, L. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Sarmaty i vneshnii mir (Sarmatians and the External World)*. Series: Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological

Herald) 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature; "Nasledie" Publ., 130–140 (in Russian).

26. Malashev, V. Yu., Gadzhiev, I. S., Il'nikov, L. S. 2015. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspiiskogo Dagestana III–V vv. n.e. (The Land of Maskuts on Western Coast of Caspian Sea. The Coastal Dagestan Kurgan Cemeteries of the 3rd–5th Centuries. AD)*. Makhachkala: "Mavraev" Publ. (in Russian).

27. Mastykova, A. V. 2009. *Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n.e. (Women's Costume of Central and Western Fore-Caucasus at the End of 4th – Middle 6th Century AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

28. Pshenichniuk, A. Kh. 1992. In Skripkin, A. S. (ed.). *Problemy khronologii sarmatskoi kul'tury (Issues of the Chronology of Sarmatian Culture)*. Saratov: Saratov University, 66–84 (in Russian).

29. Flerov, V. S. 2000. *Alany Tsentral'nogo Predkavkaz'ia V–VII vekov: obriad obezvrezhivaniia pogrebennykh (Alans of the Central Ciscaucasia of the 5th – 7th Centuries: the Ritual of Neutralization of the Buried Persons)*. Moscow: "Polimedia" Publ. (in Russian).

30. Sharov, O. V. 1992. In Shchukin, M. B., Gaj, O. A. (eds.). *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni (Issues of Chronology of La Tène and Roman Period)*. Saint Petersburg: "Oium" Publ., 158–207 (in Russian).

31. Gavritukhin, I. 2003. In *A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve*. XLIV. 113–184.

32. Meyer, E. 1960. In *Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege*. Bd. 8. 216–349.

About the Authors:

Gavritukhin Igor O. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; gavritukhin@rambler.ru

Astafiev Andrey E. Mangistau State Historical and Cultural Reserve. 3 microdistrict, 66, Aktau, 130001, Kazakhstan; aasta@list.ru

Bogdanov Evgeniy S. Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Acad. Lavretiev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; bogdanov@archaeology.nsc.ru

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

УДК 904:393(470.53)"00/04"(045) <https://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.190.201>

ЛИЦЕВЫЕ ПОКРЫТИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ I–V ВВ. БАССЕЙНА ТУЛВЫ

© 2019 г. О.А. Казанцева

Рассматриваются редкие предметы материальной культуры древнего населения середины I тыс. н. э. Среднего Прикамья – металлические лицевые покрытия. Цель исследования состоит в анализе предметов, выполненных из золотой фольги, расположенных в области лица древнего человека: носа и рта (зубов). Предметом изучения являлись фрагменты лицевых покрытий из пяти погребений Кудашевского I и Красноярского I могильника, расположенных в Бардымском районе Пермского края. Представлена морфология лицевых покрытий, их размеры, особенности. Показана роль лицевых покрытий в погребальном обряде древнего населения. Сделан вывод о том, что остатки лицевых металлических покрытий являются уникальной находкой в захоронениях и символом социального статуса древнего человека (военный вождь, шаман). Использовались предметы, вероятно, как при жизни (в качестве знаков отличия и для украшения или завершения костюма человека), так и загробном мире. Древнее население в целях экономии металла, использовало фрагменты металла для обозначения особо важных каналов взаимодействия человека с окружающим миром (рот). Предполагается, что лицевые покрытия отдельных частей лица человека явились прообразом собственно масок и демонстрируют определенный этап формирования представлений древнего населения о масках, выполненных из единого листа металла.

Ключевые слова: археология, Среднее Прикамье, I–V вв., могильники, погребальный обряд, металлические лицевые покрытия.

Изучение лицевых погребальных покрытий (в том числе, масок) в Прикамье имеет определенную историю. Среди отечественных ученых, которые занимались изучением металлических покрытий по материалам средневековых памятников, отметим казанского ученого Е.П. Казакова (Казаков, 1968, с. 230–239; он же, 2012, с. 264–260; он же, 2016, с. 32–55). В научных публикациях Евгений Петрович определил функции лицевых покрытий, высказал мнение об угорской принадлежности масок, разработал их классификацию, обозначил роль в погребальном обряде древнего населения, используя этнографические параллели.

Л.И. Ашихмина (г. Сыктывкар) полагала, что маски определяли социальный статус погребенных. По ее

мнению, остатки масок в виде наротников и наглазников связаны с социальным статусом умершего (Ашихмина, 2002, с. 41–42).

Исследование лицевых покрытий, используемых средневековым населением Прикамья в погребальной обрядности, было выполнено Е.Ф. Герман (г. Ижевск), которая предложила классификацию масок (Герман, 2003, с. 140–141), проанализировала погребения с масками, разработала хронологию комплексов с погребальными масками из могильников Прикамья (Герман, 2000, с. 141–148) и рассмотрела функции этих редких предметов (Герман, 1999, с. 62–63). Автор предположила, что собственно маскам предшествуют их фрагменты – наглазники, наротники, однако четкого разделения понятий

«маска» и «лицевое покрытие» в ее работах нет.

Вопросами изучения металлических масок занимались пермские ученые, считавшие эти предметы в материалах средневековых памятников важным угорским маркером (Белавин, Крыласова, 2008, с. 47–51). У других пермских коллег мы находим классификацию, хронологию и этническую атрибуцию существующих средневековых погребальных лицевых покрытий Пермского Предуралья (Безматерных, Сарапулов, 2012, с. 17–20).

Интересны работы Н.Н. Погребовой о находках золотых пластин в памятниках Причерноморья. Так, в погребениях мавзолея Неаполя Скифского были зафиксированы ритуальные золотые лицевые пластины – наглазники и наротник (Погребова, 1957, с. 142–154). Автор считает, что обряд покрытия головы умерших пластинами мог проникнуть в Причерноморье с Востока через Кавказ в эпоху позднего эллинизма (Погребова, 1957, с. 153).

Следует отметить работы Ю.И. Ожередова по изучению селькупских масок и металлических накладок (Ожередов, 2013, с. 160–164). Он отмечает тенденции развития ритуалов с лицевыми масками и считает, что при внешних различиях все они имеют, вероятно, одну идейную основу – боязнь покойников, их душ.

Таким образом, в отечественной археологической литературе научный интерес к маскам (лицевым покрытиям) связан, прежде всего, с изучением морфологии, классификации и определением этнической принадлежности носителей предметов. Исследования авторов охватывают большой хронологический период, и предметы встречены на обширных территориях.

Среди зарубежных исследователей изучением масок занимается И. Фодор (Венгрия, г. Будапешт), который рассматривал их роль в погребальном обряде венгров, выяснял связи обряда с древними народами территорий Среднего Поволжья, Прикамья и Зауралья (Фодор, 1972, с. 168–175; Фодор, 2016, с. 119–132). Ученый считает, что обряд лицевых покрытий появился у народов до середины I тыс. н. э. (Фодор, 1972, с. 175).

В погребальных комплексах памятников I–V вв. н. э. Пермского Прикамья находки фрагментов пластин из золотой металлической фольги тоже встречаются. Важно обратить внимание, что золотые пластины встречены в памятниках Прикамья с VI в. н. э. и в дальнейшем существуют в более позднее время (IX–XI вв.). Именно этот факт и послужил основанием для анализа захоронений могильников Пермского Прикамья в бассейне Тулвы, содержащих подобные предметы, чем и обусловлена актуальность выбранной темы.

Целью статьи является выяснение роли лицевых металлических покрытий в погребальном обряде древнего населения. Задачи исследования – анализ морфологии лицевых покрытий в погребениях и выяснение их функции и значения в ритуалах древнего населения. В работе применяется метод аналогий для выяснения общих и особенных черт анализируемых вещей.

Источником для изучения являются предметы из двух могильников раннего железного века, расположенных в Пермском Прикамье – Кудашевского I и Красноярского I. Оба памятника расположены в бассейне р. Тулвы, левого притока р. Камы.

Под лицевыми покрытиями в работе понимаются фрагменты металла



Рис. 1. Подвеска-покрытие, золото (п. 30, Красноярский I могильник).

Fig. 1. Pendant-cover, gold (grave 30, Krasnoyarsk I burial ground).

определенной формы из тонкой фольги, расположенные в погребениях памятников в области предполагаемой головы: особо значимых частях – носа и рта, в том числе, зубов. Исключением является находка в Красноярском I могильнике, обнаруженная в составе жертвенного комплекса.

Находки фрагментов лицевых покрытий отмечены в пяти захоронениях могильников: Красноярский I (п. 30) и Кудашевский I (пп. 129, 174, 293, 314). Вещи имеют удовлетворительную степень сохранности. В материалах Кудашевского I могильника отмечено 4 случая лицевых покрытий, из них – в трех могилах (пп. 129, 314, 293) в виде фрагментов и в одном случае (п. 174) – в виде подвески-покрытия (подобный предмет найден в п. 30 Красноярского I могильника (Казанцева, 2012, с. 23).

Морфология и размеры предметов

Пластины выполнены из тонкой фольги желтого цвета, имеют разную форму (овальную – Красноярский I могильник (п. 30), Кудашевский I могильник (п. 174) и прямоугольную (пп. 129, 293, 314), но есть предметы, состоящие из трапециевидных или треугольных частей, повторяющие форму зубов или мягких тканей носа. Материал предметов имеет разную степень пластичности и визуальную различимую толщину.

Особенностью коллекции является то, что пластины представлены раздельными фрагментами и связаны с определенными морфологическими

частями лица с учетом их формы (на зубы и нос). Пластины на нос состоят из двух вертикальных или горизонтальных половин, а на зубы – из двух прямоугольных частей, что анатомически связано с верхней и нижней челюстью.

Накладки на зубы (пп. 174, 293), пластины со следами внешней поверхности зубов полной формы имеют размеры 5,0×1,0 см. Фрагменты пластин имеют одинаковую ширину в интервале 1,3–1,5 см, длину от 2,9 до 4 см. В п. 129 размеры пластины 6,8×1,3 см.

Размеры подвесок-покрытий в Красноярском I могильнике составляют 9,2×2,6 см (рис. 1), а в Кудашевском I могильнике (рис. 2) – 12,0×6,8 см.

Фрагменты покрытий на нос (п. 293) имеют размеры в высоту 2,0–2,6 см при одинаковой ширине (2,3 см) (рис. 3), а в п. 314 высотой от 3,1 до 3,5 см, шириной от 1,6 до 2,0 см в п. 314 (рис. 4). В п. 129 – 5,9×2,9 см.

Подвеска из золотой фольги овальной формы (п. 30) была обнаружена в **Красноярском I могильнике** (I–V вв.), которая входила в состав жертвенного комплекса, дата – I в. н. э. (Казанцева, 2012, с. 34).

Погребение имеет размеры 132×79 см, ориентировано по линии С–Ю, состав вещевого комплекса: бронзовая височная подвеска с напускной бусиной, стеклянные бусы, фрагменты железного ножа. Судя по набору вещей, могила принадлежала женщине.



Рис. 2. Подвеска-покрытие, золото (п. 174, Кудашевский I могильник).

Fig. 2. Pendant-cover, gold (grave 174, Kudash I burial ground).

Предмет мог выполнять две функции. При жизни человека – в качестве подвески в костюмном комплексе (имеется отверстие в верхней части предмета, позволяющее расположить его вертикально и пришить к ткани), а в погребальном обряде – роль лицевого покрытия, о чем свидетельствуют три маленьких отверстия по одному из продольных краев пластины для горизонтального прикрепления подвески к органической основе.

Кудашевский I могильник (III–V вв.). Могилы, содержащие лицевые покрытия, располагаются в грунтовой части памятника, в разных рядах на территории памятника и не локализованы отдельно. Основные параметры погребений: длина от 217 до 312 см, ширина от 68 до 108 см, глубина от 104 до 125 см. Могильные ямы имеют прямоугольную форму, наклонные стенки и плоское дно, ориентированы в направлении ССВ–ЮЮЗ (п. 129), СВ–ЮЗ (пп. 174, 293), ЮЗ–СВ (п. 314). Антропологический материал в анализируемых могилах имеет неудовлетворительную степень сохранности и представлен эмалью зубов, что позволяет предполагать положение головы умершего на ЮЗ (пп. 174, 293, 314) и ЮЮЗ (п. 129).

По устройству погребальной конструкции могилы организованы по-разному. В п. 129 отмечена деревянная конструкция в виде ящика,

размерами 273×88 см, толщина дерева составляет 1,0–3,0 см (Бернц, 2004). В п. 293 зафиксирована деревянная конструкция, размерами 280×100 см, толщиной дерева до 5 см. По заключению Н.Ю. Сунцовой (канд. биол. наук, ИГСХА, г. Ижевск) обугленное дерево от конструкции определено как сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris* L.). По периметру, а особенно в области головы умершего, конструкция была обуглена и состояла из ящика с крышкой, которая не покрывала весь ящик, а доходила только до уровня головы человека (судя по находкам зубов). Возможно, голова была покрыта каким-то мягким органическим материалом (покрывалом?) (Казанцева, 2011). В п. 174 к деталям погребального обряда следует отнести следы от двух прямоугольных ямок у северо-восточной стенки ямы, размерами 56×15, 46×15 см, мощностью 4 см. По периметру могилы прослежена полоска ярко-красной глины, шириной не более 2 см. Слева в области головы отмечены угольки (Казанцева, 2005). В п. 314 найдена деревянная конструкция, размером 220×66 см, мощностью 2–3 см. В восточной части могилы был отмечен подбой, ширина погребения достигла 90 см, а длина 260 см. В ЮЗ углу могилы отмечены отдельные фрагменты угольков (Казанцева, 2012).



Рис. 3. Лицевое покрытие на нос и зубы, золото (п. 293, Кудашевский I могильник).

Fig. 3. Facial cover for nose and teeth, gold (grave 293. Kudash I burial ground).

Сопровождающий инвентарь в погребениях с лицевыми покрытиями

В п. 129 найдены железный меч с фрагментами деревянных ножен, железный нож. Рядом с мечом и под ним располагались предметы парадного портупейного набора военачальника: стеклянный бисер печеночного цвета (пояс?), стеклянные и янтарные грибовидные подвески, серебряный наконечник ремня, 5 круглых золотых подвесок с круглыми каменными кабошонами (сердолик) и две маленькие листовидные подвески со вставкой сердолика (Быкова, Казанцева, 2012, с. 101, рис. 1–17). Умершего сопровождали также железный наконечник копья, 3 железных наконечника стрел, железный шлем, рядом с которым обнаружена бронзовая пряжка, 2 железные «косы-горбуши», железная бармица. Между шлемом и бармицей размещался железный нож, 2 бронзовые пряжки (Бернц, 2004).

В п. 293 найдены предметы: 3 железных наконечника стрел, железные удила, 3 бронзовые пряжки, железный наконечник копья. В центре могилы обнаружены бронзовая пряжка, рядом – железный колчаный крючок, фрагмент железного ножа. Рядом с ножом располагалась «пирамида» из окатанных галек светлого цвета – 47 экз. Высота ее составляла не более 10 см, диаметр – 12–15 см. Гальки испытали воздействие огня, о чем свидетельствуют следы копоти в заламах и трещинах предметов. По определению Н.Е. Зубцовского (канд. биол. наук, УдГУ, г. Ижевск), гальки представлены полевошпатными породами и кварцами. Цветовой спектр галек разнообразен, но в основном светлых тонов. Гальки держались за счет скрепляющего материала – глины светлорыжевого цвета.

В п. 314 располагался железный меч, деревянная рукоять которого была оформлена в виде умбона из бронзовой основы, покрытой золотой фольгой со вставками камней (Быкова, Казанцева, 2012, с. 101, рис. 1: 14). Найдены 6 бронзовых пряжек, овальная плоская серебряная накладка, железный наконечник копья, железный нож и предметы поясной гарнитуры: серебряные накладки и наконечники ремней, бронзовые пряжки, серебряный наконечник ремня, накладка из серебра с каменной вставкой (Быкова, Казанцева, 2012, с. 96), накладка и на-

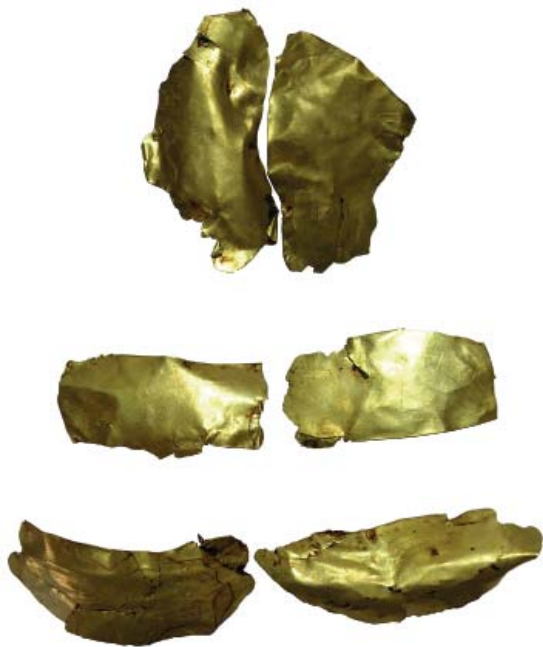


Рис. 4. Лицевое покрытие на нос и зубы, золото (п. 314, Кудашевский I могильник).

Fig. 4. Facial cover for nose and teeth, gold (grave 314, Kudash I burial ground).

конечник ремня из серебра. В подбое была найдена серебряная пряжка.

В п. 174 были обнаружены: 4 железных наконечника дротиков, 4 железных ножа, золотая литая подвеска в виде знака вопроса.

Таким образом, в погребениях Кудашевского I могильника лицевые покрытия и их фрагменты найдены в двух случаях (пп. 129, 314) в статусных мужских погребениях, богатых по сопровождающему инвентарю (шлем, мечи, стрелы, наконечники копий и дротиков, предметы поясной гарнитуры) и отличных от рядовых могил по устройству погребальных конструкций.

Описанные материалы, на наш взгляд, наглядно подтверждают мнение О.В. Шарова, соотносившего престижные вещи с определенной социальной прослойкой в римском обществе (Шаров, 2015, с. 82). Отметим также, что во всех могилах присутствуют железные наконечники копий, хотя качество и количество, а также

сочетание иных категорий вещей в каждой могиле разное. Датировка погребений укладывается в интервал IV–V вв. н. э. Судя по сопровождающему инвентарю, могилы принадлежали не рядовым воинам-мужчинам, а военачальникам, а вещевой комплекс п. 293, возможно, связан с сакральной элитой древнего общества – т. е. перед нами погребение шамана.

Предметы погребальных комплексов по своим функциям можно разделить по принципу использования в жизни человека и в погребальном обряде, либо в одном из указанных случаев. Так, в costume человека при жизни могли использоваться подвески-украшения (Красноярский I могильник, п. 30, Кудашевский I могильник, п. 174).

Сложности возникают при объяснении использования (при жизни или в погребальном обряде) и интерпретации такой категории, как накладки на зубы и нос. Возможно, при отпращивании религиозных культов эти

вещи могли использоваться владельцем и при жизни, но и в мир иной, по представлению древних, они должны были уходить в своем привычном одеянии (например, шамана хоронят в его одежде с атрибутами, а военный вождь, имеющий маску или ее элементы, тоже будет погребен в ней).

Аналогии предметам. Так, листовидная подвеска из Красноярского I могильника похожа на предмет, правда, выполненный из серебра, в Охлебнинском могильнике северной Башкирии (Пшеничнюк, 1968, с. 70).

В Пермском крае в Мокинском могильнике в п. 229 зафиксирован фрагмент нагубника из золота, в п. 232 – золотая фольга возле фрагмента меча (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 74).

Листовидные височные подвески из бронзы имеются в могильниках Среднего Прикамья – Ныргындинском I могильнике (II–III вв. н. э.) в Каракулинском районе Удмуртии (Голдина, Красноперов, 2012, с. 304, табл. 220: 37, 38). В.Ф. Генинг отмечал подвески в виде длинного листочка дерева в материалах могильников чегандинской культуры во II в. н. э., например, в могильнике Чеганда II (Генинг, 1970, с. 226, табл. 1: 13, 14).

Таким образом, находки золотых лицевых покрытий, обнаруженные в Красноярском I и Кудашевском I могильниках на территории Пермского Прикамья являются, вероятно, самыми ранними по времени для Среднего Прикамья.

Все предметы имеют гладкую поверхность и разнообразны по форме, что объясняется особенностями морфологии мягких тканей лица умерших. Важная особенность Кудашевского I могильника – в количестве вещей (фрагментов покрытий), что

отличает его от других одновременных погребальных памятников Прикамья. Полных комплектов масок с выделенными металлическими областями глаз, носа и рта на памятниках не найдено, обозначены только области носа и рта (зубов).

В коллекциях анализируемых могильников в отличие от памятников Приуралья и Среднего Поволжья также нет металлических наглазников. Появляются они в материалах могильников Прикамья в VI в. н. э., хотя в более раннее время золотые лицевые накладки известны в материалах первых веков н. э. памятников Северного Причерноморья (Погребова, 1957, с. 150).

Впервые были найдены наносники, состоящие из двух вертикальных пластин (Кудашевский I могильник), что отличает их от известных в Прикамье. Вероятно, они крепились при помощи смол, так как отверстий для продевания нитей по периметру вещей нет. Элемент маски с оформлением носа едва ли мог использоваться в облачении воина как в обстановке реальных военных действий, так и в качестве знака отличия в военной иерархии, вероятно, он был специальной принадлежностью погребального воинского ритуала.

Важно отметить, что отверстия, отмеченные на боковой стороне овальной пластины из Красноярского I могильника и пластины из п. 174 Кудашевского I могильника, свидетельствуют о том, что предметы были пришиты на органическую основу – погребальное покрывало. На укрепление металлических накладок на ткань указывал и венгерский ученый И. Фодор, который приводит аналогии из погребального обряда обских угров, использующих матерчатую основу

с нашитыми металлическими пластинами и пуговицами (Фодор, 1972, с. 174). Учитывая атрибуты шамана (наличие «пирамиды» из речных галек), возможно, умерший из п. 293 Кудашевского I могильника и являлся таковым.

Функциональное назначение вещей

Скорее всего, роль рассматриваемых нами предметов была значима не только в погребальном обряде: маска или ее отдельные лицевые металлические части, как и подвески в костюме (предмет из п. 30 Красноярского I могильника), могли быть украшением при жизни (например, зубов) и, возможно, статусным признаком в древнем обществе. Это подтверждается и тем, что элементы масок встречены в погребениях с разным по составу инвентарем, и, вероятно, были знаками отличия среди определенных людей – воинов (военный вождь как в п. 314, шаман в п. 293 Кудашевского I могильника).

Кроме показателя статуса человека, лицевые покрытия, а точнее их отдельные элементы (в частности, на зубы), могли выполнять еще и гигиеническую роль – укрепление зубов при их разрушении (в силу пластичности фольги и способности золота убивать микробы), которые могли себе позволить в силу редкости металла лишь немногие люди в древнем обществе. Вкладывание в рот умершим золотых монет отмечено на юго-западе Китая (Шмоневский, 2015, с. 85), возможно, оформление зубов золотыми пластинами также является проявлением аналогичного обряда.

Сама по себе маска человека является феноменом коммуникации человека и его души. По мнению пе-

тербургского ученого А.В. Толшина «... феномен маски выявляет как факт множественности культур, их дистанцирование, так и диалог между ними» (Толшин, 2004, с. 155).

Фрагменты лицевых покрытий отдельных частей лица человека, возможно, являются прообразом собственно масок и свидетельством своеобразной эволюции духовных представлений древнего человека: металлическими частями покрываются отдельные, значимые части лица человека (нос, рот, зубы). Однако фрагментарность можно объяснить экономией дорогого металла.

У разных народов известны и маски, используемые для устрашения противника, непосредственно в военных тактиках и ситуации реального боя, а также как способ обозначения определенного ранга в военной иерархии. В данном случае, в захоронении Кудашевского I могильника, вероятно, мы имеем дело с лицевыми элементами (золотые пластины) посмертной маски воина (пп. 129, 174). В боях голову военачальника защищал шлем, покрытие носа отдельной золотой пластиной, если и было, носило декоративный характер.

В целом обычай покрывать лицо маской имеет очень широкую территориальную и хронологическую протяженность, он отмечен в древности у самых разных народов. Однако возможно предположить два направления или две территории, с которых могли поступать элементы золотых лицевых покрытий в Прикамье: восток (обские угры) и юго-запад (сарматы). На основании анализа предметов и погребального обряда могильников наиболее вероятны заимствования или импорт у сармат.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ашихмина Л.И.* О функции металлических масок в курганах эпохи великого переселения народов на евразийском Северо-Востоке // Новые идеи и концепции в минералогии. Материалы III Междунар. минералогического семинара / Отв. ред. Н.П. Юшкин. Сыктывкар, 2002. С. 41–42.
2. *Безматерных И.В., Саранулов А.Н.* Классификация, хронология и этническая атрибуция средневековых погребальных лицевых покрытий Пермского Предуралья // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета ПГГПУ. Серия Stadia Historica Jenium. 2012. № 1. С. 17–20.
3. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Погребальные лицевые покрытия как угорский маркер // Между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всерос. науч. конф., посвященные 20-летию ИИиА УрО РАН / Гл. ред. А.А. Алексеев. Екатеринбург: УРО РАН, 2008. С. 47–51.
4. *Бернц В.А.* Отчет об археологических исследованиях Кудашевского могильника в Бардымском районе Пермской области летом 2003 года / Ижевск. Архив ИИКНП УдГУ. Т. 1. Ф. 2. Д. 409. 589 с.
5. *Быкова Н.В., Казанцева О.А.* Ювелирные изделия из минералов в коллекциях могильников I–V веков в бассейне реки Камы // Вестник Пермского университета. История. 2012. Вып. 1 (18). С. 93–104.
6. *Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) Ч. I // ВАУ. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Семенов. Ижевск, 1970. 257 с.
7. *Герман Е.Ф.* К вопросу о функциях погребальных лицевых покрытий // XXXI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: СГУ, 1999. С. 62–63.
8. *Герман Е.Ф.* Погребальные лицевые покрытия Прикамья // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 141–148.
9. *Герман Е.Ф.* История формирования источниковой базы по погребальным лицевым покрытиям Волго-Камья // XVII Уральское археологическое совещание: материалы науч. конф. (19–22 ноября 2007 г., г. Екатеринбург) / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург-Сургут, 2007. С. 230–232.
10. *Голдина Р.Д., Красноперов А.А.* Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.
11. *Казаков Е.П.* О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника (Об одном элементе погребального обряда) // Ученые записки Пермского ГУ. № 191 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1968. С. 230–239.
12. *Казаков Е.П.* Погребальные маски волжских болгар в системе идеологических представлений народов Евразии // Филология и культура. 2012. № 2. С. 264–269.
13. *Казаков Е.П.* Погребальные маски волжских болгар в системе древностей угров // Вояджер: мир и человек. 2016. № 7. С. 32–55.
14. *Казанцева О.А.* Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области в 2004 году / Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 437. Ижевск, 2004.
15. *Казанцева О.А.* Отчет об исследованиях Кудашевского могильника и разведке в Бардымском районе Пермского края в 2010 году / Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 543. Ижевск, 2011.
16. *Казанцева О.А.* Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 24. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 180 с.
17. *Казанцева О.А.* Отчет об исследованиях Кудашевского могильника и разведке в Бардымском районе Пермского края в 2011 году / Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 552. Ижевск, 2012.

18. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. Вып. 1 (15). С. 65–80.
19. *Ожередов Ю.И.* Селькупские погребальные маски (к постановке вопроса) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3. С. 160–164.
20. *Погребова Н.Н.* Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя Скифского // История и археология Древнего Крыма ИАДК / Отв. ред. П.Н. Шульц. Киев: Изд-во АН УССР. 1957. С. 142–154.
21. *Пиеничнюк А.Х.* Охлебининский могильник // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузев. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 59–104.
22. *Толшин А.В.* Эволюция маски как феномена культуры // *Studia culturae*. 2004. № 7. С. 153–166.
23. *Фодор И.К.* К вопросу о погребальном обряде древних венгров // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 168–175.
24. *Фодор И.К.* К вопросу о религиозных верованиях древних угров // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6 (38). С. 119–132.
25. *Шаров О.В.* К вопросу о принципах выделения элиты Боспора римской эпохи // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. А.В. Мاستыкова. М.: ИА РАН, 2015. С. 81–83.
26. *Шмонеvский Б.Ш.* Обол Харона у древних кочевников: погребальные практики в конце античности и раннем средневековье // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы Междунар. научн. конф. / Отв. ред. А.В. Мастыкова. М.: ИА РАН, 2015. С. 83–86.

Информация об авторе:

Казанцева Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); kazantsevaolga@yandex.ru

FACIAL COVERS OF THE ANCIENT POPULATION 1ST–5TH CENTURIES FROM THE BURIAL GROUNDS IN THE TULVA RIVER BASIN

O.A. Kazantseva

The rare objects of material culture of the population of the middle of I Millennium A.D. of the Middle Kama region – metal facial covers are considered. The aim of the study is to analyze the objects made from gold foil, located in the face of ancient man: nose and mouth (teeth). The subject of the study was the fragments of facial coverings from 5 graves of the Kudash I and the Krasny Yar I burial grounds which located in Bardymy district of Perm Krai. The morphology of facial covers and their sizes, the features of the objects are presented. The role of facial covers in the funeral rite of the ancient population is shown. As a result, the metal covers are a unique find in the graves as a symbol of the social status of the man (military leader, shaman). Objects were used both during life (as distinctions and as decoration or completion of the costume the person) and after life. Ancient population in order to save metal, used metal fragments to refer the most important channels of human interaction with the outside world (mouth). It seems that the facial covers of parts of the human face are the prototype of the masks and demonstrates a certain stage of formation the ideas an ancient population about masks made from a single sheet of metal.

Keywords: archaeology, Middle Kama region, 1st–5th centuries, burial grounds, funeral rite, fragments of metal masks.

REFERENCES

1. Ashikhmina, L. I., 2002. In Yushkin, N. P. (ed.). *Novye idei i kontseptsii v mineralogii. Materialy III Mezhdunar. mineralogicheskogo seminar (Recent Ideas and Concepts in Mineralogy. Proceedings of the 3rd International Mineralogical Seminar)*. Syktyvkar, 41–42 (in Russian).
2. Bezmaternykh, I. V., Sarapulov, A. N. 2012. In *Vestnik nauchnoi assotchiachii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Series: Stadia Historica Jenium (Bulletin of the Scientific Association of Students and Graduate Students of the Department for History, Perm State Humanitarian Pedagogical University)*, 1, 17–20 (in Russian).
3. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. In Alekseev, A. A. (ed.). *Mezhu proshlym i budushchim: istoricheskii opyt natsional'nogo razvitiia. Materialy Vseros. nauch. konf., posviashchennye 20-letiiu IIIA UrO RAN (Between the Past and Future: the Historical Experience of National Development: Proceedings of All-Russian Scientific Conference dedicated to the 20th Anniversary of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS)*. Yekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences Publ., 47–51 (in Russian).
4. Bernts, V. A. 2004. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniakh Kudashevskogo mogil'nika v Bardymskom raione Permskoi oblasti letom 2003 goda (Report on the Archaeological Studies of the Kurdash Burial Ground in the Bardym Region of Perm Oblast in the Summer of 2003)*. Izhevsk. Archiv of Institute of the History and Culture of the Cis-Ural Peoples at the Udmurt State University. Vol. 1. F. 2, dossier 409 (in Russian).
5. Bykova, N. V., Kazantseva, O. A. 2012. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* 18 (1), 93–104 (in Russian).
6. Gening, V. F., 1970. In Semenov, V. A. (ed.). *Istoriya naseleniya Udmurtskogo Prikam'ya v p'yanoborskuyu epokhu. I. Chegandinskaya kul'tura (III v. do n. e. – II v. n. e.). (The history of the population of the Udmurt Kama, during the Piany Bor era. Part I. Cheganda culture (III century B. C. – II century A. D.))*. Series: Voprosy arkhologii Urala (Issues of the Ural Archaeology). Sverdlovsk, Izhevsk (in Russian).
7. German, E. F., 1999. In Matveeva, G. I. (ed.). *XXXI Uralo-Povolzhskaya arkhelogicheskaya konferentsiia studentov i molodykh uchenykh (31th Conference of Students and Young Scientists from the Ural and Volga Regions)*. Samara: Samara State University, 62–63 (in Russian).
8. German, E. F., 2000. In Belotserkovskaya, I. V. (ed.). *Arkhelogicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Burial Rite)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 141–148 (in Russian).
9. German, E. F., 2007. In Kovaleva, V. T., Trufanov, A. Ya. (eds.). *XVII Ural'skoe arkhelogicheskoe soveshchanie: materialy nauchnoi konferentsii. (17th Ural Archaeological Session: Research Conference Proceedings)*. Ekaterinburg; Surgut: "Magellan" Publ., 230–232 (in Russian).
10. Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II–III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd – 3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
11. Kazakov, E. P. 1968. In Oborin, V. A. (ed.). *Uchenye zapiski Permskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 191. Perm: Perm State University, 230–239 (in Russian).
12. Kazakov, E. P. 2012. In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* 28 (2), 264–269 (in Russian).
13. Kazakov, E. P. 2016. In *Voiazher: mir i chelovek (Voyager: World and Man)* 7, 32–55 (in Russian).
14. Kazantseva, O. A. 2004. *Otchet o rabotakh v Bardymskom raione Permskoi oblasti v 2004 godu (Report on Works Conducted in the Bardym Region of Perm Oblast in 2004)*. Izhevsk: Archive of the Institute of History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 437 (in Russian).
15. Kazantseva, O. A. 2011. *Otchet ob issledovaniakh Kudashevskogo mogil'nika i razvedke v Bardymskom raione Permskogo kraia v 2010 godu (Report on the Investigation the Kurdash Burial*

Ground and Surveying in the Bardym Region of Perm Krai in 2010). Izhevsk: Archive of the Institute of History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 543 (in Russian).

16. Kazantseva, O. A. 2012. *Krasnoiarskii mogil'nik I–V vv. n.e. v basseine r. Tulvy Srednego Prikam'ia (Krasny Yar Burial Ground from 1st–5th cc. AD in the Tulva River Basin, Middle Kama Region)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 24. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

17. Kazantseva, O. A. 2012. *Otchet ob issledovaniakh Kudashevskogo mogil'nika i razvedke v Bardymskom raione Permskogo kraia v 2011 godu (Report on the Studies of Kurdash Burial Ground and Surveying in the Bardym Region of Perm Krai in 2011)*. Izhevsk: Archive of the Institute of History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 552 (in Russian).

18. Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F., Pereskokov, M. L. 2011. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istorii (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 15 (1), 65–80 (in Russian).

19. Ozheredov, Yu. I. 2013. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 23 (3), 160–164 (in Russian).

20. Pogrebova, N. N. 1957. In Shults, P. N. (ed.). *Istorii i arkheologii Drevnego Kryma (History and Archaeology of Ancient Crimea)*. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 142–154 (in Russian).

21. Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologii i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 59–104 (in Russian).

22. Tolshin, A. V. 2004. In *Studia culturae* 7. 153–166 (in Russian).

23. Fodor, I. K. 1972. In Smirnov, A. P., Chernetsov, V. N., Erdélyi, I. F. (eds.). *Problemy arkheologii i drevnei istorii ugrov (Issues of the Archaeology and Ancient History of the Ugric Peoples)*. Moscow: “Nauka” Publ., 168–175 (in Russian).

24. Fodor, I. K. 2015. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 38 (6), 119–132 (in Russian).

25. Sharov, O. V. 2015. In Mastykova, A. V. (ed.). *Sotsial'naiia stratifikatsiia naseleniia Kavkaza v kontse antichnosti i nachale srednevekov'ia: arkheologicheskie dannye. Materialy Mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsyi (Social Stratification of the Caucasian Population at the End of Antiquity and the Beginning of the Middle Ages: Archaeological Data. Proceedings of International Scientific Conferences)*. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 81–83 (in Russian).

26. Shmonevskiy, B. Sh. 2015. In Mastykova, A. V. (ed.). *Sotsial'naiia stratifikatsiia naseleniia Kavkaza v kontse antichnosti i nachale srednevekov'ia: arkheologicheskie dannye. Materialy Mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsyi (Social Stratification of the Caucasian Population at the End of Antiquity and the Beginning of the Middle Ages: Archaeological Data)*. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 83–86 (in Russian).

About the Author:

Kazantseva Olga A. Candidate of History Sciences. Udmurt State University, Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Republic of Udmurtia, Russian Federation; kazantsevaolga@yandex.ru

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

УДК 930.26(470.5):643

<https://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.202.221>

БУСЫ МОКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА III–V/VI ВВ. Н. Э. В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ

© 2019 г. В.В. Мингалев, М.К. Мингалева, М.Л. Перескоков

В статье вводятся в научный оборот бусы Мокинского могильника и ряд хорошо датированных комплексов (погребений). Авторами верифицируется современная концепция хронологии памятника. Бусы из коллекций Мокинского могильника методом планиграфического анализа были распределены по выделенным хронологическим зонам. Для каждого из периодов были выявлены характерные тенденции, отразившиеся в смене культурных и хронологических маркеров. Определена хронология «бисерного бума» и моды на янтарные бусы для памятников Прикамья. Для ряда типов бус приведен широкий круг аналогий из памятников Поволжья и Причерноморья. Дано описание цветовой гаммы бус могильника, которая выявляет некоторую культурную специфику в сравнении с одновременными памятниками. В результате авторами подтверждаются существующие датировки памятника, а также раскрывается потенциал применения планиграфического анализа памятника по зонам, а не по отдельным закрытым комплексам.

Ключевые слова: археология, Пермское Прикамье, Мокинский могильник, III–VI вв, хронология, планиграфия, бусы.

Геоморфология памятника и история исследования

Памятник поселение-могильник Мокино I располагается на мысу надпойменной террасы в среднем течении р. Ниж. Мулянка, левого притока р. Кама, около д. Мокино Пермского района Пермского края (рис. 1). Высота мыса над уровнем поймы 6–8 м. Площадь распространения находок около 2 га. Ориентирован мыс с запада на восток с небольшим отклонением на север. Северная часть мыса, на котором располагается могильник, разрушена старым карьером.

Раскопки на памятнике проводились в 1987 г., 1990–1992 гг., 1994 г., 1999 г., 2013–2017 гг. Всего за период 1987–2017 гг. было исследовано 310 погребений (табл. 1).

Культурно-хронологические особенности Мокинского поселения-могильника

Масштабные исследования Мокинского поселения-могильника позволи-

ли выделить семь хронологических пластов существования памятника. Три из них связаны с поселением ананьинского – гляденовского времени, четыре относятся к могильнику, который появился после прекращения использования площадки памятника как поселения. Детальный анализ хрономаркеров характерных для каждой из хронологических групп представлен для финала раннего железного века в целом (Перескоков, 2018, с. 91–100) и для Мокинского могильника (Мингалев, Перескоков, 2016, с. 255–257). Погребения, относящиеся к одной хронологической группе, четко выделяются планиграфически, что позволяет выделить зоны распространения погребений каждой из хронологических групп на площадке могильника (рис. 2) (Перескоков, 2018, с. 91–100).

Зона № 1. Позднегляденовский хронологический горизонт (середина III – середина IV в.), соответствует второй хронологической группе (Перескоков,

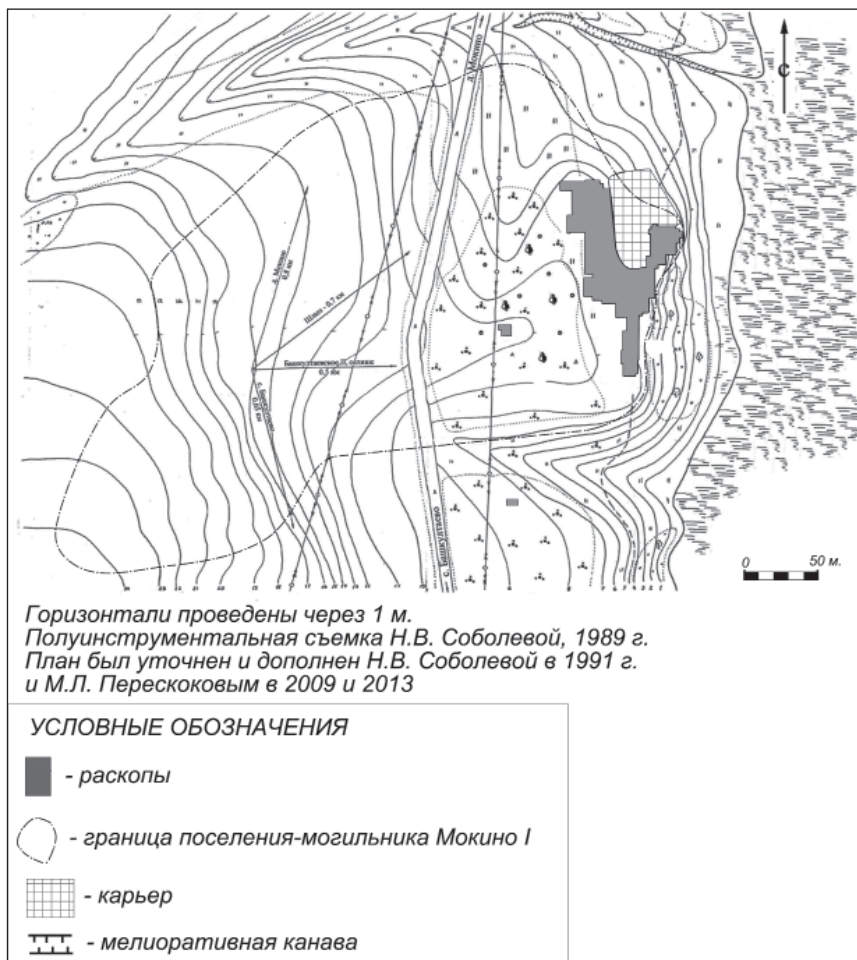


Рис. 1. Мокинский могильник. Топографический план памятника.

Fig. 1. Mokino burial ground. Topographic plan of the site.

2018, с. 101). В середине III в. н. э. мысовая часть, примыкающая к заброшенному гляденовскому селищу, стала использоваться как могильник.

Зона № 2. Тураево-кудашевский хронологический горизонт (третья четверть IV – начало V в.), соответствует третьей хронологической группе (Перескоков, 2018, с. 101–102). К IV в. мысовая часть была заполнена, поэтому могильник начинает расти по краю террасы в южном направлении и вглубь террасы в юго-западном направлении на всю ширину площадки. Ориентация погребений меняется с

северо-востока-юго-запада на запад-восток.

Зона № 3. Раннехаринский хронологический горизонт (V в.), соответствует четвертой хронологической группе (Перескоков, 2018, с. 102). Погребения данного периода выявлены в глубине террасы, частично отделены пустой зоной (без погребений) от погребений более раннего времени и располагаются на площадке ананьинского и гляденовского селища. Материалы из погребений раскопа № 2 (1987 г.), непривязанного к общей сетке раскопов, также относятся

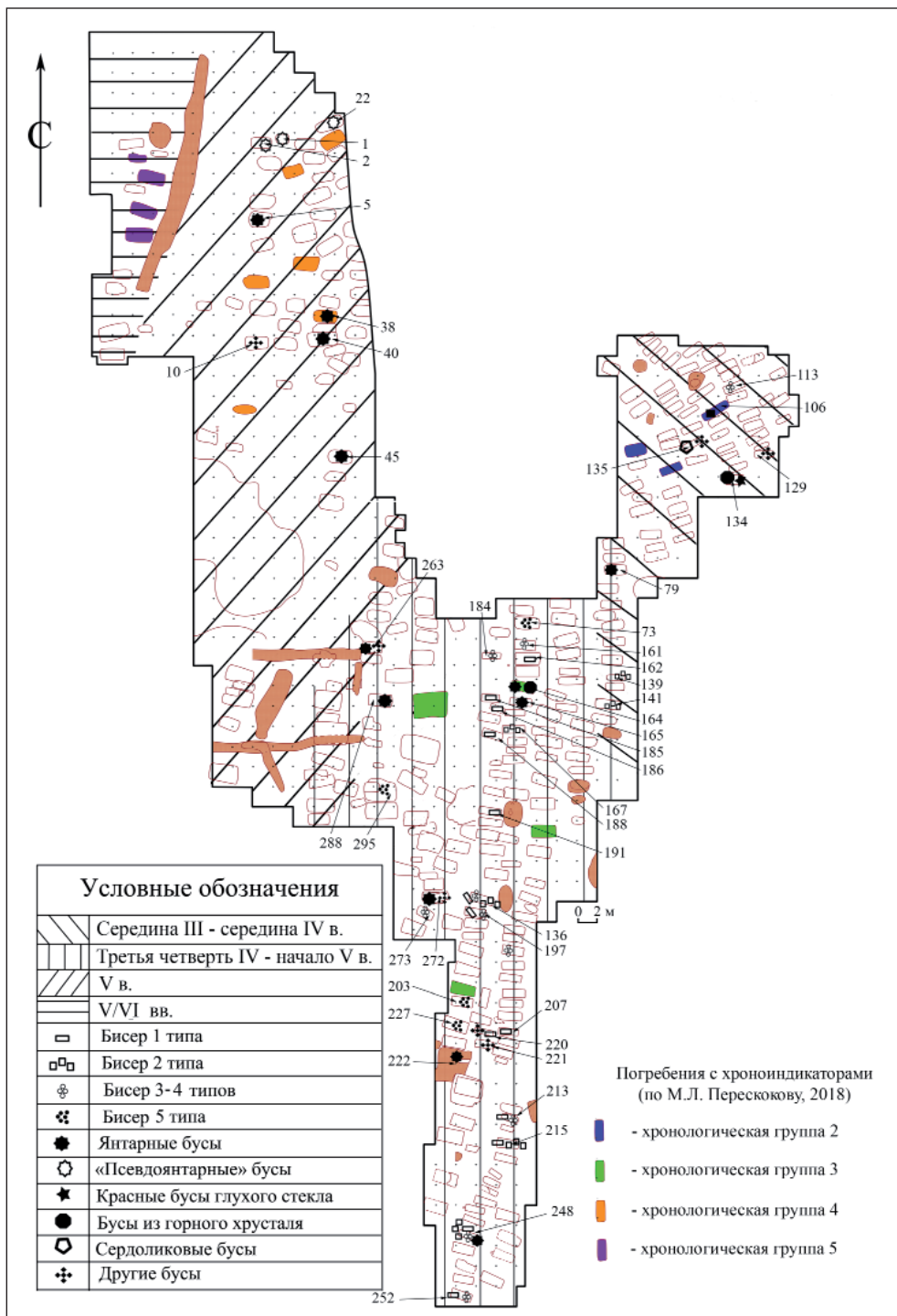


Рис. 2. Мокинский могильник. Сводный план раскопа и планиграфическое распределение погребений с бусами.

Fig. 2. Mokino burial ground. Consolidated plan of the excavation and spreading of burials with beads on the plan.

Таблица 1

Сведения о раскопах на Мокинском поселение-могильнике

№	Автор раскопок	Год	Вскрытая площадь (кв.м.)	Количество исследованных погребений	количество найденных бус
1.	Оборин В.А.	1987	1060	62	41
2.	Соболева Н.В.	1990	524	74	53
3.	Соболева Н.В.	1991	490	72	495
4.	Соболева Н.В.	1992	172	22	307
5.	Мельничук А.Ф.	1994	208	13	0
6.	Кулябина (Соболева) Н.В.	1998	96	14	222
7.	Перескоков М.Л.	2013	148	9	2
8.	Перескоков М.Л.	2014	100	17	4
9.	Васильева А.В.	2015	131	12	1
10.	Перескоков М.Л.	2016	152	12	101
11.	Васильева А.В.	2017	80	0	0
Общее			3161	307	1226

к данному хронологическому горизонту.

Зона № 4. Позднихаринский А хронологический горизонт (рубеж V/VI – первая половина VI в.), соответствует ранним погребениям пятой хронологической группы (Перескоков, 2018, с. 102–103, 105).

Погребения данного периода отделены от раннихаринских пустой зоной и канавкой от гляденовской постройки, которая использовалась при сооружении погребальных конструкций (подробнее см. Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011; Васильева, Мингалев, Перескоков, 2018). Особенностью данной зоны является отсутствие бус.

Общая характеристика бус Мокинского могильника

Бусы Мокинского могильника в таком качестве и объеме впервые вводятся в научный оборот.

Из 307 погребений бусы были найдены в 50. Методом визуального анализа были обработаны 1145 бус из коллекций, хранящихся в музее археологии Прикамья в ПГНИУ¹.

Были выделены морфо-технологические характеристики бусинного материала. 96,9% составляют бусы из стекла. Среди стеклянных бус преобладает бисер. К категории бисер мы относим бусы с диаметром от 1 до 5 мм, созданные из отрезков тянутой трубочки, располагающиеся преимущественно скоплениями. В технологическом отношении бисер отличается способом деления трубочки, на что указывают края бисерин острые или закругленные. По цветовой гамме преобладает желтый и оливковый бисер, встречается также зеленый, бирюзовый, голубой, синий, черный и красный.

Весь найденный на памятнике бисер можно разделить на 5 вариантов по таким критериям, как форма, размер и особенности края.

1. Цилиндрические трубочки из непрозрачного стекла желтого, оливкового, редко красного (2 экз.) и черного (9 экз.) цветов с матовой поверхностью и острыми ровными краями. Их можно отнести к типам IA34 (желтые), IA37 (красные) и IA35 (черные)

по Е.В. Голдиной (Голдина Е.В., 2010, с. 464, рис. 1).

2. Параллелепипедные квадратные в поперечном сечении трубочки из непрозрачного стекла желтого цвета с матовой поверхностью и острыми часто скошенными краями.

3. Короткоцилиндрический бисер с обработанными скругленными краями из прозрачного или полупрозрачного стекла желтого, синего, оливкового, сине-зеленого цветов с глянцевой поверхностью можно отнести к типам IA31 (синие), IA32 (бирюзовые) и IA75 (зеленая или бирюзовая) по Е.В. Голдиной (Голдина Е.В., 2012, с. 464–465, рис. 1).

4. Округлый зонный бисер из непрозрачного или полупрозрачного стекла желтого, зеленого, бирюзового, синего и оливкового цвета с глянцевой поверхностью и сглаженными краями. Относится к типам IA1 (синий), IA2 (голубой), IA4 (желтый), IA6 (зеленый), IA8 (бирюзовый), IA76 (зеленый) (Голдина Е.В., 2012, с. 463–465, рис. 1).

5. Мелкий (D от 1 до 2 мм) округлый зонный бисер из голубого, оливкового, бирюзового, зеленого, редко желтого стекла с глянцевой поверхностью и сглаженными краями.

Бусы из природных материалов представлены четырьмя 14-ти гранными уплощенными бусами из темно-красного сердолика. Пятью бусинами из горного хрусталя. В двух случаях это лишь осколки и одна бусина была утеряна. Две шарообразные бусины из глины. Обе найдены в пахоте без привязки к погребениям. Одна крупная зонная халцедоновая бусина. Из янтарных бус для анализа доступны 12 экземпляров. В остальных случаях мы имеем лишь фрагменты, осколки или упоминания о таковых. В неко-

торых случаях их формы и размеры были восстановлены по описаниям, рисункам и фотографиям из отчетов, так, например, 9 янтарных бус из раскопок В.А. Оборина в коллекции не сохранились, но представлены на рисунках А.Е. Старкова, который обрабатывал и анализировал материал Мокинского могильника для написания своей дипломной работы в 1993 г. По форме, размеру и способу обработки краев янтарные бусы можно разделить на 6 вариантов:

1. Дисковидные правильной формы с ровными острыми краями.

2. Дисковидные со скругленными краями и неодинаковой толщиной поперечного сечения, некоторые с фаской.

3. Бусина в форме поперечного полуэллипсоида.

4. Плоская треугольная подвеска.

5. «Кольцевидная».

6. Бочонковидная.

Янтарные бусы имеют желто-коричневый и красно-вишневый цвет. Размеры янтарных бус колеблются от 3 до 11 мм по высоте и от 8,5 до 18 мм по диаметру.

На памятнике найдены 6 бусин из белого металла (серебряные?) (п. 129, 220, 272). Три из них имеют округлую зонную форму, три в форме параллелепипеда со срезанными вершинами.

Распределение бус по хронологическим зонам Мокинского могильника

В зоне 1 в погребении 135 найдены четыре 14-ти гранные уплощенные сердоликовые бусы красно-коричневого цвета с прожилками (рис. 2: 2). Высота бус от 9,2 до 13,6 мм; ширина от 7,6 до 9. Канал отверстия конический, сделан методом сверления, в некоторых случаях канал неровный, как бы скошен в сторону. Подобные

Таблица 2

Распределение бус Мокинского могильника по материалу

материал	Кол-во бус	Кол-во погребений	Найденные вне погребений	Из них плохой сохранности (фрагменты по которым сложно установить форму, размер и технику изготовления)	утерянные
глина	2	0	2	0	0
халцедон	1	1	0	0	1
Горный хрусталь	5	3	0	2	1
сердолик	4	1	0	0	0
янтарь	28	19	4	8	13
металл	6	3	0	0	0
стекло	1180	36	4	2	66
В том числе одноцветное	1175	35	1	1	66
В том числе с металлической прокладкой прокладкой	5	2	3	1	0

бусы по типологии Е.В. Голдиной относятся к типу ХІА8, входят в хронологическую группу конца VII–VIII в. (Голдина Е.В., 2010, с. 44, рис. 28). Бусы подобного типа встречаются на памятниках черняховской культуры (Гопкало, 2008, с. 75). В.Б. Ковалевская выделяет два периода концентрации этих бус – III в. (с заходом в IV в.) и VIII–IX вв. (Ковалевская, 1998, с. 20). Е.М. Алексеева относит их ко II–IV вв. (Алексеева, 1982 с. 17). Г.Ф. Никитина сузила предложенную Алексеевой датировку только III в., ориентируясь на датировки М. Пардуца и его утверждение о том, что мода на такие бусы существовала не более 100 лет (Никитина, 1995, с. 75–77). О.А. Гей и И.А. Бажан относят данные бусы к хроноиндикаторам 270–310 гг. (Гей, Бажан, 1997, с. 43). Аналогичные бусы встречаются в курганах северо-осетинского могильника Брут 2, который относится ко 2-й половине

II–III в. н. э. (Румянцева, 2009, с. 343–344, р. 2–I–1, р. 10: 1, 2). Одна 14-тигранная буса из красно-коричневого сердолика найдена в составе ожерелья с аналогичными стеклянными бусами в кургане 26, относящемся к началу III в., могильника Покровка 10 в Южном Приуралье (Малашев, Яблонский, 2008 с. 14, 83, рис. 160: 5–6, 213).

Вместе с сердоликовыми бусами находились две биконические бусины из желтого прозрачного стекла (D – 6 мм, H – 4 мм), сделанные из тянутой палочки с последующим проколом отверстия (рис. 4: 10). С некоторыми оговорками их можно отнести к типу IVA36 по Е.В. Голдиной, но он отличается от наших по размеру и цвету (Голдина Е.В., 2010, с. 31, рис. 22, 31). Бусы этого типа были найдены в Тураевском могильнике в погребении 106 вместе с грибовидными янтарными подвесками

Таблица 3

Цветовая гамма стеклянных одноцветных бус Мокинского могильника
(без учета утеранных бус)

Цвет	Кол-во бус	Процент
синий	18	1,6
сине-зеленый	2	0,2
черный	9	0,8
бирюзовый	93	8,5
голубой	13	1,1
желтый	610	54,8
зеленый	7	0,6
красный	21	1,8
оливковый	336	30,2
золотой	5	0,4

(Голдина Е.В., с. 466, рис. 1; Голдина, Бернц, 2010, с. 248, 267). Подобная бусина, тоже синего цвета и меньшего размера, найдена на могильнике Верхний Ирьяк в Осинском районе Пермского края, который датируется II–IV вв. н. э. (Коренюк, 2004, с. 16; Коренюк, Перескоков, Юкова, 2018, с. 12–15). Т.И. Останина относит эти типы бус к группе III – начала IV в. н. э. (Останина, 1997, с. 110). В Тарасовском могильнике подобные желтые и синие бусы были найдены в погребении 806 в составе жертвенного комплекса (Голдина, 2003, с. 142, табл. 352) с височными подвесками в виде знака вопроса, которые относятся к III в. н. э. (Лещинская, 2014, табл. 86; Иванов, 1999, рис. 8). Есть аналогичные бусы желтого цвета в Нырғындынском могильнике II–III вв. на Средней Каме (Красноперов, дата обращения: 26.11.2018). По типологии Е.М. Алексеевой – это тип 99, датирован III–I вв. до н. э. – II в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 69, табл. 33–28).

В погребении 134 найдено 6 бус. 4 цилиндрические бусины из красного непрозрачного стекла: две крупные (H – 10 мм, D – 9 мм), выполненные в технике многократного обертывания

(рис. 4: 6), и две поменьше (H – 7 и 4,2 мм, D – 5,2 и 4,8 мм), выполненные из отрезков тянутых трубочек (рис. 4: 7). Аналогичные малым бусам есть в Тураевском – тип IVA70 (Голдина, 2012, с. 199) и в Кудашевском могильниках (Каталог, 2004, рис. 13–16).

Две крупные бусины из горного хрусталя – одна шаровидной формы с диаметром 20 мм (рис. 3: 1), вторая бусина граненая (рис. 3: 3). Мы предполагаем, что форма этой бусины должна была быть бипризматическая усеченная дважды поперечно, но поперечное ребро очень слабо выражено, и в целом наблюдается плохая огранка. Шлифовка обеих бус плохая, сверление канала одностороннее, на что указывает внешний вид краев отверстий бус – с одной из сторон выделяется выемка и видны сколы. Шаровидная бусина имеет трещину по всей длине, полученную, скорее всего, при изготовлении канала.

Хрустальные бусы известны на Тарасовском могильнике (Голдина, 2003, табл. 4, 135, 137, 244, 352, 430). Погребения с хрустальными бусами концентрируются в его центральной части достаточно близко друг к другу. Вместе с ними в погребальном

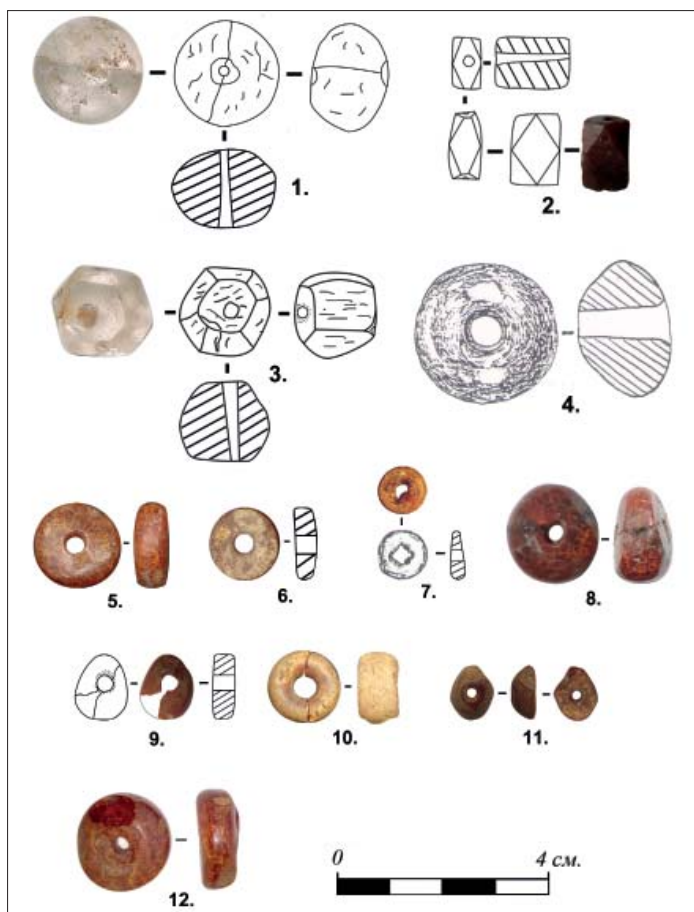


Рис. 3. Мокинский могильник. Бусы из природных материалов. 1, 3 – горный хрусталь; 2 – сердолик; 4 – халцедон; 5–12 – янтарь.

Fig. 3. Mokino burial ground. Beads from natural materials. 1, 3 – rock-crystal; 2 – cornelian; 4 – chalcedony; 5–12 – amber.

инвентаре встречаются бусы миллефиори с шахматным декором, характерные для III – начала IV вв. н. э. (Румянцева, 2009, с. 354), а также поясная гарнитура, которая датируется III в. н. э. (Лещинская, 2014 с. 181, 183, табл. 84–86). Распространение хрустальных шарообразных и граненных бус в Прикамье Т.И. Останина датирует III – началом IV в. н. э. (Останина, 1997, с. 110). Возможно, это связано с определенной модой на горный хрусталь в этот период.

В погребении 106 была найдена крупная халцедоновая бусина

Н – 17 мм, D – 27 мм (рис. 3: 4), которая, по мнению М.Л. Перескокова, является «несомненным хронологическим репером III – рубежа IV–V вв.» для территории Прикамья (Перескоков, 2018, с. 95). Погребение отличалось наличием другого инвентаря, в частности деталями поясной гарнитуры, которые и позволяют четко датировать его III в. (Перескоков, 2018, рис. 86). На большое количество халцедоновых бус в памятниках Прикамья указывает А.А. Красноперов. Он считает, что «находки халцедоновых бусин на Ныргындинском I мо-

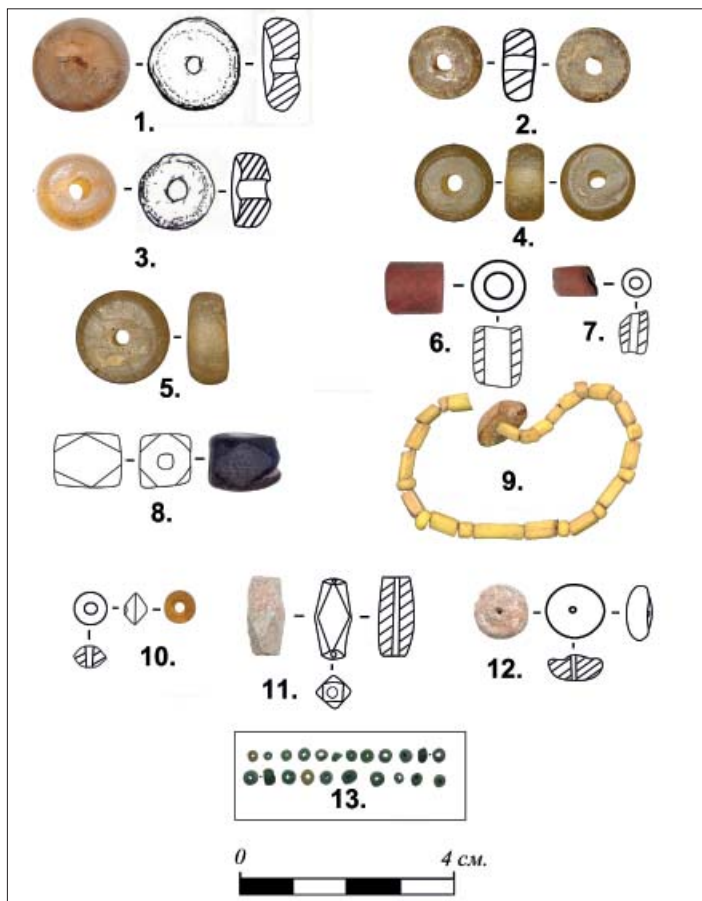


Рис. 4. Мокинский могильник. Бусы. 1–8, 10, 13 – стекло; 9 – стекло, янтарь; 11–12 – металл.

Fig. 4. Mokino burial ground. Beads. 1–8, 10, 13 – glass; 9 – glass, amber; 11–12 – iron.

гильнике маркируют начало их поступления в Прикамье...» (Красноперов, дата обращения: 26.11.2018).

В погребении 129 найдены две бусины из белого металла: одна округлая зонная, другая 14-ти гранная (рис. 4: 11, 12).

В зоне 2 сконцентрирована основная масса найденного на могильнике бисера (пп. 73, 139, 141, 161, 162, 178, 184, 185, 186, 188, 191, 196, 197, 203, 207, 213, 215, 227, 248, 252, 295). Это согласуется с мнением Т.И. Останиной о том, что в Приуралье «бисерный бум» начинается в IV в. (Останина, 1997, с. 112). Причем интересно

то, что на участке условного перехода от III к IV в. бисер встречается отдельными единичными экземплярами, тогда как по мере продвижения в IV в. он концентрируется целыми большими скоплениями. Исключением является низка желтого бисера в погребении 113 в зоне 1, но это не противоречит общей тенденции, а лишь показывает, что на территорию Приуралья бисер начинает проникать в III в.

Скопления бисера в некоторых случаях располагаются в районе головы (пп. 163, 190, 197, 207, 213, 295) и предположительно являлись украшением головного убора. Наиболее

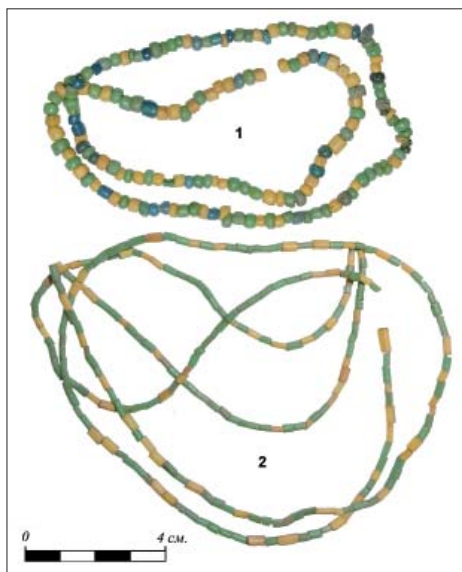


Рис. 5. Мокинский могильник. Бисер.

Fig. 5. Mokino burial ground. Beads.

показательно это видно в погребении 295 – бирюзовый и желтый бисер фигурно располагался в верхней части погребения, на остатках слабо сохранившегося тлена ткани (Перескоков, 2016, рис. 49, 52). В некоторых погребениях с бисером находились бронзовые умбовидные накладки (пп. 162, 196, 197, 248), которые часто являются украшением головного убора (Перескоков, Доткин, Якимова, 2018). Реконструкция головных уборов с похожими украшениями проведена А.А. Красноперовым по материалам Тураевского могильника, в котором бисер в области черепа, идентифицированный как головной убор найден в 23 погребениях (Голдина, Бернц, 2010, с. 69, табл. 189). На практику расшивания головных уборов бисером также указывает Е.В. Голдина по материалам Тарасовского могильника (Голдина, 2015, с. 54–55).

Значительное количество бисера близкого Мокинскому характерно для

синхронных прикамских памятников: Красноярского I (Казанцева, 2012), Кудашевского (Каталог, 2004, рис. 13), Тарасовского (Голдина, 2003), Тураевского I (Голдина, 2012) могильников. Из особенностей характерных для бисера Мокинского могильника можно отметить большое количество квадратных в поперечном сечении трубочек в форме параллелепипеда и преобладание желтого цвета.

Кроме бисера в зоне 2 были найдены:

Одна шарообразная бусина из желтого прозрачного стекла (D – 6 мм, H – 5,5 мм) (п. 288). Две округлые зонные бусы из белого металла (п. 220) (D – 7 мм, H – 3,5 мм; D – 9 мм, H – 4,5 мм), одна из них сломана. 3 фрагмента плохой сохранности желтой стеклянной бусины (п. 220). Одна параллелепипедная квадратная в поперечном сечении хрустальная бусина (п. 164), не сохранившаяся в коллекции, но зафиксированная в отчете (Соболева, 1991, рис. 88), длиной – 12 мм, шириной 8 мм (рис.7: 42). В этом же погребении была найдена золотая калачевидная серьга «харинского типа» с завершением в виде гроздьев и зернью. Серьги такого типа известны в Бурковском и Кудашевском могильниках, и могут быть датированы культурно-хронологическим горизонтом Тураево-Кудаш (третья четверть IV – начало V в. н. э.) (Перескоков, 2018, с. 56).

В погребении 162 была найдена прозрачная стеклянная 14-ти гранная бусина красного цвета (рис. 7: 16). Бусина плохой сохранности. Существует гипотеза о том, что широкая популярность 14-ти гранных сердоликовых бус подтолкнула к производству бус такой же формы из стекла, так как это менее трудоемкий процесс, а затем

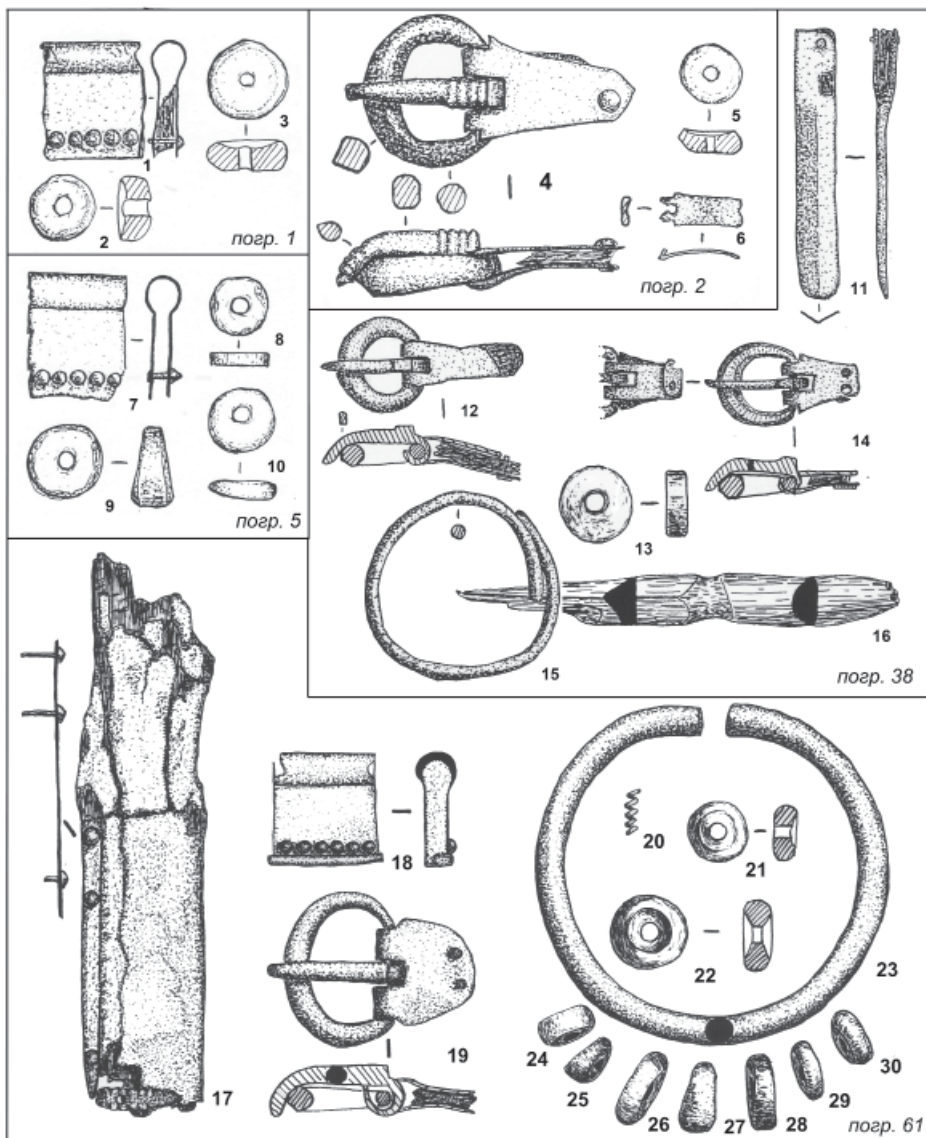


Рис. 6. Мокинский могильник. Вещевой инвентарь погребений 1, 2, 5, 38, 61. 1, 4, 6, 7, 11, 12, 14, 15, 18–20, 23 – бронза; 2, 3, 5, 21, 22, 24, 26, 29, 30 – стекло; 8–10, 13, 25, 27, 28 – янтарь; 16 – кость; 17 – бронза, медь, дерево.

Прорисовки выполнены А. Е. Старковым.

Fig. 6. Mokino burial ground. Items from the burials 1, 2, 5, 38, 61. 1, 4, 6, 7, 11, 12, 14, 15, 18–20, 23 – bronze; 2, 3, 5, 21, 22, 24, 26, 29, 30 – glass; 8–10, 13, 25, 27, 28 – amber; 16 – bone; 17 – bronze, copper, wood. Picture made by A. Starkov.

стеклянные бусы вытеснили сердолик (Никитина, 1995, с. 77). Хотя Г.Ф. Никитина рассуждает о 14-ти гранных

бусках из синего стекла, на наш взгляд, подобные красные бусы не менее, а возможно и более, соответствуют

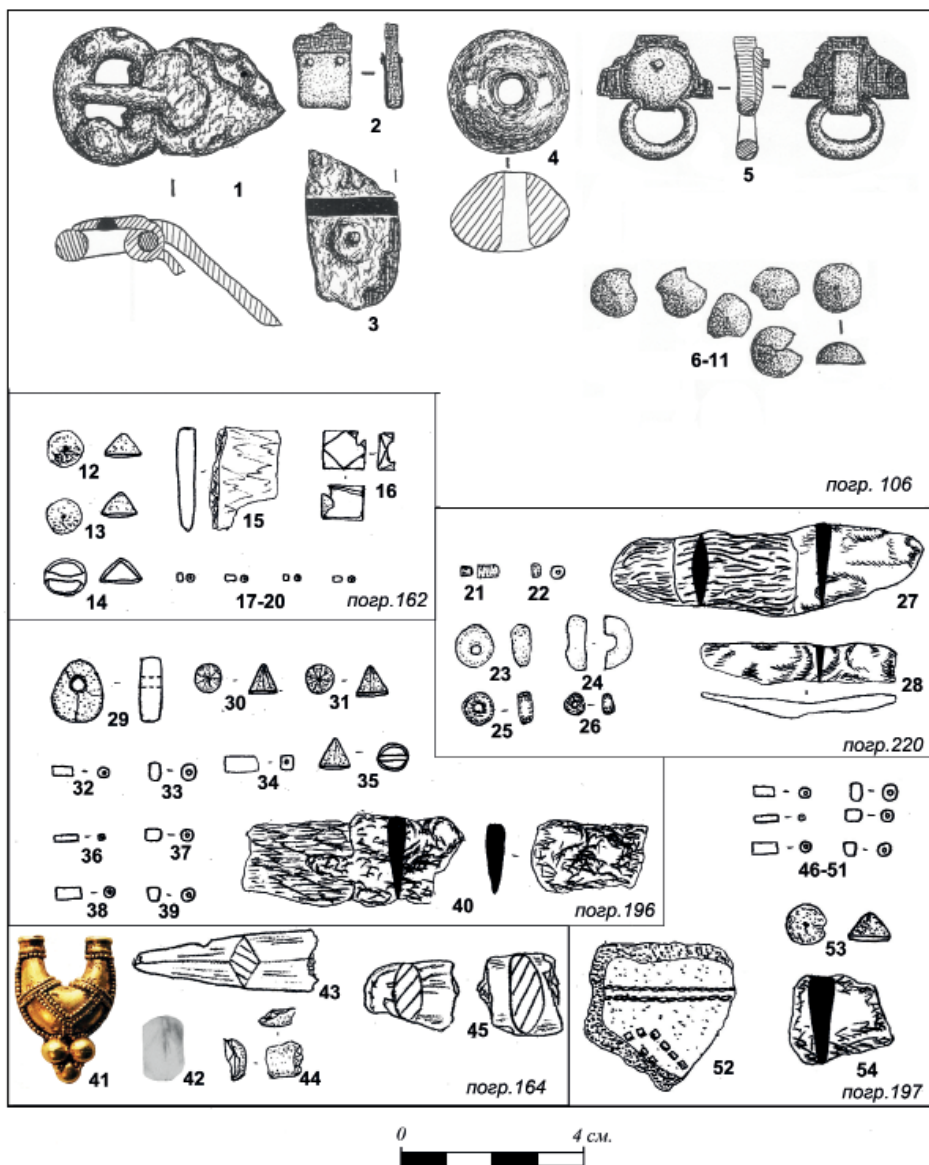


Рис. 7. Мокинский могильник. Вещевой инвентарь погребений 106, 162, 164, 196, 197, 220. 1–3, 5–14, 30, 31, 35, 53 – бронза; 4 – халцедон; 15, 43, 45 – кость; 16–22, 24, 26, 32–34, 36–39, 46–51 – стекло; 23–25 – белый металл; 27, 28, 40, 54 – железо; 29, 44 – янтарь; 41 – золото; 42 – горный хрусталь; 52 – керамика.

Прорисовки 1–11 выполнены А.Е. Старковым.

Fig. 7. Mokino burial ground. Things from the burials 106, 162, 164, 196, 197, 220. 1–3, 5–14, 30, 31, 35, 53 – bronze; 4 – chalcedony; 15, 43, 45 – bone; 16–22, 24, 26, 32–34, 36–39, 46–51 – glass; 23–25 – white metal; 27, 28, 40, 54 – iron; 29, 44 – amber; 41 – gold; 42 – rock-crystal; 52 – pottery.

Picture 1–11 made by A. Starkov.

данной гипотезе, так как копируют не только форму, но и цвет популярных сердоликовых бус. Похожие бусы

найлены в составе ожерелья из 16 стеклянных и 1 сердоликовой в погребении из кургана 26 могильника По-

кровка 10, которое датируется концом III – началом IV в. (Малашев, Яблонский, 2008 с. 14, рис. 160. 5–6). 14-ти гранные бусы широко распространены в позднесарматских могильниках Урало-Казахстанских степей (Боталов, Гуцалов, 2000). К сожалению, в публикации очень низкое качество иллюстраций и весьма скромное описание погребений, что не позволяет во многих случаях достоверно определить тип бус и материал, из которого они изготовлены. В характеристике инвентаря 14-ти гранные стеклянные красные и сердоликовые бусы рассматриваются вместе как один тип.

Во второй хронологической зоне начинают появляться янтарные бусы.

В погребении 79 найдена дисковидная янтарная бусина (D – 8,5 мм, Н – 3 мм). Бусина покрыта папиной, имеет незначительную разницу в ширине поперечного сечения (рис. 3: 7). Интерес представляет форма ее отверстия, углы которого скруглены, вероятно, что это следы от инструмента. Похожие «короткоцилиндрические» бусы, но с обычным отверстием Е.М. Алексеева относит к типу 7, и датирует I – IV вв. н. э. (Алексеева, 1987, с. 23–24, табл. 23, 5).

Бусина в форме полуэллипсоида (D – 10,5 мм, Н – 4,5 мм) найдена вместе со скоплением цилиндрического желтого бисера в погребении 248 (рис. 3: 8, 4: 9). Бусина покрыта папиной. Похожие бусы типа 9 по Е.М. Алексеевой относятся к IV в. н. э. (Алексеева, 1987, с. 23–24, табл. 24, 25, 26).

В погребении 196 была найдена плоская треугольная янтарная бусина (рис. 3: 9). Похожие плоские треугольные янтарные подвески встречаются в материале черняховских памятников (Гопкало, 2008, с. 71, 130).

В остальных случаях нам доступны лишь осколки янтаря, не подходящие для анализа. Иногда можно сослаться на описания находок в отчете: «обломок крупной таблетковидной янтарной бусины» (Соболева, 1992, с. 27) найден в погребении 165.

В погребении 222 была найдена янтарная бусина «кольцевидной формы» (D – 13,5 мм, Н – 7,5 мм). Бусина имеет более широкое, чем у других янтарных бус, отверстие, и края отверстия заглажены, так что не видны следы сверления канала.

В погребении 272 дисковидная янтарная бусина (D – 15 мм, Н – 7 мм) с разной толщиной поперечного сечения составляла единый комплекс с двумя металлическими 14-ти гранными бусами и спиралевидной бронзовой пронизкой (Перескоков, 2014, с. 15).

В погребении 288 найден фрагмент дисковидной янтарной бусины с ровными краями.

В погребении 263 была найдена самая крупная из всех представленных дисковидная янтарная бусина с фаской по краю (D – 18 мм, Н – 7 мм) (рис. 3: 12). В том же погребении была найдена 14-ти гранная бусина из синего прозрачного стекла (D – 9,7 мм, Н – 12,6 мм) (рис. 4: 8). А.В. Мастыкова, подробно рассматривая хронологию таких бус, приходит к выводу, что она укладывается в рамки от конца IV до первой половины VI в. (Мастыкова, 2009, с. 106–109). Среди множественных примеров она приводит женское захоронение Неккар, где граненные полиэдрические бусы обнаружены вместе с крупными дисковидными янтарными бусами, как и в нашем случае. Эта могила относится к периоду С3, то есть к середине – концу IV в. (Мастыкова, 2009, с. 107). По

типологии Е.В. Голдиной синие 14-тигранные бусы относятся к типу IVA49 и входят в хронологическую группу конца IV–IX в. Погребение 263 расположено на переходном участке от второй хронологической зоны к третьей.

Плотная концентрация янтарных бус и подобных им стеклянных наблюдается в третьей хронологической зоне в раскопах В.А. Оборина 1987 г. В его отчете 22 бусины описаны как янтарные (Оборин, 1987). Однако при визуальном осмотре имеющихся в наличии бус, дисковидные «янтарные» бусы из погребений 1 (2 шт.), 2 (1 шт.) оказались стеклянными. Это бусы из прозрачного темно-желтого или желто-коричневого стекла по форме и размерам похожие на представленные янтарные бусы – назовем их «псевдо-янтарными» (рис. 4: 1–5). Бусы из погребений 22 (1 шт.) и 61 (6 из 9 шт.) также стеклянные. Это было выяснено А.Е. Старковым, о чем свидетельствуют сделанные им рисунки и подписи к ним. Таким образом, именно янтарных бус из раскопок В.А. Оборина 12 шт. (в коллекции сохранились 4), располагаются они в погребениях 5 (3 шт.), 38 (1 шт.), 40 (1 шт.), 45 (1 шт.), 52 (1 шт.), 58 (1 шт.) 59 (1 шт.) и 61 (3 шт. из 9 найденных). В погребении 58 янтарная бусина имела бочонковидную форму. Остальные найденные в третьей зоне янтарные бусы дисковидной формы среднего размера (D от 12 до 16 мм): 4 бусины правильной формы с ровными острыми краями; 7 бусин имеют характерную погрешность – разная толщина поперечного сечения, одна из них имеет фаску по краю. По типологии Е.В. Голдиной Мокинские янтарные дисковидные бусы наиболее близки типу ХА3, относящемуся к концу IV–VI в. (Голдина, 2010, с. 43, рис. 28,

33). Их также можно соотнести с типом 7 по Е.М. Алексеевой, относящемуся к I–IV вв. н. э. (Алексеева, 1987, с. 23–24, табл. 23, 4, 5, 7, 10). Янтарные дисковидные бусы правильной формы с ровными острыми краями были найдены в кургане 2 погребения 3 могильника Кала-Урын, который находится в 4 км к юго-востоку от Мокинского. Комплекс вещей этого кургана датирован рубежом IV–V – началом V в. (Перескоков, 2017, с. 94, рис. 3). В Калашниковском курганном могильнике известны дисковидные и бочонковидные янтарные бусы аналогичные Мокинским. Однако одна из бусин дисковидной формы, которую исследователи интерпретировали как янтарную, при более внимательном рассмотрении оказалась стеклянной. Вещевой комплекс Калашниковского могильника датирован первой половиной V в. (Мингалев, Перескоков, 2016). Близкие аналогии некоторым янтарным бусам Мокинского могильника мы находим среди янтарных дисковидных бус Велегожского клада, который датируют не позднее 2-й четверти V в. (Мастыкова, 2015, с. 62, рис. 51: 1–3, 5–8). Стоит отметить, что наряду с янтарными бусами Велегожский клад также содержит и «псевдо-янтарные» бусы (Румянцева, 2015, с. 72, рис. 48: 34).

В зоне 3 отчетливо проявляется преобладание «псевдо-янтарных» бус. На 12 янтарных бус приходится 10 псевдо-янтарных. Это дисковидные бусы из желто-коричневого прозрачного стекла, сделанные из нарезанных тянутых трубочек. Их форма, размеры и цвет имитируют дисковидные янтарные бусы, в некоторых случаях они даже имеют такую же погрешность в толщине поперечного сечения. По типологии Е.В. Голдиной, с

некоторыми оговорками по поводу цвета, их можно отнести к типам IA33 и IA37, относящихся к хронологическим группам конца IV–VII и конца IV–VI вв. соответственно. Бусы этих типов были найдены в курганах могильника Броды (Голдина, 2010, с. 27, рис. 20, 33, 34). На Мокинском могильнике «псевдоянтарные» бусы найдены в погребениях 1 (2 шт.), 2 (1 шт.), 61 (6 шт.) вместе с вещами-хрономаркерами V в. (рис. 6).

Выводы

Пространственный анализ комплекса бус Мокинского могильника позволил выявить культурные паттерны, существовавшие в разные периоды развития памятника.

Для времени III – начала IV в. характерно наличие хрустальных и 14-ти гранных сердоликовых бус.

В IV в. так называемый «бисерный бум» в Прикамье наглядно представлен разнообразием бисера. Для Мокинского могильника характерно преобладание желтого цвета бисера и большое количество цилиндрических

и квадратных в поперечном сечении трубочек из непрозрачного матового стекла.

IV в. на памятнике также характеризуется появлением янтарных бус.

Нарастающая популярность янтарных дисковидных бус характеризует переход от IV к V в. На Мокинском могильнике фиксируется тенденция развития дисковидных янтарных бус по пути увеличения размера и вариантов обработки краев.

Стоит отметить, что в хронологической зоне V в. появляются янтарные бусы со следами температурного воздействия – янтарь трещиноватый красно-вишневого цвета.

Несомненно, с возрастающей модой на янтарь связано появление стеклянных бус, стремящихся полностью повторить характеристики янтарных. Они появляются и распространяются в V в. и начинают сосуществовать с янтарными в пропорции близкой один к одному. Этот сюжет заслуживает отдельного более детального изучения.

Благодарности: Авторы выражают благодарность Н.В. Кулябиной (Соболевой) за возможность использовать неопубликованные материалы раскопок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 120 с.
2. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1982. С. 87 с илл.
3. *Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.* Гунно-сарматы Урало-казахских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 133 с.
4. *Гей О.А., Бажан И.А.* Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа) / Науч. ред. М.Б. Щукин. М.: Наука, 1997. 144 с.
5. *Голдина Е.В.* Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.) // Материалы и исследования КВАЭ. Т. 6. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2010. 264 с.
6. *Голдина Е.В.* Характеристика и датировка бус Тураевского I могильника (бескурганная часть) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция / МКВАЭ. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.И. Широбокова. Ижевск: Удмурт, ун-т, 2012. С. 193–202.
7. *Голдина Е.В.* Бусы в женских погребениях Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме // Вестник Пермского университета. История. 2015а. Вып. 1 (28). С. 53–69.

8. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
9. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) // *Материалы и исследования КВАЭ*. Т. 17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 499 с.
10. *Гопкало О.В.* Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2008. 252 с.
11. *Иванов А.Г.* Новые материалы по ранней дате поломской культуры: курганная часть Варнинского могильника // *Пермский мир в раннем средневековье*. Вып. 1 / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. С. 6–52.
12. *Казанцева О.А.* Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области. Ижевск, 2004. 174 с.
13. *Казанцева О.А.* Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья / *Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции*. Т. 24. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 180 с.
14. *Ковалевская В.Б.* Хронология Восточно-Европейских древностей V–IX веков. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М.: ИА РАН, 1998. 94 с.
15. *Коренюк С.Н.* Могильник раннего железного века Верхний Ирьяк // *Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений* / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2004. С. 95–98.
16. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // *Вестник Пермского университета. Серия «История»*. 2011. Вып. 1 (15). С. 65–80.
17. *Коренюк С.Н., Перескоков М.Л., Юкова М.К.* Бусы могильника Верхний Ирьяк // *История и культура Российской Северо-Урала в исследовательском, образовательном и просветительском измерениях*. Ч. 3 / Отв. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. С. 12–15.
18. *Красноперов А.А.* Бусы Нырғынды <https://www.academia.edu/3156851/> (дата обращения: 26.11.2018)
19. *Лецинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.) / *Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции*. Т. 27. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2014. 472 с.
20. *Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т.* Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / *МИАР*. № 9. М.: Восточная литература, 2008. 364 с.
21. *Мастыкова А.В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
22. *Мастыкова А.В.* Стекланные полихромные и янтарные бусы из Велегожского клада // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Конференция 4. Ч. I / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. С. 57–67.
23. *Мингалев В.В., Перескоков М.Л.* Хронология и культурная принадлежность Калашниковского курганного могильника (по материалам раскопок 1982 г. и 2012 г.) // *XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Материалы всероссийской научно-практической конференции*. (Пермь, 9–12 февраля 2016 г.) / Гл. ред. Г.П. Голованский. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т. 2016. С. 145–154
24. *Никитина Г.Ф.* Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. М.: Наука, 1995. 230 с.
25. *Оборин В.А.* Отчет об исследовании Мокинского могильника в Пермском районе Пермской области в 1987 г. / *Архив Кабинета археологии Пермского государственного национального исследовательского университета КА ПГНИУ*, 1987.
26. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.

27. *Перескоков М.Л.* Курган с воинским погребением V в. на могильнике Кала-Урын // Вестник пермского университета. 2017. Вып. 1. С. 84–97.

28. *Перескоков М.Л.* Отчет об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия регионального значения «Мокино 1, поселение-могильник» у дер. Мокино, на левом берегу р. Мулянки в пермском районе Пермского края в 2014 году / Архив КА ПГНИУ, 2014.

29. *Перескоков М.Л.* Отчет об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия регионального значения «Мокино 1, поселение-могильник» у дер. Мокино, на левом берегу р. Мулянки в пермском районе Пермского края в 2016 году / Архив КА ПГНИУ, 2016.

30. *Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГУ, 2018. 320 с.

31. *Перескоков М.Л., Доткин К.В., Якимова Д.А.* Головной убор IV в. н. э. из Мокинского могильника // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 178–198.

32. *Румянцева О.С.* Бусы могильника Брут 2 2-й половины II – середины III в. // Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН, ТАУС. 2009 С. 341–437.

33. *Румянцева О.С.* Стекланные бусы Велегожского клада: монохромные и с металлической прокладкой // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. I / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015б. С. 68–79.

34. *Соболева Н.В.* Отчет о раскопках Мокинского могильника в 1990 году. Пермь, 1990 / Архив КА ПГНИУ, 1990.

35. *Соболева Н.В.* Отчет о раскопках Мокинского могильника в 1991 году. Пермь, 1991 / Архив КА ПГНИУ, 1991.

36. *Соболева Н.В.* Отчет о раскопках Мокинского могильника в 1992 году. Пермь, 1992 / Архив КА ПГНИУ, 1992.

37. *Соболева Н.В.* Отчет о раскопках Мокинского могильника в 1999 году. Пермь, 1999 / Архив КА ПГНИУ, 1999.

Информация об авторах:

Мингалев Виталий Викторович, старший преподаватель, Высшая школа экономики, Национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); vmingalev@yandex.ru

Мингалева Мария Константиновна, аспирант, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); m.yukova@yandex.ru

Перескоков Михаил Львович, кандидат исторических наук, старший преподаватель. Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); pereskokoff@ya.ru

BEADS OF THE MOKINO CEMETERY (3TH – 6TH CENTURIES AD) IN PERM REGION

V.V. Mingalev, M.K. Mingaleva, M.L. Pereskokov

The paper introduces into scientific discourse the beads from the Mokino burial ground and a series of accurately dated complexes (burials). The authors verify the modern concept of the site's chronology. Beads from the collections of Mokino burial ground were distributed into separate chronological areas using the spatial analysis. Characteristic trends which reflected in a change of cultural and chronological markers were identified for each of the periods. The chronology of the “bead boom” and amber bead trends were determined for the sites of the Kama region. A variety of counterparts from the sites of the Volga and Black Sea regions were identified for a number of bead types. A description of the color scheme of the beads from the burial ground is provided, which reveals a cultural specificity as compared with the sites of the same period. As a result, the authors confirm the existing dating of the

site, and reveal the potential of using spatial analysis of the site in terms of its areas, as opposed to individual closed complexes.

Keywords: archaeology, Perm region, Mokino cemetery, 3th – 6th centuries, chronology, planigraphy, beads.

REFERENCES

1. Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Botalov, S. G., Gutsalov, S. Yu. 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-kazakhskikh stepei (The Huns/Sarmatians of the Ural-Kazakh Steppes)*. Cheliabinsk: "Rifei" Publ. (in Russian).
4. Gaj, O. A., Bažan, I. A. 1997. *Khronologija epokhi «gotskikh pokhodov» (na territorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza) (Chronology of the Epoch of "Gothic Raids" (on the Territory of Eastern Europe and Caucasus))*. Moscow: "Nauka" Publ., (in Russian).
5. Goldina, E. V. 2010. In *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama and Vyatka Archaeological Expedition)* 6. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
6. Goldina, E. V. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaja atributsija (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama and Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 193–202 (in Russian).
7. Goldina, E. V. 2015. In *Vestnik Permskogo universiteta. Serija Istorija (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 28 (1), 53–69 (in Russian).
8. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of Ist – 5th Centuries in the Middle Kama Region)* II. Izhevsk: "Udmurtia" Publ. (in Russian).
9. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereselenija narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans))*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama and Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
10. Gopkalo, O. V. 2008. *Busy i podveski cherniakhovskoi kul'tury (Beads and Pendants of the Cherniakhov Culture)*. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
11. Ivanov, A. G. 1999. In Ivanov, A. G. (ed.). *Permskii mir v rannem srednevekov'e (Permian World in Early Middle Ages)*. Series: Archaeologia Permica 1. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 6–52 (in Russian).
12. Kazantseva, O. A. 2004. *Katalog arkhelogicheskikh pamiatnikov Bardymskogo raiona Permskoi oblasti. (Catalogue of the Archaeological Sites of Bardymsky District of Perm Oblast)*. Izhevsk (in Russian).
13. Kazantseva, O. A. 2012. *Krasnoiarskii mogil'nik I–V vv. n.e. v basseine r. Tulvy Srednego Prikam'ia (Krasny Yar Burial Ground from Ist – 5th cc. AD in the Tulva River Basin, Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama and Vyatka Archaeological Expedition) 24. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
14. Kovalevskaya, V. B. 1998. *Khronologija Vostochno-Evropeskikh drevnostei V–IX vekov. Vyp. 1. Kamennye busy Kavkaza i Kryma (Chronology of the East European Antiquities of the 5th – 9th Centuries. Issue 1. Stone Beads from the Caucasus and Crimea)*. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (in Russian).

15. Koreniuk, S. N. 2004. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga and Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 95–98 (in Russian).
16. Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F., Pereskokov, M. L. 2011. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 15 (1), 65–80 (in Russian).
17. Koreniuk, S. N., Pereskokov, M. L., Iukova, M. K. 2018. In Zhrebtsov, I. L. (ed.). *Istoriia i kul'tura Rossiiskogo Severa v issledovatel'skom, obrazovatel'nom i prosvetitel'skom izmereniiakh (History and Culture of the Russian North in Research, Educational and Enlightening Dimensions)* 3. Syktyvkar: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Komi Scientific Center, Language, Literature and History Institute, 12–15 (in Russian)..
18. Krasnopeorov, A. A. *Busy Nyrgyndy (The Nyrgynda Beads)* <https://www.academia.edu/3156851/> (accessed: 26.11.2018)
19. Leshchinskaia, N. A. 2014. *Viatskii kraj v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv., n. e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st – 5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama and Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
20. Malashev, V. Yu., Iablonskii, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (The Steppe Population of the Southern Urals in Late Sarmatian Period: Materials of the Pokrovka 10 Cemetery)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii Rossii (Materials and Studies in the Archaeology of Russia) 9. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).
21. Mastykova, A. V. 2009. *Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n.e. (Women's Costume of Central and Western Fore-Caucasus at the End of 4th – Middle 6th Century AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
22. Mastykova, A. V. 2015. In Vorontsov, A. M., Gavritukhin, I. O. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikoy pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Era of Roman Influence and the Great Migration)* 1. Tula: “Kulikovo Pole” State Museum-Reserve, 57–67 (in Russian).
23. Mingalev, V. V., Pereskokov, M. L. 2016. In Golovchanskii, G. P. (ed.). *XV Baderovskie chteniia po arkhologii Urala i Povolzh'ia (15th Bader Readings on Archaeology of the Urals and the Volga Region)*. Perm: Perm State National Research University, 145–154 (in Russian).
24. Nikitina, G. F. 1995. *Analiz arkhelogicheskikh istochnikov mogil'nika cherniakhovskoi kul'tury u sela Oselivka (Analysis of the Archaeological Sources of the Burial Ground of Chernyakhovsk Culture near Oselivka Village)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
25. Oborin, V. A. 1987. *Otchet ob issledovanii Mokinskogo mogil'nika v Permskom raione Permskoi oblasti v 1987 g. (Report on the Study of the Mokino Burial Ground in the Permsky District of Perm Oblast in 1987)*. Archive of the Cabinet of Archaeology of Perm State National Research University (in Russian).
26. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (The Population of the Middle Kama Region in the 3rd – 5th Centuries)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
27. Pereskokov, M. L. 2014. *Otchet ob arkhelogicheskikh raskopkakh na territorii ob'ekta kul'turnogo naslediiia regional'nogo znachenii «Mokino 1, poselenie-mogil'nik» u der. Mokino, na levom beregu r. Muliianki v permskom raione Permskogo kraia v 2014 godu ((Report on Archaeological Excavations in the Territory of the Cultural Heritage Site of Regional Significance “Mokino 1, Settlement / Burial Ground” near Mokino Village on the Left Bank of the Mulyanka River in the Perm Region of Perm Krai in 2014)*. Archive of the Cabinet of Archaeology of Perm State National Research University (in Russian).
28. Pereskokov, M. L. 2016. *Otchet ob arkhelogicheskikh raskopkakh na territorii ob'ekta kul'turnogo naslediiia regional'nogo znachenii «Mokino 1, poselenie-mogil'nik» u der. Mokino, na levom beregu r. Muliianki v permskom raione Permskogo kraia v 2016 godu (RReport on Archaeological Excavations in the Territory of the Cultural Heritage Site of Regional Significance “Mokino 1,*

Settlement / Burial Ground" near Mokino Village on the Left Bank of the Mulyanka River in the Perm Region of Perm Krai in 2016). Archive of the Cabinet of Archaeology of Perm State National Research University (in Russian).

29. Pereskokov, M. L. 2017. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* (1), 84–97 (in Russian).

30. Pereskokov, M. L. 2018. *Permskoe Priural'e v finale rannego zheleznogo veka (Perm Cis-Urals Region in Final Stage of the Early Iron Age)*. Perm: Perm State University (in Russian).

31. Pereskokov, M. L., Dotkin, K. V., Yakimova, D. A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 178–198 (in Russian).

32. Rumiantseva, O. S. 2009. In Gabuev, T. A., Malashev, V. Yu. *Pamiatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza (Sites of the Early Alans of Central Areas of the Northern Caucasus)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Taus" Publ., 341–437 (in Russian).

33. Rumiantseva, O. S. 2015. In Vorontsov, A. M., Gavritukhin, I. O. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Era of Roman Influence and the Great Migration)* 1. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 68–79 (in Russian).

34. Soboleva, N. V. 1990. *Otchet o raskopkakh Mokinskogo mogil'nika v 1990 godu (Report on the Excavations of Mokino Burial Ground in 1990)*. Perm. Archive of the Cabinet of Archaeology of Perm State National Research University (in Russian).

35. Soboleva, N. V. 1991. *Otchet o raskopkakh Mokinskogo mogil'nika v 1991 godu (Report on the Excavations of Mokino Burial Ground in 1991)*. Perm. Archive of the Cabinet of Archaeology of Perm State National Research University (in Russian).

36. Soboleva, N. V. 1992. *Otchet o raskopkakh Mokinskogo mogil'nika v 1992 godu (Report on the Excavations of Mokino Burial Ground in 1992)*. Perm. Archive of the Cabinet of archaeology of Perm State National Research University (in Russian).

37. Soboleva, N. V. 1999. *Otchet o raskopkakh Mokinskogo mogil'nika v 1999 godu (Report on the Excavations of Mokino Burial Ground in 1999)*. Perm. Archive of the Cabinet of Archaeology of Perm State National Research University (in Russian).

About the Authors:

Mingalev Vitalii V. Higher School of Economics, National Research University, Studencheskaya Str. 38, Perm, 614070, Russian Federation; vmingalev@yandex.ru

Mingaleva Mariia K. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; m.yukova@yandex.ru

Pereskokov Mihail L. Candidate of Historical Sciences. Perm State University, Bukireva Str. 15, Perm, 614990, Russian Federation; pereskokoff@ya.ru

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

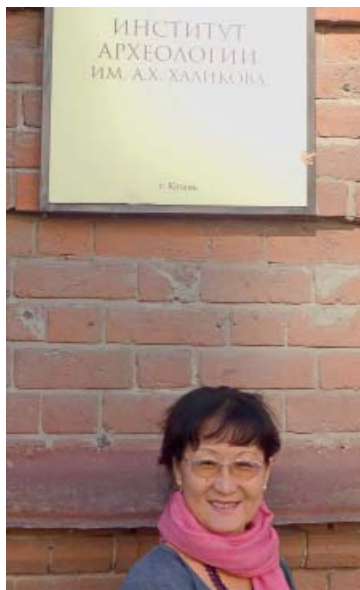
Хроника

УДК 902/904 903.5 903.4

<https://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.222.227>

ЮБИЛЕЙ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ ОЧИР-ГОРЯЕВОЙ

© 2019 г. М.Ш. Галимова



В статье кратко представлены творческий путь и результаты исследований доктора исторических наук, известного специалиста по археологии кочевников эпохи бронзы и раннего железа Евразии, научного сотрудника отдела первобытной археологии Марии Александровны Очир-Горяевой. Она является автором пяти монографий, свыше 170 научных публикаций, удостоена почетных званий «Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия», Член-корреспондент Германского Археологического института. М.А. Очир-Горяева была стипендиатом фонда Александра фон Гумбольдта, руководила международными научными проектами, а в настоящее время проводит исследования средневекового археологического комплекса Башанта в Нижнем Поволжье в рамках совместной экспедиции Калмыцкого научного центра РАН и Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан.

Ключевые слова: археология, степи Евразии, Нижнее Поволжье, бронзовый век, ранний железный век, ранее средневековье, кочевники, скифская эпоха, курганы, поселения, погребальный обряд.

В феврале 2019 года в стенах Института археологии имени А.Х. Халикова АН РТ отмечался юбилей сотрудника отдела первобытной археологии, доктора исторических наук,

известного специалиста по археологии кочевников эпохи бронзы и раннего железа Евразии Марии Александровны Очир-Горяевой. Она родилась 16 февраля 1959 года в Республике

Калмыкия, в селе Малые Дербеты, в семье чабана Александра Манджиевича Зумаева и домохозяйки Цаган Оконовны Зумаевой (Дертеевой). В 1976 г. Мария окончила Малодербетовскую среднюю школу и поступила на историческое отделение Калмыцкого государственного университета. В 1979 году она была переведена для специализации на кафедру археологии Ленинградского госуниверситета. В 1982 году Мария закончила университет с отличием и рекомендацией в аспирантуру и начала трудовую деятельность в качестве старшего научного сотрудника Калмыцкого республиканского краеведческого музея в городе Элиста.

В период работы в музее Мария Зумаева являлась соискателем при Отделе истории первобытного общества Государственного Эрмитажа под руководством И.П. Засецкой. В 1983 г. Мария вышла замуж за Владимира Очир-Горяева, в то время аспиранта Ленинградского сельскохозяйственного института. В 1984 году у супругов Очир-Горяевых родилась дочь Эльза. Осенью того же года Мария Александровна поступила в очную аспирантуру Ленинградского государственного университета. В декабре 1988 г. М.А. Очир-Горяева успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Савроматская культура Нижнего Поволжья (VI–IV вв. до н.э.)». По окончании аспирантуры она была принята сначала в штат хоздоговорной археологической лаборатории, а через полгода – в штат сектора археологии Калмыцкого научно-исследовательского института на должность старшего научного сотрудника.

С первого года своей работы в институте Мария Александровна успешно выполняла план НИР по должно-

сти и одновременно осуществляла проекты по спасательным раскопкам, т.е. брала Открытые листы в качестве заместителя начальника археологической экспедиции и вела масштабные археологические раскопки в зоне строительства, как тогда называли «народно-хозяйственных объектов». В феврале 1993 года в числе 11 молодых ученых Российской Федерации М.А. Очир-Горяева была награждена Медалью и Премией Европейской Академии за серию из трех статей о локализации савроматов по описаниям античных греческих писателей и на базе анализа археологических памятников. В 1994 году она была направлена на повышение квалификации и выполнение работ по плановой теме в скифо-сарматский отдел Института археологии РАН, где успешно проработала в течение двух лет. Возможность работать среди ведущих ученых в области скифо-сарматской археологии, регулярное посещение докладов и защит диссертаций в стенах Института археологии РАН сыграло важную роль в дальнейшем профессиональном росте и расширении исследовательского кругозора Марии Александровны.

В 1995 году М.А. Очир-Горяева была назначена Директором Калмыцкого Республиканского Краеведческого музея имени профессора Н.Н. Пальмова. В период работы в музее она продолжала вести научные исследования. Так, в том же 1996 году она выиграла двухгодичный грант фонда Сороса, на средства которого была организована археологическая экспедиция, на базе которой студенты первого курса исторического факультета Калмыцкого государственного университета в течение 1997–1999 гг. проходили археологическую практи-

ку. В 1998–1999 гг. М.А. Очир-Горяева по совместительству преподавала на кафедре всеобщей истории Калмыцкого государственного университета, вела основные курсы по основам археологии, истории первобытного общества и читала два спецкурса по археологии. Работа в Калмыцком музее позволила Марии Александровне существенно углубить знания по этнографии и истории калмыков, что в значительной степени повлияло на дальнейшее становление ее как исследователя.

В 1998 году М.А. Очир-Горяева перешла работать в сектор археологии Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и этнографии (КНИИИФЭ) и вскоре была назначена ученым секретарем, продолжая преподавать в Калмыцком государственном университете. В 1999 г. она приняла участие в конкурсе и выиграла стипендию Фонда Александра фон Гумбольдта для написания монографии в стенах Евразийского Отделения Германского Археологического института. Четырехмесячные языковые курсы и проживание в языковой среде позволили ей овладеть немецким языком. Монография, написанная М.А. Очир-Горяевой в 2000–2001 годах, была опубликована в 2005 году на немецком языке, в серии «Археология Евразии» (том 19) под названием «Комплекс уздечных наборов из Хошеутова. Исследования скифского звериного стиля в регионе Нижнего Поволжья».

Возможность работы в крупнейшей библиотеке, специализированной по археологии Евразии, а также личное знакомство и творческое сотрудничество с рядом ведущих археологов Германии, всего бывшего Советского Союза и стран СЭВ послужили но-

вым импульсом в научных исследованиях археологических памятников Нижнего Поволжья на широком фоне Евразийских древностей. Благодаря финансовой поддержке фонда Гумбольдта, Мария Александровна смогла совершить поездки для работы в музеях и знакомства с археологическими памятниками в Туву, Хакассию, Западную Сибирь, Украину и Польшу. В 2002 году она вернулась в Калмыкию и продолжила работать в отделе комплексного мониторинга Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований, где проработала до 2014 г.

В 2005 году Мария Александровна была удостоена почетного звания и диплома Члена-корреспондента Германского Археологического института. За весь 250 летний период существования Германского Археологического института, одного из старейших научных учреждений Германии, этого звания удостоились только 17 российских ученых-археологов. В 2004 году Мария Александровна читала лекции в Кембриджском и Дааремском университете по приглашению Британской Академии наук. С 1996 года Мария Александровна является руководителем проектов, поддержанных Российским Гуманитарным Научным Фондом и Германским Археологическим Институтом. С 2010 по 2012 гг. она была руководителем совместного проекта «Поселения в степи преисторического и средневекового времени в Волго-Маньчских степях», который был выполнен в рамках программы «Партнерство институтов» Фонда Александра фон Гумбольдта (2010–2013 гг.) совместно с Археологическим Ландесамтом Земли Шлезвиг-Гольштайн (г. Шлезвиг, Германия). За многолетний добросовестный труд и

плодотворную научную деятельность в 2011 г. Мария Александровна Очир-Горяева была удостоена Почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия».

В 2008 году была опубликована монография М.А. Очир-Горяевой «Археологические памятники Волго-Маньчских степей (свод памятников исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.)», в которой подведены итоги археологического изучения территории Калмыкии, начиная с первых научных исследований. Монография снабжена электронной картой всех исследованных памятником, списками, где указана культурно-хронологическая принадлежность каждого погребения, ссылками на полевые отчеты и публикации. В книге представлен анализ архивных материалов по археологии в научном архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, анализ археологических коллекций Национального и ряда общественных музеев республики, анализ публикаций по археологии Калмыкии. Эта книга явилась своего рода энциклопедией по археологии Республики Калмыкия. В многотомной истории Калмыкии с древнейших времен М.А. Очир-Горяевой написан раздел по археологии Калмыкии от палеолита до эпохи средневековья. В новом издании Большой Российской энциклопедии, в томе 11, в разделе «Республика Калмыкия» ею написан раздел «Древняя история края».

В 2014 году М.А. Очир-Горяева успешно защитила в Казани докторскую диссертацию на тему «Погребения с захоронениями коней и предметами узды Северного Причерноморья, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Горного Алтая». В своей работе

Мария Александровна проанализировала устройство сотен погребальных комплексов скифского времени Евразии, рассматривая их как единое культурное явление. Важнейшим результатом этого фундаментального исследования стала реконструкция роли коня в культуре кочевников скифской эпохи степной Евразии.

С 2015 по сегодняшний день М.А. Очир-Горяева возглавляет совместную археологическую экспедицию Калмыцкого научного центра РАН и Института археологии имени А.Х. Халикова АН РТ. В ходе выполнения научной программы экспедиции исследуется первое на территории республики Калмыкия поселение эпохи средневековья с каменными постройками Башанта I–II и несколько поселений бронзового века, открытые Марией Александровной и ее учениками. Материалы, полученные в результате планомерных исследований археологического комплекса Башанта в Калмыкии, позволяют по-новому раскрыть раннесредневековую историю Нижнего Поволжья и всей степной Евразии.

Сегодня М.А. Очир-Горяева – автор свыше 170 научных работ, в том числе пяти монографий, изданных в России и за рубежом, которые принесли ей заслуженное международное признание. Системная работа, опирающаяся на комплексные полевые исследования, и щепетильное отношение к археологическому материалу отражают качества, позволяющие Марии Александровне достигать высоких научных результатов. Исследователь по-прежнему полна сил и творческой энергии, продолжает совершать открытия, из-под ее пера «друг за другом» выходят в свет новые публикации. Коллеги Марии

Александровны по Институту археологии имени А.Х. Халикова АН РТ и желают новых творческих успехов и крепкого здоровья!

поздравляют ее со славным юбилеем

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ

1. Археологические памятники волго-маньчских степей: (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
2. Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 486 с.
3. Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Институт археологии им. А.Х. Халикова, 2017. 420 с.
4. Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии // РА. 1992. № 2. С. 32–41.
5. Погребения скифской эпохи с предметами конской узда из Нижнего Поволжья // РА. 2008. № 4. С. 5–14.
6. Особенности погребального обряда кочевников Евразии скифской эпохи // Вестник древней истории. 2009. №1. С. 9–28.
7. К вопросу о роли коня в погребальном обряде калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. №1. С. 28–32.
8. Культура кочевников Нижнего Поволжья скифского времени: общее и особенное // Поволжская археология. 2014. № 4 (10). С. 106–132.
9. Дискуссионные проблемы изучения образа жизни и типа хозяйства населения Волго-Маньчских степей эпохи бронзы. Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 3–51.
10. К изучению памятника эпохи раннего средневековья Башанта-II // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 23–36 (соавт. Ситдииков А.Г., Кияшко Я.А., Нага Т.).
11. Погребения эпохи бронзы с орудиями труда и оружием из курганных групп Восточный Маныч // Монголоведение. 2017. № 11 (11). С. 5–19
12. Планиграфия курганов как источник по семейно-родовой и социальной иерархии скифов Северного Причерноморья // Стратум Плюс. Археология и культурная антропология. 2018. Вып 3. С. 57–87.
13. Otchir-Goriaeva M. Welchen Kultur- und Wirtschaftstyp repräsentieren die bronzezeitlichen Funde in den Wolga-Manyč-Steppen? In: Eurasia Antiqua. Berlin: Eurasien Abteilung DAI. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2001. Band 8. S. 105–133.
14. Očir-Gorjaeva M. Pferdegeschirr aus Chosheutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2005. 184 s. (Archäologie in Eurasien; Bd. 19).
15. Ochir-Goryaeva M. The Scythian Tombs: Construction and Geographical Orientation In: The European Journal of Archaeology. 2015. Issue 18.3. P. 477–496.

Информация об авторе:

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, зав. отделом первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия); mgalimova@yandex.ru

ANNIVERSARY OF MARIA ALEXANDROVNA OCHIR-GORYAIEVA

M.Sh. Galimova

The article contains brief information on the creative life and results of studies by Maria Alexandrovna Ochir-Goryaeva, Research Associate of the Prehistory Archaeology Department, Doctor of Historical Sciences and renowned specialist in the field of the archaeology of nomads of the Bronze and Early Iron Ages of Eurasia. She is the author of five monographs and over 170 scientific publications. She has been awarded the honorary

titles of “Honored Worker of Science of the Republic of Kalmykia”, and “Corresponding Member of the German Archaeological Institute”. M.A. Ochir-Goryaeva has been a grant holder of the Alexander von Humboldt Foundation, she has managed international scientific projects, and is presently conducting studies of Bashanta medieval archaeological complex in the Lower Volga region within the framework of a joint expedition of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences and the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences.

Keywords: archaeology, Eurasian steppes, Lower Volga region, Bronze Age, Early Iron Age, Early Middle Ages, nomads, Scythian Epoch, barrows, settlements, funeral rite.

About the Author:

Galimova Madina Sh. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; mgalimova@yandex.ru

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

УДК 903.28 903.4 904 951.6

<https://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.228.232>**К ЮБИЛЕЮ ГУЛЬШАТ ШАРИПЗЯНОВНЫ АСЫЛГАРАЕВОЙ****© 2019 г. А.Ш. Кабирова, А.А. Чижевский**

Статья посвящена юбилею известного российского археозоолога Г.Ш. Асылгараевой. Раскрыты ступени становления ее как профессионального ученого, показан путь в науку, который начинался с изучения археозоологических материалов средневековых памятников. В настоящее время, кроме средневековья, в круг ее интересов входит первобытная и раннесредневековая археология Волго-Камья. Широкая эрудиция и глубокие знания позволили Гульшат Шарипзяновне стать одним из ведущих специалистов в области палеозоологии Поволжья и Урала. Также Г.Ш. Асылгараева является ответственным секретарем журнала «Поволжская археология» с момента его образования.

Ключевые слова: археозоология, морфология костей животных, эпоха бронзы, ранний железный век, средневековая археология, юбилей, Поволжская археология.

1 сентября 2019 года исполнилось 50 лет Гульшат Шарипзяновне Асылгараевой, старшему научному сотруднику отдела средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана, кандидату ветеринарных наук, общепризнанному специалисту в области средневековой археозоологии.

Родилась Гульшат в семье ученых-филологов в г. Казани. Отец – Асылгараев Шарипзян Нурлыгараевич – всю жизнь посвятил изучению татарской литературы, мама – Асылгараева

Равза Аминовна – долгие годы преподавала татарский язык в Казанском педагогическом институте, после реорганизации – Казанском федеральном университете. Казалось, жизненный путь Гульшат тоже предопределен, тем более перед глазами был пример старшей сестры, которая вслед за родителями выбрала гуманитарную стезю и стала историком.

Однако Гульшат Шарипзяновна пошла своим путем, выбранным еще в ранней юности, когда она увлеклась биологией и последовательно, упор-

но продолжает идти по нему на протяжении всей сознательной жизни. С детства ярко проявилась ее любовь к животным: ребенком она часто играла во дворе с кошками и собаками; став постарше, ходила на Казанский ипподром (благо он находился в двух шагах от родительского дома), ухаживала за лошадьми. В школе ее любимым предметом была биология. Она хотела знать о животных все, поэтому с интересом изучала разные виды животных и читала специальную литературу.

Окончив в 1986 году среднюю школу № 88, Гульшат недолго размышляла над выбором будущей профессии. Желание помогать «братьям нашим меньшим», заботиться о них привело ее в стены Казанского государственного ветеринарного института им. Н.Э. Баумана. Старейшее учебное заведение Казани с более чем столетней историей (институт был учрежден и образован еще в 1873 году согласно Указу императора России Александра II) имело широкую известность и внесло огромный вклад в подготовку ветеринарных врачей и зооинженеров для народного хозяйства нашей страны.

В 1991 году Гульшат Шарипзянова завершила обучение в институте с красным дипломом, получив специальность ветеринарного врача. Ей предложили место в аспирантуре, но Гульшат жаждала практической работы.

После учебы в ВУЗе, как и многие выпускники советских времен, Г.Ш. Асылгараева трудилась ветеринарным врачом в сельской местности, в совхозе «Зай» Заинского района Татарстана. Через несколько лет она вернулась в Казань и устроилась на работу в частную ветеринарную клинику, где продолжила совершенствовать свои знания и умения.

Годы непосредственной работы в области ветеринарии помогли оформиться научным интересам Г.Ш. Асылгараевой, и в 1995 году она поступила в аспирантуру Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова на специальность 16.00.02 «Патология, онкология и морфология животных».

Научный руководитель, доктор биологических наук, крупнейший специалист в области археозоологии Поволжья и Урала Аида Григорьевна Петренко стала для нее настоящей «мамой» в области науки, открыв двери в археозоологию и археологию. Встречи с Аидой Григорьевной, разговоры на научные темы, незаметно перетекавшие в душевные беседы, Гульшат и сегодня бережно хранит в своей памяти.

Профильное ветеринарное образование и научное руководство Аиды Григорьевны дали отличные результаты, и в 2003 году Гульшат Шарипзянова защитила кандидатскую диссертацию в Казанском государственном ветеринарном институте им. Н.Э. Баумана по теме «Морфологические особенности костей скелета домашних сельскохозяйственных животных (по материалам археологических раскопок Казанского кремля)».

После окончания аспирантуры жизнь Гульшат Шарипзяновны неразрывно связана с археологией и археологами. С 1999 года она работала сначала в Национальном центре археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани, затем – после создания самостоятельного археологического подразделения в структуре Академии наук Республики Татарстан – в Институте археологии им. А.Х. Халикова.



Уже с аспирантских времен Гульшат активно участвует в экспедиционной деятельности, проводит научные изыскания на территории Казанского кремля, Болгарского, Билярского и Староладожского городищ. Основная сфера ее научных интересов лежит в области изучения археозоологических материалов средневековых памятников, однако в последние годы круг ее интересов расширился, и Гульшат Шарипзяновна обратилась и к более ранним эпохам: великому переселению народов, раннему железному и бронзовым векам.

Начиная с 1998 года выходят ее публикации, посвященные реконструкции производящего хозяйства. В них она последовательно раскрывает историю животноводства населения Среднего Поволжья в древности и средневековье. Для написания этих работ ей потребовалось обработать десятки разновременных археозоологических коллекций с раскопов Казанского и Нижегородского кремля, острова-града Свяжск; городищ Биктимировского, Болгарского, Билярского, Гремячий ключ, Макарьевского, Муромский городок, Ашно-Пандо, Скорняковского, Сорочьегогорского и т.д., стоянок Гулюковской I и III, Дубовограивской II, Курманаконской IV,

Мензелинской I, Мурадымовского поселения и т.д., а также могильников Гулюковского, Измерского XVII, Маклашеевского V, Новославского II и др.

Основные положения своих научных статей и монографий Гульшат Шарипзяновна представляет на различных российских и международных конференциях. Она являлась участником таких крупных научных форумов, как Халиковские чтения, Уральское археологическое совещание, Международный конгресс по средневековой археологии Евразийских степей, Международные конференции, посвященные памяти Г.А. Федорова-Давыдова и многих других.

Научные и творческие контакты Г.Ш. Асылгараевой не ограничиваются рамками Российской Федерации и Татарстана. В 2012–2013 годах она работала с археозоологическими материалами городища Плиска в составе археологической экспедиции на территории Болгарии.

Свидетельством значимости и востребованности проводимых Гульшат Шарипзяновной научных исследований является тот факт, что они были поддержаны грантами НИОКР Академии наук Республики Татарстан, проект № 01-1.11-104/2003(Ф) «Археология и естественные науки Татарстана» и РГНФ, проект № 03-01-00607a/B «Волжские земли в истории и культуре России».

Значительную часть времени Г.Ш. Асылгараевой занимает организационная работа: она входила в состав оргкомитета по проведению различных конференций, среди них – Учредительный съезд Международного конгресса по средневековой археологии Евразийских степей и Ха-

ликовские чтения. Немало внимания Гульшат Шарипзяновна уделяет также популяризаторской деятельности, справедливо полагая, что результаты научных изысканий ученых должны быть доведены до широкой общественности. С этой целью она выступает с лекциями перед школьниками, участвует в качестве преподавателя в работе международной археологической школы.

Нельзя не сказать и о замечательных личностных качествах Гульшат Шарипзяновны. Она очень отзывчивый человек, который всегда придет на помощь в трудную минуту, поддержит, даст дельный совет. Строгость и требовательность в ней удивительным образом сочетаются с душевной тонкостью и доброжелательностью к окружающим.

С 2012 года Г.Ш. Асылгараева является ответственным секретарем журнала «Поволжская археология». Аккуратный и вдумчивый специалист, она бесменно несет на себе тяжкое бремя ответственности за качество данного печатного издания с само-

го его первого выпуска. За время ее работы журнал прошел путь от издания, рецензируемого РИНЦ, до ВАК и Scopus, в чем, несомненно, немалая заслуга Гульшат Шарипзяновны.

Успехи в научно-исследовательской и организационной деятельности Г.Ш. Асылгараевой отмечены медалью «В память 1000-летия Казани» (2010 г.), Благодарственным письмом Первого Президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева (2012 г.), дипломом «Научная династия Татарстана» Президента Академии наук РТ М.Х. Салахова как представителя научной династии Асылгараевых (2016 г.). Сама же Гульшат главным своим жизненным достижением считает сына Рината.

Нет никаких сомнений в том, что впереди у Гульшат Шарипзяновны Асылгараевой еще много открытий в области археозоологии и палеоживотноводства, которые найдут свое отражение в многочисленных статьях и монографиях. Желаем ей крепкого здоровья, творческого вдохновения и реализации всего намеченного!

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. Археозоологические материалы из раскопок Казанского кремля: Казань: ИИ АН РТ, 2003. 320 с. (в соавторстве с А.Г. Петренко).
2. Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля как источник изучения хозяйственной деятельности булгаро-татарского населения // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: изд-во КГУ, 2003. С. 63–134.
3. К вопросу о формах животноводческой деятельности булгаро-татарского населения (на примере древней Казани) // Новейшие археозоологические исследования в России. Сборник к столетию со дня рождения В.И. Цалкина / Отв. ред. Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 116–139.
4. Исследование остеологических материалов из археологических раскопок селищ Волжской Булгарии (к истории сельскохозяйственной деятельности средневекового населения Волго-Камья) // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 2 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: изд-во КГУ, 2004. С. 158–174.
5. Коневодство в культуре народов волго-уральского региона: перспективы исследования // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса // Археология евразийских степей. Т. 2 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков. Казань, 2007. С. 120–123. (в соавторстве с А.Г. Петренко).

6. Исследования остеологических материалов Нижегородского кремля // Поволжская археология. 2013. № 3. С. 103–115.
7. К юбилею А.Г. Петренко (1933–2010) // Поволжская археология. 2013. № 3. С. 7–8.
8. Результаты комплексного исследования Сорочьегогорского городища // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 22. Казань: ИА им. А.Х. Халикова; ИА РАН 2014. С. 241–262. (соавторы: Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д.).
9. Исследования Красносундуковского I городища в 2014 г. // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 54–74. (соавторы: Гисматуллин М.Р., Семькин Ю.А., Горбунов Н.А.).
10. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2017 году // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 342–354. (соавторы: Ситдигов А.Г., Каримов И.Р.).
11. Коллекция раннего железного века из собрания Археологического Музея Казанского (Приволжского) федерального университета // Поволжская археология. 2018. № 3. С. 68–87. (соавторы: Чижевский А.А., Антипина Е.Е., Нуретдинова А.Р.).
12. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2018 году // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 208–228. (в соавторстве с Бочаровым С.Г.).
13. Коллекция археологического музея Казанского (Приволжского) Федерального университета. Часть 2 // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 84–103. (соавторы: Чижевский А.А., Антипина Е.Е., Нуретдинова А.Р.).

Информация об авторах:

Кабирова Айслу Шарипзяновна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); aikabirova@mail.ru

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chizhevski@mail.ru

FOR THE ANNIVERSARY OF GULSHAT SHARIPZYANOVNA ASYLGARAEVA

A.Sh. Kabirova, A.A. Chizhevsky

The article is dedicated to the anniversary of the famous Russian archaeozoologist Gulshat Sharipzyanovna Asylgaraeva. The author features her scientific career which began with the study of archaeozoological materials from medieval sites. Apart from the Middle Ages, she is currently interested in the primeval and early medieval archaeology of the Volga-Kama region. A broad outlook and profound knowledge have allowed her to become one of the leading specialists in the field of paleozoology of the Volga region and the Urals. Also G.Sh. Asylgaraeva is the responsible Secretary of the journal "The Volga River Region Archaeology" from the moment of its formation.

Keywords: archaeozoology, animal bone morphology, Bronze Age, Early Iron Age, medieval archaeology, anniversary.

About the Authors:

Kabirova Ayslu Sh. Doctor of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Mardzani of Tatarstan Academy of Sciences. Baturina Str., 7a, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; aikabirova@mail.ru

Chizhevsky Andrei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chizhevski@mail.ru

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

К ЮБИЛЕЮ ДМИТРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА СТАШЕНКОВА

© 2019 г. А.Ф. Кочкина, Л.А. Вязов



Статья посвящена юбилею известного российского археолога Д.А. Сташенкова. Свою детскую мечту стать археологом он воплотил в реальность. На фоне основных вех биографии юбиляра характеризуются ключевые направления его исследований по археологии Среднего Поволжья, связанные с изучением памятников киевской и именьковской культур, памятников новинковского типа. Вместе с тем известны и признаны его работы в изучении каменного века и энеолита, золотоордынских древностей и истории археологии.

Ключевые слова: археология, научная биография, Среднее Поволжье, эпоха Великого переселения народов, средневековье, киевская культура, именьковская культура, памятники новинковского типа, музей, история науки.

В августе 2019 г. исполняется 50 лет Дмитрию Алексеевичу Сташенкову – археологу, кандидату исторических наук, ученому секретарю Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Он родился 24 августа 1969 г. в г. Будапеште в Венгрии, в семье военного врача. Когда ему было 5 лет, семья переехала на Украину в г. Новомосковск Днепропетровской области, где он в 1986 г. окончил среднюю школу № 8. Уже в детстве определились его интересы, связанные с археологией. Как и многих ребят его

поколения, Дмитрия увлекла книга А.С. Амальрика, А.Л. Монгайта «Что такое археология». В старших классах он посещал археологический кружок в Днепропетровском государственном университете. Летние каникулы часто проводил в г. Куйбышеве у бабушки, также бывшего военнослужащего.

В 1986 г. Д.А. Сташенков поступил в Куйбышевский государственный университет (с 1990 г. – Самарский государственный университет) на исторический факультет, который закончил в 1992 г. с отличием. Учеба в

университете была прервана службой в Советской Армии (1988–1989 гг.).

С первых дней учебы в университете Д.А. Сташенков записался в археологический кружок, которым руководила Г.И. Матвеева – основательница самарской археологической школы. Он сразу стал активным участником экспедиций, перенимал богатый полевой опыт своих учителей, был надежным помощником.

Как и большинство студентов-археологов, Д.А. Сташенков принимал участие в Урало-Поволжских студенческих археологических конференциях. Его дипломная работа, посвященная серьгам салтовского типа, в дальнейшем переросла в изучение проблем евразийской моды и ее локальных вариантов в эпоху раннего средневековья.

Первые полевые работы по своему Открытому листу Дмитрий Алексеевич провел в 1990 г., а в 1991–1992 г. ходе разведок в Челно-Вершинском районе Самарской области им было выявлено погребение по обряду кремации на Сиделькинском селище на горе Маяк, раскопки которого в значительной степени стали определяющими в последующей научной деятельности Д.А. Сташенкова.

В 1992 г. Дмитрий Алексеевич начал свои первые самостоятельные раскопки на Новинковском I курганном могильнике на Самарской Луке. Исследуя этот памятник в течение нескольких лет, он применил методику сплошных раскопок межкурганного пространства, что позволило выявить на этих участках грунтовые погребения и переосмыслить могильники как курганно-грунтовые. Важным результатом этих работ стало определение обряда обезвреживания погребенных как отличительной черты погребаль-

ного обряда оставившего их населения.

В традициях куйбышевской археологии Д.А. Сташенков в 1990 г., будучи студентом 4-го курса, стал руководителем археологических кружков в Куйбышевском Дворце пионеров и в Центре внешкольной работы «Поиск» Октябрьского района. Более 20 лет он посвятил этой работе.

В педагогической работе, в экспедициях со школьниками, проводившимися в непростые 1990-е гг., проявились лучшие качества Дмитрия Александровича – целеустремленность, умение увлечь своими идеями и деятельной активностью, способность работать и добиваться результатов, несмотря на трудности. Многие из выпускников этих кружков и участников школьных экспедиций стали историками. Но все, кто бывал в экспедициях, до сих пор благодарны за счастливое детство с песнями у костра, ранними подъемами, призами за находки, за дружбу, сохранившуюся на многие годы. Профессиональными археологами и кандидатами наук стали Л.А. Вязов, Д.В. Серых.

С 1992 г. по приглашению Л.В. Кузнецовой, в то время заместителя директора по научной работе Самарского областного историко-краеведческого музея (с 1993 г. отработавшей 21 год директором музея), Д.А. Сташенков пришел работать в СОИКМ (с 1993 г. – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина), сначала – рабочим по совместительству (этим он гордится до сих пор), а с 1993 г., с созданием сектора археологии – младшим научным сотрудником. С 1999 г. по настоящее время Д.А. Сташенков работает в музее ученым секретарем.



С 1993 г. археологическая экспедиция СОИКМ им. П.В. Алабина, организованная Д.А. Сташенковым совместно с А.Ф. Кочкиной, проводит ежегодно экспедиции на памятниках различных эпох (от каменного века до средневековья) на территории Самарской области: вот только некоторые из них – Пролетарские городище, селище и могильник, селище Крепость Кондурча II и Тимяшевское II селище, Новинковские I, V селища, Карлинское селище на Самарской Луке, Кузькинский могильник и другие.

Научные исследования Д.А. Сташенкова внесли существенный вклад как в региональную археологию, так и в понимание общеевропейской динамики развития материальной культуры.

В основе научного подхода, применяемого юбиляром, лежит индуктивный метод: Д.А. Сташенков выстраивает реконструкции культурно-исторических процессов на основании непосредственного изучения всей совокупности находок на изучаемых им памятниках, переходя от описания отдельных артефактов к характеристике комплекса находок

на памятнике в целом, а от него – к выделению культурно-хронологических групп древностей (культурных типов). Этот подход позволил ему существенно уточнить картину культурной динамики в Среднем Поволжье в I тыс. н. э. – одного из наиболее запутанных периодов прошлого региона.

Именно такой подход Д.А. Сташенков применил к древностям именьковской культуры и близких к ней в культурном отношении групп памятников. Обратив внимание на своеобразие археологического комплекса поселений бассейна р. Большой Черемшан, отнесенных первооткрывателями к именьковской культуре, Д.А. Сташенков предложил выделить их в отдельную культурную группу, которой по исследованным им памятникам дал название «тип Сиделькино-Тимяшево» (Сташенков, 2005). Решая вопрос о хронологическом соотношении выделенной группы с памятниками именьковской культуры, он выдвинул концепцию культурной мозаичности средневожского региона в начале эпохи Великого переселения (Сташенков, 2010а). В данной концепции нашли отражение не только вышеупомянутые материалы, но и древности типа Лбище и Царев Курган, также интерпретированные им как особые культурные образования с самостоятельной линией развития (Сташенков, 2003; 2010б).

Применение такого подхода для изучения именьковских древностей позволило разрешить противоречия между мнениями различных исследователей этой культуры, ставшие критическими к концу XX в. (Вязов, Сташенков, 2013). Причины наблюдаемых культурных различий Д.А. Сташенков видит, в первую очередь, в миграциях, отводя внутренней

эволюции культуры второстепенную роль.

Важно отметить, что исследования Д.А. Сташенкова всегда опираются на комплексный, междисциплинарный подход к изучению археологических памятников. Им применяется широкий спектр археологических и естественнонаучных методов, что делает получаемые им выводы и интерпретации максимально обоснованными.

Научные исследования Д.А. Сташенкова нашли отражение в защищенной в 2007 г. кандидатской диссертации «Население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н. э.». Он является признанным специалистом как в археологии эпохи Великого переселения народов и средневековья Восточной Европы, так и в истории изучения древностей Поволжья. Результаты его исследований опубликованы в нескольких монографиях и более чем 180 статьях.

Понимание культурного развития как многовекторного, нелинейного процесса, Д.А. Сташенков распространяет и на древности последней трети I тыс. н.э. Исследованные им памятники этого времени (Новинковский I курганно-грунтовой могильник, Жигулевский археологический комплекс, поселение у пос. Власть Труда) отнесены к различным культурным группам, что, по мнению исследователя, отражает многокомпонентность населения региона накануне сложения Волжской Болгарии (Сташенков, 2018).

Круг памятников, в исследование которых внес значительный вклад юбиляр, не ограничивается средневековой эпохой. Еще в 2001 г. Д.А. Сташенковым было изучено мезолитическое погребение на горе Маяк (с. Сиделькино Челно-Вер-

шинского р-на) – самое раннее захоронение, известное на настоящий момент в Среднем Поволжье. В 2013–2018 гг. – раскопки грунтового могильника эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс в Безенчукском районе совместно с А.Ф. Кочкиной и А.И. Королевым. Материалы исследований могильника, безусловно, представляют собой одно из выдающихся открытий в области первобытной археологии последних лет не только Самарского Поволжья, но и Восточной Европы в целом.

Вклад Д.А. Сташенкова в археологию золотоордынского периода связан в значительной степени с обработкой и публикацией музейных коллекций прошлых поколений исследователей – В.Н. Глазова, В.А. Миллера, Б.А. Латынина. В 2012–2014 гг. он возобновил раскопки Барбашинского могильника XIV в. на территории г. Самары, получив новые материалы по уточнению датировки памятника.

Заслуживают внимания изыскания Д.А. Сташенкова в области истории российской археологии, в том числе посвященные В.В. Гольмстен, заложившей основы самарской археологии.

Как ученый секретарь музея Д.А. Сташенков координирует научную и издательскую деятельность, являясь ответственным редактором периодических музейных изданий («Краеведческие записки», «Самарский край в истории России», «Из истории музейных коллекций»). Под его руководством были проведены пять Международных археологических конференций «Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э.», ставших заметным явлением в археологической науке в конце 1990-х – начале 2000-х гг.

В 2005 г. Дмитрий Алексеевич стал победителем III областного конкурса профессионального мастерства «Работник культуры года» им. О.Н. Носцовой в номинации «Реализация партнерского сотрудничества областных и муниципальных учреждений культуры и искусства Самарской области с сельскими территориями».

В 2000–2009 гг. СОИКМ им. П.В. Алабина реализовал масштабный международный выставочный проект с Канадским музеем цивилизаций «Древние степи», в рамках которого была подготовлена российско-канадская археологическая выставка «Хозяева степей: древние кочевники России и Канады». Дмитрий Алексеевич был одним из кураторов выставки совместно с И.Д. Диком, Е.В. Пономаренко (Канада), А.Ф. Кочкиной, Л.В. Кузнецовой. В ходе этих работ были заложены основы плодотворного российско-канадского сотрудничества в области археологии, продолжающегося по сей день.

В 2010, 2012 гг. Д.А. Сташенков принимал участие в экспедиции под руководством доктора В. Йотова на раскопках ранневизантийской крепости на мысе Св. Атанаса в г. Бяла (Болгария).

Д.А. Сташенков участвует в охране и популяризации археологического наследия в Самарской области, является членом методического и общественного советов управления государственной охраны объектов культурного наследия Самарской области.

Трудовая деятельность Д.А. Сташенкова неоднократно отмечалась различными наградами, в том числе благодарностью Министра культуры Российской Федерации (2009 г.). За цикл научных работ «Итоги археологических исследований на территории г.о. Самара» он был удостоен звания лауреата Губернской премии в области науки и техники за 2016 г.

Увлеченность и широта научных интересов ярко характеризует личность Д.А. Сташенкова, его умение работать в коллективе и отстаивать свою точку зрения, чувство справедливости и преданность любимому делу вызывают заслуженное уважение и признание коллег. Свой юбилей Дмитрий Алексеевич встречает на творческом подъеме. Пожелаем ему успехов, здоровья и неиссякаемой энергии.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. К вопросу об этнических контактах в Среднем Поволжье в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: ИА РАН, 1997. С. 290–297.
2. Половозрастная стратификация новинковского населения (по материалам украшений костюма) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Т. 2. Материалы III Международной археологической конференции. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2001. С. 141–165.
3. Находки эпохи раннего железного века // Царев курган. Каталог археологической коллекции. Самара, 2003. С. 84–115.
4. Комплекс памятников каменного века на горе Маяк в Самарском Заволжье (предварительные результаты исследования) // РА. 2004. № 1. С. 126–139. (Соавт.: Кузнецова Л.В., Ластовский А.А., Хохлов А.А.)

5. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н.э. // Раннеславянский мир. Вып. 7 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2005. 150 с.
6. Об этнокультурных связях населения именьковской культуры // Славяноведение. 2006. № 2. С. 20–30.
7. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Коллективная монография. Самара: ООО «Офорт», 2007. 168 с. (Соавт.: Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.)
8. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Самара: Новый ветер, 2008. 200 с. (Соавт.: Кочкина А.Ф.)
9. О ранней дате именьковской культуры // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010а. С. 111–125.
10. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // Известия СНЦ РАН. 2010б. Т. 12. № 6 (38). С. 272–275.
11. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара: Ас Гард, 2012. 136 с.
12. Культурно-хронологические группы населения Самарского и Ульяновского Поволжья в эпоху Великого переселения народов // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2013. С. 49–56. (Соавт.: Вязов Л.А.)
13. Екатерининский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия СНЦ РАН, 2015. Т. 17, № 3 (2), С. 514–517. (Соавт.: Королев А.И., Кочкина А.Ф.)
14. О некоторых вопросах, связанных с выделением памятников мадьярского круга в Самарском Поволжье // III-й Международный мадьярский симпозиум по археологии. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. Budapest, 2018. С. 255–264.

Информация об авторах:

Кочкина Анна Федоровна, зав. отделом археологии, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); annkochkina@list.ru

Вязов Леонид Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); l.a.vyazov@gmail.com

FOR THE ANNIVERSARY OF DMITRY ALEKSEEVICH STASHENKOV

A.F. Kochkina, L.A. Vyazov

The article is dedicated to the anniversary of the famous Russian archaeologist D.A. Stashenkov. He brought his childhood dream of becoming an archaeologist into reality. Against the background of the main milestones of the jubilee biography, the main directions of his research in the field of archaeology of the Middle Volga region, related to the study of sites of Kiev type, Imenkovo culture, sites of Novinkovo type are characterized. At the same time, his works in the study of the Stone Age and the Eneolithic, Golden Horde antiquities and the history of archaeology are known and recognized.

Keywords: archaeology, scientific biography, the Middle Volga region, the Era of the Great Migration, the Middle Ages, Kiev culture, Imenkovo culture, sites of the Novinkovo type, museum, history of science.

About the Authors:

Kochkina Anna F. Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Russian Federation; annkochkina@list.ru

Vyazov Leonid A. Candidate of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya str., 18, Kazan, 420008, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; l.a.vyazov@gmail.com

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

ПАМЯТИ А.Г. МЕДОЕВА
(К 85-ЛЕТИЮ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА
ОТ ПАЛЕОЛИТА ДО СОВРЕМЕННОСТИ)

© 2019 г. О.А. Артюхова, Т.Б. Мамиров



В 2019 году исполняется 85 лет со дня рождения известного археолога Алана Георгиевича Медоева. Он внес одинаково значимый вклад в изучение каменного века Казахстана, в исследование первобытного искусства, в переосмысление истории и значения кочевых цивилизаций, в выявление феномена изобразительного искусства и архитектуры Мангыстау. Особенно значима роль А.Г. Медоева в формировании национального самосознания патриотически настроенной интеллигенции в 1960-1970 гг.

Ключевые слова: археология, архитектура, кочевая культура, периодизация, каменный век, искусство, Казахстан, Мангыстау

16 апреля 2019 г. одному из основоположников казахстанского палеолитоведения Алану Георгиевичу Медоеву исполнилось бы 85 лет.

Он родился в г. Ленинграде в семье молодого геолога и студентки Института востоковедения. Вскоре семья переехала в Казахстан, с которым Алан Георгиевич связал свою судьбу.

А.Г. Медоев в 1952 г. окончил среднюю школу. С 1952 по 1956 гг. учился в Казахском политехническом институте на геолого-разведочном факультете. С 1953 по 1959 гг. (это не описка, он сумел учиться одновременно в двух ВУЗах) изучал филологию в Каз-

ГУ, с отличием защитил дипломную работу на тему: «Устаревшая лексика в романе Чапыгина «Разин Степан».

В 1960–1962 гг. А.Г. Медоев работал старшим лаборантом Института истории, археологии и этнографии (ИИАЭ) АН КазССР, одновременно участвуя в полевых работах Института Геологических наук им. К.И. Сатпаева (ИГН) АН КазССР. Именно в эти годы открыты палеолитические памятники мирового значения: Семизбугу, Туранга, Кызыл-Кайнар, Чингиз и др. в Северном Прибалхашье. Исследование этих памятников послужило основой нескольких статей в научных

журналах и диссертационной работы. Воодушевленный первыми успехами, в 1962 г. А.Г. Медоев поступает в очную аспирантуру ИИАЭ АН КазССР. Научным руководителем был назначен К.А. Акишев.

Была подготовлена кандидатская диссертация «Каменный век Северного Прибалхашья», планировалась ее защита в ЛОИА АН СССР. Но, хотя работа в целом была одобрена, диссертацию к защите не приняли. Формальным поводом послужил тот факт, что научный руководитель К.А. Акишев не был специалистом по палеолиту. Предлагали сменить руководителя. Но предать учителя противоречило представлениям А.Г. Медоева о чести и порядочности.

В 1965 г. А.Г. Медоев переводится из очной аспирантуры в заочную и переходит в ИГН им. К.И. Сатпаева АН КазССР. В этом же году последовало открытие крупнейшей палеолитической стоянки Хантау в Юго-Западном Прибалхашье.

В 1966–1969 гг. Академией наук КазССР проводятся ширококомасштабные комплексные исследования на полуострове Мангыстау. Исследования палеолитического отряда под руководством А.Г. Медоева были сосредоточены на северном побережье полуострова Тюб-Караган у залива Сарыташ. Полуостров представляет собой пустынное каменистое плато, сложенное осадочными породами мезозоя и кайнозоя. Со стороны моря оно ограничено высокими отвесными уступами от 70 до 190 м (чинки) и серией морских террас. Поверхность плато и высоких террас интенсивно расчленена субмеридиональными глубокими долинами и логами. В обрывах чинков и бортах долин в меловых породах обнажаются прослой крем-

нистых конкреций очень хорошего качества. «Кремни залегают на террасах в непереотложенном состоянии, образуя местами плотные скопления (до 10–15 экз. на 1 кв. м) (Медоев, 1979, с. 25). Сплошные сборы подъемного археологического материала проводились по квадратам в пунктах, строго привязанных к различным геоморфологическим позициям.

А.Г. Медоев предложил следующую интерпретацию материалов каменных индустрий на Мангыстау: протолеваллуа-ашель, леваллуа-ашель I–II, шахбагата I (поздний палеолит), шахбагата II (эпипалеолит) (Медоев, 1972, с. 140). По мнению автора, леваллуа-ашель II является эквивалентом мустьерских культур, ареал ее распространения включает Сталинградскую стоянку в Поволжье (Медоев, 1982, с. 19).

В последние годы изменилось представление о количестве и возрасте морских террас Каспия, омоложен возраст хазарской и хвалынских террас, на которые опирался в своих построениях А.Г. Медоев, по-другому представляется антропогенез и миграции первобытных гоминид. В настоящее время в рамках грантовой темы «Палеолит Мангыстау (введение в научный оборот коллекций А.Г. Медоева и их современная интерпретация)» проводится технико-типологический анализ коллекций каменных артефактов, собранных А.Г. Медоевым на Мангыстау, уточнение координат и геоморфологических позиций пунктов сбора.

Работая на Мангыстау, А.Г. Медоев был поражен мемориальными памятниками на некрополе возле храма Шахбагата, граффити, вырезанными на стенах храма и плоскостях мавзолеев. Он продолжил изучение

архитектуры и народного искусства в других районах полуострова. По его инициативе и благодаря его настойчивости в 1980 г. был создан Музей-заповедник «Памятники материальной культуры Мангыстау и Устюрта», который находится в городе Актау.

А.Г. Медоев щедро делился своими знаниями. Он публиковал статьи не только в научных изданиях, но и в периодической печати, в том числе предназначенной для распространения за рубежом. Основные итоговые труды его жизни: книга «Гравюры на скалах» (1979), монография «Геохронология палеолита Казахстана» (1982) и статья «Камень и эстетика номадов» (1993), которая начинается словами: «Кочевая культура созидалась под постоянный аккомпанемент топота копыт громадных масс стратегической конницы. Введением ее в действие решались стоящие перед степными вождями и императорами внутренние и внешнеполитические задачи. Слишком беспокойно было всегда в степях и на степных границах.

Между тем, за 3000 выпавших на ее долю лет кочевая культура прошла творческую эволюцию не менее яркую и красочную, чем страны Средиземноморья или Дальнего Востока» (Медоев, 1993, с. 237).

Всеми своими печатными работами, выступлениями, личными беседами, выставками А.Г. Медоев способствовал формированию нового национального самосознания казахстанской интеллигенции, что началось после обретения Казахстаном независимости. В частности, известный архитектор Т. Сулейменов отзывался об А.Г. Медоеве: «Алан Медоев – поистине ренессансная личность в истории науки и культуры Казахстана. Он начинал как геолог, но не уместился в рамках одной науки, вышел на историю материальной культуры и искусства. Его глубинные исследования, связанные с петроглифами, архитектурной пластикой Мангышлака и Центрального Казахстана поражают системностью, высоким профессионализмом и поистине планетарным масштабом».

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

1. Наскальные изображения гор Тесиктас и Караунгур // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1961. Т.12. С. 72–77.
2. Предварительные данные о палеолите в долине р. Туранги (Северное Прибалхашье) // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1962. Вып. 2 (19). С. 94–105.
3. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1964. Вып. 6. С. 90–98.
4. Подземная архитектура кочевников полуострова Мангышлак // Простор. 1969. № 6. С. 51–57.
5. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 200–216.
6. Радиальная система изготовления нуклеусов леваллуа в древнем палеолите Сары-Арка и Мангышлака // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 139–153.
7. Петроглифы Казахстана // Советский Казахстан сегодня. 1978. № 7/8. С. 23–25.
8. Сокровища Мангышлака // Советский Казахстан сегодня. 1978. № 9/10. С. 21–23.
9. Фрески Мангышлака // Советский Казахстан сегодня. 1979. № 3/4. С. 27–30.

10. Гравюры на скалах. Часть первая. Сары-Арка, Мангышлак. Алма-Ата: Жалын, 1979. 171 с.
11. Ориентиры древности // Декоративное искусство СССР. 1980. №8. С. 36–39.
12. Сакральная архитектура Мангышлака // Искусство Казахстана-79. Алма-Ата: Онер, 1980. С. 76–80.
13. Каменная скульптура Казахстана // Советский Казахстан сегодня. 1981. № 7/8. С. 22–24.
14. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1982. 64 с.
15. Камень и эстетика кочевников // Кочевники. Эстетика: (Познание мира традиционным казахским искусством) / Отв. ред.: М. М. Ауэзов, М. М. Каратаев. Алматы: Гылым, 1993. С. 237–263.

Информация об авторах:

Артухова Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); paleo_artuhova@mail.ru

Мамиров Талгат Базарбаевич, кандидат исторических наук, директор, филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Нур-Султан (г. Нур-Султан, Казахстан); tmamirov@mail.ru

IN MEMORY OF A.G. MEDOEV (DEDICATED TO THE 85TH ANNIVERSARY OF THE CASPIAN REGION RESEARCHER FROM THE PALEOLITHIC TO THE PRESENT DAY)

O.A. Artyukhova, T.B. Mamirov

In 2019, we will celebrate the 85th anniversary of renowned archaeologist Alan Georgievich Medoev. He made an equally significant contribution to the study of the Stone Age of Kazakhstan, study of primeval art, reinterpretation of the history and significance of nomadic civilizations, identification of the phenomenon of fine arts and architecture of Mangystau. Of special significance is the role of A.G. Medoev in the formation of the national identity of the patriotic intelligentsia in 1960–1970.

Keywords: archaeology, architecture, nomadic culture, periodization, Stone Age, art, Kazakhstan, Mangystau.

About the Authors:

Artyukhova Olga A. Candidate of Historical Sciences, A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko St., 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; paleo_artuhova@mail.ru

Mamirov Talgat B. Candidate of Historical Sciences. Branch of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology in Nur-Sultan city. Respubliki Ave., 24, Nur-Sultan (Astana), Kazakhstan; tmamirov@mail.ru

Статья поступила в номер 01.06.2019 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕС – Археология евразийских степей. Казань
 АКГШК – Ананьинская культура гребенчато–шнуровой керамики
 АКИО – Ананьинская культурно–историческая область
 АКУ – Археологические коллекции Казанского государственного университета
 АКШК – Ананьинская культура шнуровой керамики
 АМУ – Археологический музей университета
 АН КазССР – Академия наук Казахской ССР
 АН СССР – Академия наук СССР
 АО – Археологические открытия
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
 АЭБ – Археология и этнография Башкирии
 БГУ – Башкирский государственный университет
 ВА – Вопросы антропологии
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 ВДИ – Вестник древней истории.
 ГИМ – Государственный исторический музей. Москва.
 ГМЗКП – Государственный музей-заповедник «Куликово поле». Тула.
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 ЕИАХМЗ – Елабужский государственный историко–архитектурный и художественный музей–заповедник
 ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
 ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
 ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
 ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
 ИАДК – История и археология Древнего Крыма
 ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
 ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
 ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии Наук
 ИИКНП – Институт истории и культуры народов Приуралья. Ижевск
 ИИКНП УдГУ – Институт истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
 ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук.
 ИМКЭС СО РАН - Институт мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете
 ИУ – Иркутский университет
 ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии Российской академии наук.
 ИЭИ УНЦ РАН – Институт этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук

ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КТК – Культура текстильной керамики
лкп - лакокрасочное покрытие
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР – Материалы и исследования по археологии России
МХАЭ – Материалы Хорезмской археологической экспедиции
НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» – Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола»
ОЕ – Общество естествоиспытателей при Казанском университете
ПГУ – Пермский государственный университет
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры.
ПМК – Постмаклашеевская культура
ПФУ – Приволжский федеральный университет. Казань
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
СAAЭ – Советско-афганская археологическая экспедиция.
САИ – Свод археологических источников
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СамНЦ РАН (СНЦ РАН) – Самарский научный центр РАН
СГИКПМЗ – Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник
СГПИ – Самарский государственный педагогический институт
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СГУ – Самарский государственный университет
СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской Академии наук
СОИМК – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
СРОО ИЭКА – Самарская региональная общественная организация «Историко-эко-культурная ассоциация «Поволжье»
СУ – Самарский университет
СЭ – Советская этнография
ТЭ – Тохаристанская экспедиция
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь
УрО АН СССР – Уральское отделение Академии наук СССР
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ЧГКМ – Челябинский государственный краеведческий музей
MDAFA – Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan.
RAS – Russian Academy of Sciences
RFBR – Russian Foundation for Basic Research
TAS – Tatarstan Academy of Sciences

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения. Поволжская археология – международный рецензируемый журнал, посвященный проблемам археологии и смежным дисциплинам. Журнал выходит ежеквартально на русском и английском языках. Все публикации рецензируются и сопровождаются резюме на английском и русском языках.

Научный журнал «**Поволжская археология**» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, биоархеология, нумизматика, эпиграфика, этноархеология и др.). Публикации каждого номера журнала группируются в разделы: «Статьи», «Дискуссии», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS, основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

При отборе статей редакция отдает предпочтение аналитическим и дискуссионным статьям и публикациям новых данных, а также статьям и заметкам, в которых имеются ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Авторы заключают с редакцией **Соглашение**, в котором гарантируют, что предлагаемые ими статьи не были опубликованы прежде в иных изданиях. Авторы также гарантируют отсутствие каких-либо форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Материалы, направляемые в редакцию журнала, авторы должны сопроводить «внешней» рецензией, заверенной печатью организации.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающую статью должен быть отправлен по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят в редакции «внутреннее» рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости их доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера могут быть внесены в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Порядок приема материалов

Прием материалов для рассмотрения к публикации в журнале «Поволжская археология» осуществляется по единому графику:

№ 1 (**март**) – не позднее **1 декабря** текущего года

№ 2 (**июнь**) – не позднее **1 марта** текущего года

№ 3 (**сентябрь**) – не позднее **1 июня** текущего года

№ 4 (**декабрь**) – не позднее **1 сентября** текущего года

Материалы, поступившие в редакцию после указанной даты, могут рассчитываться на выход в другом номере журнала, в соответствии с его тематикой. **Датой поступления материала в номер** считается дата принятия редактором его окончательного варианта, а не рабочей версии.

В исключительном случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема материалов в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на три недели.

При подготовке работ к публикации в журнале Поволжская археология следует строго выполнять *редакционные требования* и следовать *этическим принципам редакции*.

Пожалуйста, обратите внимание на необходимость подачи **полного комплекта материалов**:

1. **Соглашение с автором** является обязательным для заполнения и фиксирует согласие автора с условиями публикации в журнале. Документ соглашения доступен для заполнения по адресу: (<http://archaeologie.pro/ru/for-authors/article-submission/>) или по требованию, обратившись по адресу **arch.pov@mail.ru**. Без соглашения материал на рассмотрение редакции не принимается;

2. **Текст** в электронном виде

3. **Список** использованной литературы

4. **Иллюстративный материал**: рисунки, фотографии, таблицы/диаграммы с исходными файлами, использованными для их построения

ИНСТРУКЦИИ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Уважаемые коллеги, процесс обработки публикаций будет более оперативным, если рукопись приведена в соответствии с приведенными ниже рекомендациями, и сопровождается **полным комплектом необходимых материалов**.

Если у Вас возникают какие-либо вопросы перед подачей материала, пожалуйста, свяжитесь с техническим отделом по электронному адресу **arch.pov@mail.ru**.

РЕЗЮМЕ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

Объем принимаемых материалов зависит от раздела журнала, в который вы планируете подать статью.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ. 15–30 тысяч знаков (с пробелами), включая список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8 иллюстраций или таблиц.

ДИСКУССИИ. 5–15 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 5 иллюстраций.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. 15–20 тысяч знаков и 1 иллюстрация. При составлении библиографии трудов того или иного ученого следует указывать только основные, наиболее значимые работы (не более 20–25 работ).

ХРОНИКА. Не более 15 тысяч знаков и 2–3 иллюстрации.

Формат принимаемых материалов

Материалы принимаются в форматах *.doc и *.rtf. (формат *.docx не принимается)

Не следует набирать заголовки и выделения в тексте всеми прописными буквами.

Не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

Статья должна содержать (см. *Образец оформления статьи*):

– **УДК**;

– **Название** статьи на русском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на русском языке;

– **Аннотация-резюме** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;

- **Список литературы (библиография)**
- **Список сокращений**, который должен включать в себя расшифровку всех аббревиатур, используемых как в тексте статьи, так и в списке литературы;
- **Название статьи** на английском языке;
- **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на английском языке;
- **Резюме (Abstract)** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.
- **Иллюстрации** (рисунки, фотографии) в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi;
- **Таблицы** в формате Word (в тексте) или MS Excel;
- **Подписи к иллюстрациям и таблицам**, приводятся в общем файле после списка литературы (см. *Образец оформления статьи*);
- **Сведения об авторе или авторах** (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Сокращения (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Числа (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Хронология и датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Радиоуглеродные датировки (общие требования) (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Некалиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Калиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ИЛЛЮСТРАЦИИ (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Рисунки и фотографии в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi; Иллюстрации, вставленные в MS Word или Excel-файл, **не принимаются.**

Если рисунок содержит **номера или текст**, они должны быть **впечатаны** в электронном виде, а не вписаны от руки. Исключение составляют архивные материалы.

ДИАГРАММЫ должны быть оформлены в программе **MS Excel**. При этом **обязательно** вместе с диаграммами MS Excel необходимо предоставлять также таблицы, на основе которых они были выстроены.

ТАБЛИЦЫ. Наглядный материал может быть представлен в табличной форме.

Таблица строится в программе MS Excel или MS Word;

Таблицы должны иметь номер и заголовок (на английский язык заголовок не переводится);

Если Таблица включает рисунки, то их необходимо прислать отдельно в формате *.tif или *.jpg.

БИБЛИОГРАФИЯ И СИСТЕМА ССЫЛОК (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

В статьях, публикуемых в журнале «Поволжская археологии», используется нижеприведенная система составления внутритекстовых ссылок и оформления библиографии. В случае несоответствия данным требованиям присланные материалы будут отправлены автору для доработки.

Библиографические ссылки на литературу и источники в тексте даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. Пожалуйста, убедитесь в том, что **все** внутритекстовые ссылки включены в библиографический список.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

Список литературы (библиография) составляется в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место, издательство, год издания, страницы) на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, немецком, французском и т.д.). Библиографический список не следует делать излишне пространным (не более 50), ссылки на собственные работы автора (авторов) должны составлять не более 25%. Пожалуйста, убедитесь в том, что все ссылки, приведенные в библиографии, присутствуют в тексте статьи.

Например:

Описание монографии (книги)

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с. (для монографий в серии МИА).

3. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

4. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.

5. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

6. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

Описание статьи в продолжающемся издании (сборнике трудов)

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 63–133.

2. *Чижевский А.А.*, Каменное изваяние с острова Березовая Грива // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 419–427.

3. *Халиков А.Х.* Мезолит Среднего Поволжья // МИА. № 126. М.: Наука, 1966. С. 185–193.

Описание статьи в научном сборнике

1. *Белорыбкин Г.Н.* Монголы в землях обулгаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.

2. *Напольских В.В.* Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразий-

ских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 76–89.

Описание материалов конференции

1. *Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Казанская археология: итоги и перспективы // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 8–10.

2. *Казаков Е.П.* Проявления языческой культуры в древностях Урало-Поволжья болгарского времени // XVII Уральское археологическое совещание / Отв. ред. В.Т. Ковалева, А.Я. Труфанов. Шаманаев. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 251–253.

Описание статьи в журнале

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 216–237.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 174–181.

3. *Валулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стекланные изделия Самосдельского городища // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.

Описание статьи в электронном журнале

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Доступно по URL: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание ссылки на Web-сайт

1. The Berry flint. URL: http://www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le_silex_blonde_du_Berry (дата обращения: 23.09.2014).

Описание книги, переведенной с иностранного языка

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988, 430 p.).

Описание рецензии

Кузьмина Е.Е. Рец. на: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975 // СА. 1977. № 3. С. 261–265.

Описание полевого отчета

1. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 966.

2. *Генинг В.Ф., Одинцов В.В.* Отчет о раскопках Нырғындынское II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Т. II. Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. Ф. II. Д. 756.

Описание диссертации и автореферата диссертации

1. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

2. *Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс... канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

Образец оформления статьи

УДК 904 "04/14"

**Исследования в центральной части
Болгарского городища («Дом Ремесленника»)**

© 2013 г. А.М. Губайдуллин

Аннотация-резюме на русском языке

Ключевые слова: на русском языке

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия);
airg_g@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

**Researches in the Central Part of the Bulgar Ancient
Settlement ("House of the Handicraftsman")****A.M. Gubaydullin**

Abstract (на английском языке)

Keywords: (на английском языке)**About the Author:**

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, .Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

*Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям,
к изданию в журнале не принимаются!*

**Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале
и на сайте журнала.**

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Технический редактор Хамидуллин Б.Л.

Подписано в печать 25.09.2019 г. Формат 70×108 1/16

Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.

Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №

Цена свободная

Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

16+